

СЛАВЯНО-
ГЕРМАНСКИЕ
КУЛЬТУРНЫЕ
СВЯЗИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

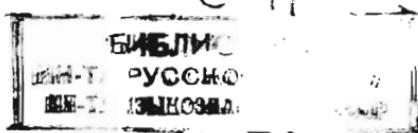

СЛАВЯНО-
ГЕРМАНСКИЕ
КУЛЬТУРНЫЕ
СВЯЗИ
И ОТНОШЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1969

64556

Сборник содержит статьи, сообщения, обзоры, публикации и рецензии, раскрывающие культурные и общественно-политические связи народов немецких и славянских государств с древнейших времен до XX в. Изданье иллюстрировано. В научный оборот введены новые данные, касающиеся истории, историографии, философии, театра, живописи, прикладных искусств.

Книга рассчитана на широкие круги читателей.

Редакционная коллегия:

*В. Д. КОРОЛЮК (ответственный редактор),
В. М. ТУРОК-ПОПОВ, Н. Д. РАТНЕР, А. И. РОГОВ*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

inlav

В. М. ТУРОК

ПРОБЛЕМА ДУАЛИЗМА
В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ

I.

Русская историческая наука на протяжении долгого времени систематически обращалась к изучению истории монархии Габсбургов различных периодов нового времени. Это было не только проявлением чисто научных интересов ученых, но и отражало сложный комплекс взаимоотношений между царской Россией и монархией Габсбургов. Интерес к Австрии был в России всеобщим и равно интенсивным на всех ступенях социальной лестницы. Правительственные круги царской России рассматривали монархию Габсбургов то как опору спокойствия и порядка в Европе и союзника в борьбе против революционных движений, как это было, например, в годы Священного союза и во время революции 1848 г., то как своего злейшего противника на Балканах и союзника Германии в будущей возможной войне, как это было в конце XIX и начале XX в. В центре внимания демократической и революционной интеллигенции стояло национально-освободительное движение народов, угнетавшихся Габсбургами. Для рабочего класса России большое значение имел опыт австрийского рабочего движения в борьбе за преодоление национальных противоречий. Неудача попыток создания единого рабочего движения в многонациональном государстве подвергалась всестороннему анализу в дискуссиях по национальному вопросу среди русских социал-демократов.

В общем итоге этих противоречивых интересов некоторые периоды и некоторые важные проблемы австрийской истории, а особенно история отдельных народов, входивших в состав Австро-Венгрии, были довольно подробно изучены русскими ис-

ториками. Естественно, что наибольшим вниманием пользовались при этом славянские народы монархии.

В ряде случаев публикации русских историков становились широко известными не только в России, но и за ее рубежами. В первую очередь здесь можно отметить труды П. П. Митрофанова, умершего весной 1917 г., за полгода до Октябрьской революции. Последняя его работа, посвященная австрийской внешней политике в годы правления Леопольда II и опубликованная в апреле 1916 г., как бы замыкала русскую буржуазную историографию вопроса¹.

В рецензии на монографию о Леопольде II Н. И. Кареев отметил, что уже магистерская диссертация П. П. Митрофanova «Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780—1790)» снискала автору «известность среди австрийских и германских ученых»². Действительно, монография, опубликованная в Петербурге в 1907 г., была переведена на немецкий язык и в 1910 г. издана в Вене. Эту книгу цитирует венский профессор Гуго Ганч, с ней полемизирует английский историк Эрнст Вандерманн, а профессор из ГДР Эдуард Винтер считал ее еще только несколько лет тому назад единственной научной монографией о Иосифе II³.

Меньшее значение имела работа П. П. Митрофanova, посвященная общей характеристике истории Австрии до конца XVIII в., вышедшая под редакцией Н. И. Кареева и И. В. Луцицкого⁴.

Работы П. П. Митрофanova были крупным событием в исторической литературе того времени и отражали высокий уровень, достигнутый русскими историками в области всеобщей истории. Однако историю Австрии дооктябрьская русская историография исследовала далеко не достаточно. При наличии высококвалифицированных и получивших всеобщее признание общесторических работ по истории Англии, Франции, Балканских стран (достаточно назвать имена Н. И. Кареева, И. В. Луцицкого, А. Л. Погодина и других крупных историков) история Австрии была представлена немногочисленными работами, а некоторые периоды австрийской истории оставались почти неизученными.

Известный в свое время славяновед реакционного направления профессор К. Я. Грот, близкий к кругам «Нового време-

¹ П. Митрофанов. Леопольд II Австрийский. Внешняя политика, т. I, ч. I. Пг., 1916.

² «Журнал Министерства народного просвещения», 1917, ч. 70, стр. 107.

³ Н. Hantsch. Die Geschichte Oesterreichs, Bd. 2. Wien, 1962, S. 559; E. W a n d e r m a n n . Von Joseph II. zu den Jakobinerprozessen. Wien, 1966, S. 28, 34; E. W i n t e r . Der Josephinismus. Berlin, 1962, S. 362.

⁴ П. Митрофанов. История Австрии, ч I (С древнейших времен до 1792 г.). СПб., 1910.

ни», отнюдь не склонен был преуменьшать достижения исторической науки в царской России. Тем не менее, публикуя в сентябре 1914 г. третьим изданием свой историографический обзор, он без всяких изменений повторил текст, написанный и изданный еще в 1905 г.: «Русская ученая литература по всеобщей европейской истории насчитывает ряд больших самостоятельных и даже довольно замечательных трудов и монографий по истории Германии, Франции, Англии и Италии и пр., но почти вовсе не имеет подобных трудов (да и вообще исторических очерков, хотя бы компилятивных) для Угрии и Австрии, ей, однако, несравненно более близких, родственных и, казалось бы, привлекательных»⁵. И далее: «Последняя эпоха австро-габсбургская или мадьяро-немецкая (до и после введения дуализма), как более новая, живее и прямее связанныя с разными вопросами нашей русской и славянской современности, не могла не привлекать к себе несколько более внимания нашего образованного общества и учёных историков (по крайней мере славистов). Но, несмотря на это, и тут мы не в состоянии назвать ни одного сколько-нибудь значительного и крупного не только самостоятельного, но даже и компилятивного сочинения. Вся наша литература об Австрии и Австро-Венгрии с начала XVIII века ограничивается не очень длинным рядом учёных статей, этюдов и очерков»⁶.

Столь негативная оценка может на первый взгляд показаться несколько неожиданной и слишком суровой, тем более что имеются десятки книг и сотни статей русских учёных, посвященных истории Австрии⁷. Тем не менее оценка Грота соответствовала действительности, но была, однако, неполной. В тот момент изучение австрийской истории находилось примерно на одном уровне как в России, так и в Западной Европе, в том числе и в самой Австрии.

Слабость исторической науки в этой области объяснялась многими причинами. О некоторых из них писал П. П. Митрофанов в историографическом обзоре к монографии о Леопольде II: «Во-первых, лингвистические трудности при разноязычии лоскутной монархии; во-вторых, те методологические затруднения, которые возникают при стремлении изобразить цельную и полную картину событий в таком государственном комплексе, где не было и нет как раз ни полноты, ни цельности. Результаты получились довольно печальные: австрийцы и инозем-

⁵ К. Я. Грот. Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. Пг., 1914, стр. 106—107.

⁶ Там же, стр. 110.

⁷ Н. М. Пашаева. Австрия и австро-славянские отношения в русской и советской исторической литературе (X в.—1918 г.). В сб. «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография». М., 1966.

цы усердно и удачно изучают историю отдельных провинций, выпускают в печать вороха архивных материалов, с любовью освещают отдельные вопросы экономической, культурной, политической и т. д. жизни, но ученый мир так и не дождался монографий ни про одну знаменательную историческую эпоху в Австрии; а что и есть, не делает чести истории и ее адептам»⁸.

Многие из недостатков, отмеченных Митрофановым, характерны и для более позднего времени. По крайней мере в специальной работе, посвященной характеристике австрийской историографии, известный австрийский историк Альфонс Лотский через 45 лет после Митрофanova констатировал в австрийской исторической литературе все то же отсутствие стремления к широкому охвату явлений, к историческому синтезу, а также указывал на географическую узость и «центрально-европейский провинциализм». Иначе говоря, австрийские историки во многих случаях изучали не весь многонациональный комплекс монархии Габсбургов, а главным образом историю австрийских немцев, считая остальные народы империи второстепенным придатком.

По определению А. Лотского, австрийская историография времен монархии «более или менее ясно стремилась подчеркивать право немцев на руководство западной половиной монархии на благо других наций»⁹.

Недостатком работ австрийских авторов были дробность изложения и ограничение исследования рамками одной из провинций или одной из национальностей, входивших в состав монархии Габсбургов. В этом смысле работы австрийских авторов ничем не отличались от произведений современных им русских историков. Но у австрийской литературы того времени был еще и дополнительный недостаток: она, как правило, трактовала всю сумму событий, происходивших на территории разнородных и разнонациональных частей огромного государства, как эманации лучей, исходивших от Вены или даже, точнее, от того крошечного пространства, которое было очерчено пятикилометровым кругом Ринга, заключавшим в себе императорский дворец.

Впрочем, такую трактовку довольно часто можно встретить и в работах современных австрийских историков. Указание на этот недостаток неоднократно делается в историографических работах некоторых западноевропейских историков. Так, например, западногерманский историк Теодор Майер (австриец по национальности) в своем историографическом обзоре делает именно этот упрек в адрес получившей широкое распростра-

⁸ П. Митрофанов. Леопольд II Австрийский..., стр. 2.

⁹ A. Lhotsky. Oesterreichische Historiographie. Graz — Köln, 1962, S. 204.

чение книги Эриха Цёлльнера¹⁰: «Возникает принципиальное замечание, что вся книга рассматривает австрийскую историю под углом зрения Вены. Это относится уже даже к средним векам, особенно со временем правления Габсбургов. Австрийская история выступает здесь как история Вены и Нижней Австрии... Но это создает искаженную картину»¹¹.

Таким образом, критика русской исторической науки в обзоре К. Я. Грота отнюдь не означала, что русские историки стояли по уровню ниже своего века: недостатки, им присущие, были свойственны буржуазной литературе в целом.

II.

Что касается истории возникновения и развития австро-венгерского Соглашения 1867 г., превратившего монархию Габсбургов в своеобразно неповторимое дуалистическое государство, то русские историки конца XIX и начала XX в. не создали крупных работ по этой теме. Объяснялось это прежде всего тем, что в распоряжении историков не было источников, кроме опубликованных официальных текстов, а также тем, что понятие новейшей истории в русской буржуазной науке, как известно, отсутствовало и дистанция в два-три десятилстия и даже в полвека не считалась для историков достаточной.

В целом, однако, австро-венгерское соглашение в той или иной форме находило отражение в работах русских историков. В журнальной литературе того времени был опубликован ряд научных, научно-популярных и публицистических статей, библиографических заметок и обзоров, дающих достаточно ясное представление о том, как воспринимала русская историческая мысль разных направлений австро-венгерское Соглашение 1867 г. За те полвека, которые прошли от 1867 г. до Октябрьской революции, в русских научно-политических журналах выступали по вопросам, прямо или косвенно связанным с проблемами дуализма, либеральные историки Н. И. Кареев, О. Ф. Миллер, В. Д. Спасович, социал-демократы Х. Инсаров, К. Вейдемюллер, известные в свое время специалисты по австрийской истории П. Звездич, Л. Василевский и др. В годы, предшествовавшие австро-венгерскому соглашению, Н. Г. Чернышевский, еще находясь на свободе, из номера в номер публиковал в «Современнике» статьи, систематически освещавшие

¹⁰ E. Zöllner. Geschichte Oesterreichs von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, 1961.

¹¹ T. May e g. Probleme der österreichischen Geschichtswissenschaft (Alteuropa und die moderne Gesellschaft). Festschrift für Otto Brunner. Göttingen, 1963, S. 361.

события в Австро-Венгрии. Статьи Чернышевского являлись блестящим образцом историко-социологического анализа.

Не было ничего удивительного в том, что историки откликнулись на австро-венгерское Соглашение еще до того, как они получили возможность полностью изучить по источникам возникновение и развитие дуализма: нельзя было пройти мимо события такого большого исторического значения, которое немедленно отразилось на судьбах не только самой Австро-Венгрии и ее народов, но и народов Балканских стран и Центральной Европы в целом. Кроме того, вызывало интерес новое государственное устройство монархии: «Невероятное совершилось,— писали „Отечественные записки“, внимательно следившие за событиями в монархии Габсбургов,— в Австро-Венгрии введен дуализм... Вместо одного... два центральных правительства, немецкое в Вене и мадьярское в Пеште»¹². Один из авторов, занимавшихся главным образом вопросами государственного устройства Австро-Венгрии, писал о «знаменитом дуализме австро-венгерской монархии, т. е. своеобразной системе, считающейся беспримерной в истории государственного права: монархия, не раскалываясь на самостоятельные государства, поделена была на две половины»¹³.

В западной литературе возникали различные оценки Соглашения 1867 г. В частности, создалась легенда о престарелом и добром императоре Франце-Иосифе, который желал всяческого благоденствия своим подданным, но ему непрерывно мешали то мадьяры, которые добивались независимости, а затем не желали повышать квоту Венгрии на общегосударственные расходы; то чехи, которые требовали равных прав с венграми; то сербы, которые возмущались аннексией Боснии и Герцеговины; то, наконец, русские, которые поддерживали сербов. В действительности же к провалу Соглашения вели непримиримые внутренние противоречия и не менее непримиримые внешнеполитические конфликты.

Непосредственным толчком к заключению Соглашения 1867 г. было, как известно, позорное поражение Австро-Венгрии в войне с Пруссией, которое чрезвычайно ослабило полицейско-бюрократический механизм монархии и поставило государство на грани финансового банкротства и тяжелого политического кризиса. Связь между поражением при Садовой (Кениггрец) и Соглашением 1867 г. была ясной и непреложной не только для более поздних историков, но и для современников. «Отечественные записки» констатировали: «Для Австро-Венгрии кениггрецкое поражение было не только просто проигранным сражением,

¹² «Отечественные записки», 1867, т. 171, стр. 646.

¹³ А. А. Башмаков. Избирательная реформа в Австро-Венгрии и выборы в рейхсрят по новому закону о всенародном голосовании. СПб., 1907, стр. 10.

а смертельным ударом. На полях Богемии погибли не только цвет австрийской армии, но и государственное устройство империи Габсбургов. Игольные ружья пруссаков расстроили не только ряды австрийских солдат, но и искусственный союз австрийских народов... Подписав Пражский трактат, Австрия подписала свой смертный приговор и, как кажется, решилась на столь роковой шаг, не вполне сознавая, что делает»¹⁴. Затем следовало довольно реалистическое описание внутреннего положения монархии: «Монархия Габсбургов по-прежнему бьется в тенетах безвыходного положения, созданного для нее прошлым и условиями ее образования. Все в ней не ладится, все в ней не клеится... Ветер, очевидно, поворачивает в сторону дуализма»¹⁵.

Габсбургское правительство уже не могло и думать о насильственном подавлении мощной волны недовольства, охватившей Венгрию. «Повторяются времена 1848 года», — утверждали «Отечественные записки», значительно, конечно, преувеличивая масштабность событий 1867 г.¹⁶

Так или иначе, австрийскому правительству оставался только путь уступок. Историческая действительность подтвердила тонкий анализ, которому подвергал положение в Австрии Н. Г. Чернышевский на страницах «Современника» еще за несколько лет до австро-пруссской войны. Чернышевский писал в сентябре 1861 г.: «В господствующих кругах Вены до сих пор нет и, может быть, никогда не будет убеждения в необходимости изменить прежнюю систему, и для перемены политики, вероятно, понадобится какое-нибудь событие, более убедительное, чем говор публики, голос газет или брошюра Шузельки»¹⁷. Таким «более убедительным» событием явился военный разгром монархии Габсбургов.

Н. Г. Чернышевский подверг конкретному историческому анализу положение в Австрии, сделал научно обоснованные выводы о борьбе национальностей в Австрии и показал единственный путь к сохранению австрийской государственности и единства Австрии. Этим путем могла быть, по мнению Чернышевского, только федерация. Он писал в январе 1861 г.: «Будущий ход дел в Венгрии — не в одной Венгрии, а в целой Австрийской империи,— зависит... от примирения или от возникновения прежней борьбы между венграми и невенгерским населением прежнего Венгерского королевства»¹⁸. Далее Черны-

¹⁴ «Отечественные записки», 1867, т. 170, стр. 5—6.

¹⁵ Там же, стр. 159—160.

¹⁶ «Отечественные записки», 1867, т. 171, стр. 646.

¹⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1950, стр. 552 («Современник», 1861, № 1).

¹⁸ Там же, стр. 369 («Современник», 1861, № 1).

шевский делал следующий вывод: «Трудно ожидать, чтобы мадьяры не встретили в южных славянах и румынах сопротивления своим желаниям, если останутся при мысли восстановить Венгерское королевство в прежних границах и присоединить к нему Трансильванию. Единственным выходом из всех затруднений было бы, если бы они решительно приняли идео-федеративного устройства земель, лежащих по Дунаю от Пресбурга до Черного моря. Тогда они нашли бы сочувствие и в кроатах, и в сербах, и в румынах, и в чешско-словацком племени, населяющем северный край Венгерского королевства. Кто принимает федеративную мысль, находит разрешение всех запутанностей»¹⁹.

Мысль о федеративном устройстве Австрийской империи не была для Чернышевского случайной. Об этом он писал в июне 1861 г.: «Немецкая партия в рейхсрате непременно хочет подчинить все народности Австрийской империи немецкому элементу и связать в государство, подобное Франции, империю, разноплеменные части которой могли бы ужиться только под формою федерации. Пока австрийские немцы будут следовать за людьми такого образа мыслей, как Шмерлинг и немецкие депутаты имперского совета, борьба национальностей в Австрийской империи будет продолжаться, и земли эти не будут иметь другой судьбы, кроме междуусобных войн, сменяемых долгим господством военного деспотизма»²⁰.

Конечно, Чернышевский понимал, что его голос останется гласом вопиющего в пустыне. Именно поэтому одна из статей Чернышевского в «Современнике» заканчивалась грустно-иронической констатацией: «Мы беспристрастны: и кроаты, и чехи, и австрийцы одинаково сообразительны кажутся нам. Как подумаешь хорошенько, то и не удивляешься долговечному существованию Австрийской империи. Еще бы не держаться ей при таком отличном политическом такте связанных ее границами национальностей»²¹.

Политическая ограниченность и непоследовательность лидеров национально-освободительных движений, раздробленность этих движений и вражда их между собой дали возможность правящим кругам монархии преодолеть тяжелое положение, в котором они оказались в результате военного поражения. Средством к этому было соглашение с Венгрией на основе политических и экономических уступок Вены венгерским помещикам. Политические уступки были довольно значительными. Хотя требование венгерской независимости, выдвинутое революцией 1848 г., и не было осуществлено, в рамках дуалистического государства Венгрия заняла важное место. Что касается эко-

¹⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 378.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 526 («Современник», 1861, № 6).

номических уступок, то Бейст и его правительство вообще не придавали им большого значения, так как искали хотя бы временного, но быстрого выхода из финансовых затруднений. Они полагали, что дальнейшее приложится после новой и на этот раз победоносной войны против Пруссии. К этой войне Бейст и намерен был готовиться в самом ближайшем будущем.

Русская историческая литература обращала впоследствии внимание на эти военно-политические мотивы Соглашения. Автор нескольких работ о национальной проблеме и политическом строе Австро-Венгрии С. Г. Лозинский писал, что Бейст «всесильно находился во власти одной идеи, идеи реванша Пруссии за поражение при Садовой... Австрия, разумеется, могла быть сильна лишь при объединении населяющих ее народностей и при устранении особенно резких между ними конфликтов. Это соображение побуждало Бейста в 1867 году всячески ускорить дело соглашения с Венгрией»²².

Франко-прусская война, закончившаяся созданием германской империи, быстро и окончательно положила конец реваншистским планам Габсбургов, и временными оказались не экономические условия Соглашения, а планы и намерения Бейста. В итоге Соглашение, имевшее сугубо временный и во многом неясно и неточно сформулированный характер, превратилось в постоянную основу взаимоотношений между двумя половинами государства. То обстоятельство, что экономические условия Соглашения подлежали перезаключению каждые десять лет, давали венгерским магнатам возможность бешено торговаться при новом перезаключении и каждый раз требовать и добиваться новых уступок. Соглашение, дав возможность на время преодолеть потрясения, вызванные военным поражением, явилось на многие годы постоянным источником новых, еще более острых потрясений и конфликтов: «Австрийская ткань такова, что зашьешь в одном месте, в другом непременно рвется»²³.

Подводя после франко-прусской войны первые итоги развития дуализма, «Отечественные записки» констатировали, что Бейст занял в австрийском правительстве «важный пост в самое критическое для Австрии время, когда ее нужно было спасать от угрожающего ей крушения. И Бейст — надобно отдать ему справедливость — спас ее, но спас таким странным приемом, что после его помощи она еще более стала нуждаться в спасении»²⁴.

Результаты поражения 1866 г. пробудили у русских историков интерес к последствиям предыдущей проигранной войны,

²² С. Лозинский. Национальный вопрос и политические партии в Австрии.. М., 1907, стр. 36.

²³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 528 («Современник», 1861, № 7).

²⁴ «Отечественные записки», 1871, т. 171, стр. 357—358.

которую вела Австрия в 1859 г. против Франции и Сардинии. На протяжении нескольких лет «Вестник Европы» опубликовал шесть статей под общим заголовком «Новейшая история Австрии», посвященных десятилетию с 1849 по 1859 г. Три из них были написаны В. Д. Спасовичем, выдающимся ученым-юристом, которого высоко ценил один из крупнейших юристов России А. Ф. Кони. Спасович был также историком литературы и публицистом. Он часто выступал в «Вестнике Европы» по вопросам литературы и истории. Характеризуя период 1849—1859 гг., В. Д. Спасович писал: «Когда набитые на государство железные обручи военного строя были впоследствии сшиблены неудачами итальянской кампании, обнаружилось, что... здание разваливается по кускам. Бюрократия... сумела раздражить до последней степени и вооружить против правительства все без исключения национальности, не привязав к себе ни одной. Полиция, арестовавшая и сославшая множество людей без суда, была не в силах справиться с каким-нибудь высокорожденным бароном, для которого закон не писан, заставить знатного домовладельца исполнять санитарные правила или взыскать с помещика систематически неплатимые недоимки. Прибавим к тому... многотомное, сочинение бесчисленных уставов и проектов без всякой нужды и с полным сознанием, что они не будут введены или их отменят тотчас же после введения»²⁵.

Картину бессилия власти Спасович дополнял характеристической казнокрадства и тупоумия в армии: «Добавим для полноты картины, что в интенданстве господствовало казнокрадство и что специальная комиссия, которой после датско-немецкой войны предложен был для обсуждения вопрос о принятии игольчатых ружей по прусскому образцу, отвергла это предложение на том основании, что при столь скорой стрельбе нет возможности устроить достаточно скорый подвоз необходимого количества патронов»²⁶.

Спасович имел в виду то самое игольчатое ружье, которому великий современник австро-прусской войны 1866 г. Фридрих Энгельс приписывал в июне-июле 1866 г. успехи прусской армии: «...большую долю всех их успехов все же следует приписать их ружьям, заряжающимся с казенной части... они должны будут благодарить за это игольчатое ружье. Свидетельства об огромном его превосходстве над ружьем, заряжающимся с дула, и на этот раз единодушны»²⁷.

И наконец, бюрократизм и формализм, царившие в госу-

²⁵ В. Спасович. Новейшая история Австрии. «Вестник Европы», 1873, т. IV, стр. 167—168.

²⁶ «Вестник Европы», 1873, кн. 12, стр. 644.

²⁷ Ф. Энгельс. Заметки о войне в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 188—189.

дарственном механизме: «Распекаемый за всякую безделицу, чиновник вымешал свои унижения на просителях и публике, был ледант и медлителен, важничал и, не делая дела, отписывался. Настоящего дела от него и не требовали, а только бумажного удостоверения в том, что все обстоит благополучно. Чем более в розовом цвете были донесения и отчеты, тем самодовольнее потирали руки венские начальники и министры. Начальники не хотели знать того, что происходит в самом обществе; нигде это незнание не было столь поразительно». Главное требование, которое циркуляр 1852 г. предъявлял к чиновнику: «Подбородок брить до уголков рта, цельные бороды запрещены, бакенбарды позволяет носить, но без всякого преувеличения»²⁸.

Автор другого обзора в «Вестнике Европы», рассматривая развитие событий в Австрии после 1859 г., приходил к выводу, что «история Австрии за последние шесть-семь лет есть не что иное, как беспрерывная перемена систем», в результате того что в 1859 г. абсолютская система «лишила Австрию всякой внутренней силы и привела ее на край погибели...» Но чем заменить эту систему — правительство не знает. «Одним словом, начиная с 1860 года, мы видим во внутренней истории Австрии хаос и путаницу беспримерные»²⁹.

Эти размышления историка совпадали с впечатлениями публициста о непосредственных последствиях войны 1859 г.: «Будущее Австрии покрыто тяжелыми, черными тучами. Насколько доступны австрийские дела человеческому пониманию, можно сказать, что события идут там не к тому, чтобы мало-помалу расчищать горизонт; напротив, грозные тучи сгущаются там все более и более»³⁰.

Другой историк, О. Ф. Миллер, печатавший серию статей по истории Австрии в том разделе «Вестника Европы», которым ведал в 60-е годы известный историк Н. И. Костомаров, напоминал, что в 1848—1849 гг. правящие классы Австрии были спасены царизмом, но надеяться вторично на помощь извне они уже не могут и потому вынуждены переходить к реформам: «В ту эпоху Россия спасла Австрию, как в басне журавль спас волка, и потому едва ли это повторится снова; Австрия в этом может быть уверена лучше, чем кто-либо другой; и вот она ищет других мер к предупреждению какой-нибудь новой катастрофы... Вопрос о национальностях превращается, видимо, в вопрос о центральном конституционализме и о децентрализации. Колебания от одной крайности к другой были и будут;

²⁸ «Вестник Европы», 1873, кн. 12, стр. 644.

²⁹ Там же, стр. 651.

³⁰ «Обзор современной политики в Австрии с 1859 года». «Вестник Европы», 1866, т. IV, стр. 31—33.

не скоро отыщется формула, которая бы удовлетворила и помирила все заинтересованные в деле стороны»³¹.

Научная публицистика в общем и целом с некоторыми вариациями приходила к выводу, что поражение в войне с Пруссией несравненно тяжелее для Австрии, чем события 1859 г.: «Трудно усомниться, чтобы она не была обречена, если не на совершенную погибель, то все-таки на такие уступки, которые отнимут у нее ее прежнее политическое значение в целой Европе»³².

Оценка Соглашения 1867 г. и особенно его возможных последствий была далеко не единодушной. Это и понятно: слишком сложным был переход от централизованной монархии к двуединому государству, и многогранным и различным по своему существу представлялось возможное влияние этого явления на различные провинции и земли прежней Австрии, а отныне Австро-Венгрии. Разумеется, русская историческая литература, как и публицистика, рассматривала новое государственное устройство прежде всего под углом зрения его значения для судьб славянских народов монархии и оценивала его в соответствии со своим отношением к борьбе народов за национальное освобождение.

Так, например, отрицательно относился к «принципу национальностей» М. М. Стасюлевич, известный общественный деятель либеральной печати, в течение 42 лет (с 1866 по 1908 г.) являвшийся ответственным редактором такого крупного и влиятельного журнала, как «Вестник Европы». Стасюлевич был по специальности историком, притом очень широкого диапазона: книги он писал по античности, лекции в Петербургском университете в течение нескольких лет читал по средневековой истории, а статьи и бесчисленное множество заметок в своем журнале написал преимущественно по новейшей истории.

В большой статье о дуализме Стасюлевич доказывал, что слабость монархии Габсбургов вызвана не сложностью и неуклюжестью государственной машины, созданной системой дуализма, а «вредным» фактом борьбы национальностей в многонациональном государстве: «Напрасно многие видят именно в сложности австрийского государственного устройства невозможность его окончательного упрощения и успешного действия... Опасность разложения для австрийской империи заключается не в сложности ее государственных форм, а в сложности самого ее состава. И нет никакого основания думать, что если бы формы этой империи были вновь доведены до крайней простоты, то опасность разложения стала бы меньше. Дуализм

³¹ «Отечественные записки», 1861, т. CXXXVIII, стр. 40.

³² О. Ф. Миллер. Новейшая история Австрии. «Вестник Европы», 1866, кн. I, стр. 402.

вовсе не был признан господствующей системой в то время, когда Венгрия восстала и восстание ее едва не погубило монархию Габсбургов. Ломбардо-Венеция не имела сейма в то время, как она восставала против австрийцев... Австрийское устройство вовсе не является исключительным и само по себе вовсе не было бы опасным. Да и сложность состава государства стала опасной только с тех пор, как европейское человечество увлеклось вредным принципом национальностей»³³.

В противоположность Стасюлевичу «Отечественные записки» поддерживали национальное движение против господства Вены и Будапешта: «Правда, венгерцы в восторге от дарованных им прав... но зато в других областях Австрии неудовольствие все растет и растет, протесты против дуализма раздаются все громче и громче... И сколько ни бьется барон фон Бейст, разноплеменная монархия Габсбургов по-прежнему лезет врозь... Все славянские племена по ту сторону Лейты отданы безжалостно на жертву мадьярам и должны быть поглощены венгерской централизацией, в то время как по сию сторону Лейты воцаряется полное господство немцев. Само собой разумеется, что это не может нравиться славянам, стремящимся, напротив, к автономии, и результатом новой политики Австрии будет неизбежно создание сплоченной воедино оппозиции всех славян, подвластных скипетру Габсбургов. Волнение и недовольство все более и более охватывают славянские провинции»³⁴.

В тот момент, когда были написаны цитируемые строки, издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский колебался между умеренным либерализмом и поворотом к черносотенству. Оппозицию славянских народов Краевский рассматривал как средство борьбы за внешнеполитические цели царского правительства, а свое отношение к Соглашению 1867 г. сформулировал кратко и ясно: «Правду сказать, мадьяры, поляки и жиды подвизаются, чтобы возбудить ненависть против России»³⁵.

Отрицательную оценку Соглашения 1867 г. содержат и работы профессора Варшавского университета по кафедре славистики К. Я. Грота: «Мадьяры... еще удвоили усилия к упрочению безраздельного своего национально-политического господства в Угрии, усилия, увенчавшиеся, наконец, в 1867 году, в тяжелую и критическую для Австрии годину, знаменитым австро-венгерским дуализмом, отдавшим все народности Угрии (Транслейтания) в полную власть мадьярам, а тем самым и в жертву мадьяризму»³⁶.

³³ М. Стасюлевич. Австро-венгерские дела. «Вестник Европы», 1879, кн. 9, стр. 438—439.

³⁴ «Отечественные записки», 1867, т. 171, стр. 68, 178.

³⁵ Там же, стр. 666.

³⁶ К. Грот. Мадьяры. Отиск из № 239—241, 243, 245 «Правительственного вестника» за 1903 г., стр. 20.

Гораздо шире трактовали значение Соглашения и его последствия многие другие русские историки и юристы. Так, П. Звездич, специально изучавший новое государственное устройство монархии, подчеркивал, что хотя в результате Соглашения 1867 г. славянское население Транслейтания оказалось под венгерским господством, но объективным ходом событий австро-венгерское соглашение поставило «на очередь чешский вопрос» и дало новый мощный толчок развитию национальной борьбы славянских народов. Звездич писал: «Первой сумела высвободиться из-под опеки Австрии Венгрия, и судьбе было угодно... чтобы Венгрия же нанесла соup de grace австрийскому централизму и по отношению к остальным национальностям, и чтобы она ускорила момент решения славянского вопроса»³⁷.

Для обоснования своего тезиса Звездич обращал внимание на то важное обстоятельство, что общий государственный бюджет Австро-Венгрии должны ежегодно обсуждать и принимать делегации австрийского рейхсрата и венгерского парламента. Но «совместные работы делегаций могут иметь место лишь в том случае, когда в Австрии правильно функционируют конституционные учреждения. Венгрия желает сноситься только с австрийским парламентом, а если таковой в Австрии перестал существовать и заменен абсолютистским режимом, то все обязательства Венгрии по отношению к Австрии прекращаются... Она может сохранить союз, но может и отказаться, оставаясь связанныю с Австрией лишь личной униюй». Звездич приходил таким образом к выводу: «Этим путем Венгрия сделалась в известной мере надежным оплотом австрийской конституции и значительно осложнила задачи австрийского правительства, которое нередко обнаруживало тенденцию рассекать гордиев узел приостановлением конституции и заменой парламентских резолюций императорскими указами». К тому же сразу после заключения Соглашения началась борьба по вопросу о размерах квоты, о торговых договорах и пошлинах и о тысяче других проблем из области экономических и политических взаимоотношений между двумя половинами Австро-Венгрии, и все это крайне ослабляло центральное правительство и создавало предпосылки для успешной борьбы славянских народов за национальные требования. Возникли в Вене «задачи», с которыми не легко было бы справиться и какому-либо «великому реформатору»³⁸, а избытка таковых не ощущалось в Австро-Венгрии.

Звездич видел для Австро-Венгрии только один выход. Он писал: «Единственный возможный модус, как начинают созна-

³⁷ П. Звездич. «Историческая миссия» Австрии. «Русское богатство», 1897. № 12, стр. 121.

³⁸ Там же, стр. 125—126.

вать здесь, заключается в децентрализации и образовании из Австрии союза государств»³⁹, иначе говоря, в федерации.

Мысль была не нова и высказывалась авторами самых различных политических и научных концепций, причем возможность осуществления планов федерации зачастую сильно преувеличивалась. Например, в письме из Вены, помещенном в либеральном журнале «Русская мысль», говорилось: «Нет сомнения, что чехам еще придется вести с немцами тяжелую борьбу, но, в конце концов, они окажутся победителями, так как централизм отживает свой век, и высшие влиятельные кружки, с императором во главе, начнут сознавать, что Австрия может существовать при одном только автономном устройстве»⁴⁰.

Русские историки более позднего времени неоднократно возвращались к различным вариантам той же самой мысли о необходимости коренного преобразования Австро-Венгрии, которая не может далее существовать как государство дуалистическое, а может базироваться только на равноправии национальностей.

И. О. Левин опубликовал в 1908—1915 гг. серию статей, в которых попытался осмыслить основные тенденции развития австрийской истории начиная с революции 1848 г. и наметить линии дальнейшего развития Австро-Венгрии как государства. Попытка была обречена на неудачу, поскольку методология буржуазной исторической науки начала века не могла дать основу для решения столь сложных проблем, как уроки и перспективы развития дуализма. Тем не менее выводы автора статей интересны. Левин писал: «Время, когда германский элемент был господствующим в Австро-Венгрии, уже давно прошло. Соглашение, заключенное в 1867 году между Австрией и Венгрией, было первым официальным признанием невозможности германизировать всю Австро-Венгрию, но содержало в себе ту ошибку, что стремилось сохранить господство немецкого элемента в Цислейтании ценой выдачи мадьярам всей Транслейтании. Десятилетия, истекшие с тех пор, показали, однако, что раздел политического господства между немцами и мадьярами не остановил национального развития славянских народов Австрии. Немцы теперь не только не могут уже думать в Австрии о подчинении себе славян, но, наоборот, в некоторых отношениях заняты защитой своих прав от натиска славян. Точно так же не в состоянии удержать за собой господства в Транслейтании и мадьяры... Мадьяризация в Транслейтании потерпела такое же фиаско, как германизация в Цислейтании. Рост значения славянских элементов в Австро-Венгрии и выдвигает необходимость для этой империи перехода

³⁹ Там же, стр. 138.

⁴⁰ «Русская мысль», 1882, кн. 3, стр. 81.

от дуализма, на котором теперь основан ее государственный строй, к другой форме, более справедливой в национальном отношении... Несомненно, что час дуалистического строя Австро-Венгрии должен пробить в более или менее близком будущем»⁴¹.

Впрочем, И. О. Левин, видимо, понимал утопичность своих надежд на коренные перемены в монархии Габсбургов, ибо в следующей статье, написанной в Вене летом 1913 г., заметил: «Бюрократия, которая заботится прежде всего о своих интересах, находит для себя гораздо более удобным управлять страной при помощи статьи 14, которая в значительной степени освобождает ее от контроля парламента. Если бы на верхах австрийской бюрократии было больше людей, которые понимают, что для здоровья государства более важно правильное функционирование парламента, чем удобство бюрократии,— разрешение национальной проблемы, вероятно, шло бы в Австрии более быстрым темпом, чем теперь»⁴².

Как уже отмечалось, в русской исторической литературе преобладала мысль о необходимости федерализации Австро-Венгрии и признание того факта, что она является преимущественно славянским государством по составу своего населения. «Но такое решение вопроса прежде всего очень трудно осуществить»,— писал Л. М. Василевский, автор нескольких работ о национальной проблеме в монархии Габсбургов. Он имел в виду сопротивление правительственные кругов, а также и другие факторы: «Кроме этих внешних препятствий, есть и серьезное внутреннее затруднение, состоящее в том, что территориальное и национальное разделение Австрии отнюдь не совпадают одно с другим... Какое же решение вопроса, какое, наконец, успокоение принесет автономность областей, из которых каждая сама по себе станет ареной национальной вражды и национального гнета? В каждой получившей автономию области понадобилось бы, следовательно, установить новые законодательные учреждения, которые нормировали бы взаимные отношения национальностей в пределах данной области и стояли бы на страже мирного и справедливого сожительства в ней отдельных языков и этнических групп. Очевидно, стремления должны быть направлены не в сторону автономии областей, а в сторону автономии национальностей, что, конечно, еще более усложняет задачу»⁴³. Несколько неожиданно Василевский склоняется таким образом к культурно-национальной

⁴¹ И. О. Левин. Некоторые политические итоги и перспективы. «Русская мысль», 1913, кн. 2, стр. 4—5.

⁴² И. О. Левин. Австрийские дела. «Русская мысль», 1913, кн. 9, стр. 10.

⁴³ Л. М. Василевский. Австро-Венгрия. Политический строй и национальные вопросы. СПб., 1906, стр. 49—50.

автономии, хотя и не высказывается об этом сколько-нибудь подробно.

Прогноз на будущее сводился в общем к тому, что грядущее темно и непонятно: «В политических вопросах, с их страшной сложностью, предсказывать вообще трудно, а тем более трудно делать такие предсказания насчет такой исключительной во многих отношениях страны, как Австрия. Предугадать частности будущего строя Австрии или хотя бы решить вопрос о том, распадется ли она на составные части или пойдет и дальше по пути централизации — дело почти невозможное»⁴⁴. Точно такой же вывод делал и Лозинский уже в годы первой мировой войны: «Судьбы этой империи в настоящее время так загадочны, что никто не может предсказать, каков будет дальнейший характер ее внутренней политики и как сложатся взаимные отношения населяющих ныне Австрию народов»⁴⁵.

В годы первой мировой войны русские историки и публицисты из либерального лагеря воспользовались тем, что цензура перестала препятствовать высказываниям относительно личных качеств государей из династий Гогенцоллернов и Габсбургов. Пользуясь этим благоприятным положением, историки начали писать все, что они думали о Франце-Иосифе и других членах династии, иногда имея в виду не столько Габсбургов, сколько Романовых. Так, например, Л. Слонимский писал о Франце-Иосифе по случаю его смерти: «Ограниченный по уму... он в силу исторических случайностей призван был играть роль, к которой вовсе не был приспособлен по своим личным качествам и достоинствам... В этой семье дегенераторов, стличавшейся вообще своей живучестью и плодовитостью, Франц-Иосиф оказался наиболее нормальным и уравновешенным... Как правитель Франц-Иосиф никогда не имел определенных руководящих идей и не вдохновлялся нравственными принципами»⁴⁶. И наконец: «Этот престарелый монарх с умственным кругозором хорошо воспитанного фельдфебеля обладал бесспорно и некоторыми личными достоинствами: приветливый и доступный в обращении, он любил показываться в публике и пользовался широкой популярностью в народе»⁴⁷.

Подобные характеристики доставляли истинное наслаждение читателям из интеллигенции, а цензоры, хотя и понимали аналогию, были беспомощны, а может быть, и сами забавлялись своеобразием ситуации, когда можно было безнаказанно издеваться над «царствующей особой».

⁴⁴ Там же, стр. 50—51.

⁴⁵ С. Г. Лозинский. Царствование Франца-Иосифа. Политический очерк современной Австрии. Пг., 1916, стр. VII.

⁴⁶ «Вестник Европы», 1916, кн. 11, стр. 354.

⁴⁷ Там же, стр. 358.

Таким образом, русская литература довольно реалистически оценивала значение Соглашения 1867 г. и его возможные последствия. Что касается общей оценки Австро-Венгрии, то большинство русских историков и публицистов повторило бы характеристику, которую дал монархии Габсбургов близкий к социал-демократическим кругам России К. Вейдемюллер: «Конгломерат народностей, которые держались вместе только по тем же причинам, по которым не рассыпается груда песку на дне океана — вследствие огромного внешнего давления»⁴⁸.

Можно отметить, что русские историки уделяли большее внимание комплексу национальных противоречий в Австро-Венгрии, чем австрийские учёные. А самое главное заключалось в том, что у них был другой ракурс и они не смотрели на многонациональное государство только под углом зрения Вены. Однако ни австрийская, ни русская литература того времени не обратила внимания на возникновение новой проблемы — проблемы австрийской нации.

Энгельс был единственным современником австро-прусской войны, заметившим возможность возникновения австрийской нации. Он писал в феврале 1870 г.: «...австрийские немцы должны теперь, в конце концов, поставить перед собой вопрос о том, кем они хотят быть — немцами или австрийцами? Что им дороже — Германия или же их внегерманские привески по ту сторону Лейты? Давно уже было ясно, что они должны отказаться либо от того, либо от другого, но это всегда затушевывалось мелкобуржуазной демократией»⁴⁹.

⁴⁸ «Современный мир», СПб., 1909, № 3, стр. 94.

⁴⁹ Ф. Энгельс. Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 415.

B. K. ВОЛКОВ

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕРМИНОВ «ПАНГЕРМАНИЗМ» И «ПАНСЛАВИЗМ»

Попытки использовать историю как орудие холодной войны стали обычным явлением в реакционной буржуазной историографии. В послевоенные годы особенно усилились тенденции противопоставлять Россию Европе, говорить об извечной угрозе, которую представляет якобы Россия для европейской цивилизации, и на основе этого делать вывод о необходимости защиты Европы от России¹. Эти течения, выступающие то под видом «остфоршунга», как в Западной Германии, то под видом «советологии», как, например, в США, Англии и других капиталистических странах, пытаются опереться в идеологической борьбе против Советского Союза и социалистического лагеря на идейное и историческое наследие прошлого, с помощью которого они рассчитывают дискредитировать опыт социалистического строительства и внести раскол в отношения между социалистическими странами. Так, всевозможные рассуждения на тему о «советском империализме» дополняются и конкретизируются измышлениями о «советском панславизме» и т. д.

Возрождение призрака панславизма и его применение к характеристике возникшего после второй мировой войны социалистического лагеря имеют вполне определенные политические цели². Помимо тезиса об угрозе Европе со стороны России, буржуазные историки пытаются представить социалистический лагерь как воплощение самых крайних панславистских планов,

¹ Об основных извращениях буржуазной историографией вопросов истории взаимоотношений России и Европы см. статью Б. Т. Пашуто и В. И. Салова (V. T. Pašuto und V. I. Salov. Russland und Europa. В сб. «Auf den Spuren der „Ostforschung“». Leipzig, 1962, S. 1–39), а также М. Р. Тульчинский. Адвокаты реванша. Западногерманский «остфоршунг» на службе боннской реваншистской политики. М., 1963.

² A. Šnejdárek. Kříšení strašáká panslavismu — součást studené války imperialismu proti SSSR a lidovým demokracím. «Historický časopis», 1960, № 2—3, str. 448—465.

стремятся разжечь национальные противоречия между самими социалистическими странами, особенно вызвать в них антисоветские и антируссские чувства и настроения. Примером подобных построений может служить книга американского социолога и историка Г. Кона «Панславизм. Его история и идеология»³. Фальсифицируя исторический процесс, Г. Кон рисует ложную картину «триумфа панславизма» — течения, умершего вместе с буржуазной Россией.

Деятельность буржуазных фальсификаторов в известной степени облегчается тем, что советские исследователи и историки других социалистических стран мало или совсем не занимались отмеченным кругом вопросов, хотя проблемам национальных и освободительных движений посвящены многочисленные работы. О внимании к изучению процесса зарождения и развития буржуазных наций свидетельствует, например, дискуссия по национальному вопросу, ведущаяся с 1966 г. на страницах журналов «Вопросы истории» и «Народы Азии и Африки». Наиболее широкое освещение в советской историографии получила проблема так называемого возрождения славянских народов — формирования их наций и национальных культур, борьбы за освобождение и завоевание независимости⁴. Значительные исследования созданы также по истории национально-освободительного движения других народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы⁵.

Несмотря на несомненные успехи, многие стороны этого процесса остаются еще недостаточно изученными. Так, в стороне от внимания советских исследователей остались проблемы формирования буржуазно-националистических идеологий и соответствующих им политических течений, таких, как панславизм, австрославизм, программы «исторического права» у ряда народов, различные «младо»-движения. Совершенно недостаточное внимание уделяется исследованию истории пангерманизма. Все эти проблемы, так или иначе связанные с появлением буржу-

³ H. Kon. *Pan-slavism. Its history and ideology*. N. Y., 1960.

⁴ Не имея возможности перечислить из-за обилия литературы даже важнейшие работы в этой области, отшлем читателя к библиографическому справочнику «Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. 1918—1960». Составитель И. А. Калоева. М., 1963; см. также: В. Д. Королюк и др. Советское славяноведение. Краткий обзор литературы 1945—1963 г. М., 1963.

⁵ «История Румынии нового и новейшего времени». М., 1964; «Краткая история Албании». М., 1965; «Очерки новой и новейшей истории Венгрии». М., 1963; Г. Л. Арш. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963; он же. Тайное общество «Филики Эстерия». Из истории борьбы Греции за свержение османского ига. М., 1965; И. Г. Сенкевич. Албания в период Восточного кризиса (1875—1881 гг.). М., 1965; она же. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М., 1959; Т. М. Ислямов. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959; и др.

азных наций на исторической арене, ждут своего разрешения. Их изучение не только поможет лучше понять прошлое, но и будет способствовать борьбе с буржуазно-националистическими идеологиями, а также лучшему и более глубокому пониманию нынешней угрозы европейским народам со стороны возрождающихся в Западной Германии милитаризма и неонацизма, вскрывающих многие старые пангерманские теории.

Исследования советских и зарубежных историков показывают, что подъем национально-освободительного движения славянских и неславянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы происходил в их тесном взаимодействии. Их движение имело много общих черт, порожденных схожестью социально-экономических и политических условий у разных народов, а также идентичностью стоявших перед ними задач. Их отношения носили чрезвычайно разнообразный характер — от взаимной поддержки до борьбы и оказывали непосредственное воздействие на общественно-политическое и историческое развитие всех европейских народов. Особое место в этом комплексе проблем занимают славяно-германские отношения, ставшие в XIX—XX вв. важной проблемой всемирной истории.

В буржуазной исторической литературе изучение этих вопросов концентрируется обычно вокруг проблем, обозначаемых терминами «пангерманизм» и «панславизм». Для западноевропейских и американских авторов типичными являются исследования, отрывавшие одну группу вопросов от другой, рассматривавшие их изолированно. Даже в трудах, посвященных изучению национального вопроса в целом, где главы о пангерманизме и панславизме соседствуют друг с другом, рассмотрение этих явлений ведется фактически независимо друг от друга⁶. Подчас в этих трудах содержатся указания на тождество этих явлений, но совершенно отсутствует их классовый анализ, а также показ их различия, особенно в смысле воздействия на судьбы европейских народов и всего человечества.

Настоящая статья ставит перед собой задачу — проследить время и обстоятельства появления терминов «пангерманизм» и «панславизм». Необходимость выяснения этих вопросов диктуется наличием многих нерешенных проблем. Почему, например, оба термина появились раньше, чем соответствующие им идеологии и политические течения? Чем объясняется более ран-

⁶ «Nationalism. A report by a study-group of the Royal Institute of International Affairs». London, 1963; H. Lemberg. Geschichte des Nationalismus in Europa. Stuttgart, 1950; H. Kohn. The idea of nationalism. A study in its origins and back-ground. N. Y., 1961; он же. Pan-slavism. Its history and ideology. N. Y., 1960; он же. The mind of Germany. The education of a nation. N. Y., 1960.

нее появление термина «панславизм»? Автор надеется, что освещение этих и некоторых других вопросов, их изучение в сравнительно-историческом плане помогут лучшему пониманию истории пангерманизма и панславизма.

I.

Националистические идеологии и политические течения, соответствующие терминам «пангерманизм» и «панславизм» в нашем нынешнем понимании, сложились в 50—70-х годах XIX в., причем известным рубежом для Германии здесь была неудавшаяся революция 1848—1849 гг., а для России — проигранная Крымская война 1853—1856 гг. Оба эти события, хронологически близкие друг другу, способствовали оформлению и выработке националистических идеологий, которым суждено было сыграть в истории Европы крайне отрицательную роль.

Прежде чем приступить к изучению терминов, необходимо составить себе представление о том, что представляют собой пангерманизм и панславизм как проявления националистической идеологии.

Термин «национализм» имеет многообразные толкования в исторической литературе. Часто под этот термин подводят чрезвычайно разнообразные явления из области национальных движений и развития национального вопроса вообще. Особенно большая неразбериха в его употреблении наблюдается, как отмечал чехосlovakский ученый И. Коржалка, в английской исторической литературе⁷. Это обстоятельство постоянно необходи-

⁷ Jiří Kořalka. Some remarks on the concept of nationalism and internationalism. «Historica», Praha, 1966, t. XIII, p. 209—216. Критикуя американского историка и социолога Ганса Кона, чешский ученый показывает, что тот объединяет под термином «национализм» совершенно различные исторические явления: 1. Унификацию наций в ходе великих революций в рамках существовавших национальных государств в Западной Европе с конца XVI до конца XVIII в. 2. Движение за объединение Германии и Италии до 1871 г. 3. Национальное пробуждение народов восточной части Центральной Европы. 4. Политику с позиции силы Великобритании, Франции, Италии или Германии в последние десятилетия XIX в. и в начале XX в., т. е. на пороге эры империализма. 5. Политические тенденции так называемого «интегрального национализма» во Франции или пангерманского движения в тот же период. 6. Муссолиниевский фашизм и гитлеровский нацизм в период между двумя мировыми войнами. 7. Наконец, национально-освободительные движения в странах Азии и Африки.

В связи с этим И. Коржалка отмечает, что, хотя приведенные примеры (а их число, без сомнения, можно увеличить) и имеют какие-то сходные черты, присущие им всем, эти сходства отступают далеко на задний план по сравнению с теми различиями, которые имеются между ними. Применение к ним единого термина «национализм» является по меньшей мере спорным, тем более что в ряде языков это слово имеет специфически отри-

мо иметь в виду при разработке данной проблематики, не допуская смешения в одном термине разных понятий и явлений.

В настоящей статье термин «национализм» употребляется в общепринятом в советской исторической и философской литературе значении, наиболее удачная формулировка которого содержитя, на наш взгляд, в работах проф. М. С. Джунусова, специально занимающегося этим вопросом. Он определяет национализм как «систему идей и взглядов эксплуататорских классов в национальном вопросе, орудие духовного порабощения масс», как «идеологию национальной исключительности», сквозь призму которой эксплуататорские классы определяют свой подход «к языку, быту, традициям, культуре, историческому прошлому и интересам национальностей»⁸. В соответствии с его классовыми корнями выделяются три типа национализма: добуржуазный, мелкобуржуазный и буржуазный, причем каждый из них может иметь свои особые формы. Исходя из ленинского деления наций на господствующие и угнетенные, необходимо отличать также национализм крупных господствующих наций (к которому применимо также понятие «шовинизм») от национализма малых и угнетенных народов.

Социальные функции национализма заключаются, во-первых, в «создании иллюзии „о классовом мире“ внутри нации», что проявляется, в частности, в отрицании факта существования «двух культур» в каждой национальной культуре. Во-вторых, национализм стремится обособить и противопоставить друг другу трудящиеся массы различных национальностей, представить историю как историю войн и враждебных отношений между народами, а собственную нацию выдать за монолитное единство людей. В-третьих, националистическая идеология стремится выдать интересы буржуазии (или другого господствующего класса) за общенациональные. Все перечисленные выше функции национализма взаимосвязаны и взаимно усиливают друг друга⁹.

Гносеологические корни национализма заключаются в отрыве духовного облика нации от ее материальных основ, в неисторическом рассмотрении проявлений национальной жизни и культуры, в абсолютизации национальных моментов в развитии общества. Все эти стороны принимают подчас утонченную

цательный оттенок или смысл. Таким образом, к идеологическим различиям в толковании этих проблем прибавляют еще и терминологические. Добавим, что с нашей точки зрения остается еще открытым вопрос, куда отнести эти терминологические различия: то ли к области гносеологической, то ли к сознательному затемнению проблемы.

⁸ М. С. Джунусов. К вопросу о классовых и гносеологических корнях и социальных функциях идеологии национализма (Материалы для обсуждения). Фрунзе, 1960, стр. 3.

⁹ М. С. Джунусов. Указ. соч., стр. 5—6.

и изощренную форму проповеди национализма, что делает националистическую идеологию весьма стойкой и придает ей видимость относительной самостоятельности и независимости, а также облегчает использование старых идей и концепций в новых исторических условиях¹⁰, порождает своеобразную филиацию идей. Национализм занимает одно из ведущих (а иногда выходит и на первый план) мест во всей системе идеологии эксплуататорских классов, определяя их мировоззрение и политику в национальном вопросе, а также оказывая огромное влияние на другие стороны мировоззрения и политики, в частности и в особенности — на внешнюю политику.

Что же представляют собой с точки зрения вышесказанного такие националистические идеологии, как пангерманизм и панславизм? Прежде всего следует констатировать, что они являются шовинистической системой идей, взглядов и политических концепций по национальному вопросу эксплуататорских классов двух крупнейших народов Европы — немецкого и русского — периода капитализма и империализма. Такое определение подчеркивает, во-первых, их сходство как националистических идеологий **господствующих наций** и, во-вторых, их тождественность как явлений, относящихся к одной области (национализм) и одному историческому периоду, и отмечает единство их классовых корней.

Менее заметны известные различия, связанные прежде всего с исходным пунктом и начальным этапом их развития.

Отметим лишь некоторые из этих различий. Первое связано с особенностями классовых корней пангерманизма и панславизма. Пангерманизм начал развиваться в основном как идеология немецкой буржуазии и постепенно проникал в среду немецкого дворянства, бюрократии и милитаристских кругов, сделавшись в конце концов идеологией всех слоев господствующих классов Германии. Панславизм первоначально складывался преимущественно в дворянско-бюрократических кругах и постепенно проникал в среду русской буржуазии, быстро развивающейся в преформенный период. Таким образом, следует констатировать известное различие классовых основ обеих идеологий в их исходном пункте и последующее развитие по сходящимся линиям — пока в начале XX в. и пангерманизм, и панславизм не сделались идеологией буржуазии, дворянско-бюрократических слоев и милитаристских кругов соответственно в Германии и России, т. е. пришли к единому классовому знаменателю.

Вторая особенность коренится в специфике предшествующе-

¹⁰ О новейших вывертах идеологов буржуазного национализма см.: Э. А. Багров. Национальный вопрос и буржуазная идеология (Критика новейших политico-социологических концепций). М., 1966.

го этапа развития национального самосознания и, следовательно, в разном идеином наследии. В конечном счете она проистекает из исторических задач, стоявших перед немецким и русским народами в национальных областях в первой половине XIX в. В Германии такой задачей было объединение страны — задача, исторически оправданная и прогрессивная в смысле перспектив социально-политического развития, ибо для ее решения требовалось устранение многочисленных феодальных пережитков и проведение буржуазно-демократических преобразований. Объективное существование «германского вопроса» и обусловило формирование национальной программы немецкой буржуазии, а появление националистических концепций было до известной степени исторически оправдано, причем в них содержались значительные общедемократические элементы и требования. Подобного обстоятельства в России не существовало — «русский вопрос» в таком плане не стоял в числе исторических задач, что отразилось в значительно большем консерватизме русского буржуазного национального самосознания.

После образования в 1871 г. Германской империи это историческое обстоятельство отпало и для Германии, а немецкий национализм, принявший форму пангерманизма, окончательно превратился в такую же консервативную и реакционную идеологию, как и панславизм. Таким образом, если исходные идеиные позиции панславизма были более реакционными, последующее развитие вело и в этом плане к нивелировке пангерманизма и панславизма, к проявлению все большего числа сходных черт, роднивших их между собою, что особенно ярко проявилось в их, так сказать, «теоретических» основах. Будучи конкретными проявлениями идеологии национальной исключительности, пангерманизм и панславизм опирались на идеалистические, глубоко антинаучные и реакционные концепции для противопоставления своих народов другим.

Дальнейшее же развитие обеих идеологий в конце XIX — начале XX в. определялось уже не элементами их теоретического сходства или родственностью классовых корней, а особенностями развития империализма в каждой из этих стран, особенностями их внутриполитического положения и внешнеполитических задач, степенью проникновения этих идеологий в различные общественные слои и классы, степенью сопротивления им со стороны передовых сил как в России, так и в Германии.

Наиболее существенное различие между пангерманизмом и панславизмом заключалось в исторических проявлениях обеих идеологий, в той различной роли, которую они сыграли в судьбах народов Европы и всего человечества. Прежде всего обращает на себя внимание различное влияние обеих идеологий на общественную жизнь соответственно Германии и России, их удельный вес в идеологической жизни своих стран. В конце

XIX — начале XX в. в России наблюдалось падение влияния панславизма, которое и прежде не было существенным, под воздействием развития революционного движения. Выход на политическую арену в стране новых классов — буржуазии и пролетариата, выдвижение на первый план задач буржуазно-демократической революции и ведущая роль пролетариата в революции 1905—1907 гг. — все это вызвало кризис буржуазной идеологии вообще, панславистской — в частности. Хотя на первый план выдвигались противоречия между буржуазией и пролетариатом, существовали серьезные и глубокие расхождения и между буржуазией и самодержавием с его бюрократией и военщиной. В таких условиях, подвергаясь резкой критике со стороны не только демократических и революционных течений, но даже и со стороны либеральной буржуазии¹¹, идеология панславизма переживала период кризиса и упадка. Правда, накануне первой мировой войны отдельные элементы панславизма получили распространение среди буржуазных партий, а также были подхвачены так называемым неославистским движением как в России, так и у других славянских народов. Но после некоторого оживления накануне и в годы первой мировой войны панславизм потерпел полный крах и сошел с исторической арены вместе со своими носителями — царизмом, военно-бюрократическими слоями и русской империалистической буржуазией.

Небезынтересно отметить, что именно на этот период кризиса и упадка панславизма в конце XIX — начале XX в. приходится особенно ожесточенная кампания против него в Германии, проводившаяся под лозунгом: «Панславизм — всемирная угроза»¹². Эта кампания отражала, однако, не реальное положение вещей, а внутреннюю динамику развития идеологии самого пангерманизма, который в этот период расцвел в Германии. Образование в конце XIX в. Пангерманского союза¹³, ставшего своеобразным «генеральным штабом» пангерманизма, в огромной степени усилило его влияние не только на общественную жизнь страны, но и на деятельность всего германского государственного аппарата. Встав на путь проведения «мировой политики», Германская империя выдвинула претензии на мировое господство и попыталась добиться этой цели. Послед-

¹¹ Примером такой критики может служить брошюра П. Н. Милюкова «Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев» (М., 1893), в которой он показывал выделение из панславистской идеологии отдельных компонентов, проявлявшихся либо в ультранационализме (К. Леонтьев), либо в химерах всемирной теократии (Вл. Соловьев).

¹² A. Fischel. Der Panslavismus bis zum Weltkrieg. Ein geschichtlicher Überblick. Stuttgart und Berlin, 1919.

¹³ A. Kruck. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden, 1954.

ние исследования прогрессивного западногерманского историка Ф. Фишера и его школы показали во всей полноте огромную долю ответственности кайзеровской Германии в развязывании первой мировой войны и роль, которую сыграло в этом процессе мощное националистическое, пангерманское давление на руководство страны¹⁴.

Идеология пангерманизма была впитана германским нацизмом, стала составной частью человеконенавистнической идеологии гитлеризма¹⁵. Она пережила и разгром фашистской Германии. В настоящее время старые пангерманские идеи имеют широкое распространение среди реваншистских и неонацистских кругов, продолжают оказывать значительное влияние не только на развитие западногерманской общественной и культурной жизни, но и на внешнюю политику ФРГ.

Факт, что пангерманские идеи, хотя и в модифицированном виде, продолжают жить до сих пор и имеют свою социальную базу в виде западногерманского монополистического капитализма, составляет последнее и решающее отличие пангерманизма от почившего в бозе панславизма. Это же обстоятельство заставляет нас с особым вниманием подходить не только к последним проявлениям пангерманской идеологии, но и ко всем этапам ее развития, в частности к тому времени, когда зародились и пангерманализм, и панславизм, ко времени, когда появились впервые оба эти термина.

II.

Знакомство с литературой показывает, что термин «панславизм» примерно на десять-пятнадцать лет старше, чем «пангерманализм». Такое заключение может показаться странным, если учесть более раннее начало и интенсивное развитие национальной идеологии в Германии. Понять этот парадокс поможет обращение к исторической обстановке того времени, когда впервые появился этот термин.

Специальной работы, исследующей вопрос о времени и месте появления термина «панславизм», нет. Из известной нам литературы он затрагивается только в трудах А. Н. Пыпина, который относил его появление (не вполне точно) к 30-м годам XIX в.¹⁶ Пыпин отмечал чрезвычайную неопределенность это-

¹⁴ F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914—1918. 2. Aufl. Düsseldorf, 1962; I. Geiss. Juliokrise und Kriegsausbruch 1914, Bd. 1—2. Hannover, 1963—1964.

¹⁵ P. Viegels. Metapolitics. The roots of the nazi mind. N. Y., 1961.

¹⁶ А. Н. Пыпин. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913, стр. 3—16. Само слово «панславизм» впервые было употреблено словац-

го термина, тенденцию вкладывать в него разное содержание в зависимости от политических симпатий и антипатий того или иного автора, тенденцию западных публицистов видеть за ним «стремление славянского мира к объединению под предводительством России»¹⁷, что представляет угрозу Европе. Пыпин отмечал, что в возникновении этого термина сыграли роль два фактора: с одной стороны, четко проявившееся к тому времени культурно-национальное «возрождение» славянских народов и начавшееся политическое движение за признание их национальных прав, с другой — страх перед Россией. Рассмотрим оба эти явления.

Начавшееся с конца XVIII и усилившееся в начале XIX в. «возрождение» славянских народов не было изолированным явлением, а представляло собой часть общеевропейского исторического процесса, развивалось наряду и параллельно с национальными движениями немцев и итальянцев, венгров, румын, греков и ирландцев. Перед каждым из этих народов стояли свои особые исторические задачи, в их национальном движении проявлялись присущие только им особенности, выработанные национальными традициями, предшествовавшим историческим развитием и социальной действительностью. Но, несмотря на эти особенности, гораздо больше было черт, которые были присущи им всем, особенно тем народам, которые находились в сходных социально-политических условиях.

Специфической, присущей славянским народам чертой была идея славянского единства и взаимности, которая играла огромную роль в истории их возрождения¹⁸. Особое место занимал при этом вопрос об отношении славянских народов к России. Оно принимало подчас формы ярко выраженного русофильства, особенно заметного у многих деятелей чешского, словацкого, сербского, хорватского и болгарского национально-освободительного движения, а также у черногорцев. При этом нередко закрывались глаза на теневые стороны внутриполитического устрой-

ких ученым-дилетантом Яном Геркелем в трактате о «славянском языке» (*«Elementa universalis Linguae Slavicae...»*), который был опубликован в Будапеште в 1826 г. Книга Геркеля была утопической попыткой создать искусственный «всеславянский язык». С научной точки зрения книга, по словам Шафарика, представляла собой «сверхметафизическую мешанину» (*«Ottův slovník naučný»*. Praha. 1897, t. 11, str. 172), равно как язык и терминология автора. Слово «панславизм» Геркель применял к области лингвистики и не вкладывал в него политического содержания.

¹⁷ А. Н. Пыпин. Указ. соч., стр. 5.

¹⁸ Эта сторона вопроса была подробно рассмотрена в монографии чешского ученого И. Колейки (И. Колейка. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Praha, 1964). См. также соответствующие разделы обобщающих трудов: «История Чехословакии», т. I. М., 1956; т. II, М. 1959; «История Болгарии», т. I, М., 1954; «История Польши», т. I. М., 1954; «История Югославии», т. I. М., 1963.

ства тогдашней России, на отсталость ее порядков и реакционность самодержавия. Однако суть русофильства заключалась не в его односторонности. Отношение к России представляло в тех условиях не какую-либо конкретную политическую программу, а было одним из элементов национально-освободительной идеологии самих славянских народов. Точно так же за идеей славянского единства и взаимности не скрывалось каких-либо политических сил, которые стремились бы к объединению всех славянских народов в едином государстве под эгидой России. Хотя время от времени такие идеи и высказывались, они оставались утопическими.

Возрождение славянских народов и развитие идей славянского единства и взаимности достигло на рубеже 20-х и 30-х годов XIX в. такого уровня, что обратило на себя внимание европейской общественности и государственных деятелей тех стран, которые беспокоились относительно возможных политических последствий этого явления. В таких условиях в европейской публицистике 30-х годов появились голоса, предостерегавшие, как бы развитие национального движения славянских народов не превратилось в угрозу Европе. Как правило, такие предостережения исходили из завышенной оценки сил славянского национального движения и особенно крайнего преувеличения стремления славянских народов к объединению. Оборотной стороной подобных представлений был страх, действительный или мнимый, перед Россией, приписывание ей завоевательных планов в отношении Европы и вообще преувеличение ее агрессивности¹⁹.

Именно в 20—30-е годы XIX в. в Западной Европе сложился тот традиционный стереотип, который стал характерен для враждебного отношения к России на протяжении почти всего XIX в. и отдельные элементы которого пытались оживить в более поздние времена. В складывании этого стереотипа играли роль многочисленные факторы. Так, усиление политического влияния России в европейских и мировых делах с самого начала XIX в. сопровождалось не только дипломатической и военной, но и идеальной борьбой против нее. Одним из видов этой борьбы стало распространение домыслов, которые получили широкое хождение и которым нередко верили, будто Россия готовится к завоеванию Европы. Зачастую подобные утверждения сознательно распространялись в пропагандистских целях правящими кругами тех стран, которые сами имели агрессивные намерения в отношении России. Так было, например, в период наполеоновского вторжения в Россию, когда французский историк Ш. Лезюр в приложении к своей книге опубликовал в

¹⁹ Ср.: А. Н. Пыпин. Указ. соч., стр. 105.

Париже фальшивое «завещание» Петра Великого, в котором тот якобы ставил перед своими преемниками задачу завоевания Европы. Одновременно делалась попытка доказать, что политика России на протяжении всего XVIII и в начале XIX в. развивалась в направлении к достижению именно этой цели²⁰.

Несмотря на явно фальшивый характер сфабрикованного документа²¹ и откровенно пропагандистскую цель всего предприятия, стремившегося оправдать захватнические цели вторжения Наполеона в Россию («защита Европы!»), «завещание» неизменно упоминалось на протяжении многих десятилетий в антирусской литературе, публикавшейся на Западе. Развивавшиеся в нем идеи повторялись многими авторами и становились в известной степени традиционными.

В новых исторических условиях, уже после разгрома Наполеона и образования Священного союза, политическая линия, заложенная Шарлем Лезюром, была продолжена во Франции де Прадтом, предвещавшим Европе большие несчастья, если Россия станет участвовать в решении её дел, и потому предлагавшим европейским державам сплотиться против нее. Книга де Прадта²², вышедшая в 1823 г. и выдержанная в ближайшие годы ряд изданий, оказала большое влияние на последующие писания о России, особенно на формирование враждебных ей течений. Лейтмотив «русской угрозы» звучит в мемуарах Жака Ансело о путешествии в Россию (1826) и особенно — в анонимной статье, говорившей о фатальной неизбежности русской экспансии против Европы, которая была опубликована в журнале «Revue de Deux Monds» в 1829 г. и получила широкий резонанс²³.

Последняя статья, написанная в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг., показывала уже то влияние, которое начинал оказывать восточный вопрос на отношение европейского общественного мнения к России. Раньше других стран это влияние стало заметным в Англии, интересы которой сталкивались в данном пункте с интересами России. Сложившаяся ранее своеобразная «школа» английских «калармистов» уже успела возбудить в Англии беспокойство по поводу угрозы установления

²⁰ Ch. L. Lesur. Des progrès de la puissance Russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. Paris [1812].

²¹ Об истории появления этой фальшивки и ее разоблачении см.: Е. Н. Данилов. «Завещание» Петра Великого. «Труды Историко-архивного института», т. II. М., 1946, стр. 205—270; B. Mougarieff. Le testament de Pierre le Grand. Légende et réalité. Neuchâtel, 1949.

²² D.-G. F. de Pradt. Parallelle de la puissance anglaise et russe relativement à l'Europe, suivi d'un aperçu sur la Grèce. Paris, 1823.

²³ Об антирусском течении во французской политической литературе и прессе см.: R. Mc. Nally. The origins of russophobia in France 1812—1830. «The American and East European Review», 1958, v. 17, № 2, p. 173—189.

русской гегемонии в Европе. Любопытно отметить, что английский алармист Вильсон, развивавший подобные мысли, ссыпался при этом на аналогичные высказывания немецкой прессы, сообщения которой частенько перепечатывались лондонскими газетами, например газетой «Таймс» от 17 июля 1818 г.²⁴

Однако своего апогея антируссская кампания, принявшая характер подлинной русофобии, достигла в 30-х годах XIX в., чему способствовал ряд причин: позиция российского правительства в период европейской революции 1830 г., подавление восстания в Польше в 1830—1831 гг. и последующая политика в польском вопросе, безотрадная картина русской действительности в мрачные годы правления Николая I — все это давало обильную пищу для критики, особенно со стороны либерально-демократических кругов. Среди последних было заметно сильное влияние многочисленных польских эмигрантов, бежавших в европейские страны после подавления восстания 1830 г. Их деятельность будила сочувствие к полякам и негодование по поводу политики России. Ее реакционная роль в европейских делах именно в эти годы заслуженно принесла ей позорный титул «жандарма Европы». Однако ее критики из демократического и либерального лагеря, справедливо отмечая реакционность русской политики, допускали в то же время известную односторонность, приписывая только ей всю реакционность Священного союза, в результате чего политика Пруссии и Австрии, которые в равной с нею мере выступали в роли «жандармов Европы», отступала как бы на второй план. Тем не менее это обстоятельство не снимает с царского правительства его доли ответственности за общее положение дел в Европе и за его реакционную политику.

В то же время обострение восточного вопроса в начале и середине 30-х годов XIX в. вызывало напряженность в международных отношениях и склоняло правительства европейских держав к поддержке антируссской кампании, которая велась в их странах, а иногда и самим выступать инициаторами и за Kuliscyimi организаторами таких кампаний. Так было в Англии, например, где в связи с обострением восточного вопроса разразилась неистовая антируссская кампания в прессе.

Особенно выделялся на этом фоне голос Д. Урквтарта, живописавшего апокалиптические картины грядущих для Европы бедствий, если Россия захватит Константинополь. Принимая собственную гипотезу за действительность, он предвещал европейским народам перспективу мирового господства России и сеял страхи, не имевшие под собой никакой основы. В целом эта кампания, за которой стояло английское министерство ино-

²⁴ J. H. Gleason. The genesis of russophobia in Great Britain. Cambridge, 1950, p. 51—53.

странных дел, носила провокационный характер и была частью антирусской политики Англии, интересы которой сталкивались в восточном вопросе с интересами России. Следует отметить, что американский исследователь развития русофобии в Англии в первой половине XIX в. Д. Глисон приводит убедительный материал, показывающий, что сами английские правящие круги не верили в «русскую угрозу» и не чувствовали страха перед Россией, трезво оценивая как ее силы, так и ее намерения²⁵. В целом, считает Д. Глисон, там, где интересы двух стран сталкивались, «английская политика была более провокационной, чем политика России»²⁶.

Антирусская кампания в Англии в середине 30-х годов XIX в. встречала живые отклики на континенте. Во Франции ее поддерживал, в частности, известный историк Тьер²⁷. Но наиболее благодатную почву она находила в Германии. Немецкие националистические публицисты по-своему истолковали ее смысл. Со страниц их писаний вставал призрак славянского Чингисхана, угрожавшего завоеванием всей Европе и представлявшего опасность для свободы всего человечества.

С середины и конца 30-х годов центр антирусской пропаганды стал перемещаться в Германию. Уже со времен состоявшегося в 1832 г. в Гамбахе немецкого национального фестиваля в Германии упорно приписывали русскому правительству план объединения всех славянских народов под скипетром Николая I. Одновременно и в Германии, и в Англии стали раздаваться голоса, что восстановление независимой Польши может спасти Европу от русского нашествия, что Польша может стать своеобразной плотиной против угрожающего потопа. Так зарождался лозунг, что «без польской свободы не может быть германской свободы»²⁸. Кроме того, в Германии росло убеждение, что политика России является одним из основных препятствий на пути к объединению страны, и отношение к России как врагу национального единства, сочетавшееся с критикой существующих порядков в самой Германии²⁹, становилось

²⁵ J. H. Gleason. Указ. соч., стр. 170—173 и др.

²⁶ Там же, стр. 3.

²⁷ Царское правительство, твердолобо продолжавшее считать Францию источником всех революционных потрясений в Европе и обеспокоенное усилившейся антирусской кампанией во французской прессе, сочло необходимым направить в Париж своего специального секретного агента — Я. Н. Толстого, возложив на него обязанность бороться против враждебной России прессы, с распространяемыми ею «заблуждениями и клеветой». О деятельности Я. Н. Толстого см.: Е. Тарле. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. «Литературное наследство», т. 31-32, М., 1937, стр. 563—662.

²⁸ D. Groh. Russland und das Selbstverständnis Europas. Neuwied, 1961, S. 159.

²⁹ Там же, стр. 158—159.

составной частью немецкого национального самосознания того времени, особенно характерного для либерально-демократических и радикальных течений.

Утверждения, что Россия сознательно препятствует объединению Германии, усилились после публикаций в Англии Д. Урквартом в 1835 г. полученных им от польской эмиграции якобы подлинных русских дипломатических документов, подтверждавших этот тезис. С этого времени полемика по вопросу о русской политике в отношении Германии и о необходимости борьбы за объединение страны путем восстановления независимости Польши и заключения союза с Францией против России на долгое время приковывает к себе внимание немецкого общественного мнения³⁰.

Примером такой полемической литературы может служить изданная Бассерманом и Вейтцелем в 1839 г. книга «Германия и Россия». Наряду с обычными утверждениями об экспансионистских русских стремлениях авторы высказывают и развивают идею об опасности установления русского протектората над немецкими государствами. Они резко порицают немецких князей и правителей за их политику союза с царем, а немецкому бургграфству бросают упрек в забвении того факта, что они — немцы и, следовательно, принадлежат к великому народу. Если немцы хотят избежать судьбы Польши, говорилось в книге, они должны прежде всего достичь единства между собой. Обращала на себя внимание критика прусской политики союза с Россией, и выдвигалась другая концепция ее внешнеполитической ориентации: «Естественной опорой Пруссии является Германия, а немецкие земли нуждаются в прусской защите. В последнее время обе стороны осознали это и сплотились теснее»³¹. Большое внимание авторы уделяли далее организации общемецких вооруженных сил «для защиты отечества», в первую очередь от России, и требовали создания единого правительства и бундестага, которые представляли бы также честь, достоинство и интересы всех немцев за рубежом путем консультской службы, союзного флота и т. д. Россия, резюмируют авторы книги, против объединения Германии, так как это ослабило бы ее позиции, и поэтому она — главный враг. Смысл своей книги они видели в «предупреждении и совете», как бы не сбылись слова Наполеона, брошенные им на о-ве Святой Елены, что «через пятьдесят лет Европа будет казацкой».

Обсуждение проблем национального объединения Германии и выдвижение программы исторического права с его претен-

³⁰ H. Gollwitzer. Europabild und Europagedanke. Beiträge zur deutschen Geistesgeschichte des 18 und 19. Jahrhunderts. München, 1951, S. 282—324.

³¹ (F. D. Bassermann und Dr. Weitzel). Deutschland und Russland. Mannheim, 1839, S. 234.

зией на образование единого немецкого государства в границах прежней «Священной римской империи» (так называемая «великогерманская программа») показали, что, помимо внешнеполитических трудностей, такие планы встречали новые препятствия в лице национального движения славянских народов.

Чрезвычайно показательна в этом отношении была анонимная статья, появившаяся в четвертом номере «Немецкого квартальника» за 1840 г. под названием «Славянские народы и их отношение к Германии». Основной особенностью пробуждения национальной и литературной деятельности славянских народов автор считал их стремление к осуществлению «принципа одной всеобщей славянской нации в противовес венгерской и немецкой». Движущей силой, стоящей за всем этим процессом, объявлялась Россия, причем автор считал безразличным, «исходят ли эти побуждения от русского правительства или от отдельных русских».

Нарисованная в статье картина не соответствовала ни субъективным целям национального движения славянских народов или России, ни объективным процессам формирования отдельных самостоятельных славянских наций. Но это не смущало автора, который, механически перенося на них цели немецкого национального движения и представления части тогдашнего общественного мнения в Германии, особенно опасался образования единого всеславянского языка, считая это конечной целью движения славянской культурной взаимности. «Если отдельные племена смогут образовать вместе один народ, то за созданием одного народа довольно скоро само собой последует создание одного государства». Мысли автора сосредоточиваются на вопросе, как должны реагировать немцы на проявления самостоятельности славянских народов. И он приходит к выводу, что единственным выходом, если не считать объединения их под русским скипетром, является предоставление им возможности свободного национального развития «под чужим скипетром». К чести данного анонимного автора, следует сказать, что он все же понял, что «прошло время, когда в славянских странах обитали только гордые, высокомерные, в большинстве невежественные господа и низкие рабы; в новейшее время возникла масса духовных стремлений, которыми нельзя пренебрегать и презирать их, не подвергая себя опасности»³².

Однако вывод, сделанный анонимным автором, был исключением по своей либеральности и не получил распространения в немецкой общественной мысли. Исходя из тех же рассуждений,

³² «Die slavische Völker und ihr Verhältnis zu Deutschland». — «Deutsche Vierteljahrsschrift», Stuttgart, 1840, N. 4. Сокращенный текст статьи см.: D. R a p a n t. Slovenský prestolný prosobopis z roku 1842. Bratislava, 1943. Dieť druhý, dokumenty, № 25, str. 90—96.

другие политические деятели и публицисты пришли к иному заключению — о необходимости борьбы против национального движения славянских народов, которое в их представлении соединялось воедино с угрозой со стороны России, а вместе они — являлись препятствием к достижению единства Германии. Этот круг мыслей приобрел известную законченность и стабильность уже к 1840 г. и стал неотъемлемой частью националистической немецкой буржуазной идеологии того времени. Ему не хватало лишь названия, которое скрепило бы эту сумму представлений в единый комплекс и превратило бы их в стойкий стереотип. И это слово появилось в самом конце 1840 — начале 1841 г.— «панславизм».

III.

Возникновение термина «панславизм» непосредственно связано с национальными противоречиями в Австрийской империи, со сложным комплексом немецко-чешских и венгеро-словацких противоречий.

В течение 30-х годов XIX в. усилились стремления к мадьяризации славянских народов Венгрии. Особенно сильному најиму подвергались словаки, находившиеся в национальном отношении в наиболее угнетенном положении. Попытки насильственно насадить венгерский язык как обязательный не только в администрации, но и во всех областях жизни (школы, церковь и т. п.) не могло не встречать сопротивления. Оно резко возросло в 1840 г., когда граф Кароль Зай, ставший главой протестантской церкви и школ в Венгрии, попытался использовать свой пост для мадьяризации словаков, среди которых было много протестантов. Вспыхнувшая в связи с этим полемика привела к выдвижению обвинений в адрес словацкого национального движения — будто изучение словацкого и других славянских языков приведет неизбежно к образованию единого славянского народа, а тот в свою очередь подпадет под власть России³³.

Выдвижение ложной альтернативы — либо мадьяризация, либо потеря свободы и подпадение под власть России — и послужило «идейной» основой для формирования понятия «панславизм». Оно охватило и слило воедино обвинения против словацкого и других славянских народов и в сопротивлении мадьяризации, и в стремлении к развитию собственного языка

³³ D. Rapant. Указ. соч., т. II, стр. 55—61. В завязавшейся по этому поводу в октябре 1840 г. переписке с Л. Штуром К. Зай прямо заявлял, что славянские языки — это «не язык свободы и протестантизма» и что цель мадьяризации — спасти словаков от власти царя, защитить культуру и свободу.

и культуры, что с течением времени якобы привело бы к образованию единой славянской нации и подготовило славянские области, входившие в Австрийскую империю (а точнее — в Венгрию), к завоеванию со стороны России.

Термин «панславизм» в таком именно понимании впервые был употреблен в статье К. Крамарчика «Чешско- словацкие герои панславизма в Левоче», опубликованной в венгерском журнале «Таршалкод» 14 ноября 1840 г.³⁴ Появление нового термина и связанных с ним обвинений вызвало шумную полемику и способствовало его столь быстрому распространению, что следует поставить вопрос, не бытовал ли он некоторое время до появления статьи К. Крамарчика в устной речи, не употребляясь, однако, в печати? Другими словами, было ли употребление термина «панславизм» в новом, политическом, аспекте изобретением К. Крамарчика или же он воспользовался уже какой-то устной традицией, существовавшей в венгерских политических кругах националистического направления? Материалов для решения поставленных вопросов пока не имеется, однако можно полагать, что второе предположение является наиболее вероятным.

Новый термин сразу же стал боевым знаменем в борьбе против словацкого национального движения. Любое проявление в области словацкой культурной или политической жизни клеймилось как панславизм. Под лозунгом борьбы с панславистской опасностью усилилась политика мадьяризации всех входивших в состав Венгрии славянских народов, а опасности, якобы угрожавшие Венгрии, получили тенденцию трактоваться расширительно, как исходящие от «панславизма и иллиризма»³⁵. Почти одновременно (летом 1841 г.) были сделаны попытки связать обвинения в панславизме с мнимыми усилиями русской пропаганды в Венгрии по его распространению, однако никаких доказательств в подтверждение этого вымысла привести не удалось³⁶.

Борьба со словацким национальным движением сопровождалась обвинениями в панславизме и в адрес ведущих деятелей чешского национального движения, что вынесло эту борьбу за пределы Венгрии и подключило к ней австрийские правящие круги и немецкое общественное мнение. Именно такую роль сыграла появившаяся 8 февраля 1841 г. в лейпцигской «Альгемайнен цайтунг» корреспонденция из Венгрии, в которой содер-

³⁴ D. R a p a t. Указ. соч., т. II, стр. 63—68.

³⁵ J. Mésáros. Magyaren und Slowaken. Zur Frage des Panslavismus in der Vormärzzeit. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1967, N. 3, S. 394, 405, 412. Показав смысл и значение обвинений словацкого национального движения в панславизме, словацкий ученый Ю. Месарош не поставил, однако, вопроса о времени появления самого термина.

³⁶ D. R a p a t. Указ. соч., т. I, стр. 82—83.

жались утверждения, будто в Прессбурге (Братиславе) создано с участием Коллара, Палацкого и Шафарика тайное братство с целью распространения панславистских идей. Такое утверждение могло быть использовано правительством Меттерниха и министром полиции Седльницким как повод для преследований названных лиц. Естественно, что корреспонденция была расценена как провокационная и вызвала негодование деятелей чешского национального движения. Палацкий и Шафарик сочли необходимым выступить с опровержением и направить его в редакцию лейпцигской газеты официальным путем, через тогдашнего наместника Чехии графа Хотека, который в свою очередь по собственной инициативе довел его до сведения министра внутренних дел Австрии Седльницкого. Последний же, как выяснилось из его ответного письма Хотеку, уже обратил внимание на появившуюся в лейпцигской газете статью³⁷. Внимание к подобным обвинениям высших правящих кругов Австрии показывает, что они были далеко не безобидными и могли грозить серьезными политическими последствиями.

Тенденциозность, заложенная в термине «панславизм», сразу же вызвала возражения со стороны словацких политических и культурных деятелей и попытки с их стороны внести ясность в этот вопрос. Их защита против обвинений в панславизме шла по линии выделения заключающихся в термине различных составных частей и показа, что панславизм политический является химерой, а панславизм литературный и национальный — это естественное право³⁸. Хотя в подобном отрицании «политического панславизма» и заключалась безусловно верная мысль о недопустимости смешения совершенно разнородных явлений, готовность признать существование «панславизма литературного и национального» говорила о неразвитости самой терминологии — политической и культурной — славянского возрождения. По сути дела в такой формулировке смешивались в свою очередь два различных понятия — право наций на развитие родного языка и собственной культуры и идея славянской взаимности в том виде, как она была сформулирована Колларом в конце 30-х годов XIX в.³⁹ Понятно, что такая терминологическая⁴⁰ путаница, мало помогая разоблачению спекулятив-

³⁷ Опровержение Палацкого и Шафарика, составленное в чрезвычайно резких тонах, было опубликовано в лейпцигской «Альгемайн цайтунг» 10 марта 1841 г. Весь этот эпизод разобран в статье: И. Вольф. «Панславистское братство» Коллара, Палацкого и Шафарика. «Русский филологический вестник», т. LXVII. Варшава, 1912, стр. 219—231.

³⁸ D. R a p a l t. Указ. соч., т. I, стр. 82—83.

³⁹ J. Kollář. Rozpravy o slovanské vzájemnosti. Praha, 1929.

⁴⁰ По вопросу о терминологии славянской взаимности в истории славянского национального движения см.: F. W o l l m a n. Terminologie slovanské součinosti. «Slovanský přehled», 1948, № 3-4.

ных сторон термина «панславизм», как бы способствовала приобретению им прав гражданства.

Стремление венгерских политиков использовать жупел панславизма, чтобы побудить венское правительство занять более жесткую линию по отношению к славянскому национальному движению и в то же время пойти на уступки венграм, было отмечено деятелями чешского национального движения. В последовавшей в 1841—1842 гг. полемике между Лео Туном с чешской и Ференцем Пульски с венгерской стороны, которая велась вначале на страницах аугсбургской «Альгемайнे цайтунг»⁴¹, а затем — путем личной переписки, изданной потом Л. Туном⁴², был затронут весь комплекс проблем о формах и целях национальных движений славянских народов, об отношении этих движений к России и Германии, о возможных политических последствиях их для Австрии и Венгрии. Эта полемика не только познакомила немецкое общественное мнение со спорами относительно панславизма, но и ускорила оформление политического течения австро-славизма⁴³, а также заставляла уточнять свои позиции в славянском вопросе и польское освободительное движение.

Венгеро- словацкие противоречия и венгеро-чешская полемика 1840—1841 гг. были встречены в Германии с огромным интересом. Термин «панславизм», пущенный в оборот во время этих событий, был моментально подхвачен немецкой националистической публицистикой. Уже в середине 1841 г. С. Харасти в статье под названием «Восток и Запад», помещенной в венгерском журнале «Атенеум», кручился о том, что «в германских кругах панславизму уделяется большее внимание, чем в Венгрии». Между тем, рассуждал автор, панславизм угрожает Германии меньше, так как она отделена от России поляками; другое дело Венгрия, которая в данном случае является истинным бастionом цивилизации и плотиной на пути славянского потока⁴⁴.

Дальнейшее развитие событий показало, однако, что немецкие националистические круги отнюдь не собирались уступать Венгрии роль «bastiona цивилизации», что они сами хотели активно выполнять эту функцию. О том шуме, который был поднят в Германии вокруг «панславистской опасности» в начале 40-х годов XIX в., имеется чрезвычайно любопытное свидетельство непосредственного наблюдателя этих событий. Речь

⁴¹ Основные статьи опубликованы: D. R a p a t t. Указ. соч., т. II.

⁴² L. T u n. Die Stellung der Slowaken in Ungarn. Praga, 1843.

⁴³ J. N o v o t h ý. K některým problémům slovanské myšlenky v českém národním hnutí v době předbřeznové. «Historický časopis», 1960, № 2—3, str. 265—290.

⁴⁴ J. M é s á g o š. Указ. соч., стр. 410—411.

идет об оставшемся анонимным авторе вышедшей в 1843 г. в Лейпциге книги «Славяне, русские, германцы». Он принадлежал, по всей вероятности, к демократической части польской эмиграции⁴⁵. Наблюдения за развитием антиславянских настроений в Германии и побудили его выступить со своей книгой, дабы познакомить немцев со славянской точкой зрения на их собственные цели и тем самым внести вклад в дело взаимопонимания славян и немцев, что являлось, по мнению автора, столь же желательным, сколь и необходимым для обеих сторон, которым «сама судьба определила жить рядом».

В высказываниях этого анонимного автора имеются те же неточности и терминологическая путаница, которые были свойственны также словацким и чешским деятелям того периода. Идеи славян о себе и своем месте в мире, считает он, определяются одним словом, своеобразным *«vox hibrida»* — «панславизм».

Идея панславизма, говорится в книге, как и само слово, совершенно новые⁴⁶. Цель панславизма заключается в развитии науки, культуры, искусства и гуманизма у славянских народов. Но в Германии, к сожалению, ему приписывают в последнее время совсем иные цели. Сочиняются басни, будто панслависты намерены создать славянскую универсальную монархию, и при этом заходят настолько далеко, что даже приписывают славянам, в том числе и западным, умысел, будто они хотят все вместе присоединиться к России, как к единственной стране, которая представляет славянские интересы. Автор опровергает подобные утверждения и считает, что они исходят от врагов славянства и что им верят в Германии из-за всеобщего там нерасположения к России⁴⁷.

Самое плохое, говорилось в книге, что все эти замыслы обозначаются словом «панславизм», которое автор книги «Славяне, русские, германцы» считает подходящим только для обозначения благородных стремлений. Однако с «панславизмом» связывают завоевательные планы и применяют это понятие для обозначения стремлений не только распространить, но и осущес-

⁴⁵ Такое заключение следует из анализа содержания книги и политической линии автора. Помимо прочего, автор проявил исключительную осведомленность о положении польской эмиграции, особенно ее демократического крыла, и деятельности эмигрантских организаций. Он отмечал, в частности, их большую культурную роль, прежде всего в деле ознакомления западноевропейской общественности с состоянием дел в Польше и России, и подчеркивал, что всего за десятилетие с 1831 по 1841 г. польскими эмигрантами было издано в Европе 430 книг в 486 томах. См.: «Slawen, Russen, Germanen. Ihre gegenseitige Verhältnisse in der Gegenwart und Zukunft». Leipzig, 1843, S. 76.

⁴⁶ Там же, стр. 215.

⁴⁷ Там же, стр. 221.

ствовать такие планы. «И особенно привлекает к себе внимание последнее значение этого слова, за которым европейские публицисты, в первую очередь немецкие, подозревают такую массу тайных тенденций со скрытыми политическими целями, что они считают необходимым опозорить само имя «панславизм» всеми имеющимися в их распоряжении средствами, замарать его нечистотами, изобразить его в виде злотворного страшилища, окутанного в «северную ночь», и неразрывно связать его в своем распаленном воображении с русским кнутом и сибирскими заснеженными полями. А ведь эти мужи, которые с такой беспримерной яростью нападают на панславизм, принадлежат в Германии как раз к партии, которая называет себя «либеральной», к той партии, которая с несказанным воодушевлением ратует за идею «германского единства», «единой объединенной Германии», «великой немецкой нации». Как могут мужи, которые кажутся так искренне чувствующими возвышенность, величие и благородство такой идеи и так глубоко пропитанными ею, когда она относится к их отечеству, как могут такие мужи, которые к тому же называют себя «свободомыслящими», совершенно не замечать возвышенности, величия и благородства той же самой идеи и так попирать ее ногами, когда она пробуждается у соседа? Это как раз то совершенно своеобразное явление, которое до сих пор все еще слишком мало почиталось в Германии. Нам почти что кажется, что за этим скрывается что-то большее, чем „страх перед привраком“, как выразился граф Тун в своей брошюре, о которой много говорилось»⁴⁸.

Что же скрывалось на деле за ожесточенной борьбой с «панславизмом»? Автор книги «Славяне, русские, германцы» перебирает и отвергает одно за другим, как необоснованные, и опасения, как бы славяне не воспользовались своей самостоятельностью для предъявления немцам счета за прошлые их действия, и страх перед возможностью славянской агрессии. Считая все эти обвинения несправедливыми, он выдвигает идею союза западных славян с Германией, который явится не только гарантом мира в Европе, но и залогом того, что она, вопреки предсказаниям Наполеона, не станет «казацкой». «И поэтому, Германия, еще раз мы говорим: „Вот наша рука“»⁴⁹.

Изучение истории национального движения польского, чешского, словацкого и хорватского народов в 30—40-х годах XIX в. показывает, что каких-либо политических течений или идеальных направлений, ставивших целью объединить эти народы с Россией, среди них не было. Более того, с конца 30-х — начала 40-х годов начинают развиваться течения австрославизма, характерные

⁴⁸ «Slawen, Russen, Germanen...», S. 214—215.

⁴⁹ Там же, стр. 221.

для славянских народов, входивших в Австрийскую империю, а также идеи польско-немецкого союза, дополнявшиеся в аристократических кругах мыслью возложить польскую корону на прусских Гогенцоллернов⁵⁰. Понятно, что наличие таких течений не могло служить основанием для обвинений в панславизме в том виде, в каком они появились одновременно с возникновением термина «панславизм».

Возникший в Венгрии и сразу же распространявшийся в Германии термин «панславизм» был подхвачен всей европейской прессой и публицистикой. Почти одновременно он появляется и во Франции⁵¹, а несколько позднее — в Англии, став в полном смысле слова международным, хотя в употребление его вкладывался различный смысл.

В условиях, сложившихся в самом начале 40-х годов XIX в., термин «панславизм» служил не столько для обозначения конкретной политической программы национального движения славянских народов или какого-либо определенного движения, сколько для обозначения предполагаемой опасности, особенно со стороны тех народов и государств, которые видели в возрождении славянских народов угрозу своим интересам или ущемление своих национальных чувств, как это имело место, например, у немцев и венгров, среди которых и зародился первоначально термин «панславизм» как националистическая реакция на славянское возрождение.

В понятии «панславизм» отразилось не только отношение к национальному движению славянских народов, но и отношение западноевропейских наблюдателей к России, к ее действительным и вымышленным внешнеполитическим планам. Оно как бы впитало в себя необычайное преувеличение ее завоевательных тенденций, а также опасения, как бы она не воспользовалась в своих целях развивавшимся национально-освободительным движением славянских народов, нередко проявлявших к ней явные симпатии. В своем крайнем виде эти опасения находили выражение в страхе перед возможностью образования гигантской славянской империи во главе с Россией, причем предполагалось, что последняя сама стремится к этому.

IV.

Существовали ли, однако, подобные планы и стремления в самой России? Западноевропейские исследователи панславизма, обращаясь к русской действительности первой половины XIX в.,

⁵⁰ W. Feldman. *Geschichte der politischen Ideen in Polen seit dessen Teilung (1795—1914)*. München und Berlin, 1917, S. 131—132.

⁵¹ M. Cadot. *L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839—1856)*. Paris, 1967, p. 461—491.

обычно указывают в подтверждение своих теорий на славянские программы декабристского «Общества соединенных славян»⁵², «Кирилло-Мефодиевского братства» и даже Бакунина и Герцена. Однако попытки видеть во всех них представителей панславистской идеологии или считать Бакунина и Герцена, например, как это делает американский исследователь Ф. Фаднер, «левым крылом панславизма»⁵³, являются научно несостоятельными. Высказывавшиеся ими идеи славянского культурного единства и возможности образования в будущем федерации свободных славянских народов были не самостоятельным, самодовлеющим пунктом их взглядов, а подчинялись их революционному мировоззрению. На их примере особенно ясно видно, что национальный вопрос нельзя отрывать от классового подхода к его изучению, от классовой оценки всей программы того или иного течения в целом.

В названных выше примерах общедемократические освободительные и революционные взгляды составляли суть всего мировоззрения как членов декабристского «Общества соединенных славян»⁵⁴ и «Кирилло-Мефодиевского братства»⁵⁵, так и Бакунина и Герцена, несмотря на все различие их убеждений, программ и подхода к решению отдельных вопросов. Именно это обстоятельство делало подозрительным для царского правительства в те годы (первая половина XIX в.) программы федерации славянских народов, и оно неизменно относилось к этим программам отрицательно, считая их неотъемлемой частью революционного мировоззрения.

В то же время политика самого царского правительства определялась принципами Священного союза, стоявшего на страже легитимизма. Развивавшаяся в годы правления Николая I теория «официальной народности» носила на себе печать поли-

⁵² Бездоказательность и тенденциозность попыток видеть «панславистские тенденции» в воззрениях декабристов — основателей «Общества соединенных славян» братьев Борисовых или Пестеля — хорошо видны на примере работы западногерманского историка Ганса Лемберга «Национальная идеология декабристов». Говоря о таких «тенденциях», автор явно не отдает себе отчета в том, какие же теории характерны для панславизма, и видит «панславизм» в любой мысли о национальном вопросе, в любом проекте его решения, в централизаторских тенденциях конституции Пестеля и т. д. Такая неразборчивость превращается в итоге в фальсификацию, в антиисторические концепции идеалистического толка. См.: A. Lemberg. Die nationale Gedankenwelt der Dekabristen. Köln — Graz, 1963, S. 148—151.

⁵³ F. Fadner. *Seventy years of pan-slavism in Russia. Karasin to Danilevski. 1800—1870*. Georgetown, 1962.

⁵⁴ И. С. Достоин. Политические идеи Общества соединенных славян. «Советское славяноведение», 1968, № 4, стр. 19—30.

⁵⁵ Об идеологии и целях этой организации см.: П. А. Зайончковский. Кирилло-Мефодиевское общество. М., 1959.

цейско-охранительную и относилась резко отрицательно к любым не только революционным, но и просто общественным движениям, в том числе и к национально-освободительному движению славянских народов. Сам же Николай I был фанатически враждебен всему, что не соответствовало принципам монархии и верноподданничества⁵⁶. Власти подозрительно смотрели даже на такое консервативное дворянское течение, какое представляли славянофилы.

Терминологическая близость теории «официальной народности» и учения славянофилов породила в свое время ряд недоразумений, вплоть до отождествления их концепций. Не затрагивая вопроса об их взглядах в целом⁵⁷, отметим только, что и у славянофилов, как у религиозных мыслителей, стремившихся создать своего рода систему «феноменологии» русского народного духа и теологическую философию русского национального самосознания, идея славянского единства играла подчиненную роль, а будущее ставилось в зависимость от судей православия⁵⁸. Никаких политических программ и планов внешнеполитических они не строили. Несколько особняком стоит примыкавший не столько к славянофилам, сколько к идеологии «официальной народности» М. Н. Погодин, развивавший идеи о желательности использовать освободительное движение славянских народов в русских государственных интересах, но тогда его идеи не получили поддержки в правящих кругах⁵⁹. В целом у славянофилов присутствуют отдельные элементы позднейшего панславизма⁶⁰, хотя в гораздо большей степени они характерны для концепции «официальной народности». Но ни то ни другое не представляло собой шовинистической программы внешнеполитической экспансии, несмотря на то что теория «официальной народности» была реакционной, жандармско-охранительной идеологией.

⁵⁶ N. Riasanovsky. Nicolas I and the official nationality in Russia, 1825—1855. Berkeley and Los Angeles, 1959.

⁵⁷ По этому вопросу см.: Г. А. Максимович. Учение первых славянофилов. Киев, 1907.

⁵⁸ В данном случае само имя славянофилов нередко вводит в заблуждение. О его происхождении князь Вяземский писал впоследствии так: «Обращаясь к прозванию „славянофилов“, нельзя не заметить, что это прозвание насмешливое, данное одной литературной партией другой партии. Это чисто семейная домашняя кличка. Лет за сорок перед сим мы же, тогда молодые литераторы Карамзинской школы, так прозвали А. С. Шишкова и школу его. В последнее время прозвище это воскресили и обратили его к некоторым московским литераторам, приверженцам старинъ» (Цит. по кн.: Г. А. Максимович. Указ. соч., стр. 56).

⁵⁹ А. Н. Пыпин. Указ. соч., стр. 86—94.

⁶⁰ См.: А. А. Михайлов. Очерки по истории славянофильства 40—50-х годов (Панславистские тенденции в раннем славянофильстве). Тезисы к дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Л., 1939.

И славянофилы, и творцы «официальной народности» использовали, хотя и каждый в своих целях, широко распространенные в то время в европейских странах критические оценки развития «Запада», взгляды о его «упадке» и т. д. Эта тема, ставшая своеобразной модой 30-х годов XIX в., развивалась такими европейскими мыслителями, как А. де Токвиль, Клейст и др., что составило в целом довольно заметное идеиное течение⁶¹. Своебразным развитием этих идей и их истолкованием явилась вышедшая в 1838 г. в Париже книга «Будущее России», в которой автор, скрывшийся под псевдонимом Ксавье Оранский, утверждал, что Европа «отмирает» и что новую эпоху в истории человечества призваны будут открыть славяне⁶².

Представители правящих кругов России по-своему откликнулись на критические голоса, раздававшиеся в Европе. Они постарались использовать их для противодействия проникновению из-за рубежа революционной идеологии и для борьбы с прогрессивными течениями, видевшими будущее России в ее развитии по тому же пути, по которому уже шли европейские государства,— по пути капитализма. Идеологи «официальной народности», указывая перстом на многочисленные трудности развития европейских стран, создали целую легенду о «гнилом Западе» (формулировка, впервые выдвинутая С. Шевыревым в 1841 г. и долгие десятилетия употреблявшаяся правящими кругами для доказательства ненужности проведения демократических реформ и социальных преобразований).

По-иному реагировали на антитезу Восток—Запад идеологи славянофильства, формирование основных теорий которого приходится как раз на 40-е годы XIX в. Их критическое отношение к Западу, а точнее, к капиталистическому пути развития европейских стран исходит из совершенно иных принципиальных установок, чем у представителей «официальной народности», преследовавших лишь полицейско-охранительные цели. В учении славянофилов вопрос об отношениях Востока и Запада приобрел характер философского обоснования всего их мировоззрения и утверждения самобытности русского исторического процесса.

Развернутое философское учение о противоположности исторического развития России и Европы впервые создали славянофилы, хотя и до них этот вопрос поднимался русской общественной мыслью⁶³. Современные советские исследователи славя-

⁶¹ D. Groh. Russland und das Selbstverständnis Europas. Neuwied, 1961, S. 166—176. Мысли А. де Токвилля были развиты уже в XX в. Освальдом Шпенглером в книге «Закат Европы».

⁶² D. Groh. Указ. соч., стр. 161.

⁶³ В. А. Малинин. О социальных и теоретических истоках славянофильства. «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1967, № 1, стр. 80—81.

нофильства справедливо указывают на их идеологию как на своеобразную форму национального самосознания⁶⁴. В то же время советские ученые отвергают попытки реакционных буржуазных социологов, вроде Ганса Кона, видеть в спорах славянофилов и западников проявление некой извечной противоположности Востока и Запада. В основе этого спора лежал вопрос о том, как решить крестьянский вопрос в России, кто и каким образом ликвидирует крепостное право, по какому пути должна пойти страна в своем развитии.

Условия политической реакции в России времен Николая I наложили свою печать на формы этого спора и используемые в нем слова и аргументы. Доказывая, что Россия пойдет по «западному пути», западники подразумевали под ним капиталистический путь развития. Отставая самобытный, «русский путь», славянофилы желали избегнуть крайностей капитализма, однако даваемые ими рекомендации были обращены лицом к прошлому, а не к будущему. Но даже консервативный дворянский либерализм славянофилов не был пустой националистической абстракцией. И уж совсем ничего общего с панславизмом не имели западники, особенно их левое крыло во главе с Белинским, Герценом, Огаревым и др., хотя даже их взгляды буржуазная наука пытается подчас представить чуть ли не как доказательство извечной вражды России к «ценностям Запада»⁶⁵.

Лишь в писаниях позднейших панславистов, например Данилевского, Фадеева и др., противопоставление России и Европы принимает чисто националистический характер. Это противопоставление — идеалистическое и субъективное — становится исходным пунктом и основным аргументом в системе доказательств, почему Европа враждебна России⁶⁶.

Вопрос о развитии в России интереса к славянским народам в первой половине XIX в. не получил еще достаточного внимания со стороны советской исторической науки. Между тем даже факт учреждения в 1835 г. славянских кафедр в российских университетах свидетельствовал о том, что интерес к истории и культуре славянских народов был значительным⁶⁷. Целый ряд факторов заставлял русское общественное мнение — как правительственные круги, так и оппозиционные течения, в том числе

⁶⁴ А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли. «Вопросы философии», 1966, № 6.

⁶⁵ Ю. Каракин, Е. Плимак. Мистер Кон исследует «русский дух». М., 1961, стр. 49—63.

⁶⁶ Н. Я. Данилевский. Россия и Европы. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Изд. 3. СПб., стр. 188.

⁶⁷ К. Грот. К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе (из 40-х годов XIX столетия). СПб., 1904.

и возраставшее революционное движение — обращать внимание на славянский вопрос. Среди них выделялись проблемы, связанные с борьбой balkанских славян за свое освобождение от турецкого ига (сербские и греческое восстания, черногорский вопрос и т. д.), а также польский вопрос. В последнем же переплетались как внешнеполитические, так и внутренние аспекты. Вхождение Королевства Польского в состав Российской империи ставило вопросы о взаимоотношениях польского и русского народов, а также вызывало между ними идейный диалог по данной проблематике.

Исторические факты свидетельствуют о том, что зародившиеся в среде польского общественного мнения представления и взгляды сыграли значительную роль в последующем формировании отношения к славянскому вопросу как в России, так и в Западной Европе. Одним из первых польских мыслителей, поставивших славянский вопрос в разряд современных ему актуальных политических проблем, был Станислав Сташиц. В объединении всех славянских «племен» в рамках Российской империи, в создании таким путем славянского союза он видел средство, которое будет способствовать созданию союза европейских государств и приведет в конечном счете к исчезновению войн и установлению длительного мира в Европе⁶⁸. Объединение народов, связанных общим происхождением, Сташиц считал законом природы. Обосновывая систему славянской федерации, он желал обеспечить в ней Польше почетное место.

Польское восстание 1830—1831 гг. вызвало значительное изменение взглядов на славянский вопрос как в русском, так и в польском общественном мнении. Последнее под влиянием поражения восстания заняло по отношению к царской России резко враждебную позицию, в которой в течение 30—40-х годов уже не было места для идей союза Польши и России⁶⁹.

⁶⁸ W. Feldman. Geschichte der politischen Ideen in Polen..., S. 73. Фельдман считает С. Сташица «отцом панславизма», повторяя ошибку многих исследователей, называющих панславизмом любое решение славянского вопроса на основе объединения славянских народов в союз или федерацию.

⁶⁹ Отдельные лица, вроде Хене-Вроньского, продолжавшего считать, что России предназначено быть протектором конфедерации славянских народов, которые, однако, сохранят свою политическую независимость и национальную самостоятельность, или графа Адама Гурковского, писавшего об особой миссии России, стояли изолированно от основных идейных течений своего времени. Книга А. Гурковского «Россия и цивилизация» выдержала в конце 30-х — начале 40-х годов ряд изданий на немецком языке и вызвала многочисленные отклики, суть которых сводилась к утверждениям, что Россия стремится к созданию универсальной монархии и установлению своей гегемонии в Европе. Широкое распространение ее в Германии объясняется, вероятно, именно тем, что она, возбуждая подобные подозрения, способствовала пробуждению немецкого национализма. Подробный разбор книги, данный с позиций немецкого буржуазного

Для польской идейной жизни гораздо более типичными в области славянского вопроса стали либо общие теории о мессианском предназначении славянских народов (А. Чешковский и др.), либо идеи объединения западных славян независимо от России или даже против нее. Один из таких мыслителей — Теофил Вишневский — проповедовал необходимость объединения малых славянских народов в большие государства, которые уже в свою очередь образуют славянский союз. Что касается русского народа, то он будет допущен в него лишь в том случае, если сможет освободиться от царского деспотизма⁷⁰. В целом идеи и теории в области славянского вопроса, рождавшиеся в среде польской политической эмиграции, были тесно связаны с общим направлением развития европейской политической мысли в национальном вопросе и зачастую просто применяли к славянам общие теории, имевшие хождение в Европе.

Вопрос об отклике, который встречали все эти теории в русском общественном мнении, не изучен. Его исследование затруднялось помимо прочего существовавшими в то время в России политическими условиями николаевского режима с его драконовской цензурой печати, препятствовавшей свободному обсуждению в прессе волновавших умы проблем. Единственной сферой, где проявлялась независимая от правительства мысль, была художественная литература. Однако обращение к ней как к источнику по истории общественной мысли требует большой осторожности вследствие фрагментарности отдельных высказываний и необходимости их проверки другими фактами с учетом общего развития идейной жизни страны. Вырванные из контекста исторической действительности отдельные цитаты могут лишь ввести в заблуждение или стать объектом недобросовестного использования и истолкования. Так произошло, например, с вопросом, поставленным А. С. Пушкиным в начале 30-х годов XIX в. в связи с размышлениями поэта о польском восстании и будущих судьбах славянских народов: «Славянские ля ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет? — Вот вопрос». Эти две строфы А. С. Пушкина получили незаслуженно большую международную огласку и вызвали массу споров, нареканий, опровержений и искажений. Буржуазный польский историк В. Фельдман обываял поставленный Пушкиным вопрос чуть ли не главным вопросом, волновавшим поэта⁷¹, и видел в

либерализма, содержится в обширной статье Карла Хагена «Россия и славянство» (K. Hagen. Fragen der Zeit, vom historischen Standpunkte betrachtet, Bd. I. Stuttgart, 1843, S. 315—316). Взгляды А. Гуровского подверглись резкой критике и со стороны польской эмиграции. См.: A. Mauritius. Der Panslawismus. Eine Improvisation als Sendschreiben an den Grafen Adam Gurowski. Leipzig, 1843.

⁷⁰ W. Feldman. Указ. соч., стр. 143—144.

⁷¹ Там же, стр. 88.

приведенных выше строах формулировку захватнических стремлений русского государства⁷². В таком же духе пытались толковать пушкинские строфы и многие буржуазные исследователи истории панславизма, видевшие в приведенных выше словах глубинные панславистские корни в общественной мысли России. Очевидно, что подобные толкования отличаются чрезвычайной предвзятостью. Невозможно судить о словах Пушкина без учета господствовавших в тот период и в России, и в Европе романтических представлений о характере развития национальных взаимоотношений, без учета, в частности, взглядов на славянский вопрос в польском общественном мнении и русских откликов на эти взгляды. Рассуждения поэта, носившие риторический характер, следует рассматривать в рамках его отношения к «домашнему спору» славян между собой, в его отрицательном отношении к вмешательству в этот спор иностранных держав и с учетом того, что он сам, поставив вопрос о будущем, не дал на него ответа, предоставив это истории.

В целом, несмотря на значительный интерес к славянскому вопросу, он не занял в умственной жизни русского общества 30—40-х годов XIX в. того места, которое занимал в Польше, не говоря уже о Чехии и Словакии. В те годы он был частным, производным вопросом от основной проблемы эпохи — проблемы путей дальнейшего развития страны, и от ответа на этот основной вопрос зависело отношение к вопросу славянскому различных слоев русского общества, равно как из различных оценок прошлого своей страны делались ими различные выводы о ее будущем⁷³.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что во внутренней жизни России 30—40-х годов XIX в. не было явлений, которые служили бы основанием для раздуваемых в Западной Европе страхов перед угрозой русского завоевания, и планов создания универсальной славянской монархии, что могло бы объяснить появление термина «панславизм».

V.

Говоря об обстоятельствах появления термина «панславизм», нельзя не обратить внимание на ту сторону вопроса, которую отмечает социальная психология, в частности — психология массовых движений. Возникновение термина раньше представляемого им явления, его превентивный характер, свидетельствует о том, что сам термин и обозначаемая им гипотетическая опа-

⁷² W. Feldman. Указ. соч., стр. 141, 143.

⁷³ См.: М. М. Ковалевский. Философское понимание судеб русского прошлого мыслителями и писателями 30-х и 40-х годов. «Вестник Европы», 1915, № 12, стр. 163—201.

сность были необходимым компонентом в процессе формирования другого явления, другой идеологии. Речь идет о внутренних закономерностях появления и развития немецкого национализма. В данном случае создание представления об одном из предполагаемых врагов (панславизм, «оны») были определенной стадией в становлении идеологии национализма немецкого («мы»), сигнализировало о действии своеобразного социально-психологического механизма, с помощью которого происходило его формирование⁷⁴. Именно здесь коренится непонятный на первый взгляд парадокс более раннего появления термина «панславизм» не только по сравнению с обозначаемым им явлением, но и по сравнению с термином «пангерманизм». Здесь явственно проявились как взаимозависимость обоих терминов, так и схожесть стоявших за ними явлений и антагонистичность их программ.

В появлении термина «пангерманизм» прослеживается уже аналогия, построение его по принципу существующего термина «панславизм», давшего образец для подражания в наименовании всех последующих «пан»-движений. Как и в случае с панславизмом, появление пангерманской идеологии и политического движения следует отнести к периоду после революции 1848 г., а наиболее интенсивное развитие — ко второй половине XIX—началу XX в., т. е. к гораздо более позднему времени. И хотя появление термина «пангерманизм» не сопровождалось таким шумом и спорами, традиции немецкого национализма были гораздо более прочными и развитыми.

Перед немецким национальным движением, начавшим развиваться со второй половины XVIII в., стояли задачи объединения страны. Значительно более развитые в социально-экономическом отношении, чем Россия, хотя и более отсталые по сравнению с передовыми странами того времени — Францией и Англией, немецкие земли были раздроблены на многочисленные мелкие и мельчайшие княжества. Более крупные государства — Австрия и Пруссия — вели собственную политику, а «Священная Римская империя германской нации» превратилась в анахронизм. В таких условиях социальной основой национального движения выступала нарождавшаяся немецкая буржуазия, являвшаяся передовым классом. Поскольку объединение страны не могло быть достигнуто без устранения стоявшего на пути к этой цели всего феодального строя с его крепостной зависимостью крестьянства и отсталой политической системой, то идеология раннего немецкого национализма была тесно переплетена с идеями борьбы против феодализма, с требованиями буржуазно-демократических преобразований и свобод.

⁷⁴ Сравни: Б. Ф. Поршинев. Социальная психология и история. М., 1966, стр. 78—84.

Огромное влияние на развитие идеологии немецкого буржуазного национализма оказала эпоха Великой французской революции и наполеоновских войн. Разгром наполеоновскими войсками Пруссии в 1806 г. привел к оккупации немецких земель, ликвидации «Священной Римской империи» и сопровождался национальным ущербом и оскорблением национальных чувств немецкого народа. Период наполеоновского господства стал временем бурного развития национально-освободительных идей и националистической идеологии, охвативших все слои немецкого общества, особенно в ходе войны за освобождение в 1813—1814 гг.⁷⁵ В эти годы сложились основные идеи, которые затем развивались более поздним немецким национализмом, влияние которого проявилось во всех сферах общественной жизни и во всех областях культуры, где он был вначале особенно заметен.

В философии одним из первых проповедников превосходства немцев над всеми другими народами выступил И. Фихте, во взглядах которого националистические идеи перемешивались с антифеодальными и буржуазно-демократическими⁷⁶. Об избранности немецкой нации, воплотившей в себе часть всеобщей идеи, говорил Шеллинг. Но наиболее полно и всесторонне эта мысль была развита Гегелем, который увидел в немецком народе и прусском государстве воплощение всемирного духа. Отсюда он делал вывод об особой исторической миссии немцев, о превосходстве немецкой культуры. Интересно отметить, что Гегель исключал из истории славянские народы, как не воплотившие в себе никакой абсолютной идеи, считал их неспособными к историческому творчеству, «неисторическими». Эти и другие идеи были подхвачены и развиты другими представителями германского национализма. Особое значение для теории и практики германского национализма имело восхваление государства и войны как высшего и неизбежного средства разрешения всех международных конфликтов. Культ грубой силы и войны, без которой человечество стало бы разлагаться и загнивать в условиях вечного мира, легли в основу позднейшей пангерманской политики, служили для оправдания самых агрессивных и захватнических актов.

Помимо классической немецкой философии, сыгравшей большую роль в качестве теоретической базы для развития националистических идеологий других народов, немецкий национализм находил свое воплощение и развитие в литературном течении романтизма. Немецкий романтизм не выдвинул крупных

⁷⁵ E. N. Anderson. Nationalism and the cultural crisis in Prussia, 1806—1815. N. Y., 1939.

⁷⁶ A. Abusch. Johann Gottlieb Fichte und die Zukunft der Nation. Berlin, 1962.

литературных имен. Но в политическом отношении он представлял собой националистическую реакцию на либерально-демократические и рационалистические принципы Великой французской революции. Идеализация прошлого, выдвижение на первый план нации, немецкого народа и построенных на этой основе концепций жизни и поведения человека, его морали, воспевание всего немецкого и противопоставление его всему ненемецкому составляли его суть. Признанным выразителем политических устремлений немецкой романтической школы стал Адам Мильтер. К ней примыкали Эрнст Арндт⁷⁷ и многие другие деятели немецкой культуры и науки. Романтизм явился наиболее широким, массовым и влиятельным течением, развивавшим и пропагандировавшим идеи немецкого национализма.

Отличительной особенностью немецкой националистической идеологии была ее тесная связь с историзмом. Последний проявился в немецкой историко-государственной школе, поставившей в центр своих исследований историю отдельных народов и государств взамен прежней универсальной всеобщей истории. В числе первых создателей этой школы выделяются имена Бурке и Ранке. Ее наиболее значительным вкладом в развитие националистической идеологии была концепция исторического права, на основании которой вскоре стали строиться проекты объединения Германии в границах «Священной Римской империи» в период ее наибольшего территориального распространения, без учета этнического состава населения и позднейшего исторического развития отдельных входивших в ее состав земель. Эта концепция сразу же породила опасные тенденции противопоставлять немецкое историческое право национальным правам других народов, особенно тех, которые выдвинули по тому же принципу и развили программы своих исторических прав, зачастую взаимоисключающих друг друга (исторические права поляков, чехов, хорватов, венгров и т. д.).

В раннем немецком национализме имелись значительные элементы идеологии позднейшего пангерманизма. В их числе следует прежде всего отметить связь буржуазного национализма с национализмом добуржуазным, феодальным, особенно заметную в Пруссии с ее юнкерскими традициями милитаризма и политикой «Дранг нах оsten», направленной против славянских народов. Эти традиции подогревались фактом вхождения в состав Пруссии обширных польских земель с многочисленным польским населением, по отношению к которому велась политика его онемечивания, хотя в первой половине XIX в. она не приняла еще массовых размеров. К прусским традициям были близки по духу австрийские, строившиеся на подчиненииsla-

⁷⁷ G. Wiegand. Zum deutschen Russlandsinteresse im 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1967.

вянских земель Габсбургской монархии. Эти традиции не отвергались, а усваивались немецким буржуазным национализмом, ослабляя его первоначальную связь с демократическими и либеральными идеями, окрашивая его во все более реакционные тона.

Заметным событием было также появление крайне националистического течения, наиболее ярким представителем которого был Фридрих Людвиг Ян. Создавая в период наполеоновского господства тайные общества и добровольческий корпус, а позже — гимнастические общества и националистические студенческие союзы, Ф. Ян стремился организовать массовое националистическое движение. Опираясь на школу романтизма, Ян развивал культ «народного» примитивизма и тевтонской грубости, высказывал идеи о необходимости «биологической чистоты» немецкого народа и очищения немецкого языка от всех иностранных слов, в первую очередь от французских. Ратуя за воссоздание немецкой империи, он считал необходимым присоединить к ней также Швейцарию, Данию и Голландию. Он строил агрессивные планы как против французского народа, призывая к борьбе с влиянием французской культуры, так и против славянских и прибалтийских народов, считая их «неполноценными» и подлежащими подчинению Германии. Ян пользовался огромным влиянием среди своих последователей, которых он подбивал к крайним демонстрациям национальных чувств, вроде сожжения ненавистных им книг и т. д. За подобные взгляды и действия американский историк П. Фиерек называл Яна «первым штурмовиком» в истории Германии⁷⁸.

Наконец, нельзя пройти мимо антиславянской, в частности антирусской, установки раннего немецкого буржуазного национализма, которая четко прослеживается уже с начала XIX в. В 30—40-х годах она превращается в устойчивый стереотип, определяющий подход к национальному движению славянских народов, к оценке их общественной жизни и культуры, а также враждебное отношение к политике России. Делаются даже попытки строить теоретические и исторические концепции извечной вражды, которая существовала якобы с древнейших времен между немецким и славянскими народами⁷⁹. Антиславянские сентенции щедро рассыпаны в писаниях и речах идеологов немецкого национализма. Политические деятели в 40-х годах высказывали опасения, как бы национальное движение славянских народов, особенно чехов и поляков, не нарушило принципа немецкого исторического права и не затруднило объединения Германии в границах «Священной Римской империи».

⁷⁸ P. Viereck. Metapolitics. The roots of the nazi mind. N. Y., 1961, p. 63.

⁷⁹ M. W. Heffter. Der Weltkampf der Deutschen und Slawen seitdem Ende des fünften Jahrhunderts. [1847].

Так, выступая в 1846 г. в Баденской палате, радикальный депутат Ф. Геккер говорил о стремлении панславизма к мировому господству и об угрозе нового монгольского нашествия на Германию. При этом, указывал он, особая опасность создается для «немецких провинций, где живут славяне», а эксплуатируемые крестьяне в Богемии, Венгрии и Хорватии надеются, что царь объединит все народные ветви. Единственный выход для Германии, подвергающейся угрозе как с Востока, так и с Запада, Ф. Геккер видел в скорейшем объединении всех немецких государств, которые только тогда смогут противостоять «ликующим уже сегодня славянам»⁸⁰. Подобные же опасения широко распространялись немецкой публицистикой, которая также беспокоилась из-за судьбы немцев в Австрии⁸¹.

Исследования об отношении европейского общественного мнения к России показывают, что с начала 40-х годов XIX в. центр русофобии в Европе переместился в Германию, которая добровольно берет на себя задачу от ее имени вести «духовную полемику с Россией»⁸². В конкретных условиях того времени полемика в немецкой прессе относительно целей русской политики велась путем широкого обсуждения публикаций Д. Уркварта и полуофициального ответа на них российского правительства, данного в книге Гольдмана «Европейская пентаркия» (1839), а также вышедшей в 1843 г. в Париже и сразу же переведенной на немецкий и другие европейские языки книги А. де Кюстина «Россия в 1839 г.», рассказывающая о впечатлениях автора от поездки в Россию и о характере николаевского самодержавия. Укреплявшееся убеждение в агрессивных намерениях России вообще, а по отношению к Германии — в особенности сопровождалось в немецкой прессе утверждениями, что в лице национально-освободительного движения славянских народов Россия имеет в «немецких землях» своего рода «пятую колонну». Все это скреплялось термином «панславизм», объединявшим обе опасности в неразрывное целое.

Одновременно в буржуазной немецкой публицистике либерального и радикального толков шла выработка представлений о возможных способах борьбы с предполагаемой угрозой. К середине 40-х годов XIX в. они четко сформировались в триединое требование восстановления Польши, объединения Германии и заключения германо-французского союза против России⁸³. Эта программа дополнилась позднее соображениями о желательности превентивной войны против России, получившими особенно

⁸⁰ A. Fischel. Der Panslawismus bis zum Weltkrieg. Ein geschichtlicher Überblick. Stuttgart und Berlin, 1919, S. 227.

⁸¹ Там же.

⁸² D. Groh. Указ. соч., стр. 194.

⁸³ Там же, стр. 190.

широкое распространение в начале революции 1848 г. Все вместе это свидетельствовало о приобретении немецким буржуазным национализмом антирусской и антиславянской направленности, которая с течением времени приобретала все большую остроту и стала характерной чертой позднейшей идеологии пангерманизма, вовравшего в себя также элементы прусского милитаризма с его традиционной политикой «Дранг нах оsten».

Многочисленные материалы в немецкой публицистике, направленные против национально-освободительного движения славянских народов, и бросавшиеся им ложные упреки в панславизме, враждебное отношение политических деятелей и части немецкого общественного мнения к целям этого движения не могли остаться без ответа в среде деятелей славянского возрождения и освободительного движения. По-видимому, именно среди них и зародился термин «пангерманизм», который постепенно стал применяться для обозначения отрицательного отношения в Германии к правам славянских народов и желания во что бы то ни стало удержать в своем составе славянские «исторические провинции». Этот термин появился в самый канун и в ходе революции 1848 г. и уже в 50-х годах XIX в. приобрел полные права гражданства.

Специального исследования о времени и обстоятельствах появления термина «пангерманизм» не имеется. Вышедшая в 1938 г. книга К. Вессель «Пангерманизм. История и опровержение пропагандистского лозунга» не носит научного характера и является обычной нацистской агитационной брошюрой⁸⁴. Все усилия автора направлены на раскрытие глубин мудрости, заложенной в отдельных высказываниях Гитлера, Розенберга, Боле и других нацистских оракулов. Собственные рассуждения автора иногда до смешного напоминают тезисы современной западногерманской реваншистской литературы⁸⁵. Основной вывод автора, что термин «пангерманизм» — это ложь и клевета, выдуманные для того, чтобы сеять панику и чернить Третью империю, был характерен для нацистского подхода к истории.

Как и в случае с термином «панславизм», от возникновения

⁸⁴ K. Wessely. *Pangermanismus. Geschichte und Widerlegung eines Schlagwortes*. Linz a. d. Donau, 1938, S. 18—24.

⁸⁵ Так, говоря о гитлеровском намерении объединить в границах Германии всех проживающих в Европе немцев, К. Вессель пишет: «Новая империя не связывает с этим никаких завоевательских планов, никакого „Дранг нах оsten“ и не хочет никого германизировать. Она лишь требует как представитель и выразитель чаяний нации права для всех немцев иметь возможность заявить о своей принадлежности к собственному народу и его мировоззрению, права, которым давно располагают другие народы и которое они — часто пренебрегая другими народами — в виде права на самоопределение превратили в основу их государственной независимости» (там же, стр. 155). Написанные в 1938 г., эти заверения прожили недолгий век.

термина «пангерманизм» до его применения для обозначения определенной политической программы прошел известный срок. Впервые в известной нам литературе он встречается в книге А. Гуровского «Панславизм». Исходя из своей идеалистической концепции, будто каждая раса, достигнув определенной степени развития, стремится к объединению как необходимой предпосылке своего выхода на мировую арену, автор конструирует схему исторического развития Европы, где на смену античности пришел вначале пангаллизм, а затем — пангерманизм. Панславизм, с его точки зрения, — грядущий, следующий за ними этап, неизбежное следствие действия «законов природы»⁸⁶.

На примере книги А. Гуровского отчетливо прослеживается воздействие термина «панславизм» на формирование политической лексики, на возникновение других, новых терминов, построенных по принципу аналогии. Не исключено, что на образование неологизма «пангерманизм» А. Гуровского натолкнула книга французского ученого, профессора славянских языков и литературы Коллеж де Франс Киприана Робера «О двух панславизмах», вышедшая в 1846 г. и переведенная в следующем году на немецкий язык. Говоря о панславизме как тенденции к образованию союза славянских государств, К. Робер ищет аналогии этому явлению в античности и находит в древнегреческих союзах амфиктионов проявление панэллинизма. Обращаясь к современной ему действительности, К. Робер считает, что в случае возникновения угрозы Франции при определенных условиях могло бы возникнуть течение в пользу образования франко-латинского союза Франции с Италией и Испанией, что положило бы начало «своего рода панлатинизму»⁸⁷. Хотя он и не употребил термина «пангерманизм» для характеристики все возрастающего стремления к объединению Германии, образование нового понятия как бы напрашивалось само собой.

Возникнув в определенных условиях и не получив на первых порах политической окраски, термин «пангерманизм» не нашел широкого распространения в период революции 1848 г. Интенсивно он входит в научный и политический оборот лишь с конца 50-х годов XIX в., после выхода в свет книги норвежского профессора П. А. Мунка «Пангерманизм», в которой автор проповедовал необходимость и неизбежность объединения Скандинавских стран, в первую очередь Дании, с Германией в единый союз с целью противостоять России. Он видел в объединении «северных и южных германцев» желанную цель — «пангерманизм», который будет «самым действенным противовесом угрожа-

⁸⁶ A. Gurowski. *Le Panslawisme. Son histoire, ses véritables éléments: religieux, sociaux, philosophiques et politiques*, t. I. Florence, 1848, p. 107—111.

⁸⁷ C. Robert. *Der zweifache Panslawismus. Die gegenwärtige Lage der slawischen Völker gegenüber Russland*, Leipzig, 1847, S. 79.

ющему панславизму»⁸⁸. Как и в приведенных выше случаях, в книге П. А. Мунка видна взаимозависимость обоих терминов, а также их прямая конфронтация, выведенная в данном случае из общих установок немецкого буржуазного национализма.

Дальнейшее развитие и наполнение терминов «панславизм» и «пангерманизм» их современным содержанием — тема самостоятельного исследования, выходящая за рамки данной статьи. Следует, однако, отметить, что в понимании представителей самых разнообразных политических течений в различных славянских землях термин «пангерманизм» довольно скоро приобрел отрицательную окраску. Не случайно, видимо, одновременно с ним появляется другой термин — «Дранг нах оsten», служивший для обозначения в первую очередь антиславянской политики германских правительств, их завоевательных стремлений в отношении славянских земель⁸⁹.

VI.

В заключение нам остается разобрать вопрос о том, как был встречен термин «панславизм», и прежде всего — самими славянскими народами. Несомненно, они раньше и острее других почувствовали спекулятивное начало, заложенное в этом термине во время его возникновения и становления, его чрезвычайно широкое толкование, попытки подвести под него разнообразные явления и факты.

Неудовлетворительность термина была очевидна непредубежденному наблюдателю с самого начала и побуждала искать выход в рассуждениях о различных видах панславизма. Именно она заставила, например, говорить французского ученого К. Робера «о двух панславизмах», делать резкое различие между «литературным» и «политическим» панславизмом, а последний в свою очередь делить надвое и сопровождать предупреждениями о недопустимости смешения «русского панславизма» с западнославянским. Расчленив таким образом термин, К. Роберт настаивал на дифференцированном подходе к каждой из его составных частей и отмечал, что их намеренно путает гернская пресса, которая стремится «сделать панславистские идеи ненавистными в Европе»⁹⁰, так как не желает допустить образования других независимых славянских государств. О том, что именно из Германии исходит сильно преувеличеннная тревога об угрозе панславизма, писал в 1848 г. польский эмигрант граф

⁸⁸ P. A. M u n k. Der Pangermanismus. Eine Schrift für Deutschland und die nordischen Reiche gegen den dänischen Skandinavismus und das Russentum. Aus dem Norwegischen. Hamburg, 1857., S. 75.

⁸⁹ «Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе». Сборник статей по истории так называемого «Дранг нах оsten». М., 1965, стр. 42—44.

⁹⁰ C. R o b e r t. Указ. соч., стр. 80.

В. Красинский, отмечая одновременно, что в Англии этот термин известен еще мало⁹¹.

Преувеличение грядущих от панславизма опасностей сопровождалось в Германии, особенно в среде либеральной буржуазии, усилением националистических настроений, в которых, начиная с середины 40-х годов XIX в., особенно после подавления Krakowskого восстания 1846 г., все более явственно звучат голоса, исполненные нетерпимости к национальному движению славянских народов. Обратной стороной подобных настроений выступали рассуждения о духовном превосходстве «немецкой натуры», об избранности немецкого народа, о его призвании взвалить на себя бремя политической гегемонии в Европе⁹². Шовинистические нотки сыграли немалую роль в формировании антиславянской направленности немецкого буржуазного национализма, в частности его антирусских установок.

В настоящее время пока невозможно проследить реакцию в России на появление термина «панславизм»: условия николаевской цензуры не допускали свободного обсуждения в прессе подобных вопросов. С другой стороны, отсутствие откликов можно истолковать как косвенное свидетельство недостаточного внимания, которое уделялось этому явлению. Однако антирусская кампания, проводившаяся в немецкой печати с начала 40-х годов XIX в., не осталась незамеченной. Чрезвычайно любопытным документом по данному сюжету является письмо Ф. И. Тютчева, направленное в 1844 г. издателю аугсбургской «Альгемайне цейтунг» Густаву Колльбу⁹³. Хорошо знавший немецкие условия, живший тогда в Мюнхене Тютчев не только мог вблизи наблюдать развитие немецкой общественной жизни, но и как дипломат задумывался над возможными последствиями русофобии, распространявшейся германской печатью.

Тесно связанный с правящими кругами России Ф. И. Тютчев не увидел глубоких корней происходящих событий и пытался найти их истоки в «нравственной безответственности» немецкой прессы, чем, с его точки зрения, единственно возможно «объяснить себе это пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение, которое она в продолжение стольких лет выражает против России... Зачем? С какой целью, в пользу кого?» По мнению Тютчева, это безрассудно, ибо Россию и все правительства в Германии вот уже в течение 30 лет связывают отношения, которые «никогда не были более доброжелательны, более тесны, что никогда не существовало более искренно-душевного единомыслия между этими государствами и Россиею». Не за-

⁹¹ V. Krasinski. Panslavism and germanism. London, 1848, p. 103.

⁹² Th. Rohmer. Deutschland's Beruf in der Gegenwart und Zukunft. Leipzig, 1847, S. 168—170.

⁹³ «Русский архив», 1873, № 10, стр. 1993—2019.

мечая, что именно это «единомыслие» заставляло передовые слои немецкого народа переносить отрицательное отношение к своим реакционным правителям и на Россию (хотя сам по себе этот факт недостаточен для объяснения причин русофобии в Германии), Тютчев характеризует внешнюю политику России как чрезвычайно выгодную Германии. Он напоминал о давней французской политике, направленной на сохранение раздробленности Германии, говорил о заслугах России в деле освобождения немецких земель от наполеоновского господства и ее роли гаранта от нового французского вмешательства в немецкие дела, приводя в качестве примера военную тревогу 1839 г., когда намерения правительства Тьера вторгнуться в пределы Германии были сорваны решительным противодействием России. Тютчев отвергает возводимое против России обвинение, будто она препятствует политической самостоятельности, единству и развитию конституционного начала в Германии. Он считал, что Россия во многом содействовала тому, что последние 30 лет (т. е. с момента освобождения от наполеоновского господства до времени написания письма) были самыми счастливыми годами германской истории, и был поражен тем, что германской прессе «удалось с помощью призыва, постоянно повторяемого настоящему поколению, при его нарождении, почти удалось... эту же самую державу преобразовать в чудовище для большинства людей нашего времени, и многие уже возмужалые умы не усомнились вернуться к простодушному ребячеству первого возраста, чтобы доставить себе наслаждение взирать на Россию как на какого-то людоеда XIX в.».

Тютчев видел возраставший разрыв между политикой германских правительств и общественным мнением. Последнее занято мыслью о германском единстве, и Тютчев упрекает его в близорукости, в непонимании истинных препятствий на пути к этому единству. Враждебность к России может привести Германию к краю пропасти, где ее судьбы уже не раз подвергались крушению. Не считая внутренних причин, главное препятствие на пути к единству Германии Тютчев видел в политике Франции и усматривал смысл июльской революции 1830 г. во французском намерении вернуть себе преобладание на Западе. Лишь существование России уравновешивает давление Франции. «Из этого порядка вещей,— заключал Ф. И. Тютчев, — могут вытекать только следующие три единственны возможные отынне исхода. Германия, верная союзница России, сохранит свое преобладание в центре Европы, или это преобладание перейдет на сторону Франции. И знаете ли вы, милостивый государь, чем бы выразилось для вас это превосходство Франции? То была бы если не внезапная гибель, то положительное изнурение Германии. Остается третий исход, быть может и заманчивый в глазах некоторых людей,— Германия в союзе с Францией про-

тив России... Увы! Эта комбинация уже была испытана в 1812-м году и, как вам известно, имела мало успеха; притом не думаю, чтобы по истечении ныне пройденных тридцати лет Германия была расположена признавать возможность существования нового Рейнского союза, так как всякое тесное сближение с Францией не может выразиться чем-то иным для Германии.

Как видно из приведенных выдержек из письма Тютчева к Г. Кольбу, его мысль вращалась исключительно в круге международных, внешнеполитических проблем и не содержала националистического подхода к определению целей внешней политики России, что стало впоследствии, в 50—60-х годах XIX в., характерным моментом для самого Тютчева. Тогда во время написания письма в 1844 г., у него пробивались лишь ноты рассерженного официального патриота, раздраженного немецкой неблагодарностью и оскорбленного несправедливым отношением к России. Тютчев убежден, что русское общественное мнение поддержало бы его мнение, если бы узнало о содержании этого письма. «До их пор русское мнение слабо возмущалось этими возгласами германской печати, не потому чтобы оно относилось равнодушно к мнениям и чувствам Германии, конечно, нет; но ему не хотелось придавать серьезное значение всему этому треску, всем этим словоизвержениям, всей этой пальбе на воздух против России; оно принимало все это разве только за какую-то не вполне приличную потеху. Русское общественное мнение положительно отказывается допустить, чтобы степенная, серьезная, честная, вполне правдивая нация, какою наконец известна миру Германия во все эпохи своей истории, чтобы эта нация, говорю я, могла отрешиться от своей природы и усвоить себе другую, созданную по образцу нескольких мечтательных и нестройных умов, нескольких странных и недобросовестных крикунов; чтобы Германия, отказываясь от своего прошлого, не сознавая настоящего и скажая будущее, согласилась признать и питать дурное чувство, недостойное ее, единственно из удовольствия совершить великий политический промах. Нет, это невозможно!

...Расположение умов, которое создано и которое стараются распространить в Германии по отношению к России, еще не составляет прямой опасности, но оно весьма легко может сделаться таковою»⁹⁴.

Можно предположить, что позиция Ф. И. Тютчева в какой-то мере отражала настроения правящих кругов России, видевших в русско-германском союзе преграду для революционных идей,

⁹⁴ Все цитаты из письма Тютчева к Кольбу приведены по русскому тексту, опубликованному под названием «Россия и Германия». «Русский архив», 1873, № 10, стр. 1993—2019.

шедших, по их мнению, из Франции, и руководствовавшихся старыми представлениями о роли Франции, и целях ее политики в Европе. Отсюда — беспокойство по поводу расположения умов в Германии в отношении России, неправильная оценка причин этого явления и отсутствие внимания к термину «панславизм» как отражение непонимания сущности немецкого буржуазного национализма и степени его влияния на политическое положение в стране, в частности на внешнеполитические аспекты проблемы германского единства.

По-иному реагировали на усиление антиславянских настроений в Германии деятели польского и чешского национального движения. Во второй половине 40-х годов XIX в. у них замечаются попытки использовать жупел «панславизма» как средство давления на германские правительства и общественное мнение с целью заставить их пойти на уступки национальным требованиям славянских народов в Пруссии и Австрии. Именно такой была реакция польских эмигрантских кругов на вспышку антипольских чувств в Германии после Краковского восстания 1846 г. Большую полемику с их стороны вызвала появившаяся тогда в аугсбургской «Альгемайнे цайтунг» статья Г. Вутке «Поляки и немцы», автор которой в грубой форме высказывал претензии на польские земли Познанской провинции, призывал к их германизации, а недовольным полякам предлагал эмигрировать в Варшаву или к своим друзьям в Париж⁹⁵. Ответом на этот шовинистический выпад явилась анонимная брошюра под заглавием «Письмо польского дворянина немецкому публицисту». Автор бросал упрек германским государствам, что они из польских национальных чувств делают орудие для сдерживания России, заставляя славян бороться против славян в пользу Германии, а сами тем временем проводят германизацию польских земель. Если такая политика будет продолжаться, говорилось в письме, то у поляков не останется другого средства, как предложить руку дружбы России, ибо только русское влияние сможет защитить их от угрозы поглощения немцами⁹⁶. Комментируя этот факт, В. Красинский подчеркивал, что развитие дальнейших отношений Германии к Польше и другим славянским народам во многом определит будущие отношения между Россией и Польшей. Если поляки увидят, что не получают от Германии необходимой поддержки в восстановлении независимости своей страны и что Германия не имеет других целей, как только испугать поляками Россию, то поляки придут к идее сердечного союза с Россией и вместо барьера, защищающего Европу от России, станут авангардом славянства против Европы.

⁹⁵ V. Krasinski. Указ. соч., стр. 132—141.

⁹⁶ «Briefe eines Polnischen Edelmanns an einen Deutschen Publizisten». Hamburg, 1846; V. Krasinski. Указ. соч. стр. 199—200.

пы и особенно против Германии⁹⁷. Красинский отмечает, что его высказывание следует понимать лишь как предупреждение. Интересы Германии, считает он, требуют ее справедливого отношения к славянам, ибо только так можно предотвратить образование Русско-славянской империи⁹⁸, что будет означать угрозу Германии. Справедливым же решением Красинский считал восстановление Польши и превращение Австрии в славянское государство, в которое на правах конфедерации может войти и Польша. Тогда панславистские планы будут неосуществимы. Как видно, пугало панславизма было использовано в данном случае для подкрепления аргументации того плана решения польского и, шире, славянского вопроса, который зрел в польских эмигрантских кругах.

Примерно так же использовался термин «панславизм» и чешскими либералами для обоснования программы австрославизма. Наиболее ярко их тактику запугивания австрийских правящих верхов угрозой панславизма с целью получения определенных уступок продемонстрировал Ф. Палацкий уже в 1848 г. в своем «Письме во Франкфурт». Центральное место в его рассуждениях занял вопрос об угрозе образования «всеславянской монархии», панславистской «всемирной Русской империи». Единственную панацею от этого зла он видел в сохранении Австрийской империи. Но придать силу этой империи может только признание ее центральным правительством национальных прав за каждым населяющим ее народом. Ф. Палацкий призывал поэтому, обращая свои взоры не к Франкфурту, а к Вене, и убеждал венское правительство, «что еще и теперь не поздно для Австрийской империи провозгласить, без недомолвок и ясно, это основное правило справедливости, этот священный якорь среди угрожающего кораблекрушения, и дать ему повсюду силу и значение»⁹⁹. Палацкий высказал в данном случае лишь более четко уже сформировавшийся ранее тезис идеологов австрославизма. Нельзя не отметить, что позиция их отличалась известной двусмыслинностью: хотя угроза для национального существования и независимости чешского народа исходила от Германии и немецкого национализма, в чем полностью отдавали себе отчет деятели чешского национального движения, они приводили в подкрепление своей программы федерального переустройства Австрийской империи с целью достижения национальной автономии не столько угрозу германизации, сколько панславистскую угрозу, которая в действительности не существовала в тот период. Видимо, такая аргументация

⁹⁷ V. Krasinski. Указ. соч., стр. 219.

⁹⁸ Там же, стр. 224, 252—253.

⁹⁹ «Письмо во Франкфурт» Ф. Палацкого на русском языке см.: «Современная летопись», 1865, № 17, стр. 5—6.

тация учитывала не столько реальное положение вещей, сколько психологию венских правящих кругов, которые не боялись первого и страшились второго, понимая, однако, под панславизмом не русскую угрозу (в нее они не верили), а опасаясь национального движения славянских и других народов Империи. Позднее, в 1849 г., венское правительство, дав согласие на царскую интервенцию в Венгрии, на деле доказало, как оно мало верило в панславистские стремления России. Это не помешало ему, впрочем, обрушиться потом на национальное движение славянских народов под лозунгом борьбы с панславизмом.

Было бы, конечно, ошибкой сводить отношения немецкого и славянских народов того времени к выработке противостоящих националистических концепций. На деле этот процесс развивался лишь в либерально-буржуазных и консервативных кругах, политическая активность которых редко выходила за круг национальных проблем и робких проектов социальных реформ. Именно в этой среде зарождались националистические идеологии, возникали националистические лозунги и создавалась соответствующая терминология.

Действительная картина взаимосвязей славянских и немецкого народов была несравненно богаче и шире. Для их радикально-демократических течений характерны близость социально-политических идеалов, стремление к сотрудничеству и взаимной поддержке, уважение к национальным правам других народов. Известно, например, горячее сочувствие немецких революционеров-демократов к национально-освободительному движению польского народа. Многосторонни и плодотворны были связи демократических течений немецкого и чешского народов как в решении социальных проблем, так и в области культуры¹⁰⁰. Число подобных примеров можно было бы продолжить. Их отсутствие в данной статье определяется ее проблематикой, стоявшей перед автором задачей проследить возникновение терминов «панславизм» и «пангерманизм» на фоне зарождения буржуазно-националистических идеологий в Германии и славянских странах.

Сказанное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Термин «панславизм» возник на фоне широко распространенных в Европе в первой половине XIX в. опасений относительно русских агрессивных намерений, приписываемых ей стремлений создать универсальную монархию и планов установления мирового господства, а также боязни использования Рос-

¹⁰⁰ См.: A. Hofmann. Die Prager Zeitschrift «Ost und West». Ein Beitrag zur Geschichte der deutsch-slavischen Verständigung im Vormärz. Berlin, 1957.

сией национального движения славянских народов в своих целях. Он был тесно связан с феноменом «русофобии», центр которой с конца 30 — начала 40-х годов XIX в. переместился в Германию.

2. Непосредственное возникновение термина «панславизм» связано с венгеро- словацкой и чешско-немецкой полемикой 1840—1841 гг. и было одним из проявлений националистической реакции на освободительное движение славянских народов со стороны буржуазно-либеральных и консервативных течений в Германии и Венгрии.

3. Возникновение термина «панславизм» явилось определенным этапом в развитии немецкой буржуазно-националистической идеологии и свидетельствовало об усилении ее антиславянской, и в частности антирусской, направленности, подогреваемой подозрениями, что Россия является одним из основных препятствий на пути к общегерманскому единству.

4. Во время своего возникновения термин «панславизм» не соответствовал существовавшим тогда в России и в славянских землях идейным и политическим течениям, носил ярко выраженный превентивный, спекулятивный характер и был использован для борьбы с национальным движением славянских народов.

5. Неразвитость терминологии славянского национального движения не дала возможности своевременно разоблачить тенденциозный характер термина «панславизм», неудовлетворительность и противоречивость которого была видна с самого начала, что породило терминологическую путаницу и способствовало его распространению. Кроме того, либеральные деятели национального движения славянских народов сами были не прочь использовать жупел «панславизма» как средство давления на правящие круги Австрии и Пруссии с целью добиться от них определенных политических уступок.

6. Возникновение термина «пангерманизм» следует отнести ко времени революции 1848—1849 гг., а его упрочение — к концу 50-х годов XIX в. При этом замечается его построение по аналогии с уже существовавшим термином «панславизм», который дал образец для создания наименований целого ряда последующих «пандвижений» (панэллинизм, панисламизм и т. д.).

7. Возникшие в 40-х и 50-х годах XIX в. термины «панславизм» и «пангерманизм» были применены впоследствии для наименования националистических идеологий и политических течений русской и германской империалистической буржуазии и милитаристско-бюрократических кругов, основное развитие которых приходится на вторую половину XIX — начало XX в.

Н. А. СОБОЛЕВА

ОБРАЩЕНИЕ ПРАЖСКОГО ГРОША В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Проблемы общеевропейских экономических связей не раз возникали перед учеными-медиевистами. В значительной степени разрешению этих проблем может содействовать нумизматика, предоставляющая историкам новый, ранее не использованный источник, незаменимый при изучении торговых связей, товарно-денежных отношений и других сторон экономической жизни общества.

Под этим углом зрения в данной статье рассматривается распространение в европейских странах чешской грошовой монеты XIV — первой половины XVI в. — пражского гроша, который, выйдя за пределы Чехии, распространился во многих странах Европы: клады пражских грошей как бы объединяют Германию, Австрию, Венгрию, Чехию, Польшу, а также Юго-Западную Русь, земли Литовского великого княжества, Молдавию.

Роль пражского гроша в экономике вышеназванных стран окончательно не исследована. Нельзя сказать, чтобы эта монета совсем не привлекала внимание зарубежных нумизматов и историков, занимавшихся проблемами денежного хозяйства средневековой Европы,— слишком заметный след оставили они в виде кладов и свидетельств многочисленных письменных источников в денежном обращении Европы. Однако в трудах известных историков и нумизматов — К. Т. Инамы-Штернегга¹, В. Ессе², Ф. Фриденсбурга³, Е. Барфельдта⁴, Г. Бука⁵, А. Зу-

¹ K. Th. Inama - Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte in den letzten Jahrhunderten des Mittelalters, Bd. 3, T. 2. Leipzig, 1901, S. 10—11.

² W. Jesse. Münz- u. Geldgeschichte Niedersachsens. Braunschweig, 1952, S. 40—42.

³ F. Friedensburg. Münzkunde und Geldgeschichte der Einzelstaaten. München — Berlin, 1926, S. 84—85.

⁴ E. Barfieldt. Das Münzwesen der Mark Brandenburg. Berlin, 1895, S. 1—2.

⁵ H. Buck. Das Geld- u. Münzwesen der Städte in den Landen Hannover und Braunschweig. Frankfurt-am-Main, 1935, S. 25.

ле⁶ и других мы находим о пражских грошах лишь самые общие сведения.

Имеется несколько работ, посвященных непосредственно пражским грошам, но изучение их ограничено узкими территориальными или хронологическими рамками⁷.

Роль пражского гроша в денежном обращении Германии, Австрии, Венгрии, Польши и не могла быть выявлена в полной мере, так как не принимались во внимание и всесторонне не анализировались клады пражских грошей, найденные в этих странах, хотя именно монетный клад является памятником современного ему денежного обращения. Только в последние годы появляются исследования, освещающие денежное обращение отдельных центральноевропейских стран в XIV—XV вв. исходя из анализа кладов этого времени. К ним относятся прежде всего работы П. Бергхайза⁸, Б. Коха⁹.

В польской историко-нумизматической литературе, пожалуй, основополагающей работой, которая определяет место пражского гроша в денежном хозяйстве Польши XIV—XV вв., является труд Ф. Пекосиньского¹⁰. Однако некоторые его теоретические выводы должны быть, несомненно, проверены на более массовом кладовом материале. Заслуживают внимания статья Р. Гродецкого о появлении пражских грошей в Польше¹¹, а также соответствующие разделы в книге М. Гумовского о литовской нумизматике¹². В самых общих чертах освещает роль

⁶ A. Suhle. Deutsche Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum 15. Jahrhundert. Berlin, 1955, S. 13.

⁷ A. Luschin. Ueber den Umlauf der böhmischen Groschen in der Stelermark. «Archiv für österreichische Geschichte», 1871, Bd. 47, S. 238—247; K. Schalk. Wiener Münzverhältnisse im ersten Viertel des 15. Jahrhunderts. Beilage B. Die böhmische Groschen als Teil des Münzsystems in den Jahren 1404—1430. «Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung», 1883, Bd. IV, S. 589—593; B. Hóman. Friesacher, Wiener u. böhmische Münzen in Ungarn zwischen den Jahren 1200 bis 1338. Böhmisches Groschen (1301—1338). «Numismatische Zeitschrift», Neue Folge, 1918, Bd. 11, S. 26—38; O. Lanž. Prager Groschen. «Mitteilungen der Bayerischen numismatischen Gesellschaft», 1929, Bd. XLVII, S. 39—58.

⁸ P. Berghaus. Schatzfunde aus Westfalen und seinen Nachbarlandschaften. Münster, 1955; он же. Währungsgrenzen des Westfälischen Oberwesergebietes im Spätmittelalter. Hamburg, 1951.

⁹ B. Koch. Böhmishe und mährische Münzen des Mittelalters im österreichischen Geldumlauf; он же. Goldgeld und Groschenmünzen im mittelalterlichen österreichischen Geldverkehr (эти работы присланы автором в рукописи. Первая представляет собой доклад, сделанный на нумизматическом конгрессе в Брюсселе. Вторая будет напечатана в 81-м томе «Numismatische Zeitschrift»).

¹⁰ F. Piekosiński. O monetie i stopie menniczej w Polsce w XIV i XV wieku. Kraków, 1878.

¹¹ R. Grodecki. Pojawienie się groszy czeskich w Polsce. «Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne», t. XVIII, 1936, str. 76—87.

¹² M. Gumiowski. Numizmatyka litewska wieków średnich. Kraków, 1920.

пражского гроша в денежной системе средневековой Польши в своей работе Р. Керновский¹³.

Чешская историческая и нумизматическая литература, посвященная пражским грошам, обширна, и сделать ее обзор в данной статье не представляется возможным. Отметим главный, на наш взгляд, недостаток чешской литературы: грошовая монета исследуется в рамках собственной страны. Это в значительной степени ограничивает использование выводов, полученных при изучении нумизматического материала, для исследования истории средневековой Чехии.

Чеканка крупной серебряной монеты, предпринятая Вацлавом II, представляет собой, несомненно, выдающийся факт, но не исключительный. Выпуск грошовой монеты в Чехии обусловлен общими для всей Европы закономерностями развития общества того времени, которые способствовали и дальнейшему развитию монетного дела. Если не рассматривать чеканку пражских грошей на общеевропейском фоне, невозможно ответить на целый ряд вопросов, связанных с обращением пражских грошей как в самой Чехии, так и за ее пределами.

Но для этого необходимо учесть и сопоставить массовый кладовый материал, составить общеевропейскую топографию находок пражских грошей.

К сожалению, научная топография находок пражских грошей имеется только в Чехословакии¹⁴. Правда, в ГДР и ФРГ имеются сведения о находках пражских грошей, однако количество этих топографий невелико¹⁵. Поэтому автору пришлось составить сводки находок пражских грошей на территории ГДР и ФРГ, Польши, Австрии, Венгрии, Румынии самостоятельно, используя периодические нумизматические и археологические издания указанных стран, а также публикации находок пражских грошей в них, помещенные в историко-археологической и нумизматической литературе. Собранные сведения о находках пражских грошей нашли отражение в трех картах, показывающих распространение их в Европе.

Не претендую на исчерпывающую полноту сводок, в силу того что некоторые иностранные издания остались нам недоступны, отметим, что составление топографий по странам позво-

¹³ R. Kiersnowski. Wstęp do numizmatyki polskiej wieków średnich. Warszawa, 1964, str. 129—130.

¹⁴ «Nálezy minci v Čechách, na Moravě a ve Slezsku», II. Praha, 1956.

¹⁵ W. Schwandt. Westpreussische Münzfunde. «Beiträge zur Landeskunde Westpreußens. Festschrift zum XV Deutschen Geographentag», Danzig, 1905, S. 126—128; E. H. Werther. Die Münzfunde zwischen Elb- und Wesermündung. «Hamburger Beiträge zur Numismatik», 1955/56, H. 9/10, S. 81—82; W. Hävernick unter Mitarbeit E. Mertens u. A. Suhle. Die Mittelalterlichen Münzfunde in Thüringen. «Veröffentlichungen der thüringischen historischen Kommission», Bd. IV. Jena, 1955.

ляет, во-первых, представить себе общеевропейскую картину обращения пражского гроша, во-вторых, отметить особенности этого обращения в отдельных странах Европы.

Пражский грош — один из многих типов грошовой монеты, которая с конца XII—XIII в. появляется в Европе и знаменует собой переход европейского денежного обращения на новую, высшую ступень в связи с развитием производительных сил общества.

Однако именно чешский грош приобрел необычайную популярность на международных рынках. На общем фоне нежизнеспособности денария существовали в самой Чехии благоприятные условия, способствовавшие выпуску устойчивой крупной серебряной монеты. Такими условиями, по нашему мнению, являются следующие: 1) определенный, достаточно высокий уровень развития экономики страны; 2) относительно сильная центральная политическая власть, способная провести в имеющихся условиях унификацию монеты; 3) наличие крупных природных месторождений драгоценных металлов.

Более или менее сходные условия имелись также во Франции — родине другой широко распространенной на международных европейских рынках монеты средневековья — гро турнуа, конкурирующей по популярности с пражским грошем. Впрочем, слово конкуренция здесь не совсем уместно, так как гро турнуа имел успех на рынках Западной, Северо-Западной и Северной Европы, а пражский грош — в Центральной и Восточной Европе. Таким образом, места распространения этих монет в общем-то не совпадали, а если и совпадали, например, в некоторых областях Западной и Северо-Западной Германии, то монеты успешно сосуществовали.

Ни одна из европейских стран не обладала подобным сочетанием данных, необходимых для выпуска крупной серебряной монеты. Например, Германия. Она занимала одно из ведущих мест в Европе по добыче серебра, однако слабость королевской власти, ее бессилие концентрировать монетную чеканку помешали такой организации монетного дела, как во Франции или Чехии. В результате чеканка собственной грошовой монеты в Германии началась сравнительно поздно, носила подражательный и в основном локальный характер.

Пожалуй, исключение составляют мейссенские гроши, распространившиеся не только в Германии, но и в Польше, и даже в Чехии. Однако к их выпуску приступили через 40 лет после начала чеканки пражских грошей, которые, как предполагают¹⁶, служили образцом для мейссенских. Действительно, по внешнему виду мейссенский грош более, чем какая-либо другая мо-

¹⁶ K. Castelin. Kdy byly raženy první mišeňské groše? «Numismatický listy», XV, č. 3—4, 1959, str. 84.

нета, напоминает пражский грош. Особенно похожи изображения идущего на задних лапах льва и написание текста легенды на оборотной стороне монет. Считают, что мейссенские и пражские гроши чеканились на одной весовой основе¹⁷.

Выпуск пражских грошей, по-видимому, с самого начала был обусловлен не только состоянием производительных сил и внутренними потребностями чешского общества, но и международной конъюнктурой: с развитием торгового оборота нужда в высококачественной крупной монете в европейских странах увеличилась, и пражские гроши явились выгодным товаром, который Чехия использовала в международной торговле.

Как показывают статистический подсчет и анализ кладов с пражскими грошами, найденными в Чехии и вне ее, пражские гроши уже первых выпусков вышли за пределы собственной страны.

Если внутри страны отмечено около 80 находок пражских грошей времен и чекана Вацлава II и Яна Люксембургского, то за ее пределами — примерно столько же: в ГДР и ФРГ — 31, в Польше — 28, на территории СССР — 10—11, в Венгрии — 7, Румынии — 2, Австрии — 2.

Следовательно, пражские гроши с первых дней своего существования выполняли функцию не только средства внутреннего обращения, но и мировых денег. «Функция мировых денег все яснее, все более четко отделяется от функции средства обращения по мере того как централизуются крупные государства и расширяются области, которые образуют экономико-политическое единство и в пределах которых деньги являются средством внутреннего обращения, и по мере того как расширяются обороты внешней торговли в современном смысле — торговли между странами, разделенными национально-государственными границами. В соответствии с этим устанавливается некоторое разделение сфер обращения между серебром и золотом. Последнее играет значительную роль именно как мировые деньги. Однако наряду с золотом в международном платежном обороте принимает большое участие и серебро»¹⁸.

Особенно это относится ко второй половине XIII — началу XIV в., когда золотая монета, прежде всего в форме итальянских флоринов и дукатов, начала завоевывать европейские рынки как международное средство платежа, однако не могла удовлетворить потребности возросшего торгового оборота. В это время крупная серебряная монета, которая возникает в качестве местной монеты, выполняет функции золотой монеты, т. е. является международным средством платежа. Этую функцию вы-

¹⁷ К. Castelin. Указ. соч., стр. 84—85.

¹⁸ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения, т. I. Деньги в феодальном хозяйстве. М., 1948, стр. 126.

поляли прежде всего гро турнуа, или турнозы, а также пражские гроши. Судя по тому, что оплата турнозами производилась в Мозельской области уже в 1276 г.¹⁹, в Кельне — в 1286²⁰, в Рейнской области в 1295—1315 гг., турнозы были обычными в торговле²¹. Чеканка подражаний турнозам в Голландии, например, началась уже при Флорисе V (1266—1296)²². Турнозы, подобно пражским грошам, вышли за пределы собственной страны сразу же, как только были выпущены. Находки кладов с турнозами, а также многочисленные подражания им очерчивают круг стран, на рынках которых гро турнуа обращался в качестве *Handelsmünze* — торговой монеты. Это страны Северо-Западной Европы, граничащие с Францией страны Центральной Европы — Люксембург, Рейнские области Германии. Турнозы также охотно принимали в Северной Европе: Северной Германии, Норвегии, Швеции, Дании²³. Вряд ли можно утверждать, что гро турнуа играл большую роль в местном денежном обращении этих стран в первой половине XIV в. В данном случае можно присоединиться к мнению В. Ессе, который писал: «Иностранные монеты, в первую очередь английский стерлинг, так же как и французские и нидерландские гроши..., как золотые флорентийские монеты, в местном обращении не играли в это время никакой роли. Когда эти монеты упоминаются в источниках, речь идет об интернациональных связях...²⁴

Что касается пражских грошей, то значение их как торговой монеты за пределами Чехии отмечали многие западноевропейские исследователи. Это, например, Э. Вашинский²⁵, М. Гумовский²⁶ и К. Т. Инама-Штернегг, который подчеркивал: «Все-таки турнозы, так же как богемские гроши, вне пределов их происхождения почти исключительно обращались как торговая монета»²⁷.

Обратимся к кладам пражских грошей. Ареал распространения их иной, чем турноз. Судя по составленной топографии,

¹⁹ F. Friedensburg. Указ. соч., стр. 46.

²⁰ H. Keussen. Münzgeschichtliches aus Kölner Quellen. «Blätter für Münzfreunde», 1924, Bd. XVI, S. 54.

²¹ C. V. Ernst. Ueber die Turnose. «Monatsblatt der numismatische Gesellschaft in Wien», № 302, 1909, S. 358.

²² A. Engel, R. Seggure. Traité de numismatique du moyen âge, t. III. Paris, 1905, p. 1136.

²³ W. Jesse. Der Wendische Münzverein. Lübeck, 1928, S. 77.

²⁴ Там же.

²⁵ E. Waschinski. Die Münz- u. Währungspolitik des Deutschen Ordens in Preussen. Göttingen, 1952, S. 72.

²⁶ M. Gumowski Moneta złota w Polsce średniowiecznej. Kraków, 1912, str. 11.

²⁷ K. Th. Inama-Sternegg. Die Goldwährung in deutschen Reich während des Mittelalters. «Zeitschrift für Sozial- u. Wirtschaftsgeschichte», 1895, Bd. III, S. 11.

сн охватывает страны Центральной и Восточной Европы. Своебразной точкой пересечения является территория по среднему Рейну: здесь, в области распространения преимущественно гро турна, встречаются клады с пражскими грошами. Но следует помнить, что в данном районе проходили торговые пути на рынки Северо-Западной Европы, поэтому присутствие пражских грошей не должно удивлять.

Расположение кладов с пражскими грошами в других областях Германии показывает, что примерно до 70-х годов XIV в. обращение их ограничивалось ее восточной частью. Соседство с Чехией, обстоятельства политической истории способствовали распространению в этих районах Германии пражских грошей. Однако главной причиной была, пожалуй, следующая: это области, в которых существовала усиленная чеканка брактеатов²⁸, причем особенно интенсивная — в Тюрингии. Если рассматривать чеканку брактеатов как способ ускорить и увеличить выпуск монеты, обусловленный усиленным развитием торгово-денежных отношений, то понятно будет, почему грошовая монета получила здесь такое быстрое признание. Грошовая монета принимала участие в местном денежном обращении, о чем свидетельствуют находки грошей вместе с денариевой и брактеатовой монетой, обращавшейся на данной территории.

Как показывает топография находок пражских грошей, в Южной Германии почти не встречаются клады с пражскими грошами первых выпусков — Вацлава II, Яна Люксембургского, однако регенсбургские источники содержат сведения о выплате каких-то сумм в пражских грошах²⁹. По сообщению Ф. Бастiana, Х. Гrote³⁰, они заменили собой слитки, т. е. употреблялись в крупных платежах. После 1327 г. в результате временной стабилизации и упрочения регенсбургского пфеннига, а также из-за ухудшения пражского гроша³¹ от использования его временно отказались. В Баварии и Швабии с Франконией почти весь XIV в. господствовал пфенниг или, точнее, различные виды пфеннига. В Баварии в 1300—1375 гг. обращались регенсбургские, мюнхенские, аугсбургские, зальцбургские, пассауские, ингольштадтские пфенниги и геллеры ($\frac{2}{3}$ мюнхенского пфеннига)³². Главенствующее место занимал регенсбургский пфенниг, который из-за своего относительно постоянного веса охотно принимался на рынках других стран. Баварские герцоги, по словам Х. Келлнера, не видели никакой необходимости

²⁸ A. Suhle. Указ. соч., стр. 78.

²⁹ F. Bastian. Die Wiener Pfennige im bayerischen Goldsystem des XIV. Jahrhunderts. «Numismatische Zeitschrift», Neue Folge, 1930, Bd. 23, S. 98.

³⁰ Там же, стр. 98. H. Grote. Münzstudien, Bd. VI. Leipzig, 1865, S. 65.

³¹ F. Bastian. Указ. соч., стр. 99.

³² F. Bastian. Mittelalterliche Münzstätten u. deren Absatzgebiete in Bayern. Berlin, 1910, S. 36.

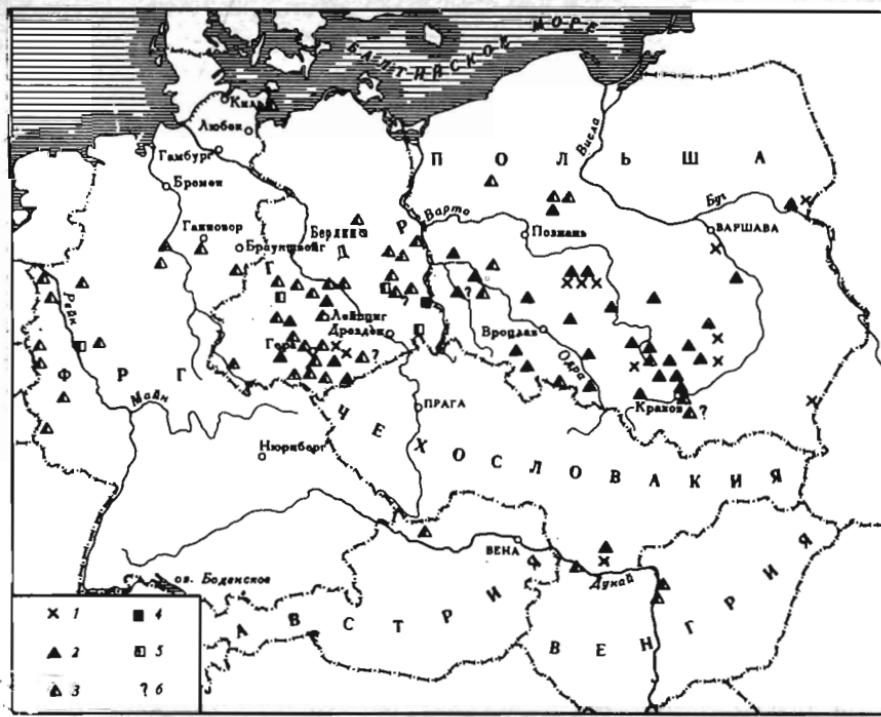

Рис. 1. Карта распространения в Европе пражских грошей в XIV в.

(На территории Чехословакии находки не обозначены, так как нет необходимости дублировать карту № 3—4 находок пражских грошей, составленную чешскими нумизматами и опубликованную в издании «Nálezy minci v Čechách, na Moravě a ve Slezsku», t. II. Praha, 1956).

1 — отдельные находки пражских грошей; 2 — клады пражских грошей; 3 — клады пражских грошей и других монет (слитков); 4 — клады с пражскими грошами, определенными недостаточно полно; 5 — клады с пражскими грошами, определенными недостаточно полно, и с другими монетами (слитками); 6 — правильность определения состава клада вызывает сомнение

чеканить у себя грошовую монету³³. Только в 1507 г. при Альберте IV начали выпускать первые баварские гроши стоимостью в 3 крейцера³⁴. В Швабии грошовая монета не чеканилась и не копировалась, как это было, например, в Мейссене и Гессене, вероятно, из-за недостатка серебра³⁵. Во Франконии и Верхнем

³³ H. J. Kellner. Zwei neue Münzfunde im Museum Landshut. «Veröffentlichungen des Historischen Vereines für Niederbayern», Bd. 79, 1953, S. 123.

³⁴ O. Lanz. Указ. соч., стр. 42.

³⁵ H. Grote. Указ. соч., стр. 126; V. Katz. Kontramarky na pražských groších. Praha, 1927, str. 9.

Пфальце в обращении также преобладали пфенниги. Потребности в крупной серебряной монете возникли в этих областях позднее, в конце XIV в. Тогда-то и появился в местном обращении пражский грош.

В Австрии пражские гроши известны уже с 1315 г.³⁶ Они заменили слитковое обращение. Однако пражские гроши в первой половине XIV в. играли в Австрии определенную роль, выступая в «большом денежном обращении» (*Grossgeldverkehr*) — крупных платежах внутри страны и в международной торговле. В местном денежном обращении пражские гроши еще не участвовали, о чем говорит почти полное отсутствие их в кладах того времени.

В нашей сводке имеются лишь два клада — один из Вюрцбурга, содержащий около 1000 пфеннигов, два гроша Вацлава II и 10 грошей Яна Люксембургского; второй — из Хёрвейкса, в котором найден всего один пражский грош Яна Люксембургского вместе с двумя тысячами австрийских пфеннигов. Оба клада происходят из пограничных с Чехией областей. С 1340 г. в австрийских источниках о пражских грошиах не упоминается. Исследователи считают, что они были вытеснены золотой monetой³⁷. Это еще одно доказательство употребления пражских грошей в предшествующий период лишь в крупных платежах.

Вероятно, та же картина была в Венгрии. Клады с пражскими грошами Вацлава II и Яна Люксембургского здесь немногочисленны, сосредоточены в основном в северной части, у границы с Чехией. В кладах, кроме пражских грошей, имеются гроши Карла Роберта (1308—1342). Из анализа кладов с пражскими грошами видно, что массового распространения в первой половине XIV в. в Венгрии эти монеты не получили, хотя в платежных документах они упоминаются наряду с марками серебра и венскими денариями³⁸. Пражские гроши второй половины XIV — первой половины XV в. еще менее представлены в венгерских кладах. Это и понятно: В Венгрии появились собственные гроши, которые начал выпускать Карл Роберт в 1328—1329 гг.³⁹

В Польшу приток грошей, как полагают ученые, начался уже в первое десятилетие XIV в. Одни связывают их поступление с воцарением на польском престоле Вацлава II⁴⁰, други-

³⁶ B. Koch. Böhmishe und mährische Münzen...

³⁷ Там же; A. Lüschin-Ebengreuth. Die Wiener Pfenninge. «Numismatische Zeitschrift», 1876, Bd. VIII, S. 287; он же. Ueber den Umlauf, S. 246.

³⁸ F. Kovats. Magyar pénzjörgalom az Anjouk korában. Pénztörténeti régésták. «Numizmatikai Közlöny», XXV év., 1926, Budapest, 1928, p. 98—109; L. Huszár. Monnaie de Hongrie. Budapest, 1963, p. 12.

³⁹ B. Hóman. Указ. соч., стр. 36.

⁴⁰ F. Piekosinski. Указ. соч., стр. 24; J. Pošvář. Česká grošová reforma 13.—14. století a Polsko. «Studia z dziejów polskich i czechosłowackich», t. I. Wrocław, 1960, str. 134.

гие считают, что интенсификация их наплыва наступает после 1305 г., т. е. после смерти Вацлава II, и объясняется тесными торговыми связями⁴¹. Приводятся сведения⁴² об упоминаниях пражских грошей в письменных источниках: в Силезии — с 1307 г., в Малой Польше пражские гроши обычны с 1306, в Великой Польше — с 1307, в Куявии — с 1312, в Мазовии лишь с 1340 г.

Однако в Польше не изучались находки монет XIV—XV вв. в их совокупности. Такая задача, несомненно, стоит перед польскими нумизматами: привлекая данные письменных источников, всесторонне осветить денежное обращение Польши в XIV—XV вв. Высказанные ниже положения основываются лишь на изучении опубликованных находок пражских грошей на территории Польши.

На первый взгляд в Польше, в отличие, например, от Южной Германии или Австрии, имеется обилие кладов с пражскими грошами первой половины XIV в. Однако находки располагаются, в основном, в Силезии и Малой Польше. Силезия входила в домен Люксембургов, Малая Польша также была включена в состав чешского государства, правда, на несколько лет. Следовательно, тесные политические и хозяйствственные контакты этих районов Чехии закономерны, и имеется объективная причина проникновения пражских грошей прежде всего именно в эти районы Польши. Но нас интересует другой вопрос: насколько велика была роль пражского гроша в денежной системе Польши (естественно, речь идет об упомянутых выше районах) в это время. Характерной же чертой польских кладов с пражскими грошами по сравнению с кладами этого периода, найденными, например, в Восточной Германии, является тот факт, что в кладах отсутствует местная монета. Из 32 кладов периода Вацлава II — Карла I только в одном кладе, кроме пражских грошей, имеются две польские монеты XIV—XV вв. (точное определение отсутствует). Пражские гроши, вероятно, участвовали лишь в крупных платежах, как это было в первой половине XIV в. в Южной Германии, Австрии, Венгрии.

Клады с пражскими грошами лежат на крупнейшем международном торговом пути, связывающем Центральную Европу с Восточной: Прага — Вроцлав — Краков — Владимир — Киев или Краков — Львов, а также на его ответвлении — известной дороге, которая шла по территории Польши в обход Кракова через Велюнь, Опочно, Радом и связывала Вроцлав со Львовом.

⁴¹ R. Grodecki. Указ. соч., стр. 78.

⁴² Там же, стр. 81—82; R. Kiegsnowski. Указ. соч., стр. 63.

Естественно, что и местное денежное обращение в какой-то степени могло обслуживаться пражскими грошами (об этом свидетельствуют единичные находки на городищах и могильниках, сделанные на территории Польши). Особняком стоят две группы находок пражских грошей в Калише (Великая Польша), который являлся одним из центральных пунктов известного торгового торуньско-вроцлавского пути⁴³, и около г. Жнина (Куявия). Происхождение этих кладов как результата торговых связей несомненно. Подобные клады найдены в Силезии. Кроме пражских грошей, в них также имеются мейссенские гроши, участвовавшие в денежном обращении Великой Польши.

Найдки кладов с пражскими грошами на международных торговых путях подтверждают положение о том, что в первой половине XIV в. эти монеты вне пределов своей страны выступали, главным образом, в роли международного платежного средства. Они свидетельствуют также, что в указанный период наблюдается разделение европейских рынков. Найдки пражских грошей очерчивают круг стран, где они употреблялись в качестве международного платежного средства. Это страны Центральной и Восточной Европы: Южная и Центральная Германия, Австрия, Чехия, Венгрия, Польша, Юго-Западная Русь, Молдавия. На рынках Северо-Западной и Северной Европы в это время господствовал французский гро турнуа. Такое разделение европейских рынков ни в коем случае не означает, что абсолютно исключаются торговые контакты между этими двумя группами стран, однако позволяет высказать предположение, что внутри каждой из групп связи между странами, входящими в нее, были более тесными.

Со второй половины XIV в. началось решительное вытеснение серебра золотом в международном платежном обороте. Собственно, этот процесс начался уже в первой половине века, когда все большее число стран осуществляло выпуск золотой монеты, таким образом увеличивая ее количество в международном платежном обороте.

Преимущество золота в платежном обороте в Австрии, например, начинает сказываться в середине XIV в. Тогда же почти повсеместно в Германии слитки вытесняются из обращения золотыми монетами⁴⁴, а в последней четверти XIV в. счет на золотые гульдены стал всеобщим⁴⁵.

⁴³ St. Weyman p. Cła i drogi handlowe w Polsce Piastowskiej. Poznań, 1938, str. 32, 101.

⁴⁴ H. Grote. Münzstudien, Bd. I. Leipzig, 1857, S. 152—209; J. Cahn. Münz- und Geldgeschichte der im Grossherzogtum Baden vereinigten Gebiete. T. I. Konstanz und das Bodenseegebiet im Mittelalter. Heidelberg, 1911, S. 11.

⁴⁵ H. Grote. Münzstudien, Bd. III. Leipzig, 1863, S. 67.

В Польше, как явствует из документов⁴⁶, золотая монета вытеснила пражский грош из платежей во второй половине XV в. Если до 1430 г. платежи производились только в пражских грошах, с 1430 г.— в грошах и золотой монете, то с 50-х годов XV в. в платежных документах употреблялась лишь золотая монета.

При таком возрастании роли золотой монеты в платежном обороте усиливалась функция грошовой монеты как меры стоимости и средства платежа в местном денежном обращении. С развитием и упорядочением денежного обращения в Европе грошовая монета стала средней величиной между разменной денаревой и золотой монетами. Страны, которые по той или иной причине не чеканили собственной грошовой монеты, использовали иностранную. Обратимся опять-таки к Австрии.

Если в первой половине XIV в. на территории Австрии было зарыто лишь два клада с пражскими грошами, то, напротив, пражские гроши Вацлава IV часто встречаются в австрийских кладах вместе с другими монетами. Упоминания о них в австрийских платежных документах этого времени— явление редкое. Обращение пражских грошей, как и вообще иностранной монеты, было официально запрещено. Однако находки пражских грошей в кладах свидетельствуют, что никакие административные запреты не могли нарушить естественных потребностей развивающихся торгово-денежных отношений в крупной серебряной монете. Так что, в конце концов, обращение пражских грошей в Австрии в 30-е годы XV в. было признано официально⁴⁷. Найдки пражских грошей сосредоточены в Нижней и Верхней Австрии. В Тироле и части Каринтии, где имелась уже в обращении собственная крупная серебряная монета— крейцер, пражские гроши в кладах отсутствуют. В начале XV в. пражский грош утвердился в австрийской денежной системе, составляя соотношение с местным пфеннигом 1 : 7⁴⁸.

В Германии во второй половине XIV— первой половине XV в. грош завоевал прочное место в денежном обращении. В XIV в. появились мейссенские гроши, в конце XIV в. возникла чеканка грошей в Гессене⁴⁹, во второй половине XIV в. в Рейнских землях начался выпуск грошей уже не как подражание турнозам, а как самостоятельный чекан, причем некоторые курфюрсты создали свой специфический тип гроша, например, в Трире при архиепископе Куно (1362—1388) начали

⁴⁶ «Kodeks dyplomatyczny miasta Krakowa», cz. 4. Enumeratio proveniuntum civitatis Cracoviae, a consulibus czacowiensibus cum redimendi conditione venditorum. Kraków, 1882, p. 651—719.

⁴⁷ K. Schalk. Указ. соч., стр. 590.

⁴⁸ A. Lüschin-Ebengreuth. Die Wiener Pfenninge, S. 292; K. Schalk. Указ. соч., стр. 591.

⁴⁹ A. Suhle. Указ. соч., стр. 152.

чеканить адлергроши. Даже в Нижней Саксонии, где денежная система характеризовалась крайней консервативностью, грош проникает в обращение, а в самом консервативном Брауншвейге в начале XV в. делались робкие попытки чеканить собственные гроши⁵⁰.

В Южной Германии, где в первой половине XIV в. находки пражских грошей отсутствовали, в связи с потребностью растущего товарно-денежного обращения назрела необходимость в крупной серебряной монете. В качестве крупной серебряной монеты в обращении появился прежде всего пражский грош. Доказательством являются монетные клады. Из числа 46 кладов с пражскими грошами этого времени, найденных ранее на территории Германии, 17 приходится на Южную Германию, в то время как находки пражских грошей раннего периода в Южной Германии отсутствуют.

Таким образом, получается картина, аналогичная австрийской: в первой половине XIV в. имеются упоминания о пражских гроших в южнонемецких источниках как о деньгах, которыми производились платежи наряду со слитками, но нет находок пражских грошей; во второй половине, вернее, в последней четверти XIV в. появились пражские гроши в кладах. В конце XIV в. они официально вошли в монетные системы отдельных немецких княжеств. В Швабии в самом начале XV в., по свидетельству государственных монетных законодательств, пражский грош имел такие же права, как и отечественная монета. В договоре между Бюргембергом и южнонемецкими городами от 1423 г., запрещавшем обращение иностранной монеты, пражские гроши исключались из числа запрещенных, наоборот, официально устанавливался их курс: 1 пражский грош = 17 геллерам; 14 пражских грошей насчитывалось в одном фунте⁵¹. В Бранденбурге в 1431 г. при курфюрсте Фридрихе I пражский грош равнялся 8 пфеннкам⁵².

Как способ показать принадлежность пражских грошей к местной денежной системе использовались надчеканки (контрамарки) — знаки монетных союзов или отдельных городов, которые оттискивались на пражских гроших.

Контрамаркирование пражских грошей началось и, в основном, характерно для областей Южной Германии с 70—80-х годов XIV в., т. е. с того времени как пражский грош появился в здешних кладах. Согласно контрамаркам, собранным В. Кат-

⁵⁰ A. Suhle. Указ. соч., стр. 152; H. Bick. Указ. соч., стр. 25.

⁵¹ H. Grote. Münzstudien, Bd. VI, S. 127.

⁵² A. Suhle. Die Münzverhältnisse in der Mark Brandenburg im 14. Jahrhundert. «Das Landbuch der Mark Brandenburg von 1375», herausg. von J. Schultze. Berlin, 1960, S. 461.

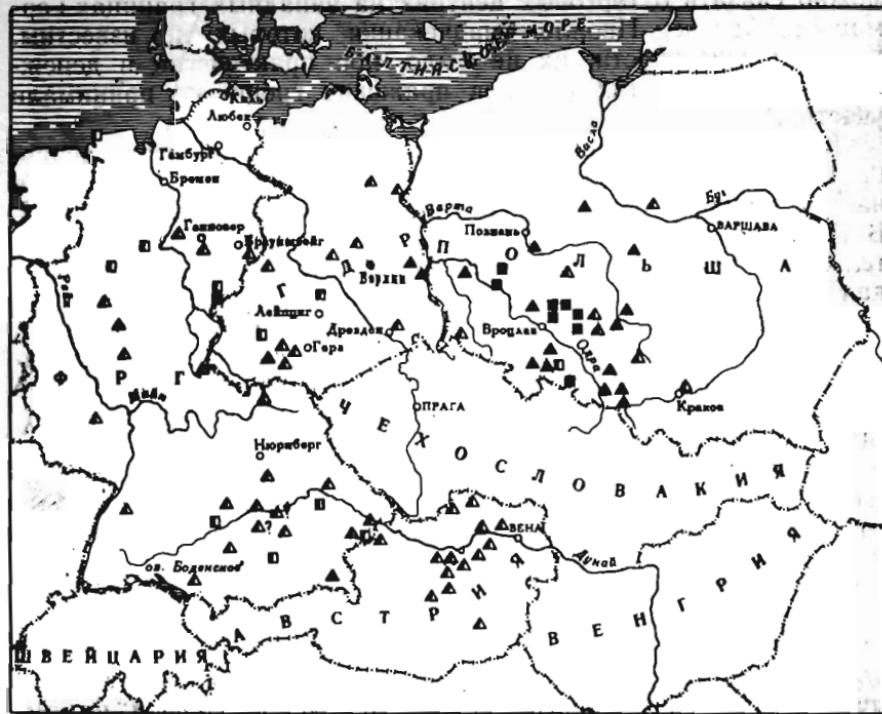

Рис. 2. Карта распространения в Центральной Европе пражских грошей в первой половине XV в. (условные обозначения см. рис. 1)

цем и вновь изданным с дополнениями Кастелином⁵³, кроме южных областей Германии, пражские гроши интенсивно надчеканивались в Вестфалии. Там также ощущалась большая потребность в грошовой монете⁵⁴. Из других областей Германии следует назвать Брауншвейг, где надчеканивали пражские гроши отдельные города, Гессен, Саксонию. Несмотря на возникший собственный чекан грошей, пражские гроши принимали участие в денежном обращении этих мест.

Как выясняено, среди контрамарок на пражских грошах нет знаков, относящихся к северонемецким городам: Бремену, Любеку, Штадльзунду⁵⁵. Это и естественно. Ведь, как показывает отсутствие в Северной Германии кладов, пражские гроши не принимали участия в местном денежном обращении. То же

⁵³ K. Castelin. Kontramarky pražských grošů. «Numismatický listy», 1962, XVII, str. 71—94.

⁵⁴ H. Grote. Münzstudien, Bd. I, S. 211.

⁵⁵ J. Fischer. Nachstempel auf Prager Groschen. «Frankfurter Münzzeitung», № 86, 1908; S. 205. K. Castelin. Kontramarky pražských grošů, str. 71.

можно сказать о торговых центрах на западных границах Германии: Аахене, Цвилле,— надчеканки которых не известны. По всей вероятности, их не было, ибо практически в денежном обращении этих районов пражские гроши не принимали участия.

Контрамаркирование пражских грошей наиболее распространено было в Германии. В Польше, например, надчеканки на пражских грошах не ставились⁵⁶, в Австрии — также⁵⁷. В Германии контрамаркированием занимались почти исключительно города и очень редко встречаются контрамарки феодалов и епископств. В новейших исследованиях немецких надчеканок⁵⁸ специально обращается внимание на этот факт. По количеству встречающихся на грошах надчеканок выделяются три города: Аугсбург, Ульм и Регенсбург. Большинство пражских грошей с несколькими надчеканками всегда имеют знак одного из этих городов⁵⁹.

Пражские гроши поступали в южнонемецкие города в огромных количествах в результате официальных закупок, производившихся купцами. Одними из таких купцов были Рунtinger с сыном, торговые книги которых за 1383—1407 гг. изданы Ф. Бастианом⁶⁰. Рунtinger поставлял в Прагу товар и получал серебро. Спрос на гроши в Южной Германии был настолько велик, что за них выгодно было платить золотые гульдены. Весной 1386 г. Рунtinger продал Кеглеру, монетному мастеру из Амберга, более 109 марок грошей по $5\frac{1}{4}$ гульдена за марку, всего на сумму $575\frac{1}{4}$ гульдена, из которых Кеглер уплатил тотчас же $491\frac{1}{4}$ гульдена⁶¹.

О. Ланц указывает, что после 1428—1434 гг. волна контрамаркирования спадает, ограничиваясь отдельными случаями⁶². Очевидно, это связано с перерывом в чеканке пражских грошей и прекращением их поступления в результате Гуситских войн.

Клады с пражскими грошами конца XIV—начала XV в., происходящие из Польши, отличаются от кладов предшествую-

⁵⁶ R. Kießnowski. Указ. соч., стр. 129.

⁵⁷ Исключение составляет надчеканка Зальцбурга, однако принадлежность знака именно Зальцбургу оспаривается некоторыми исследователями. См.: B. Koch. Goldgeld und Groschenmünze...

⁵⁸ H. Krusy. Stadt oder Stift? «Berliner Numismatischer Zeitschrift», H. 24, 1959, S. 1—8; он же. Einige Gegenstempel—Neuzuteilungen. «Hamburger Beiträge zur Numismatik», H. 15, 1961, S. 33—44.

⁵⁹ V. Katz. Die Nürnberger Gegenstempel auf Prager Groschen. «Blätter für Münzfreunde», № 11, 1930, S. 164—168.

⁶⁰ «Das Runttingerbuch (1383—1407) und verwandtes Material zum Regensburg—Südostdeutschen Handel und Münzwesen von Fr. Bastian», Bd. 1—3. Regensburg, 1935—1944.

⁶¹ Там же, т. 2, стр. 97.

⁶² O. Lanz. Указ. соч., стр. 46.

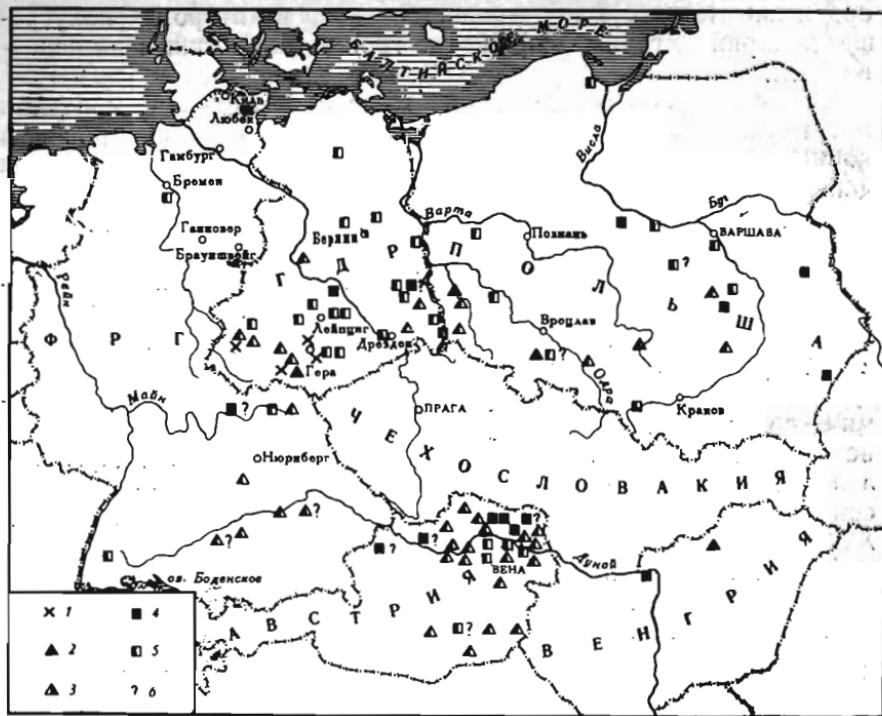

Рис. 3. Карта находок в Центральной Европе пражских грошей второй половины XV — первой половины XVI в. в кладах второй половины XV—XVII в.

1 — отдельные находки пражских грошей, чеканенных во второй половине XV — первой половине XVI в.; 2 — клады пражских грошей; 3 — клады второй половины XV — первой половины XVI в. с пражскими грошами этого же времени; 4 — клады XVI—XVII вв. с пражскими грошами XIV — начала XV в.; 5 — клады XVI—XVII вв. с пражскими грошами второй половины XV — первой половины XVI в.; 6 — пражские гроши в кладе не имеют точного определения

щего периода тем, что в них появляются вместе с пражскими грошами польские монеты. В Куявии вместе с пражскими грошами Яна Люксембургского, Карла I и Вацлава IV найдены орденские шиллинги и полугроши Казимира Великого; в Кракове — с пражскими грошами Вацлава II, Карла I и Вацлава IV — венгерские и польские, силезские монеты. Еще в двух кладах из Мстува и Модрынца, кроме пражских грошей Карла I и Вацлава IV, содержатся: в первом — полугроши и денарии Ягеллы, во втором — польские монеты Ягеллы, Казимира Ягеллончика и орденские шиллинги. В двух кладах пражские гроши не имеют точного определения, но, судя по монетам, которые найдены с ними,— в первом кладе

орденские монеты, 2 полугроша Ягеллы, во втором — полугроши, денарии Ягеллы,— пражские гроши аналогичны вышеназванным.

Подобные находки пражских грошей с местными монетами могут уже свидетельствовать о том, что пражские гроши в конце XIV—XV в. принимали активное участие в местном денежном обращении.

В Польше отсутствуют клады, состоящие исключительно из пражских грошей, чеканенных после Гуситских войн. Они составляют незначительную примесь к другим монетам в находках, происходящих преимущественно из Силезии и западных областей сегодняшней Польши. Примером могут служить: клад из Микулова Вроцлавского воеводства, в котором вместе с грошами XV в.—бранденбургскими, гессенскими, тюрингскими—содержатся 2 пражских гроша Вацлава II, 3—Вацлава IV и 3—Иржи из Подебрад; клад из повета Жары Зеленогурского воеводства, где вместе с бранденбургскими, саксонскими, силезскими, венгерскими, польскими монетами XV—XVI вв. найден 1 пражский грош Карла I и 6—Владислава II. В Малой Польше найдены лишь два клада с пражскими грошами Владислава II. В одном из них 33 гроша, что составляет 13% всех монет—польских, силезских этого же времени, в другом кладе среди польских и немецких монет XV—XVI вв. имеется лишь 1 пражский грош Владислава II. Еще в одном кладе из Сихува Келецкого воеводства пражские гроши Владислава II и Фердинанда, составляющие 7% всех монет в кладе, найдены вместе с польскими монетами XVI в. В остальных случаях, а их восемь, пражские гроши Владислава II и Фердинанда, главным образом, по одному экземпляру присутствуют в кладах XVII в. В них же имеются пражские гроши и более ранних выпусков, например в кладе из Любачувя вместе с монетами XVI—XVII вв. найдены пражские гроши Вацлава II, в кладе из Турово под Любранцем—2 пражских гроша Вацлава II, которые составляют 0,8% всех монет в кладе, в кладе же из Закжева—8 пражских грошей Вацлава II и Яна Люксембургского вкраплены среди нескольких тысяч польских монет XVI в.

В целом, если не учитывать находки пражских грошей в составе более поздних кладов, в Польше существует явная диспропорция между количеством находок пражских грошей, выпущенных до Гуситских войн, и кладами с пражскими грошами второй половины XV—начала XVI в. Последние составляют 8% по отношению к общему числу находок. Кроме того, если пражские гроши довоенного чекана составляют значительную часть клада, а чаще 100%, то пражские гроши Владислава II и Фердинанда присутствуют в кладах с монетами этого же времени лишь в виде очень незначительной примеси.

Аналогичная картина наблюдается в русских землях. На территории Венгрии также почти не встречаются клады с пражскими грошами последующих за Вацлавом IV выпусков.

Напротив, в Австрию и Германию пражские гроши продолжали обильно поступать после возобновления их чеканки в середине XV в. Они активно участвовали в местном денежном обращении, о чем свидетельствуют их находки в австрийских и немецких кладах совместно с другими монетами, обращавшимися на данной территории.

В Австрии нами учтено 16 кладов с пражскими грошами XIV — начала XV в. и 21 клад с пражскими грошами второй половины XV — первой половины XVI в. Кроме того, имеются 6 кладов XVII в., в которых присутствуют пражские гроши конца XV — XVI в. Район находок пражских грошей поздних выпусков тот же, что и в предшествующий период, — Нижняя Австрия. Процентное содержание пражских грошей чекана Вацлава IV и последующих выпусков в австрийских кладах примерно одинаково.

В Германии клады с пражскими грошами и отдельные находки грошей Владислава II и Фердинанда также составляют значительный процент к общему числу кладов с этими монетами — 23% (учитываются клады с определенным составом). Кроме того, в 5 кладах пражские гроши Владислава II и Фердинанда сопровождают монеты XVII в.

Таким образом, пражские гроши оставались в обращении и принимали в нем самое активное участие в Австрии и Германии в течение XVI и даже в XVII в. В Польшу, Венгрию во второй половине XV — XVI в. проникали они эпизодически, хотя также признавались населением этих областей, о чем свидетельствуют находки пражских грошей ранних выпусков в кладах с монетами XVII в.

М. Н. КУЗЬМИН

**ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ В СЛОВАКИИ
И ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЕ
В XIX—НАЧАЛЕ XX в.**

Конец XVIII века и в особенности XIX век был важнейшим этапом в истории европейской школы. Формирование буржуазного общества и прежде всего развитие капиталистической экономики радикально изменили роль и значение школы как одного из социальных институтов. Машинная индустрия потребовала работника совершенно иного типа, нежели прежний ремесленник или пришедший в город крестьянин. Образование приобретает все большее социально-экономическое значение как проблема воспроизводства рабочей силы определенного уровня подготовки, знаний, квалификации.

Процесс формирования буржуазной школьной системы продолжался в Европе довольно долго. Но в целом во второй половине XIX в. в большинстве европейских государств новые школьные системы с демократическим нижним звеном — народной школой, базирующейся на принципе обязательного всеобщего обучения, были уже созданы. Одновременно с этим развернулся процесс распространения всеобщей грамотности населения.

В Габсбургской монархии основными вехами в формировании новой школьной системы были терезианско-йозефинские реформы 70—80-х годов XVIII в. и буржуазные реформы 60-х годов XIX в. Анализируя историю имперской школы XIX в. правильнее, однако, говорить о формировании не одной, а двух достаточно самостоятельных школьных систем — австрийской и венгерской. Характерно при этом, что развитие школы в Венгрии шло значительно медленнее, чем в центральных областях австрийской короны. Темпы и уровень общего капиталистического развития земель Венгерского королевства (Транслейтания) в XIX в. в целом заметно отставали от австрийских областей. Меньшая зрелость капиталистических отношений обер-

нулась здесь слабостью экономических и социальных стимулов, побуждающих к дефинитивной реорганизации школьного дела на новых принципах. А это в свою очередь отразилось и на темпах и характере культурного развития населения Транслейтании в XIX в.

Первая попытка реорганизовать венгерскую школу была сделана, так же как и в Австрии, еще в период правления Марии-Терезии. В 1777 г. был издан специальный школьный статут, предусматривавший реформу народной и средней школы. В отличие от австрийского школьного закона в нем, однако, не содержалось конкретного определения сроков школьной повинности. Дети должны были посещать школу до тех пор, пока не признавались годными для полевых работ и пока не овладевали программой обучения сельской школы. Семь основных национальностей Венгрии, в том числе и словаки, получили право открывать школы на родном языке.

Законом устанавливалась следующая система школ в Венгрии. Народные школы — одноклассные в деревнях (с сельскохозяйственным уклоном), двухклассные в местечках (с ремесленным уклоном), трехклассные в городах (с ремесленным и торговым уклоном) и четырехклассные в центрах провинций¹. Последние, как и в Австрии, получили наименование школ нормальных. Их выпускники могли работать учителями народных школ. Количество учителей в школе соответствовало числу классов. В двух- и трехклассных школах наряду с латынью был введен также и немецкий язык.

Следующей ступенью школьной системы были латинские школы. К ним относились трехлетние грамматические школы и двухлетние гуманистические, вместе составлявшие, как и в Австрии, пятиклассную гимназию. Выпускники гимназий могли работать учителями грамматических школ, служащими крупных дворянских хозяйств — управляющими имениями, секретарями, библиотекарями. Последней ступенью латинских школ были двухлетние академии, дополнявшие гимназическое образование курсом философии и права. Из 5 академий, имевшихся в Венгрии, 2 находились на территории Словакии — в Трнаве (позже — в Братиславе) и в Кошицах.

Высшая школа в Венгрии была реформирована несколько раньше народной и средней. В университетах были расширены курсы за счет естественных наук, истории, строительного дела и т. п. Появилось несколько высших школ технического профиля.

В правление Иосифа II была сделана попытка укрепить реформированную школьную систему. Согласно инструкции

¹ Имеется в виду число классов-комплектов, а не число лет обучения.

1788 г., общинам вменялось в обязанность организовывать школы в каждой деревне, где находился церковный приход, и в каждом округе, где имелось не менее 100 детей школьного возраста. Право церкви на организацию школ было, таким образом, несколько ограничено. Начали создаваться школы интерконфессионального характера. Иосиф II пытался ввести и осуществить более жесткие принципы обязательной школьной повинности. Предусматривалось также, что немецкий язык должен стать обязательным языком обучения.

Реформы Марии-Терезии и Иосифа II в области венгерской школы не смогли все же изменить ее облик столь значительно, как это имело место в Австрии. Здесь не была создана школьная система, адекватная австрийской по принципам организации (подрыв монополии церкви в школьном деле, четкое определение школьной повинности, создание необходимой сети школ и т. п.). Впрочем, и от достигнутой организации уже в 90-е годы XVIII в. были сделаны существенные отступления. Школьные установления Иосифа II были отменены. Протестантская церковь вернула себе свободное право учреждения школ. В средней и высшей школе как обязательный вводится венгерский язык.

В первой половине XIX в. венгерская школа не переживала значительных нововведений (правда, в 1845 г. был определен 6-летний срок школьной повинности для детей с 6 лет). Вся народная школа, несмотря на оговоренный в законодательстве принцип верховного контроля государства, продолжала целиком находиться в руках церкви и религиозных обществ. Школьная сеть дробилась по религиозному признаку. Попытки словаков в этот период добиться создания национальной школы успеха не имели².

Оценивая венгерскую школу в конце XVIII — первой половине XIX в., сравнивая ее с австрийской школой того же периода, можно констатировать ясно определяющуюся разницу их судеб. В сущности в Австрийской империи в процессе постепенного формирования буржуазной школы исторически складывались две самостоятельные школьные системы, различающиеся друг от друга не только принципами организации и внутренней структурой, но и степенью зрелости.

О том, насколько менее эффективной была венгерская школьная система, свидетельствуют данные об охвате школой контингента молодежи соответствующих возрастов. В 1851 г. по всей Венгрии посещало школу 61,3% детей школьного воз-

² E. Dąbrowska-Zembrowska. Szkolnictwo w Czechosłowacji. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963, str. 24—26, 32—34; «Československá statistika», sv. 6. R. II (Skolství, seš. 1). Praha, 1923, s. 34*—35*; «Skolstvo na Slovensku». Bratislava, 1949, str. 11.

растя, а в Прешпурском (Братиславском) и Кошицком дистриктах — лишь 52,9%, в том числе по национальностям: словаки, украинцы, словенцы и хорваты — 47,8%, венгры — 62,8%, немцы — 74,3, евреи — 32,7%³. Укажем для сравнения, что в чешских землях уже с конца 20-х годов XIX в. народную школу посещало выше 90% детей школьного возраста. Очевидно, что роль, которую сыграла школа в словацких и украинских областях Венгрии в первой половине XIX в., оказалась меньшей, а рост образовательного и культурного уровня населения гораздо более скромным, чем в чешских землях.

Венгерские переписи этого периода не фиксировали ценза грамотности населения. Зато в некоторых последующих переписях сведения о грамотности комбинировались и с возрастом, что позволяет нам установить хотя бы грамотность отдельных поколений, прошедших школу в первые две трети XIX в. Грамотность групп поколений (когорт) будет прежде всего непосредственным показателем эффективности народной школы в то или иное десятилетие. При поступательно-восходящем развитии процесса она может служить определенной характеристикой и общей грамотности населения в целом. (Впрочем, точное установление коэффициента корреляции общей и генерационной грамотности требует более подробных данных, чем те, которыми мы располагаем.)

Другое обстоятельство, которое следует учесть при использовании материалов венгерских переписей,— это то, что ни Словакия, ни Закарпатская Украина по административному делению Венгрии как самостоятельные единицы не существовали. Для того чтобы проследить их развитие в XIX — начале XX в., мы будем использовать пересчет, сделанный чехословацкими статистиками в годы буржуазной республики. За исключением особо оговоренных случаев, ниже везде речь будет идти о так называемых словацких и украинских жупах — некой сумме административных районов Венгрии, наиболее близко соответствующих территории Словакии и Закарпатской Украины⁴.

Венгерская перепись населения 1910 г. зафиксировала в словацких и украинских жупах следующий уровень грамотности (умение читать и писать) отдельных поколений⁵:

³ «Ceskoslovenská statistika», sv. 6, R. II (Školství, seš. I), str. 38*—39*.

⁴ Отметим, что население словацких жуп было на 423,8 тыс., а украинских жуп на 87,7 тыс. человек больше, чем население в границах собственно Словакии и Закарпатской Украины. («Statistická příručka RCS», II. Praha, 1924, str. 63*—64*).

⁵ «Statistická příručka PCS», II, str. 81*—82*. Критерием национальности считался обиходный разговорный язык.

Генерационная грамотность, %

Словацкие жупы

Годы рождения	Всего	Словаки	Украинцы	Венгры	Немцы
До 1830 . .	30,1	21,2	2,0 *	41,4	50,3
1831—1850	45,5	38,2	5,2 *	56,7	71,1
1851—1870	62,0	57,2	11,6	73,4	80,2

Украинские жупы

Годы рождения	Всего	Украинцы	Румыны	Венгры	Немцы
До 1830 . .	13,0	1,8 *	2,3 *	39,4 *	13,6 *
1831—1850	19,9	4,0 *	3,4 *	51,0	21,1 *
1851—1870	27,5	10,7	6,8	60,6	29,9

* — группы менее 1 тыс. человек.

При использовании этих данных, относящихся к 1910 г., необходимо учитывать, что они включают в себя не только «школьную», но и послешкольную грамотность, а также и возвратную неграмотность — т. е. фиксируют картину грамотности поколений далеко не в чистом виде. Кроме того, в первой группе поколений (лица до 1830 г. рождения) некоторые показатели не вполне надежны из-за узости базы подсчета. Известное неудобство приводимых материалов заключается также в чрезмерной масштабности возрастных группировок. Наконец, в последней группе — поколении 1851—1870 гг. рождения — для нас сейчас представляет интерес лишь старшая половина контингента, учившаяся еще в той дореформенной школе, результаты деятельности которой мы хотим проследить.

Итак, что можно сказать об эволюции грамотности населения словацких и украинских жуп в первые две трети XIX в., т. е. до реорганизации венгерской школьной системы буржуазными реформами 60-х годов?

Прежде всего низкий уровень грамотности старшей возрастной группы свидетельствует о том, что мы имеем дело с самой ранней fazой процесса. В словацких жупах его исходным пунктом в целом следует, по-видимому, считать рубеж XVIII и XIX столетий, а в украинских — 40—50-е годы XIX в. Характерно, однако, что у господствующих наций — венгров и немцев — процесс распространения грамотности начался не-

сколькими десятилетиями раньше, чем у прочих национальностей, живших на этих территориях. В словацких жупах, например, словаки отставали от венгров на 20 лет, а в украинских жупах украинцы от венгров — примерно на 70 лет (см. диаграммы 1 и 2).

Темпы роста грамотности поколений в словацких жупах, пожалуй, можно охарактеризовать как средние: в 40—50-х годах XIX в. они составили 15,4% за двадцатилетие. В последующем двадцатилетии они несколько увеличиваются (16,5%), что, впрочем, должно быть отнесено уже к эффекту школьной реформы 1868 г., о которой речь будет ниже.

В украинских жупах темпы роста генерационной грамотности в 40—50-х годах были весьма низкими — всего 6,9% за двадцатилетие (и 7,6% за следующие двадцать лет).

Следует отметить, что и в словацких, и в украинских жупах эволюция грамотности поколений имела в рассматриваемый период поступательно-восходящий характер. А поскольку ей одновременно сопутствовал и абсолютный численный рост младших возрастов, то, следовательно, и общая грамотность населения здесь в 40—70-х годах XIX в. постепенно повышалась.

Каковы же были общие результаты деятельности венгерской школьной системы в первые две трети XIX в., если потолок, которого она достигла в 50—60-х годах, составлял в словацких жупах около половины, а в украинских — чуть более $\frac{1}{5}$ грамотности поколения?

Точная оценка этих итогов довольно сложна, поскольку первая из венгерских переписей, фиксировавшая ценз грамотности, — перепись 1880 г. дает нам картину несколько более позднюю. В 1880 г. грамотность 10—15 младших (и самых многочисленных) возрастов была связана уже с новой школой.

В целом, в 1880 г. умели читать и писать (берется только гражданское население в возрасте 6 лет и старше) в словацких жупах 44,6%, а в украинских — 19,2%⁶. Итак, менее половины грамотных в словацких жупах и менее $\frac{1}{5}$ в украинских.

Следует отметить, что за этими общими показателями скрывалась значительная дифференциация в уровнях грамотности отдельных национальных групп населения (что, впрочем, было видно уже и из повозрастных данных).

В 1880 г. умели читать и писать, в %⁷ (все гражданское население, включая и дошкольников)

Жупы	Всего	Словаки	Украинцы	Венгры	Немцы
Словацкие	37,5	31,8	8,5	46,4	61,5
Украинские	16,1	—	5,5	41,0	21,5

⁶ «Statistická příručka RCS», II, str. 80*.

⁷ Там же.

Подобная национальная структура грамотности населения являлась непосредственным результатом дискриминации словацкой и украинской школы, прямым следствием национального гнета, которому подвергались словаки и украинцы в Венгрии. Особенно разительна картина в украинских жупах, где местное украинское население практически оставалось еще поголовно неграмотным и где даже элементарная грамотность оставалась привилегией господствующей нации. (Отметим, что впервые грамотность населения Венгрии учитывалась переписью XII 1869—I 1870 гг., но по ее данным указанный пересчет не делался).

Эпоха буржуазных реформ 60-х годов XIX в. коснулась также и венгерской школы. Несомненной вехой в ее развитии стал венгерский закон 1868 г. (№ XXXVIII) о народной школе. Не столь радикальный и последовательный, как австрийский закон 1869 г., он все же значительно изменил ее облик.

Одной из центральных проблем новой организации школьной системы и здесь стал вопрос о том, в чьих руках будет школа — церкви или государства. Была сделана попытка подорвать безраздельную монополию церкви в школьном деле, однако из-за упорного сопротивления церковных кругов решающих результатов здесь добиться не удалось. В итоге равное право организовывать и содержать публичные народные школы получили государство, муниципалитеты, церковь и религиозные общества. Наряду с этим допускалось существование и частных школ, содержавшихся за счет отдельных лиц или организаций. Эти учебные заведения в определенных случаях могли быть приравнены к публичным.

Государственные и муниципальные школы были интерконфессиональные, церковные — лишь для детей одного вероисповедания. Следует отметить, что муниципалитеты оказывали помощь в содержании и церковных школ. Закон предусматривал, что муниципалитеты прямо обязаны открывать свою школу лишь в том случае, если в данном населенном пункте нет церковной школы, если церковная школа не отвечает государственным предписаниям, если имеется не менее 30 детей, родители которых не хотят посыпать своих детей в данную церковную школу, если церковная школа не в состоянии охватить всех детей школьного возраста.

Верховное право контроля и управления всеми народными школами по закону 1868 г. находилось в компетенции государства. Для управления школами была создана в центре и на местах школьная администрация (система школьных инспекторов и школьных советов). Церковные школы, однако, сохранили достаточную автономию. Они подчинялись церковным властям, сами определяли систему и способ обучения (при условии соблюдения некоторых государственных предписаний). Они имели право выбирать себе учителей, определять язык обучения, а так-

же учебники (кроме запрещенных)⁸. Государственные инспектора могли свои распоряжения посыпать не прямо, а лишь через церковные школьные органы.

Накануне распада монархии в 1917—1918 гг.—в Словакии лишь 21,8% народных школ содержалось государством, 3% — муниципалитетами, 0,7% — частными лицами и 74,5% церквями различных вероисповеданий. Зачастую во многих деревнях одновременно действовало несколько буквально карликовых народных школ, принадлежавших разным церквам и разным хозяевам. На каждую школу в Словакии приходилось в среднем лишь 1,67 класса⁹.

Судя по этим данным, приблизительно $\frac{3}{4}$ учащихся народных школ Словакии получали образование и воспитание клерикального характера и направления, имевшее слишком мало общего с задачами выработки научных знаний и представлений о мире.

Реформа 1868 г. законодательно утвердила принцип всеобщего обязательного обучения — школьную повинность. За ее нарушение родители ученика несли определенную ответственность (предупреждение, штраф). Длительность обязательного посещения школы для всей молодежи устанавливалась в 6 лет — с 6 до 12-летнего возраста. Кроме того, предусматривалось еще 3-летнее обязательное посещение так называемых повторительных курсов (с 12 до 15 лет). Учебный год в городских народных школах длился 9 месяцев, в сельских, как правило, 8 месяцев. В сельских школах, кроме того, допускались дальнейшие отступления от этого срока — дети 10—12 лет еще в течение 2 месяцев в году могли посещать лишь «повторительные занятия» по воскресным дням. Таким образом, учебный год для них сокращался в сущности до 6 месяцев.

Обучение в венгерской народной школе и после закона 1868 г. оставалось платным. Только в 1908 г. все виды оплаты были отменены — разрешалось брать лишь небольшой вступительный взнос (50 геллеров) при условии расходования собранной суммы на нужды школьной библиотеки.

Законом 1868 г. устанавливалась и новая система народных школ. Основным ее типом стали народные элементарные школы, обучение в которых длилось 6 лет. В программу обучения входили: закон божий, венгерский язык, тривиум (чтение, чистописание, счет), география, история, гражданское воспитание, естествознание, пение, рисование, ручной труд; сельское хозяйство и садоводство, домоводство и физкультура.

Своего рода надстройкой над элементарной школой были

⁸ «Školstvo na Slovensku», str. 11, 12; J. Čerhota. «Organisace a správa československého školství». Praha, 1956, str. 39.

⁹ «Pedagogická encyklopédie». D. I. Praha, 1938, str. 218.

3-летние повторительные курсы, целью которых было закрепление знаний, полученных в начальной школе. Обучение на этих курсах велось зимой 5 часов и летом 2 часа в неделю. Их должны были посещать все, кто по окончании элементарной школы не пошел учиться в средние или специальные учебные заведения. Поскольку курсы эти не пользовались никакой популярностью у населения, то впоследствии была сделана попытка придать им хозяйствственный уклон.

Оба эти типа народных школ — элементарные и повторительные — были обязательными. Под категорию народных школ были отнесены также и городские училища — 6-летние для мальчиков и 4-летние для девочек. Практически, впрочем, они повсеместно были 4-классными. Это были необязательные учебные заведения, поступить в которые можно было по окончании 4-го класса начальной школы. Они были созданы на базе бывших высших народных школ. В программу городских училищ помимо обычных предметов были включены: немецкий язык, учет, статистика, основы гражданского, частного и международного права, военное дело. Факультативно могли изучаться латынь и французский язык. Таким образом, их программа практически дублировала программу низших гимназий и реальных училищ. В сущности они были созданы с той целью, чтобы восполнить разрыв между народной элементарной школой и средними специальными учебными заведениями. Их выпускники (уже после 4-го класса) могли или выходить низшими служащими, или переходить в промышленные, хозяйствственные, экономические, торговые и т. п. училища, или же при сдаче дополнительного экзамена — в общеобразовательную среднюю школу. Языком обучения в большинстве из них был венгерский. Городские училища не получили большого распространения и не заняли прочного места в системе венгерской школы.

К типу народных школ были отнесены, наконец, 4-летние учительские учебные заведения. В них принимались подростки 15 лет, обнаруживавшие знания в объеме низших гимназий или городских училищ.

Звено венгерской средней школы, реорганизованное реформами 60-х годов и последующим школьным законодательством (1883 г., № XXX), включало в себя 8-летние гимназии, 8-летние реальные училища и 6-летние женские учебные заведения.

Характерной чертой средней школы Венгрии было то, что и здесь значительная часть школьной сети — даже в начале XX в. — принадлежала духовным институциям. В 1915 г., например, из 34 гимназий, имевшихся на территории Словакии и Закарпатской Украины, лишь 15 находились на содержании государства и 1 — муниципалитета. В средних школах, принадлежавших церкви, церковные власти определяли цели и объем учебных дисциплин, план, учебники и т. п. Правда, все это с

согласия министерства, причем объем обучения не мог быть меньшим, чем в государственных средних школах.

Влияние церкви простипалось и на высшую школу.

В пореформенный период в Венгрии постепенно развиваются профессиональные учебные заведения различных типов и направлений, в том числе и средние специальные школы. В большинстве своем они учреждаются как приватные школы, часть из которых впоследствии становится, впрочем, государственными¹⁰.

Такова в общих чертах была новая система школ, сложившаяся в Венгрии после реформ 60-х годов XIX в. В ее внешней организации в последней четверти XIX—начале XX в. существенных перемен не произошло. Этот период в жизни школы ознаменовался, однако, другим процессом, развертывавшимся, кстати, с неуклонной последовательностью,— ликвидацией в Венгрии национальной невенгерской школы. По установлении дуализма правящие круги Венгрии задались целью превратить страну из многонациональной в однонациональную. И школьная система была превращена ими в один из главных инструментов достижения конкретной политической цели — мадьяризации невенгерского населения.

Судьба словацкой и украинской школы в эти годы оказалась поистине трагичной. Будучи интегральной частью школьной системы Венгрии, национальные словацкая и украинская школы подверглись жесточайшей мадьяризации. Вся высшая школа в Венгрии была венгерской. Венгерской была также и вся средняя школа — гимназии, реальные училища, женские учебные заведения, а также педагогические училища. Последние три словацкие гимназии были закрыты в 1874 г. Венгерскими были профессиональные учебные заведения, венгерской была значительная часть городских училищ. Таким образом национальный характер сохраняла лишь народная школа.

С конца 70-х годов было, однако, предпринято решительное и последовательное наступление и на народную школу (закон 1879 г., серия административных распоряжений и, наконец, закон Аппони 1907 г.). Мадьяризация коснулась всех основных школьных гуманитарных курсов. Главным же ее оружием было насильственное внедрение венгерского языка. В 1879 г. он был введен как обязательный предмет во всех невенгерских школах и стал по количеству часов чуть ли не основным среди прочих курсов. В 1889 г. были установлены премии и доплаты

¹⁰ J. K e r g t a. Указ. соч., стр. 38—39; E. D ā b g r o w s k a - Z e m b r z u s k a. Указ. соч., стр. 34—35; O. K a d n e g. Vyvoj a dnešní soustava školství, D. I, str. 439—448; Praha, 1931; K. J a r o š, J. J o b. Rozvoj československého školství v číslech. Praha, 1961, str. 22. «Školstvo na Slovensku», str. 11, 19, 21—22, 32, 37, 42; «Československá statistika», sv. 7, R. II (Školství, seš. 2), str. 17*—20*; sv. 17, R. II (Školství, seš. 4), str. 40*—46*, 56*.

учителям, показавшим хорошие результаты в обучении детей венгерскому языку. И наоборот, те, кто не проявлял должного усердия в обучении этому предмету, мог ожидать дисциплинарных неприятностей. Наконец, в 1907 г. издается печально знаменитый закон Аппоньи, согласно которому венгерский язык становится языком обучения в большинстве народных школ и во всех повторительных школах¹¹.

Определенную национальную автономию сохранили лишь церковные школы, но и здесь употребление родного языка все более ограничивалось лишь уроками закона божьего.

О судьбе словацкой и украинской национальной школы в конце XIX — начале XX в. дают представление следующие статистические данные по всей Венгрии¹²:

	1881 г.	1906 г.	1915 г.
Словацкие школы . . .	1514	241	
Словацко-венгерские школы	841	669	
Вместе	2355	910	340
	1881 г.	1906 г.	1915 г.
Украинские школы . . .	349	23	
Украинско-венгерские школы	265	108	
Вместе	614	131	18

Таким образом, за три с половиной десятилетия число словацких народных школ в Венгрии сократилось в 7 раз, а украинских в 34 раза; все эти школы стали венгерскими. В результате в начале XX в. национальная структура школы в словацких и украинских жупах оказалась в вопиющем противоречии с национальным составом учащихся¹³ (см. табл. на стр. 99).

В 1907 г. из 224,4 тыс. словацких школьников 175,8 тыс. (78,4%) ходили в венгерские школы и лишь 48,6 тыс. (21,6%) — в словацкие. Из 40,1 тыс. украинских школьников в венгерские школы ходили 34,8 тыс. (86,8%) и лишь 5,3 тыс. (13,2%) — в украинские. По мнению О. Кандера, в 1913/14 г. уже лишь 8% словацких детей учились в народных школах на своем родном языке¹⁴. На Закарпатье же в конце первой мировой войны вообще почти не осталось украинских народных школ¹⁵.

¹¹ O. Kadner. Указ. соч. т. I, стр. 495; J. Kergeta. Указ. соч., стр. 38—39; E. Dąbrowska-Zembrowska. Указ. соч., стр. 35; K. Jaroš, J. Job. Указ. соч., стр. 29; Skolstvo na Slovensku, str. 22, 32; «Československá statistika», sv. 6, R. II (Skolství, seš. 1), str. 36*—39*.

¹² «Československá statistika», sv. 6, R. II (Skolství, seš. 1), str. 40*, 43*, 45*.

¹³ Там же.

¹⁴ O. Kadner. Указ. соч., т. I, стр. 497.

¹⁵ «Pedagogická encyklopédie», D. I, str. 218, 220.

Школы и учащиеся

словацких и украинских жуп Венгрии

Учащиеся	1907 г.		1907 г.		1915 г.		Школы
	тыс.	%	абс.	%	абс.	%	
Словаки . .	224,4	49,5	502	10,7	320	8,0	Словацко-венгерские
Венгры . .	150,7	33,2	4040	86,3	3615	90,2	Венгерские
Украинцы	40,1	8,8	72	1,6	16	0,4	Украинско-венгерские
Прочие . .	38,5	8,5	67	1,4	57	1,4	Прочие
Итого . .	453,7	100,0	4681	100,0	4008	100,0	

Каковы же были последствия этой политики?

Точная оценка реальных результатов насилиственной мадьяризации населения Словакии и Закарпатья в конце XIX—начале XX в.—задача весьма сложная уже сама по себе— затруднена к тому же еще одним обстоятельством. Официальная статистика, обуреваемая стремлением как можно скорее «заселить» Транслейтанию одними мадьярами, беззастенчиво фальсифицировала данные о национальной принадлежности¹⁶.

Всего лишь за 30-летие (1880—1910) венгерская статистика зафиксировала в национальном составе населения словацких и украинских жуп следующие перемены¹⁷ (см. табл. на стр. 100).

При общем увеличении населения словацких жуп на 20% число словаков выросло всего лишь на 6, зато венгров—на 56%. В украинских жупах при общем росте населения на 54% украинцев—на 36, а венгров—на 82%.

Чем же можно объяснить столь резкие различия в эволюции отдельных национальных групп? В словацких жупах, например, естественный прирост населения—превышение рождаемости над смертностью—и у словаков, и у венгров был примерно одинаков. Тогда подобная национальная динамика была бы воз-

¹⁶ Фальсификация венгерской статистикой национального состава населения Словакии обстоятельно разобрана в работах А. Мраза и Я. Светоня: A. M r a z, Dva důkazy o falešnosti madarských dat o řeči mateřské na zakládě znalosti řeči. «Ceskoslovenský statistický Věstník», R. I, 1920, № 3—5, str. 120—134; он же. Slovensko ve světle statistiky. Praha, 1920; J. S v e t o n ľ. Slovaci v Maďarsku. Prispevky k otázce štatistickej madarizacie. Bratislava, 1942.

¹⁷ «Statistická příručka RCS», II, str. 72*—73*. Венгерские переписи 1880 и 1890 гг. учитывали только гражданское население, перепись 1910 г.—все население. В переписи 1900 г. учет велся в обоих вариантах.

Национальная динамика роста населения
Словацкие жупы

Год	Все население		Словаки		Венгры	
	тыс.	рост, %	тыс.	рост, %	тыс.	рост, %
1880. . .	2787,2	100	1613,3	100	775,1	100
1910. . .	3350,6	120	1709,4	106	1209,2	156

Украинские жупы

Год	Все население		Украинцы		Венгры	
	тыс.	рост, %	тыс.	рост, %	тыс.	рост, %
1880. . .	446,2	100	216,5	100	114,7	100
1910. . .	686,1	154	294,8	136	208,7	182

можна в случае массовой эмиграции словаков (на величину, близкую к естественному приросту) и еще более энергичного заселения образовавшегося вакуума венграми. Однако в национальном составе эмиграции из словацких жуп (в эти годы, впрочем, весьма значительной — около половины естественного прироста) представлены почти пропорционально как словаки, так и венгры. Что же касается массового прилива венгров в Словакию, то заметного движения населения в направлении центр — север в эти годы в Транслейтании не наблюдалось.

Следовательно, если верить указанным данным официальной статистики, в конце XIX—начале XX в. на интересующих нас территориях в национальной динамике среди прочих факторов безусловно доминировал процесс денационализации словацкого и украинского населения, причем темпы его были в высшей степени интенсивными.

Так ли это было на самом деле, столь ли значительными были результаты мадьяризации? Чтобы выяснить этот вопрос, необходимо обратиться к методике определения национальной принадлежности в венгерских переписях 1880—1910 гг.

Венгерские статистики при определении национальной принадлежности уже в переписи 1880 г. намеренно отказались принимать во внимание в качестве одного из значимых критериев волеизъявление самого опрашиваемого. Правда, при этом терялось известное число лиц, которые, не будучи венграми ни по языку, ни по рождению, все же хотели бы по тем или иным мо-

тивам записать себя венграми. Однако иные принципы учета сулили больший выигрыш.

В качестве основного и единственного критерия был выдвинут языковый принцип, а именно — родной язык. Причем от переписи к переписи это понятие толковалось все более и более расширительно, пока, наконец, не стало практически совпадать с понятием обиходного, разговорного языка.

Инструкция к переписи 1900 г. разъясняла, что родным языком следует записывать тот язык, который опрашиваемый считает своим и на котором лучше всего говорит. В 1910 г. это определение в слегка измененном виде — «лучше и охотнее всего говорит» — было уже прямо внесено в опросный лист. Инструкция же 1910 г. по переписи молодежи школьного возраста окончательно ставила точки над i, разъясняя, что у школьников родной язык может и не совпадать с родным языком их родителей¹⁸.

Естественно, что подобные «критерии» открывали широкий простор для самых произвольных статистических махинаций. Отсюда становится понятным, почему официальная венгерская статистика вела двойной учет населения по языку, фиксируя не только национальный (языковый) состав населения, но и билингвизм — людей, использующих помимо родного еще какой-либо язык. Поскольку знание венгерского языка у немадьяр давало возможность толковать национальную принадлежность по собственному усмотрению, то билингвизм населения национальных районов стал для официальной статистики эффективным источником пополнения господствующей нации, которая, как мы видим, обнаруживает за счет этого необычайно бурный абсолютный и относительный рост.

Каковы же были масштабы этой фальсификации? Подсчетами известного словацкого демографа Я. Светоня, попытавшегося путем анализа темпов естественного прироста и эмиграции реконструировать действительную картину эволюции населения словацких жуп в 1890—1910 гг., было установлено, что в результате статистических махинаций словаки потеряли за это двадцатилетие 216,8 тыс. человек, а венгры приобрели 246,9 тыс. человек¹⁹.

Таким образом, прямые данные официальной венгерской статистики о национальной структуре населения не годятся для оценки действительных результатов мадьяризации. В нашем распоряжении остаются, однако, еще данные о билингвизме. Фиксируя изменение сферы влияния венгерского языка среди словацкого и украинского населения, они, разумеется, недостаточны для подведения каких-либо окончательных итогов, но все

¹⁸ J. Svetonij. Указ. соч., стр. 9—11.

¹⁹ Там же, стр. 20.

Удельный вес лиц, владевших венгерским языком в 1910 г.²⁰

Годы рождения	Словацкие жупы		Украинские жупы	
	словаки		украинцы	
	всего, в поколении, тыс. чел.	из них знали венгерский язык, %	всего в поколении, тыс. чел.	из них знали венгерский язык, %
До 1830	10,1	6,2	1,4	5,3
1831—1850	139,1	7,8	16,5	8,1
1851—1870	326,7	12,2	51,0	12,0
1871—1890	405,9	21,1	72,4	19,3
1891—1895	167,3	27,6	31,8	24,5
1896—1904	370,0	25,6	65,1	24,7
1905—1910	290,2	1,3	56,6	1,2
Итого . . .	1709,4	16,5	294,8 *	15,6

* Кроме того, 152,4 тыс. украинцев проживали в словацких жупах. Венгерский язык из них знали 14,2 тыс., или 9,3%. Среди лиц до 1830 г. рождения венгерским языком владели лишь 2,5%, среди же школьников (1896—1904 гг. рождения) — 18,6%.

же несомненно дают определенное представление о темпах и масштабе процесса.

Итак, на протяжении каких-то двух-трех поколений распространение венгерского языка среди словаков и украинцев возрастает в 4,5 раза, причем отчетливым рубежом усиления мадьяризации выступает вторая половина 70-х годов. Если среди словаков и украинцев, прошедших школу в 30—50-х годах XIX в., венгерский язык знали не более $\frac{1}{12}$ поколения, то в возрастах, учившихся в школе с конца 70-х годов и позднее, венгерский язык знали уже от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{4}$ поколения.

Динамика билингвизма словаков и украинцев, 1880—1910 гг.²¹

Год	Словацкие жупы			Украинские жупы		
	словаки, тыс.	из них знали венгерский язык		украинцы, тыс.	из них знали венгерский язык	
		тыс.	%		тыс.	%
1880	1613,3	92,0	5,7	216,5	13,4	6,2
1910	1709,4	287,1	16,5	294,8	46,1	15,6

²⁰ «Statistická příručka RČS», II, str. 77*—78*.

²¹ Там же, стр. 73*—74*.

Таким образом, всего за три десятилетия в основном за-
слугами мадьяризованной школы билингвизм у словаков и ук-
раинцев вырос почти в 3 раза. (Без учета дошкольников (до
6 лет) по-венгерски умело говорить в 1910 г. 19,6% словаков
и 19,1% украинцев, т. е. почти каждый пятый²²).

Но здесь речь идет не о всех словаках и украинцах, а лишь
о тех, кому в переписи 1910 г. словацкий или украинский был
записан как родной язык. Таким образом, остались не учтены
те владевшие венгерским языком словаки и украинцы, кото-
рые были произвольно зачислены в венгры.

В этой связи значительный интерес представляет и другая
билингвистическая группа — венгры, владеющие словацким
(или украинским) языком²³.

Динамика билингвизма венгров в 1890—1900 гг.

Год	Словацкие жупы			Украинские жупы		
	венгры, тыс.	из них знали словакский язык		венгры, тыс.	из них знали украинский язык	
		тыс.	%		тыс.	%
1890	873,2	145,7	16,7	236,5		
1910	1209,2	301,7	25,0	294,8	35,5	17,0

Таким образом, и у венгров, проживающих в словацких жу-
пах, быстро увеличивалась группа лиц, владеющих вторым —
словакским — языком. За каких-нибудь 20 лет эта группа числен-
но возросла на 150 тыс. человек (т. е. абсолютно более чем
в два раза), так что в 1910 г. уже каждый четвертый венгр на
этой территории умел говорить и по-словакски.

Каковы могли быть сами по себе причины роста билингвиз-
ма у венгров? У словаков такими причинами были усиление мо-
бильности населения с развитием капитализма (а в городах го-
сподствовал венгерский язык)²⁴ и, главное, насильственная мадь-

²² У украинцев, живших в словацких жупах, в 1880 г. говорили по-венгерски 2,2% (2,7 тыс. человек), а в 1910 г.—9,3% (14,2 тыс. человек). Без учета дошкольников в 1910 г. знали венгерский язык 11,3% украинцев, живших в словацких жупах. Там же, стр. 77*—78*.

²³ J. Svetolík. Úzaz. soch., str. 53—54; «Statistická příručka RCS», II, str. 73*—74*.

²⁴ Национальный состав (по языку) населенных пунктов свыше 20 тыс. жи-
телей в Словакии в 1910 г.: венгры — 58,7%, немцы и евреи — 25,7, слова-
ки — 13,1, прочие — 2,3%. «Statistická příručka RCS», II, s. 58*.

яризация (школа, армия, государственный аппарат)²⁵. Естественно, что у венгров определенную стимулирующую роль, да и то не столь значительную, как у словаков, могла играть лишь первая из указанных причин. Однако, если верить приведенным выше данным, билингвизм у венгров развивался тем не менее в два с лишним раза интенсивнее, чем у словаков: у словаков в среднем рост на 65 тыс. человек за десятилетие, а у венгров — на 78 тыс. Однако венгров в словацких жупах проживало примерно в два раза меньше, чем словаков. И это уже порождает определенные сомнения в достоверности сообщаемых официальной статистикой сведений. Сомнения эти лишь усиливаются при анализе возрастной структуры билингвизма у венгров.

**Распространение словацкого языка среди венгров
в отдельных возрастных группах в 1910 г.²⁶**

Год рождения	Словацкие жупы (венгры)	
	всего в поколении, тыс. чел.	из них знали словацкий язык, %
До 1830	5,3	27,3
1831—1850	79,7	28,4
1851—1870	212,9	31,0
1871—1890	332,8	31,0
1891—1895	128,8	28,3
1896—1904	263,2	22,9
1905—1910	186,5	6,2
Итого. . .	1209,2	25,0

Не говоря уже о том что чрезвычайно высокая степень билингвизма у детей до 6 лет труднообъяснима даже при самом благожелательном учете роли смешанных браков, наиболее загадочным обстоятельством остается все же удивительная постоянность его уровня среди взрослого населения.

В самом деле, если исключить две младшие возрастные группы — дошкольников и школьников, то окажется, что взрослое население в любой комбинации — с 15, 20 или 40 лет — в 30 случаях из 100 знало и словацкий язык. Даже среди глубоких стариков (от 80 лет и старше) уровень билингвизма был весьма высок (27,3%) — всего лишь на 3,7% ниже максимального (31,0% в поколениях от 20 до 59 лет).

²⁵ Мы здесь отвлекаемся от действия «статичных» факторов, обычных для многонациональных территорий (смешанный характер населенных пунктов, смешанные браки и т. п.).

²⁶ «Statistická píručka RČS», II, str. 77*—78*.

Сама по себе такая нивелированность была, конечно, возможна. Но генерационная динамика не существует отдельно от общей динамики явления. Характеризуя под разными углами зрения один и тот же процесс, они тесно взаимосвязаны и строго согласуются друг с другом. Выше мы уже могли убедиться в этом на примере билингвизма у словаков.

У венгров же статичная возрастная структура билингвизма резко противоречит его весьма энергичной общей динамике (рост в полтора раза — с 16,7 до 25,0% — за двадцатилетие). Представим себе, что подобная возрастная структура билингвизма у венгров сложилась раньше — уже к 1890 г. Но тогда процесс расширения сферы действия второго (словацкого) языка во всех без исключения поколениях должен был бы развиваться абсолютно одинаковыми темпами, т. е. у стариков так же, как у средних или молодых возрастов. А это возможно лишь в абстракции. Если же выравнивание произошло одновременно со скачком, то, значит, у отстававших ранее поколений (по логике явления опять-таки у старших) были еще более быстрые темпы развития. Это допущение еще менее вероятно. Наконец, если в старших поколениях темпы процесса были все же ниже средних, то, следовательно, в 1890 г. у них был более высокий исходный уровень, чем у средних и младших возрастов. Но это вообще абсурдно, ибо нисходящая возрастная динамика не может породить восходящую общую динамику явления. Таким образом, остается сделать лишь один-единственный вывод: в данном случае мы имеем дело не столько с действительным развитием билингвизма у венгров, сколько с простейшей операцией официальной статистики, приписавшей сюда еще и несколько десятков тысяч словаков, знавших венгерский язык.

Что же в действительности могла представлять собой эта 300-тысячная армия венгров, знавших и словацкий язык? В ее состав несомненно входили и действительные венгры, и омадъянные словаки, и, наконец, «статистические венгры», т. е. словаки, знавшие венгерский язык и потому приписанные сюда статистикой. Установить внутренние границы между этими тремя категориями весьма сложно. Да, собственно, для нас важен масштаб лишь первой из них, а он вряд ли был слишком значительным. Что же касается границ второй и третьей групп, то между обиходным употреблением государственного языка и денационализацией мышления несомненно лежала еще целая цепь промежуточных фаз и состояний. И для нас сейчас существенны не эти границы, а то, что обе эти группы представляют собой лишь разные ступени интересующего нас явления — распространения венгерского языка среди словаков.

Если же объединить эту 300-тысячную билингвистическую группу со словаками, то в итоге сфера распространения венгерского языка среди них в 1910 г. возрастает с 16,5 до 29,0%.

а без учета дошкольников (детей до 6 лет) — с 19,6 до 33,2%. Неточность в таком случае будет равна числу действительных венгров, знающих словацкий язык, и, следовательно, истинный масштаб распространения венгерского языка среди словаков должен находиться где-то в пределах этих значений.

Таковы были последствия мадьяризации словацкой и украинской народной школы. Что же касается мадьяризации средней и высшей школы, то ее главные результаты явственно прослеживаются в национальном составе студентов и интеллигенции Словакии и Закарпатской Украины. В 1901 г. венгры составляли 67,4% учащихся гимназий и реальных училищ на территории Словакии и Закарпатской Украины, в 1915 г. — уже 81,6%. Во всех высших учебных заведениях Венгрии в период 1892—1914 гг. ежегодно обучалось в среднем 150—200, максимум 250 словаков, из них половина — на теологических факультетах. (Характерно, что многие из виднейших представителей словацкой интеллигенции в XIX — начале XX в. имели теологическое образование, ибо то была по существу единственная доступная словакам в Венгрии форма высшего образования.) В трех академиях права, находившихся на территории Словакии, в начале XX в. училось, как правило, не более 10 словаков. В 1910 г. в словацких жупах было 108,6 тыс. человек, имевших частичное (4—6-классное) или полное (8-классное) среднее образование, в украинских жупах — 12,4 тыс. По национальному составу²⁷:

Словацкие жупы	Украинские жупы
Венгры	92,1%
Немцы	6,1%
Словаки	1,8%
Прочие	.

Несомненно, что в число венгров в данном случае попала и мадьярившаяся часть словацкой и украинской интеллигенции.

Если же очертить состав интеллигенции Словакии и Закарпатской Украины более узко — не по образовательному цензу, а по роду деятельности (государственные и церковные служащие всех степеней, учителя, врачи, деятели науки, литературы и искусства, прочие свободные профессии, частный инженерный и управленческий персонал), то на основании статистики о занятиях населения можно составить представление и о динамике национальной структуры интеллигенции в 1890—

²⁷ Подсчитано по материалам: «Statistická příručka RČS», II, str. 81*; «Československá statistika», sv. 7, R. II (Školství, seš. 2), str. 17*, sv. 17, R. II (Školství, seš. 4), str. 40*—41*, 46*.

Динамика национальной структуры интеллигенции

Словакские жупы

	1890 г.		1900 г.		1910 г.	
Всего	15158	100,0%	16702	100,0%	19859	100,0%
В том числе						
словаки	2634	17,6	1732	10,4	1136	5,7
венгры	9626	63,5	13795	82,6	17846	89,9
прочие	2898	18,9	1175	7,0	877	4,4

Украинские жупы

	1890 г.		1900 г.		1910 г.	
Всего	2309	100,0%	2507	100,0%	3365	100,0%
В том числе						
украинцы . . .	299	13,0	138	5,5	49	1,5
венгры	1556	67,4	2146	85,6	3093	91,9
прочие	454	19,6	223	8,9	223	6,6

1910 гг. Правда, в полном объеме эти данные охватывают лишь $\frac{2}{3}$ лиц из указанных выше категорий²⁸.

Итак, за одно лишь двадцатилетие число словаков и украинцев в этой социальной группе абсолютно и относительно сократилось в несколько раз, и, по-видимому, не только вследствие одних лишь статистических махинаций. Поистине словаки и украинцы в Австро-Венгрии находились на грани полной мадьяризации.

Таковы были основные черты новой, буржуазной венгерской школьной системы.

Несмотря на значительные сдвиги в ее организации, она отличалась колossalным грузом всевозможных пережитков и архаизмов. Новые буржуазные принципы организации школьного дела проводились в Венгрии довольно непоследовательно. Начать с того, что декларированный принцип всеобщего обязательного образования практически реализован не был. Число детей, не охваченных школой, на протяжении ряда пореформенных де-

²⁸ В 1890 г. к этим категориям принадлежало в словакских жупах 22,2 тыс. человек, в украинских — 3,2 тыс., в 1900 — 25,2 и 3,8., в 1910 — 30,2 и 5,4. «Statistická příručka RCS», II, str. 164*, 168*.

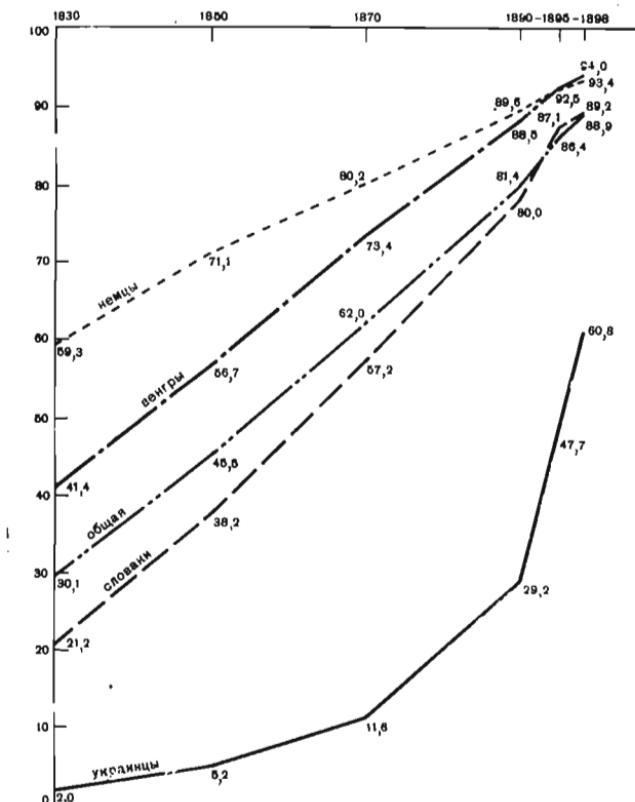

Диаграмма 1. Грамотность в комбинации с годами рождения. 1910 г. Словацкие жупы.

сятилетий оставалось весьма значительным, более или менее стабильным и во всяком случае не обнаруживало тенденций к сокращению (у словаков — около 15% контингента, у украинцев — от 30 до 40%, в целом по Венгрии около 20%). Кроме того, продолжительность учебного года, а следовательно, и объем знаний, особенно в сельской школе, были явно недостаточными. А ведь в аграрной Венгрии большая часть молодежи проходила именно через сельские школы. Добавим к этому чрезвычайно низкий уровень преподавания, неизбежно сопутствующий карликовым сельским школам, клерикальный характер обучения и воспитания в большинстве народных школ, колоссальный удельный вес венгерского языка в национальных школах в ущерб прочим предметам. Все это безмерно снижало усилия и результаты деятельности школы как важнейшего общественного механизма.

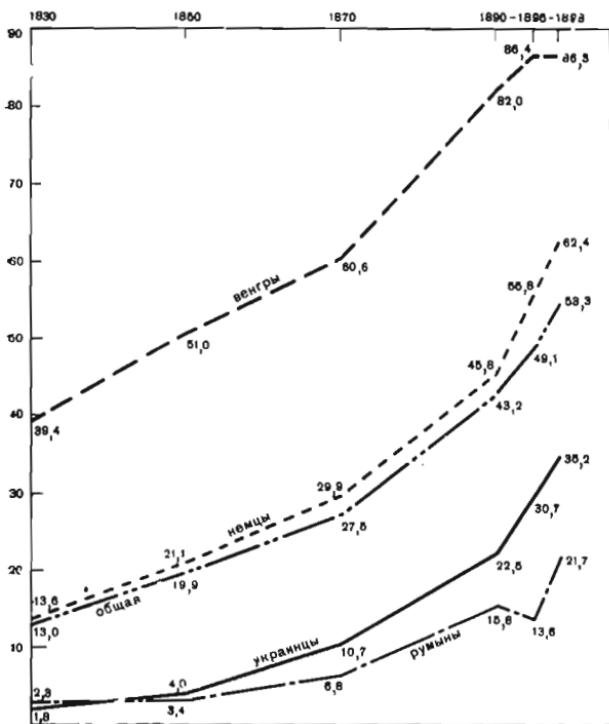

Диаграмма 2. Грамотность в комбинации с годами рождения. 1910 г. Украинские жупы

Венгерская школа не стала в целом и государственной, ибо большая часть школьной сети по-прежнему находилась в руках церкви и пользовалась в определенных рамках автономной свободой.

Наконец, ни для словаков, ни для украинцев новая школа не стала национальным институтом, способствующим национальному развитию. Наоборот, по отношению к ним она стала механизмом денационализации, национальной ассимиляции. Полностью венгерская высшая и средняя школа не давала возможности нормально развиваться словацкой и украинской интелигенции, без чего немыслимо и свободное развитие нации. Низшая же школа в Словакии и Закарпатской Украине последовательно добивалась полной мадьяризации самого народа.

Тем не менее, объективно оценивая характер пореформенной венгерской буржуазной школы, следует констатировать, что эта новая организация все же была лучше приспособлена для выполнения своих непосредственных задач сравнительно с пред-

шествующей венгерской школой. Бессспорно возрос охват школой контингента молодежи школьного возраста. Если в 1851 г. в Венгрии ходило в школу несколько более 60% детей школьного возраста, то в пореформенный период это число увеличилось в среднем до 80%²⁹.

Увеличение числа детей, охваченных обязательным обучением, несомненно должно было благоприятно отразиться и на росте грамотности поколений, прошедших новую школу, и, следовательно, на общей грамотности населения. Впрочем, необходимо заметить, что максимум в развитии всеобуча приходится в Венгрии на 1890 г., после чего наступают стабилизация и даже некоторое его понижение. Разумеется, в этих условиях венгерская школа не была способна решить проблему абсолютной грамотности какого-либо очередного поколения. Однако определенный прогресс грамотности поколений был бесспорен. По переписи 1910 г., грамотность (умение читать и писать) в словацких и украинских жупах у отдельных групп поколений была следующей (см. также диаграммы 1 и 2)³⁰:

Генерационная грамотность в 1910 г.

Словакские жупы

Годы рождения	Всего	Словаки	Украинцы	Венгры	Немцы
1851—1870	62,0	57,2	11,6	73,4	80,2
1871—1890	81,4	80,0	29,2	88,5	89,6
1891—1895	86,4	87,1	47,7	92,4	92,5
1896—1899	88,9	89,2	60,8	94,0	93,4

Украинские жупы

Годы рождения	Всего	Украинцы	Румыны	Венгры	Немцы
1851—1870	27,5	10,7	6,8	60,6	29,9
1871—1890	43,2	22,5	15,8	82,0	45,8
1891—1895	49,1	30,7	13,6	86,4	55,8
1896—1898	53,3	35,2	21,7	86,3	62,4

Данные грамотности поколений, которыми мы располагаем, мало удобны для анализа: группировка старших и средних по-

²⁹ См.: «Ceskoslovenská statistika», sv. 6, R. II (Školství, seš. 1), str. 40*—41*.

³⁰ «Statistická příručka RCS», II, str. 81*.

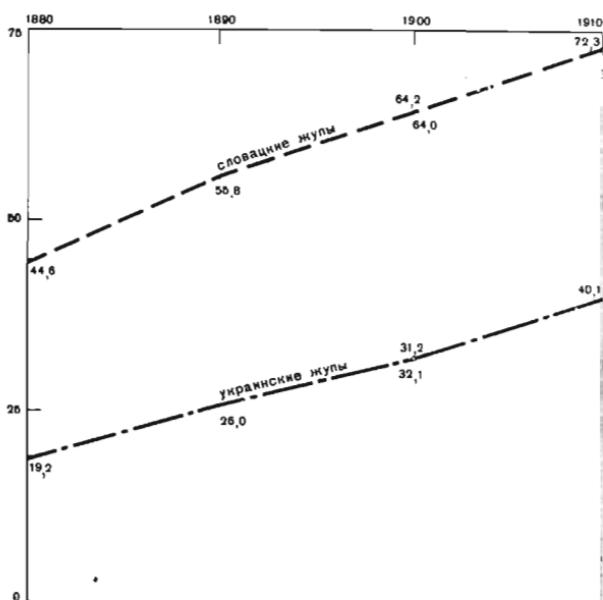

Диаграмма 3. Эволюция грамотности в словацких и украинских жупах. 1880—1910 гг.

колений слишком масштабна, что не только смазывает общую динамику процесса, но и лишает возможности сделать некоторые более конкретные наблюдения. Так, например, разделение группы 40—59 лет (1851—1870 гг. рождения) на два самостоятельных десятилетних контингента позволило бы довольно четко разграничить сферы влияния старой и новой школы и, следовательно, более точно оценить эффект реорганизации школьной системы. Группировка самых младших возрастов, наоборот, страдает излишней дробностью. К тому же и сами эти группы весьма неравноценны по объему, что исключает возможность их сопоставления даже между собой.

Какие же выводы можно сделать из всех этих данных? После реформирования школьной системы темпы роста грамотности поколений бесспорно возросли. В последней четверти XIX в. (поколения 1871—1890 гг. рождения, 1877—1902 гг. школьной погибнности) они составили в словацких жупах 19,4% за двадцатилетие против 16,5% в предшествующий период, а в украинских жупах — 15,7% за двадцатилетие против 7,6%. Прогресс, как мы видим, несомненный, хотя в словацких жупах не слишком существенный. В поколении 90-х годов рождения, прошедших школу уже в первом десятилетии XX в., грамотность в сло-

вацких жупах поднялась примерно до 87,5%, а в украинских — примерно до 51,0%. Таков был тот потолок, которого успела достичь здесь венгерская школа накануне первой мировой войны. Большего, по крайней мере в словацких жупах, она, по-видимому, и не смогла бы дать, учитывая далеко не полный охват школой контингента детей школьного возраста.

Можно отметить далее, что грамотность поколений у словаков (в словацких жупах) практически совпадает с числом детей, прошедших народную школу. У украинцев же грамотность поколений (в украинских жупах) на 30—40% ниже, чем число школьников в соответствующий период школьной повинности. И это достаточно четко иллюстрирует реальную эффективность мадьяризованной национальной школы.

Рост генерационной грамотности и обусловленное сменностью поколений улучшение возрастной ее структуры предопределили характер дальнейшего развития общей грамотности населения словацких и украинских жуп в конце XIX — начале XX в. (см. также диаграмму 3)³¹:

Общая грамотность населения (от 6 лет и старше), %

Жупы	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1900 г.	1910 г.
	Только гражданское население			Все население	
Словакские	44,6	55,8	64,0	64,2	72,3
Украинские	19,2	26,0	32,1	32,2	40,1

Итак, за тридцатилетие 1880—1910 гг. в словацких жупах общая грамотность населения выросла примерно с $\frac{2}{5}$ почти до $\frac{3}{4}$. Словакия постепенно заканчивала центральную фазу процесса. Его темпы здесь были средними, и прирост общей грамотности по десятилетиям составлял +11,2; +8,2; +8,1%. Теоретически при существующих темпах полная грамотность в Словакии могла бы быть достигнута через 3—4 десятилетия.

В украинских жупах за тот же период грамотность населения выросла с $\frac{1}{5}$ до $\frac{2}{5}$. Закарпатье только лишь вступило в центральную фазу процесса, причем темпы его были здесь довольно низкими: прирост грамотности по десятилетиям составил +6,8; +6,1; +7,9%. При подобных темпах полная грамотность населения Закарпатья теоретически могла бы быть достигнута лишь к концу XX в. Таким образом, Закарпатская Украина отставала от Словакии в развитии грамотности

³¹ «Statistická příručka RČS», II, str. 89*—90*.

как минимум на полвека, что, кстати, является одним из свидетельств значительных внутренних противоречий в развитии данного процесса в Венгрии.

За общими средними показателями грамотности здесь скрывались громадные разрывы в ее уровне не только у населения различных областей, но и у мужчин и женщин, у городского и сельского населения, у отдельных национальных групп.

Так, например, в 1910 г. при средней грамотности населения (от 6 лет и старше) словацких жуп в 72,3%, у мужчин она составляла 77,4%, а у женщин — 67,7%. В украинских жупах соответственно при средней грамотности 40,1% у мужчин она была 44,9%, а у женщин — 35,5%. Т. е. грамотность у мужского населения была на 9,4% — 9,7% выше, чем у женского³².

Еще большими были разрывы в грамотности городского и сельского населения. Перепись 1910 г. дает нам в этом плане по Словакии и Закарпатской Украине следующую картину (население от 6 лет и старше)³³:

Населенные пункты	Словакия	Закарпатская Украина
1. До 2000 жителей	70,5	40,1
2. 2001—5000	73,6	36,2
3. 5001—10000	78,5	43,3
4. 10001—20000	82,9	71,7
5. Свыше 20000	88,5	—
<hr/>		
Итого	73,2	42,4

Таким образом, в Словакии максимальным был разрыв в 18,0% (1—5 группы), а в Закарпатской Украине — 35,5% (2—4 группы).

Наконец, еще более ощутимой была разница в грамотности отдельных национальностей. Перепись 1910 г. зафиксировала в словацких и украинских жупах следующую картину грамотности населения по национальным группам (население от 6 лет и старше)³⁴:

	Все население	Словаки	Украинцы	Венгры	Немцы
Словацкие жупы	72,3	69,1	32,4	81,5	82,8
	Все население	Украинцы	Румыны	Венгры	Немцы
Украинские жупы	40,1	22,8	13,6	74,4	42,7

³² Там же, стр. 80*.

³³ Грамотность населения города и деревнидается собственно по территории Словакии и Закарпатской Украины, а не словацких и украинских жуп (*«Statistická příručka RCS»*, II, str. 57*).

³⁴ *«Statistiká příručka RCS»*, II, str. 81*.

Разница в уровнях грамотности венгров и словаков (словацкие жупы) составляла, таким образом, 12,4%, а венгров и украинцев (украинские жупы) — 51,6%. Причем, судя по общим материалам национальной грамотности (все население, включая и детей до 6 лет), разрывы эти за прошедшее тридцатилетие 1880—1910 гг. в первом случае (венгры — словаки) несколько сократились, а во втором (венгры — украинцы) даже возросли³⁵. В целом же в начале XX в. среди других национальностей Венгрии словаки занимали по уровню грамотности третье место (вслед за немцами и венграми), а украинцы — последнее, седьмое (после хорватов, сербов и румын).

Национальная грамотность населения, % ко всему населению

	Словацкие жупы		Украинские жупы	
	1880 г.	1910 г.	1880 г.	1910 г.
Словаки	31,8	57,4	—	—
Украинцы	8,5	26,6	5,5	18,5
Венгры	46,4	68,9	41,0	62,0
Немцы	61,5	71,4	21,5	33,8
Всего	37,5	60,6	16,1	32,7

Крайняя неравномерность и значительная внутренняя противоречивость обычно в целом характерны для процесса распространения грамотности в условиях капитализма. Однако степень неравномерности и острота противоречий, разумеется, могут быть далеко не одинаковыми. И в этом смысле различия в картине грамотности населения Словакии и Закарпатской Украины своеобразно отражают различия в степени их общекапиталистического развития, в том числе различия в степени и силе влияния феодальных пережитков, тормозящих свободный ход данного процесса.

Новая школьная система дала больший простор и для развития среднего и, следовательно, высшего образования. Именно после реформ конца 60-х годов начинается более ощутимый рост категорий населения, обладающих частичным (4—6-клас-

³⁵ «Statistiká priručka RČS», II, str. 80*.

сным) или полным (8-классным) средним образованием. Представление о динамике этого процесса дают следующие материалы переписи 1910 г.:

Удельный вес лиц со средним образованием (4—6—8-классным), % к поколению

Годы рождения	Словацкие жупы		Украинские жупы	
	всего	в том числе 8 кл.	всего	в том числе 8 кл.
До 1830	2,4	1,3	1,5	0,8
1831—1850	2,9	1,4	1,7	0,9
1851—1870	3,8	1,6	2,4	1,1
1871—1890	6,5	2,7	3,9	1,7
1891—1896	5,7	0,7	2,3	0,3

В 1910 г. в словацких жупах было 108,6 тыс. человек с частичным и полным средним образованием, что составляло 3,2% от всего населения и 5,1% от населения 15 лет и старше. В украинских жупах соответственно было 12,4 тыс. человек, или 1,8% всего населения, и 3,0% от населения 15 лет и старше³⁶.

Национальная структура этой группы была нами уже разобрана выше.

Таковы были основные результаты распространения грамотности и образования в словацких и украинских жупах Венгрии в XIX — начале XX в.

³⁶ Там же, стр. 82*.

Н. Д. РАТНЕР

ОТНОШЕНИЕ ПАНГЕРМАНСКОГО СОЮЗА
К БОРЬБЕ ВОКРУГ УКАЗОВ О ЯЗЫКАХ
В АВСТРИИ В 1897—1899 гг.

Когда в апреле 1897 г. министр-президент Австрии граф Казимир Бадени издал указы о языках для Чехии и Моравии, то в Цислейтании (так называлась австрийская половина двуединой монархии), сначала в чешских землях, а затем и в других областях, развернулась ожесточенная национальная борьба, захватившая не только господствующие классы, но и широкие слои как немецкого, так и чешского населения Габсбургской монархии.

Чешско-немецкие столкновения приняли различные формы: демонстрации, митинги в общественных местах, особенно в высших учебных заведениях и школах, экономический бойкот в отношении своего противника и конкурента, задевавший уже широкие слои трудового населения той и другой национальности, и, наконец, борьба в законодательных учреждениях — австрийском рейхсрате и местных сеймах, на время парализовавшая работу этих учреждений и сделавшая невозможным нормальное конституционное функционирование их.

Внутриполитический кризис в Австрии нельзя рассматривать изолированно: он происходил не только на фоне кризиса дуалистической системы, но и в период перехода капитализма свободной конкуренции в империализм, когда обострились все противоречия капиталистического общества, в том числе главное — противоречие между трудом и капиталом, когда борьба за завершение раздела и передел мира стала основным фактором в политике великих держав.

В конце века дуалистическая система в Австрии начала испытывать серьезные осложнения. Австро-венгерское соглашение 1867 г., заложившее основы дуалистической монархии, не ликвидировало, а только на какое-то время отодвинуло сложные политические, социально-экономические и главным образом на-

циональные противоречия Габсбургской монархии, и вскоре они вспыхнули с новой силой¹.

В 1897 г. должно было быть подписано очередное экономическое соглашение между австрийской и венгерской половинами монархии, подлежащее, по Соглашению 1867 г., возобновлению через каждые 10 лет, однако это натолкнулось на серьезные препятствия. Дело осложняло и то обстоятельство, что соглашение подлежало ратификации обоих парламентов. Венгерские господствующие классы воспользовались фактическим бездействием рейхсрата, ставшего в связи с борьбой против указов Бадени о языках на несколько лет почти неработоспособным, и всячески тормозили подписание соглашения, надеясь сделать его более выгодным для Венгрии. Со своей стороны господствующие классы Цислейтании не хотели идти на уступки Венгрии.

Обострение противоречий между господствующими классами обеих привилегированных национальностей монархии — немцами и венграми — с одной стороны, как и между немецкими и венгерскими господствующими классами и имущими классами угнетенных национальностей, с другой, показало, насколько непрочна дуалистическая система в целом. Причина этого заключалась в том, что исторические условия (социально-экономические, политические и национальные), сделавшие возможным образование в 1867 г. Австро-Венгрии, к концу века изменились.

Сложность внутриполитической ситуации тогда в Австро-Венгрии состояла в том, что социальные противоречия дополнялись и усиливались национальными. В Цислейтании господствующему положению австро-немецкой буржуазии и помещиков начало серьезно угрожать все усиливающееся национальное движение ненемецких, в первую очередь славянских, национальностей монархии.

Здесь тогда особенную активность проявляла молодая чешская буржуазия, тесно связанная с капитализирующимся сельским хозяйством и бывшая самой сильной среди остальных национально угнетенных буржуазных групп в монархии.

Мы не останавливаемся здесь на положении других славянских национальностей Цислейтании, имущие классы которых, в первую очередь шляхта Галиции (речь идет о последних десятилетиях XIX в.), играли в политической жизни монархии оп-

¹ Представляет интерес конференция, посвященная 100-летию австро-венгерского Соглашения, состоявшаяся в августе 1967 г. в Братиславе. Материалы конференции были частично опубликованы в виде отдельных докладов. См. также: J. Méságoš. Kríza dualismu a slovenské národné hnutie v deväťdesiatych rokoch. «Historický časopis», 1966, № 3; J. Křížek. Le crise du dualisme et le dernier Compromis austro-hongrois (1897—1907). «Historica». XII. Praha, 1966, p. 71—145, tabl.

ределенную роль. Отметим только, что польское население Галиции в силу ряда обстоятельств было поставлено в национальном отношении в лучшее положение, чем население других земель австрийской половины монархии, и чешские политические деятели всегда в своей борьбе с австрийским правительством ссылались на Галицию².

Чешско-немецкие противоречия в землях чешской короны, проявлявшиеся с различной силой уже с революции 1848—1849 гг., по мере усиления экономического развития этих областей и роста удельного веса чешской буржуазии и помещиков, обострялись и становились серьезной угрозой немецкому господству не только в чешских землях, но и во всей австрийской половине монархии³.

Мы не можем в этой работе подробно рассмотреть вопрос об отношении между собой чешских имущих классов различных земель чешской короны. Вопрос этот не прост и требует особого исследования. Однако для понимания национально-политической борьбы чешской буржуазии с 1848 г. до распада монархии необходимо хотя бы кратко остановиться на нем.

Если чешские буржуазные политические деятели Чехии все время говорили о единстве земель чешской короны и это отвечало их экономическим и политическим интересам, то в Моравии они были несколько инертнее в этом отношении, хотя во время крупных национальных акций они действовали в общем едино⁴. Так было во времена «Фундаментальных статей» 1871 г., так было и в бурные 1897—1899 гг.

Однако «пассивность» мораван всегда беспокоила чешских буржуазных политических деятелей, и во время указов Бадени это беспокойство усилилось. Не случайно этому вопросу уделял внимание «Cas».

С 80-х, а особенно с 90-х годов, австрийское правительство и австро-немецкие господствующие классы должны были считаться со славянскими фракциями рейхсрата, среди которых чешские депутаты играли существенную роль. Как показали события, связанные с изданием указов Бадени о языках, в конце века чешско-немецкие противоречия были вопросом № 1 для австрийской половины монархии⁵. Всякие уступки в отношении

² Например, газета реалистов «Cas» сразу же после издания графом Бадени указов о языках в многочисленных статьях акцентировала внимание читателей именно на этом. См.: «Cas», 10.IV 1897, str. 225, 228.

³ «Přehled československých dějin», d. 2, sv. 1. Praha, 1960, str. 657; J. Kořalka. Všeňský svaz a česká otázka koncem 19. století. Praha, 1964, str. 33.

⁴ В комплексе земель чешской короны Силезия, в которой жили чехи, поляки и немцы, занимает особое место, и чешские политические деятели не расчитывали на нее. Положение немецких господствующих классов в то время в Силезии было относительно прочным.

⁵ Один из лидеров австрийских социал-демократов Отто Бауэр писал в «Ис-

чешской национальности (в первую очередь речь шла о расширении официальных прав чешского языка в чешских землях) принимались немецкими господствующими классами в щитки.

Указы Бадени о языках были изданы с единственной целью сколотить в рейхсрате крепкое правительство большинство, чтобы иметь возможность провести соглашение с Венгрией. Это было ясно и современникам событий. «Для графа Бадени суть дела в завершении австро-венгерского соглашения, а ни в коем случае не в разрешении чешского вопроса», — писала газета «Cas»⁶.

Указы были встречены почти всеми немецкими партиями Австрии⁷, за исключением придворных кругов и консервативной католической Народной партии альпийских земель, резко враждебно и вызвали такую бурю в стране, о которой и не думали инициаторы этих указов — министр-президент Бадени и поддерживавший его император⁸. «Они бросили государственный корабль в бушующее море, из которого он в течение ряда лег

тории австрийской революции» (М., 1925): «Начиная с 90-х годов среди национальной борьбы внутри Австрии самой значительной и грозной была национальная борьба между чехами и немцами. Парламент, начиная с 1897 года, обессиливался национальной обструкцией; бюрократическое управление разлагалось национальными противоречиями чиновничего организма; даже армейской машине угрожала все сильнее национальная борьба» (стр. 30—31); интересно, что австрийский дипломат Мусилин, отмечая силу чешско-немецких противоречий, указывает, что австрийские дипломаты, к удивлению, мало информировались о событиях в Чехии. См.: *Musilin. Das Haus am Ballplatz. Erinnerungen eines österreichisch-ungarischen Diplomaten*. München, 1924, S. 155—157, 180.

⁶ «Cas», 6.XI 1897, str. 705; пангерманская газета «Alldeutsche Blätter», писала, что Бадени указами о языках просто заставил чехов согласиться на очень невыгодное для них соглашение с Венгрией. «Alldeutsche Blätter» (далее — АВ), 19.X 1901, S. 461. См. также: E. Kielmannsegg. Kaiserhaus, Staatsmänner und Politiker. Wien, 1966, S. 267; Z. Tobolka. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby, d. 3, č. 2. Praha, 1936, str. 95; H. Hantsch. Die Geschichte Österreichs, Bd. 2. 2. Aufl. Graz — Wien — Köln, 1953, S. 468; P. Molisch. Geschichte der deutschnationalen Bewegung in Österreich von ihren Anfängen bis zum Zerfall der Monarchie. Jena, 1926, S. 188.

⁷ Единство немецких политических партий подчеркивали все занимавшиеся этим вопросом. Западногерманский историк Ганс Моммзен в своей интересной работе уделяет много внимания борьбе, разгоревшейся вокруг указов. Он пишет, что усиление национализма имело место тогда и в рядах пролетариата, значительно осложненная и без того нелегкое положение в партии. См.: H. Mommsen. Die Sozialdemokratie und die Nationalitätenfrage im Habsburgischen Vielvölkerstaat, Bd. 1. Wien, 1963, S. 266. Е. Пристер отмечает, что выступление австрийской социал-демократии против указов... «привело социал-демократов к рискованной близости с пантермациями» (Е. Пристер. Краткая история Австрии. М., 1952, стр. 462).

⁸ Многие современники обвиняли Бадени в том, что он слишком легкомысленно отнесся к этим указам. См.: F. Fundiger. Von Gestern ins Heute. Wien, 1952, S. 202. Австрийский историк Бертольд Зуттер, издавший двухтомную

не мог выбраться, а когда он, наконец, достиг спокойных вод, то понес уже непоправимые потери», — писал в своих воспоминаниях известный в будущем политический деятель, редактор, а тогда еще молодой сотрудник венской газеты «Reichspost», близкий к христианско-социальной партии Ф. Фундер⁹.

Каково же было содержание этих пресловутых указов, действительно ли они подрывали господствующее положение немцев в чешских землях?

Уже с революции 1848 г., а затем с 60-х годов, с начала так называемой конституционной эры в Австрии, непременным пунктом в программах чешских буржуазных политических деятелей было расширение сферы употребления чешского языка в школах, в дело- и судопроизводстве Чехии и Моравии, в которых господствовал немецкий язык, никогда, правда, не объявлявшийся формально государственным языком в Цислейтании¹⁰. Мы оставляем в стороне вопрос о школе, так как он в чешских областях и в областях со смешанным чешско-немецким населением был в общем к тому времени решен и в чешских требованиях в 80—90-х годах речь шла в основном с необходимости создания высших и специальных чешских учебных заведений.

В 1882 г. правительство графа Э. Тааффе пошло навстречу чехам, и Пражский университет был разделен на два: немецкий

монографию, посвященную указам Бадени о языке, немецко-националистическая направленность которой, несмотря на «стремление» автора к «объективности» изложения, не вызывает сомнений, писал, что Бадени хотел проблему Чехии разрешить росчерком пера. См.: B. Sutteг. Die Badenischen Sprachenverordnungen von 1897, ihre Genesis und ihre Auswirkungen vornehmlich auf die innerösterreichischen Alpenländer, Bd. 1. Graz — Köln, 1960, S. 11. Интересно, что и пангерманская газета очень скоро после издания указов писала: «Самому графу Бадени, вероятно, не снилось, какое сильное движение вызовут его указы о языках среди немцев всех коронных земель». AB, 2. V, 1897, S. 88.

⁹ F. Fundeг. Указ. соч., стр. 198; см. также: Е. Пристер. Указ. соч., стр. 471; P. Molisch. Указ. соч., стр. 190. По силе отпора, пишет Молиш, сопротивление, оказываемое Бадени, можно было сравнить только с борьбой против «Фундаментальных статей». Отто Бауэр писал, что национальная революция в Австрии началась, собственно, не в 1918, а в 1897 г. (О. Бауэр. Указ. соч., стр. 31).

¹⁰ Упреки немецких националистов в адрес либералов, до 1879 г. находившихся в основном у власти, заключались, в частности, в том, что, будучи во главе правительства, они не смогли законодательным путем сделать немецкий язык государственным языком. Зуттер пишет, что то обстоятельство, что в конституции 1867 г. не было введено понятие государственного языка, а принятая формулировка «употребляемый в стране язык» (landesübliche Sprache), было упущением, которое потом жестоко отомстило (B. Sutteг. Указ. соч., стр. 68). Фундер считает, что следовало как-то урегулировать языковый вопрос, но это должны были сделать либералы, когда были у власти; F. Fundeг. Указ. соч., стр. 202; то же пишет Г. Бахман. См.: H. Bachman. Die deutschen Parteien in Böhmen vor 1914. «Der Donauraum», 1963, N 4, S. 217.

и чешский¹¹. Уже в 1868 г. было создано высшее политехническое училище в Праге¹².

Но в вопросе о языке дело- и судопроизводства, этих, по словам Зуттера, «боевых требований национально настроенных чехов, которые прослеживаются с 1848 г.»¹³, положение было сложнее. Там господствовал немецкий язык. Немецкая бюрократия чешских земель крепко держалась за свои привилегии.

И вот, когда в 1880 г. министр-президент граф Тааффе, жалевший склонить чешскую оппозицию в лице старочехов в рейхсрате на свою сторону (в этом смысле Бадени был не первым), издал указы, согласно которым во *внешнем* дело- и судопроизводстве вводился наряду с немецким и чешский язык¹⁴, немецко-националистические круги восприняли это как угрозу и стали громко кричать о начале «славянизации» чешских земель. Не случайно как раз в это время усиливается и пангерманское течение в Австрии, связанное с именем Георга Шённерера¹⁵.

Распоряжения Таафе — Штремайера, безусловно, были шагом вперед в борьбе чехов за их национальные права, однако они еще не очень сильно задевали немецкую бюрократию, так как немецкий язык продолжал оставаться языком *внутреннего* дело- и судопроизводства.

Указы Бадени вводили чешский язык, наряду с немецким, во *внутреннее* дело- и судопроизводство и были изданы отдельно для Чехии и Моравии¹⁶. Они состояли из двух распо-

¹¹ Об этом подробно пишет чешский буржуазный историк З. Тоболка. См.: Z. T o b o l k a. Politické dějiny československého národa..., d. 3, č. 1. Praha, 1934, str. 48—68. Сначала были созданы только два факультета Чешского университета — юридический и философский. Остальные факультеты (в частности, медицинский и богословский) были созданы несколько позднее (там же, стр. 69). В 1890 г. основана Чешская академия наук.

¹² Тоболка подробно останавливается на развитии средних специальных школ (Z. T o b o l k a. Указ. соч., т. 3, ч. 1, стр. 81—94).

¹³ B. Sutteг. Указ. соч., стр. 82.

¹⁴ Введение чешского языка как *внешнего* языка дело- и судопроизводства (т. е. так называемые указы Таафе — Штремайера о языке, изданные отдельно для Чехии и отдельно для Моравии) означало, что подателю должны были отвечать на его же языке. Однако *внутренним*, служебным, языком учреждений и суда оставался немецкий, т. е. все делопроизводство продолжало вестись на немецком языке, хотя бы эти учреждения и находились в чешских областях Чехии и Моравии. Распоряжения Штремайера, по мнению З. Шолле, не так уж много давали чешскому населению, но очень усилили национальные трения, особенно в смешанных в национальном отношении областях Чехии и Моравии («Přehled československých dějin», d. 2, sv. 1, str. 601—602). Тоболка считает, что указы стали началом чешско-немецкого спора о языке, который продолжался вплоть до распада монархии; он подробно разбирает указы, останавливающиеся на истории их возникновения. Z. T o b o l k a. Указ. соч., т. 3, ч. 1, стр. 39—45; B. Sutteг. Указ. соч., стр. 273—274 (текст постановления).

¹⁵ Н. Д. Ратнер. Возникновение пангерманизма в Австрии. В кн. «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения». М., 1965, стр. 88—145.

¹⁶ Допускает ошибку Е. Пристер, когда пишет, что они касались и Силезии

режений. Одно упорядочивало пользование языками в учреждениях и судах, другое касалось языковой квалификации чиновников.

Чиновники должны были знать два языка — немецкий и чешский. Это вводилось не сразу, для обучения давался определенный срок — три года, после чего надо было сдавать соответствующие экзамены. Указы Бадени ударили по жизненным интересам довольно многочисленной в старой Австрии части общества — немецкой бюрократии, которая теперь должна была знать чешский язык. Это задевало и немецкую интеллигенцию, из которой вербовалось чиновничество Австрии¹⁷.

В то время как чиновники чехи все без исключения знали немецкий язык, немцы чешских земель в массе знали чешский очень плохо или совсем не знали¹⁸. Сами указы в том виде, в каком они были изданы в 1897 г. Бадени, просуществовали недолго и уже в начале 1898 г. были видоизменены Гаучем, который вступил на пост министра-президента, после Бадени. Гауч, желая смягчить немецкую оппозицию, скорректировал указы в пользу немцев¹⁹, чем, естественно, вызвал раздражение противной стороны.

Сущность изменений, произведенных Гаучем, сводилась к тому, что он решил поделить Чехию на национальные округа — чешские, немецкие и смешанные — и соответственно с этим уре-

(Е. Пристер. Указ. соч., стр. 458); ту же ошибку делает и А. С. Ерусалимский (А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951, стр. 480).

¹⁷ Борьба против указов была, пишет Зуттер, борьбой за существование; (B. Sutteг. Указ. соч., стр. 11); там же, стр. 274—278 (текст указов). См. также: R. Molisch. Указ. соч., стр. 190—191.

¹⁸ Фундер пишет, что судетские немцы очень плохо знали чешский язык, поэтому указы Бадени означали для них необходимость, либо выучить чешский язык, либо уйти в отставку и быть замененными чехами (F. Funder. Указ. соч., стр. 202). Интересно, что Зуттер, указывая, что для немецких студентов изучение чешского языка было делом нелегким, ибо «...он для них был языком низшего народа», тем не менее считает, что немцам Чехии не стоило так игнорировать чешский язык (B. Sutteг. Указ. соч., стр. 86). «Двуязычие принесло бы чешским немцам много пользы в их политической и национальной борьбе, оно сделало бы сверх того ее менее ожесточенной» (там же, стр. 87). Это существенно для понимания всей концепции Зуттера: всецело стоя на стороне немцев, он все же считает, что следовало для удержания немецкого господства и сохранения Австрии пойти на какие-то уступки чехам. В этом смысле его взгляды близки части немецких либералов того времени.

¹⁹ Современный австрийский историк Э. Цёлльнер, в общем-то, в отличие от остальной австрийской буржуазной историографии, не склонный акцентировать внимание на указах, положительно оценивает изменения, произведенные Гаучем. Цёлльнер пишет, что Гауч хотел склонить судетских немцев на сторону правительства путем разделения на национальные округа. (E. Zöllner. Geschichte Österreichs. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. München, 1961, S. 431); см. также: Z. Tobolka. Указ. соч., т. 3, ч. 2, стр. 191—198; «Přehled československých dějin», d. 2, č. 1, str. 666; текст указов см.: B. Sutteг. Указ. соч., стр. 278—284.

гулировать там вопрос внутреннего языка дело- и судопроизводства.

Вопрос о разделении Чехии сложен и имеет предысторию. В 1848 г. чешские политические деятели с Палацким во главе считали нужным для сохранения чешского народа от германизации такое разделение, на которое тогда не соглашались немцы, считавшие себя хозяевами страны. Но в дальнейшем положение изменилось. По мере роста социально-экономического и политического значения чешского народа чешские политические деятели стали категорически отвергать разделение Чехии на национальные области, как неоднократно предлагала сделать это немецкая сторона, и твердо стояли на «историческом государственном праве», исключавшем такое деление. Неудача «пунктаций» 1890 г. и связанное с этим поражение партии старочехов объяснялись именно тем, что широкие слои городской и сельской буржуазии, возглавляемые младочехами, и думать не хотели о каком-то делении.

Тут следует обратить внимание на следующее. По мере развития капитализма, особенно бурного в последние десятилетия XIX в., чешское население в поисках работы устремилось из так называемых внутренних, тогда более аграрных, областей Чехии в северные и северо-западные промышленно развитые районы страны, бывшие цитаделью немецкой буржуазии чешских земель, постепенно восстанавливая чешский национальный характер этих территорий. Эта миграция чешского населения очень беспокоила тогда немецких националистов, особенно шённерерианская пресса много писала тогда об угрозе «чехизации».

Естественно, что немецкая буржуазия, желая укрепить и обеспечить свое господствующее положение в этих пограничных частях Чехии, которые уже переставали быть «чисто немецкими языковыми областями»²⁰, ратовала за разделение страны на национальные округа. Только шённерерианцы, больше всех крича об опасности «чехизации», в то же время выступали против деления, считая, что вся Чехия должна будет войти в Империю; вместе с тем они полагали, что разделение явится препятствием для германизации Чехии²¹.

²⁰ «Указы Бадени о языках были решительным ударом по всем попыткам немецких националистов создать из смешанных в национальном отношении пограничных областей „замкнутые немецкие области“, которые стали бы основой для овладения всеми чешскими областями» (J. Kořalka. Указ. соч., стр. 39).

²¹ Молиш, близкий к немецким националистам, указывает, что в вопросе разделения Чехии шённерерианцы отличались от остальных немецких националистов, примыкавших к немецкой Народной партии, которая стояла за разделение Чехии. В этом смысле, замечает Молиш, шённерерианцы соприкасались с чехами, также стоявшими на неделимости Чехии (P. Molisch. Указ. соч., стр. 177); некоторые историки, в частности Б. Зуттер, изобретая задним числом всевозможные рецепты «сохранения» Габсбургского много-

Итак, согласно новым указам Гауча, Чехия делилась на национальные округа, причем языком внутреннего дело- и судопроизводства должен был стать язык, на котором говорило большинство населения данного округа.

Таким образом, в так называемых немецких областях Чехии внутренним языком продолжал оставаться немецкий язык, как, впрочем, и в смешанных в национальном отношении округах, где продолжали по существу оставаться в силе распоряжения Штремайера о языках.

Только в чешских областях чешский язык становился внутренним языком дело- и судопроизводства, т. е. только здесь сохраняли свое действие указы Бадени о языках.

Однако и эти уступки не удовлетворили тогда немецких националистов²², за которыми шли остальные, более умеренные в национальном отношении партии. Они настаивали на полной отмене указов и упорядочении языка дела- и судопроизводства только в законодательном порядке, через рейхсрят, понимая, что при существующих условиях такой закон никогда не будет принят. В конце 1899 г. министерство Клари отменило и эти куцые указы Гаucha²³.

Безусловно, в случае осуществления указов Бадени на практике они способствовали бы усилению позиций чешских господствующих классов в управлении. Вместе с тем указы о языках были положительным явлением в борьбе всего чешского народа за свое национальное освобождение, и они, естественно, находили полную поддержку трудового населения Чехии и Моравии²⁴.

Вследствие разгоревшейся борьбы вокруг указов они просуществовали недолго — менее трех лет, но, несмотря на отмену распоряжений о языках, чешская бюрократия не утратила тех позиций, которых она добилась во времена Бадени, Гаucha и сменившего Гаucha на посту министра-президента графа Туна. Эти позиции стали исходной точкой для дальнейшего укреп-

национального государства, считали, что именно такое национальное разграничение разрешило бы национальные противоречия и спасло бы Австро-рию от распада (B. Suttner. Указ. соч., стр. 35); Цёлльнер указывает, что среди австрийских немцев не было единства в этом вопросе. Если немцы судетских земель стремились к созданию национальных административных округов, то в Штирии, Каринтии и Тироле они придерживались противоположной точки зрения (E. Zöllner. Указ. соч., стр. 431).

²² «Alldeutsche Blätter» писали что при существующей миграции чешского населения в чисто немецкие области последним грозит опасность стать смешанными (AB, 2.V 1898, S. 94).

²³ Z. Töbölka. Указ. соч., т. 3, ч. 2, стр. 234—240; «Přehled československých dějin», d. 2, č. 2, str. 669.

²⁴ Поэтому нам кажется неверной оценка, которую дает указам А. С. Ерусалимский, называя их «малозначительными реформами министра-президента Бадени, касавшимися уравнения в администрации чешских земель чешского и немецкого языков». См.: А. С. Ерусалимский. Указ. соч., стр. 480

ления и роста влияния чешской буржуазии в чешских землях в период, предшествующий мировой войне²⁵.

Указам о языках посвящена довольно большая историческая литература.

В первую очередь надо сказать о большой двухтомной работе Бертольда Зуттера, богатой фактическим материалом, но написанной с немецко-националистических позиций, в которой даются история вопроса, скрупулезное изложение самих указов, а затем очень подробно излагаются события, связанные с борьбой немцев против указов. Почти во всех работах, посвященных этому периоду истории Австрии и Чехии, указам Бадени и в основном национально-политической борьбе, разгоревшейся вокруг них, всегда уделяется внимание. Естественно, что оценка их зависела от национально-политических взглядов того или иного автора.

Так, немецко-шовинистические историки (например, австриец Молиш или немецкий нацист Метниц), естественно, отрицательно относятся к указам²⁶. Австрийская буржуазная историография более позднего времени — Ганч и другие, также отрицательно относясь к указам, акцентируют внимание не столько на сущности указов, сколько на том, что они явились началом кризиса монархии и в какой-то степени обусловили распад этого многонационального государства²⁷.

Чешская буржуазная историография (в первую очередь З. Тоболка), а также историки и публицисты других стран (француз А. Шерадам, русский историк С. Г. Лозинский и др.), сочувствие которых было на стороне чехов, оценивали эти указы положительно, как определенное завоевание в национально-политической борьбе чешского народа²⁸. Вместе с тем некоторые чешские политические деятели и публицисты, враждебные младочешскому руководству, считали их недостаточными, полагая, что можно было бы добиться большего²⁹.

²⁵ В этом мы вполне согласны с З. Шолле. См.: «Přehled československých dějin», d. 2, č. 1, str. 669; того же мнения, выраженного, правда, в несколько туманной форме, придерживается и З. Тоболка (Z. Tobolka. Указ. соч., т. 3, ч. 2, стр. 5).

²⁶ P. Molisch. Указ. соч., стр. 189—191; G. A. Metnitz. Die deutsche Nationalbewegung 1871—1933. Berlin, 1939, S. 15.

²⁷ H. Naptopsch. Указ. соч., стр. 469; такой же точки зрения придерживались Б. Зуттер (B. Sutter. Указ. соч., стр. 8—9) и Г. Моммзен (H. Mommsen. Указ. соч., стр. 266).

²⁸ Z. Tobolka. Указ. соч., т. 3, ч. 2, стр. 131—151; А. Шерадам. Европа и австрийский вопрос на рубеже ХХ в. СПб., 1903, стр. 85. Указы, по мнению Шерадама, «носили умиротворяющий характер»; С. Г. Лозинский. Царствование Франца-Иосифа. Пг., 1916, стр. 157.

²⁹ Так, сторонники Масарики, отражающие взгляды радикально настроенной чешской интеллигенции и мелкой буржуазии, безусловно положительно оценивая указы, упрекали младочешских лидеров в том, что они пошли на сговор с консервативно-клерикальным правительством Бадени, что они

- Современная чехословацкая историческая наука (Шолле, Коржалка, Кржижек), на наш взгляд, правильно дает положительную характеристику указам, в то же время она не склонна преувеличивать их значение, представлять чуть ли не как одну из причин, приведших монархию Габсбургов к распаду.

Нам также кажется, что нет оснований преувеличивать значение указов в этом плане. Борьба, разгоревшаяся вокруг указов, вскрыла нежизнеспособность и гнилость государственного организма Австрийской монархии, перманентный внутриполитический кризис которой начался, однако, гораздо раньше и был обусловлен всем историческим развитием реакционной многонациональной Габсбургской монархии. Огромное влияние на распад и образование отдельных национальных государств имела Великая Октябрьская социалистическая революция, военное поражение только ускорило распад этого государства. Это не противоречит тому, что борьба вокруг указов показала всю силу национального антагонизма в Австрии, сделав внутриполитический кризис объектом внимания в Европе.

Мы уже говорили, что немцы Чехии и Моравии встретили указы в штыки. Они очень скоро получили поддержку, и при том очень активную, у немцев всей Австрии³⁰. Немецкие господствующие классы начали решительную борьбу против указов Бадени и, опираясь на весь арсенал немецко-шовинистической пропаганды, играя на национальных чувствах широких слоев немецкого населения Австрии, сумели вовлечь в движение не только большую часть немецкой буржуазии и интеллигенции, интересы которых непосредственно ущемлялись указами, но и простой народ. Национально-шовинистическая история охватила тогда почти все слои немецкого общества.

Очень нелегким было положение австрийской социал-демократии, особенно ее руководства. Отметим, что социал-демократия не выступала против существа самих указов, а только против правительства Бадени, проведшего их в форме правительственного распоряжения, а не законодательным порядком через рейхсрят³¹.

В немецкую оппозицию вошли почти все буржуазные немецкие политические партии Австрии, начиная от более умеренных в национальном отношении, ранее влиятельных либералов, объ-

слишком большое значение придали указам о языках, поставив их в центр борьбы чешского народа с целью отвлечь его от других не менее важных задач (например, демократизации общественной жизни). В этом смысле представляет интерес полемика с младочехами на страницах органа реалистов газеты «Cas», См.: «Cas», 10.IV 1899, str. 226; 29.IV 1899, str. 285.

³⁰ Не случайно вышеупомянутая монография Зуттера посвящена именно борьбе против указов в альпийских землях австрийской половины монархии.

³¹ H. M o m s e p. Указ. соч., стр. 284.

единенных в Прогрессивную партию, и кончая небольшой, но тогда чрезвычайно активной фракции австрийских пангерманцев-шёнерианцев. Очень значительной в то время была немецкая Народная партия, которая - объединяла немецко-националистические элементы как из собственно австрийских, так и из чешских земель монархии. Эта партия, в отличие от пангерманцев, хотя и тяготела к Германии, однако не афишировала свои пропруссие и прогенцлеровские симпатии, как это делали шёнерианцы. Но в борьбе с правительством эта партия была очень настойчива и до отмены указов не хотела вступать в переговоры с ним и чехами³². В этом смысле более склонны к примирению были либералы, но под влиянием немецко-националистических группировок, боясь потерять доверие избирателей, держались в тени³³.

В это время пангерманская пропаганда в Австрии достигла своего расцвета. Волна шовинизма выдвинула Шёнера, Вольфа и других австрийских пангерманцев на передний план³⁴, и их резкая антиавстрийская и антидинастическая пропаганда обратила на себя внимание в Европе³⁵.

Но пангерманская группировка, как и остальные немецкие партии, в своей борьбе против указов и чехов не была одинока. Они имели мощного внешнеполитического союзника — Германскую империю, которая официально через своих дипломатических представителей не переставала в течение трех лет сущес-

³² Об этой партии подробно пишет П. Молиш. Указывая, что она во многом была близка шёнерианцам (Молиш сравнивает программу Народной партии, принятую в 1896 г., и Линцкую программу 1882 г.), он в то же время подчеркивает, что, будучи «национально-австрийской» она в случае надобности контактировала и с христианско-социальной партией Люсегера, и даже с либералами. Р. Molisch. Указ. соч., стр. 176—182.

³³ Интересный материал в этом смысле дает переписка, опубликованная в кн. «Briefe zur deutschen Politik in Österreich von 1848 bis 1918». Wien — Leipzig, 1934, S. 347—364.

³⁴ Не случайно в чешской прессе того времени даже появляется выражение «нынешняя шёнериовская коалиция». См.: «Národní listy». Odpoledné vydání k № 208. V Praze 19.VI 1897, str. 1; k № 234. V Praze 24.VIII 1897, str. 1; k N 280. V Praze 9.X 1897, str. 1; см. также: J. D roz. L'Europe centrale. Evolution historique de l'idée de «Mitteleuropa». Paris, 1960, p. 169.

³⁵ См., например: A. Chéradame. L'Europe et la question d'Autriche aux seuil du XX siècle. Paris, 1901. Эта книга в 1903 г. была переведена на русский язык. Современник событий Шерадам приводит большой фактический материал (в основном данные прессы), часто не критически и без должной осторожности относясь к нему. Основной тезис Шерадама: пангерманизм наступает, угрожая миру в Европе, и именно Австрия является форпостом пангерманцев. Цель книги — обратить внимание европейской общественности на эти события; пангерманской газете «Alldeutsche Blätter» высмеивает Шерадама, который, мол, во всех немцах видит пангерманцев. См.: АВ, 15.VII 1900, S. 288—291; Коржалка справедливо считает, что некоторые рассуждения Шерадама о силе и возможностях пангерманцев преувеличены (J. Kořalka. Указ. соч., стр. 6).

ствования указов настойчиво напоминать своей союзнице и соседке, что указы, подрывающие господствующее положение австрийских немцев в государственном аппарате Чехии и Моравии, способствуют укреплению там славянских элементов. Это же в свою очередь усилит славянские элементы во всей монархии, что в конечном итоге не сможет не оказать влияние и на внешнеполитический курс Габсбургской монархии и на Тройственный союз.

При этом германское правительство ссылалось на то, что действует под напором общественного мнения империи, которое очень обеспокоено судьбой своих австрийских соплеменников³⁶.

Действительно, большая часть общественности Германии была втянута в антиславянскую пропаганду, почва для которой была подготовлена всей предыдущей историей Германии, где, особенно после 1848—1849 гг., немецкий национализм находил широкое поле деятельности. Конечно, в разных слоях общества немецко-шовинистическая антиславянская агитация находила различный резонанс.

Отличие было не по существу вопроса, так как в том, что немцы в силу своей «высокой культуры» призваны быть господствующим народом в многонациональной Австрии, почти никто из представителей буржуазной интеллигенции и буржуазно-помещичьих кругов Германии не сомневался, различие состояло скорее в тактике — в отношении к австрийскому правительству.

Показательным для характеристики поведения немецкой интеллигенции в то время было обращение известного немецкого историка Теодора Моммзена к немцам Австрии, опубликованное в популярной тогда немецко-либеральной венской газете «*Neue Freie Presse*». В нем Моммзен в очень оскорбительном для чешского народа тоне призывал австрийских немцев к единству и твердости в борьбе с чехами, этими «апостолами варварства». «Чешская башка не внемлет разуму, но поддается ударам», — писал Моммзен³⁷. Письмо Моммзена вызвало возмущение не только широкой чешской общественности (выступление историка Пекаржа и др.), но и за пределами чешских земель.

Видный польский историк Оскар Бальцер публично ответил Моммзену, что непристойно ему заниматься фальсификацией истории для подтверждения своих античешских взглядов.

³⁶ J. Kofalka. Указ. соч., стр. 47.

³⁷ «*Neue Freie Presse*», 31.X 1897. Вызывает удивление, почему Р. Гюнтер в своей интересной статье, посвященной Моммзену, обходит молчанием этот эпизод. См.: R. Günter. Theodor Mommsen. В кн. «*Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft*», Bd. 2. Berlin, 1965, S. 9—24.

Бальцер, исходя из исторического прошлого чешского народа, показал вклад его в историю прогресса и культуры³⁸.

В этой немецко-шовинистической пропаганде первое место принадлежало различным националистическим группировкам, среди которых основанный в начале 90-х годов Пангерманский союз играл руководящую роль³⁹. Это относительно немногочисленная⁴⁰, но политически значительная организация сумела распространить свое влияние среди широких слоев германского общества.

В настоящей статье мы остановимся на отношении к событиям в Австрии только руководства Пангерманского союза, оставляя в стороне так называемых диких пангерманцев, т. е. публицистов и писателей, которые, пропагандируя пангерманскую идеологию, формально не были членами Союза. Подчас «дикие» слишком откровенно высказывали свое мнение, и руководству приходилось их сдерживать⁴¹.

³⁸ O. B a l z e r. List otwarty do dr. Theodora Mommsena. Lwów, 1897; «Čoší a Poláci v minulosti», sv. 2. Praha, 1967, str. 337—338 (Здесь дана высокая оценка выступления Бальцера: «Сотрудничество чехов и поляков против наступающего немецкого национализма было в то время значительным событием».)

³⁹ Среди обширной буржуазной литературы, посвященной Пангерманскому союзу, следует отметить монографию А. Крука (см.: A. K r u c k. Geschichte des alldeutschen Verbandes 1890—1939), вышедшую в Висбадене в 1954 г. Работа Крука, неприемлемая с методологических позиций, содержит большой фактический хорошо систематизированный материал, что делает ее интересной и для советского исследователя. Интересна позиция Крука в отношении национально-освободительного движения ненемецких народов в бисмарковской Германии, «...которые,— как он выражается,— все упорнее сопротивлялись постепенной германизации и все сильнее выступали с наступательными требованиями» (стр. 11). Почитатель Бисмарка, Крук считал, что «создание здоровых условий в Австро-Венгрии было возможно только при федеративном устройстве, предложенном Бисмарком, представляющем отдельным национальностям самоуправление. «Тогда бы,— пишет Крук,— при позднейшем распаде государства Габсбургов не нужно было бы Германии присоединять какой-либо ненемецкий народ» (стр. 106). Таким образом, Крук приписывает Бисмарку то, о чем «железный канцлер» и не думал,— федеративное устройство Австрии. Федерация нужна Круку, так как она облегчила бы в дальнейшем аншлюс немецких областей Австрии к Германии. В этом смысле его концепция перекликается с концепцией Зуттера, ратующего за разделение Австрии на национальные области. См. также: A. K r a u s e. Die alldeutsche Geschichtsschreibung vor dem ersten Weltkrieg. В кн. «Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft», Bd. 2. Berlin, 1965, S. 192. Известный немецкий историк Ю. Кучинский в работе («Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus», Bd. 2. Berlin, 1950) останавливается на деятельности Пангерманского союза.

⁴⁰ Р. Ольшовский, обращая внимание на относительную малочисленность членов Пангерманского союза в самой Германии, замечает: «Пангерманское движение имело только в чешских землях гораздо больше членов, чем Пангерманский союз в Германской империи во время его наибольшего расцвета». R. O l š o v s k ý. Pronikání německého imperialismu do jíchových chodní Evropy. Období 1890—1940. Praha, 1963, str. 36.

⁴¹ A. K r u c k. Указ. соч., стр. 5; J. Kořalka. Указ. соч., стр. 5. Коржалка

В пангерманских планах создания Великой Германии, сильной на континенте и в колониях, Австро-Венгрии уделялось видное место. Она была не только трамплином для «Дранга» в Малую Азию и на Восток, но и передовым отрядом германизма в борьбе с «надвигающейся славянской опасностью»⁴². Последнее было очень важным аргументом пангерманской идеологии, призывающей агрессивные, расистские устремления пангерманцев. «Австрийские немцы являются, — говорил видный деятель Пангерманского союза А. Леер на собрании в Дрездене в мае 1897 г., — нашей стражей на Востоке и смелыми форпостами против славянского натиска, который грозит уничтожить все немецкое»⁴³. На деле планы Пангерманского союза в отношении Австрии преследовали одну совершенно определенную цель: экономическое, а затем и политическое поглощение ее⁴⁴.

Пангерманцы считали, что 1871 год не завершил объединения Германии, которое можно будет считать завершенным только тогда, когда все европейские области немецкого языка вольются в Германскую империю. Здесь в первую очередь речь шла об Австрии⁴⁵. Пангерманский союз стремился «...прежде всего укрепить положение австрийских немцев в самой тюрьме народов — Австро-Венгрии и поддержать их в их борьбе против национально-освободительных стремлений угнетенных народов этой империи»⁴⁶.

Поэтому, когда в Австрии в связи с указами Бадени начался острый внутриполитический кризис, а в Германии развернулось движение «в защиту» австрийских немцев, то во главе его стал Пангерманский союз.

«Было естественно, — пишет Крук, — что, когда австрийским немцам угрожала опасность, пангерманцы со всей решительностью выступали на их стороне»⁴⁷. И хотя тогда большая часть общественного мнения не солидаризировалась открыто с программой Пангерманского союза, все же его настойчивая, целе-

считает, что противоречия между так называемыми «дикими» и Пангерманским союзом стали очевидными в последнее десятилетие до первой мировой войны, в то время как до XX в. на практике таких разногласий не было.

⁴² Кучинский писал, что Пангерманский союз старался движение немцев в Восточной марке (так пангерманцы называли Австрию) ввести в нужное ему русло (J. Kuszynski. Указ. соч., стр. 55); со своей стороны австрийские немцы должны были найти в Германии опору против славян (там же, стр. 54).

⁴³ AB, 23.V 1897, S. 101; в том же духе выступал в Лейпциге лидер австрийских пангерманцев К. Г. Вольф (AB, 20.VI 1897, s. 120).

⁴⁴ А. С. Е р у с а л и м с к и й. Указ. соч., стр. 131—132.

⁴⁵ AB, 17.VI 1900, S. 246. Изложение выступления П. Замассы, который, по словам Кучинского, был «один из австрийских экспертов Пангерманского союза». См.: J. Kuszynski. Указ. соч., стр. 93.

⁴⁶ J. Kuszynski. Указ. соч., стр. 90.

⁴⁷ А. К г у с к. Указ. соч., стр. 106.

устремленная и организованная пропаганда не оставалась без влияния, просачиваясь в самые различные слои общества.

Лидеры австрийских пангерманцев (Шёнерер, Вольф, Тюрк, Иро и др.), так же как и некоторые члены близкой к ним, но более осторожной немецкой Народной партии, будучи членами Пангерманского союза⁴⁸, были в тесных контактах с Пангерманским союзом, посещали его собрания, распространяли в Австрии его газету «Alldeutsche Blätter», информировали его о событиях и т. п. Причем они не упускали случая подчеркнуть, что ждут от Пангерманского союза только моральной поддержки. «Мы пришли к вам не для того, чтобы вы вмешались в нашу политическую борьбу; тот факт, что наша поездка из Эгера в Лейпциг (в сентябре 1897 г. несколько видных австрийских пангерманцев были приглашены Пангерманским союзом на собрание в Лейпциг.—Н. Р.) вылилась в национальное триумфальное шествие, заставит графа Бадени задуматься и внушит нашим врагам больше уважения, чем если бы из Берлина в Вену была бы направлена дипломатическаяnota», — сказал К. Иро на собрании в Лейпциге⁴⁹. Дело в том, что в Германии многим политическим группировкам были не по душе слишком откровенные антиавстрийские и антигабсбургские выступления пангерманцев, не способствовавшие, по их мнению, укреплению отношений между двумя союзными странами и вызывавшие в Австрии опасения о возможном вмешательстве Германии⁵⁰. Со своей стороны Пангерманский союз обвинял рейхстаг и ряд имперских газет, что они не поддержали пангерманских депутатов, в частности Э. Хассе, призывающего парламент официально объявить о своей солидарности с борьбой австрийских немцев⁵¹. Кучинский подчеркивает, что Пангерманский союз считал себя признанным вождем немцев Австро-Вен-

⁴⁸ А. Кгиск. Указ. соч., стр. 108; АВ, 7.IX 1901, S. 411.

⁴⁹ АВ, 12.IX 1897, S. 182; в отчете Пангерманского союза указывается, что он не может оказать австрийским немцам никакой помощи, кроме моральной (АВ, 29.V 1897, S. 106).

⁵⁰ АВ, 16.V 1897, S. 97—98. В статье высказывается возмущение по поводу того, что сочувствие борьбе австрийских немцев воспринимается частью немецко-имперской печати чуть ли не как вмешательство в австрийские дела; когда Пангерманский союз решил созвать в Берлине в начале ноября 1897 г. собрание, посвященное австрийским делам, целью которого было, дескать, только продемонстрировать солидарность немцев Германии и Австрии, и пригласил на него австрийских пангерманцев, то берлинская полиция запретила им присутствовать на собрании, вследствие чего оно было отменено. См. также: АВ, 31.X 1897, S. 227; 14.XI 1897, S. 231; А. Кгиск. Указ. соч., стр. 107. Крук пишет, что даже берлинское правительство сочло нужным реагировать на действия Пангерманского союза.

⁵¹ АВ, 20.VI 1897, S. 121. Автор заметки под названием «Вмешательство» не без ехидства напоминает читателям, что в 1871 г. германский рейхстаг не побоялся высказаться в защиту австрийских немцев. А. С. Ерусалямский. Указ. соч., стр. 480.

грии, «вмешиваясь самым невероятным образом в дела другого государства»⁵².

Отношение Пангерманского союза к событиям в Австрии представляет интерес потому, что, во-первых, пангерманцы оказывали тогда влияние не только на общественное мнение, но и на правительство Германии⁵³. Надо сказать, что среди дипломатов германского посольства в Вене мы находим довольно активных сторонников австрийских пангерманцев⁵⁴.

Во-вторых, Пангерманский союз в связи с указами Бадени четко формулирует свою точку зрения по австрийскому вопросу, которая находит отражение как в общих собраниях Союза⁵⁵, так и в ряде статей его руководителей на страницах еженедельника Пангерманского союза «Alldeutsche Blätter»⁵⁶.

Указы о языках рассматривались Пангерманским союзом не как причина кризиса, а как толчок, который усилил назревавшие давно события: «...теперь национальные бои в Чехии не являются эпизодом, но продолжением скрытой формы кризиса, существующего с 1866 года»⁵⁷, — говорил председатель Пангерманского союза Э. Гассе. Таким образом, такое сложное явление, как кризис Габсбургской монархии, объясняется только исключением Австрии из Германского союза, ослабившим положение «Восточной марки» и усилившим в ней славян. В статье «Будущее Австро-Венгрии» Гассе писал, что указы о языках под влиянием событий отходят на задний план, основа всего происходящего — борьба немцев со славянами⁵⁸. Поэтому, считают пангерманцы, борьбу, разгоревшуюся вокруг указов, надо рассматривать шире, в аспекте борьбы германизма со славянством в целом, и поэтому «...языковые указы не являются только внутренним делом Габсбургской монархии. Это шахматный

⁵² J. Kuszynski. Указ. соч., стр. 91.

⁵³ О степени этого влияния существуют различные точки зрения, но несомненно, что пропаганда Пангерманского союза встречала «понимание» в юнкерско-империалистических кругах империи и в правительстве, интересы которых Пангерманский союз по сути дела представлял. См.: А. С. Ерусалимский. Указ. соч., стр. 133; «Правительство по меньшей мере не мешало политической агитации пангерманских империалистов в отношении Австрии» (там же, стр. 482).

⁵⁴ Например, Карл Макс Лихновский, впоследствии посол в Англии. См. его донесения, опубликованные в издании: «Die Grosse Politik der europäischen Kabinette», Bd. 13. Berlin, 1924, S. 118—119, 174—175. Лихновский дает высокую оценку деятельности К. Г. Вольфа.

⁵⁵ Интересна повестка отчетных годовых собраний союза в конце 90-х годов XIX в. В основном разбираются три вопроса: строительство флота, колониальная политика и положение Австрии (AB, 20.VI 1897, S. 118; 20.V 1898, S. 105; 17.VI 1900, S. 241).

⁵⁶ По «австрийскому вопросу» много писал председатель Пангерманского союза Э. Хассе, редактор «Alldeutsche Blätter», П. Замасса и др.

⁵⁷ AB, 10.X 1897, S. 206; 26.IX 1897, Beilage.

⁵⁸ AB, 15.VIII 1897, S. 163.

ход в борьбе иезуитско-славянских сил против всего германизма и против нас (имперских немцев. — *H. P.*) ...речь идет вообще о сохранении германизма»⁵⁹. «Это те же силы, которые вчера в Познани и в Берлине выступали против 50 млн. немцев, сегодня они делают еще один шаг в этом направлении — в Праге, Вене и Пеште против 12 млн. немцев»⁶⁰.

Отсюда понятен и закономерен, по мнению Пангерманского союза, тот интерес, который Германия проявляла в отношении событий в Австрии.

Вместе с тем, очевидно, поэтому самим указам, разбору их отдельных положений уделяется относительно мало внимания: указы должны быть отменены, а не изменены, даже если изменения делаются в пользу немцев⁶¹.

Пангерманцы всегда подчеркивали, что «...указы являются планомерно направленным действием для вытеснения всего немецкого»⁶², что сми не только «оскорбительны для немецкой чести», но и принесут немцам материальный ущерб, так как «немецкая молодежь никогда не будет учиться чешскому языку, и поэтому вся Чехия будет отдана в руки чехов»⁶³. Надо отметить, что пангерманцы не упускали случая акцентировать внимание на экономической стороне чешско-немецких отношений.

Пангерманский союз также опасался, что указы могут вызвать своего рода цепную реакцию у остальных славянских народов Австрии. В статье «Славянская алчность» указывается, что уступки чехам в Чехии и Моравии дали толчок славянской прессе Силезии требовать, чтобы в Силезии чиновники знали все земские языки. «Исполнение этого желания было бы, совершенно так же как и в Чехии, равносильно устраниению всех немецких чиновников»⁶⁴.

Но как могут быть разрешены немецко-чешские противоречия в Австрии?

Только силой. Это было аксиомой для всех пангерманцев. Некий *P. S.* (очевидно, Пауль Замасса.— *H. P.*) писал, что чешско-немецкий вопрос вообще непригоден для соглашения, он является просто вопросом силы⁶⁵.

«Обосновывали» пангерманцы свою позицию чисто по-расистски, т. е. превосходством немцев над остальными народами, прежде всего славянскими. Тезис о нациях полноценных и

⁵⁹ AB, 14.XI 1897, S. 233.

⁶⁰ AB, 26.IX 1897, Beilage.

⁶¹ Это находит подтверждение в том, как встретили «Alldeutsche Blätter» указы Гауца.— AB, 20.III 1898, S. 57; 8.V 1898, S. 94.

⁶² AB, 18.IV 1897, S. 78.

⁶³ AB, 20.VI 1897, S. 119.

⁶⁴ AB, 8. VIII 1897, S. 159; см. также: AB, 4.IX 1898, S. 174.

⁶⁵ AB, 28.I 1900, S. 38.

неполноценных проходит красной чертой через все материалы «Alldeutsche Blätter». Хассе, председатель Пангерманского союза и теоретик пангерманизма, называет немцев «благородным народом», в отличие от неполноценных чехов, поляков, словенцев и венгров. «Чехи и поляки,— пишет Хассе,— стремятся лишить немцев Австрии их руководящего положения ... и свести их до положения неполноценных наций»⁶⁶. В связи с указами подвергается глумлению чешский язык: чешский язык, мол, сам по себе не представляет никакой ценности, не существует чешской литературы и т. п. «Совершенно несправедливо требовать от более высоко развитых немцев изучения языка нижестоящих по своему развитию чехов как языка якобы равноправного с немецким по уровню своей культуры»⁶⁷. Этот расистский бред, хорошо усвоенный впоследствии фашистами, должен был обосновать политику пангерманцев в отношении Австрии.

Итак, никакого соглашения с чехами, только беспощадная борьба, от исхода которой зависит судьба Австрии как немецкого государства, как члена Тройственного союза. Для того чтобы сохранить Австрию как немецкое государство, Пангерманский союз выдвигает требования, которые повторяют основные положения немецких националистов в Австрии, сформулированные еще в 1882 г. в Линце⁶⁸ и ставшие потом основой почти всех программ немецко-националистических группировок Цислейтании. Это требование предоставления Галиции, Буковины и Далмации⁶⁹ «особого положения» (*Sonderstellung*), т. е. выделения их из Цислейтании с тем, чтобы в оставшихся частях ее немцы имели бы пусты незначительный, но перевес над остальными национальностями и могли бы управлять Австрией сообразно интересам немцев и Германии. «Поэтому,— пишет Э. Хассе,— законным является желание австрийцев выделить эти чужеродные тела (Галицию, Буковину и Далмацию.— *H. P.*), убрать их из рейхсрата и таким образом добиться, правда, пусть и незначительного, но все же большинства в 51,5%»⁷⁰.

⁶⁶ АВ, 9.I 1898, S. 6; 6.II 1898, S. 25; 13.III 1898, S. 53. См. также: J. Kuczyński. Указ. соч., стр. 91.

⁶⁷ АВ, 18.IX 1898, S. 188.

⁶⁸ См. нашу статью: N. Ratner. Program pangermanistów austriackich uchwalony w Linz w 1881 r. «Przegląd zachodni», 1964, N 5—6.

⁶⁹ Вопрос о выделении Далмации вызывал споры у пангерманцев: их «смутило» наличие морских портов в Далмации. См.: АВ, 17.VI 1900, S. 246—247 (Выступление П. Замассы).

⁷⁰ АВ, 9.I 1898, S. 7; об «особом положении» этих областей «Alldeutsche Blätter» пишут очень много. См.: АВ, 15.VIII 1897, S. 164; 7.XI 1897, S. 231; интересно, что судетский немец Э. Францель отрицательно относится к «особому положению», его коробит, что для удержания господства немцам надо иметь какое-то численное превосходство. См.: E. Franzel. Der Donauraum im Zeitalter des Nationalitätenprinzips (1789—1918). Вегн—Мюнхен, 1958, S. 126.

В такой Австрии должна проводиться ярко выраженная антиславянская политика, которая приведет к полной германизации страны.

Официальная Германия очень держалась за Венгрию, считая ее своей союзницей в борьбе со славянством, и этот германо-венгерский альянс стал традиционным в германской политике. Пангерманский союз, опять в полном согласии с австрийскими пангерманцами, был против дуализма, выдвигая требование личной унии между Австроией и Венгрией. Вообще пангерманцы были против мадьяр, считая их также неполнценным народом, к тому же угнетающим трансильванских саксов⁷¹. Но все-таки, помня, что в борьбе со славянами мадьярские господствующие классы являются союзниками Германии, они тогда воздерживались от слишком резких нападок на мадьяр⁷².

Не следует думать, что, «выделяя» Галицию, Буковину и Далмацию, заключая с Венгрией только личную унию, пангерманцы отказывались от этих областей. Нет, они просто предусматривали германизацию двуединой монархии по этапам, из которых первым было онемечивание чешских земель и южных областей Австрии, населенных словенцами, т. е. чехи и словенцы становились первыми жертвами германской агрессии⁷³. Без сомнения, потом пришла бы очередь и других «менее полноценных народов».

Немецкая Австрия должна была быть связана с Германской империей целой системой договоров, которые в конечном итоге подготовили бы слияние ее с Германией. Тут в первую очередь речь шла о договорах экономического характера — таможенного, торгового, железнодорожного и т. п.

Все эти вопросы играли первенствующую роль в планах создания «Срединной Европы». «Alldeutsche Blätter» уделяла

⁷¹ Пангерманцы много писали о мадьяризаторской политике венгерских господствующих классов в отношении трансильванских саксов. См., например: AB, 17.X 1897, S. 214.

⁷² «Alldeutsche Blätter» считали что если мадьяры будут поддерживать немецкий элемент в Венгрии, то Тройственный союз обоснован (AB, 17.X 1897, S. 214; 31.X 1897, S. 221).

⁷³ Коржалка указывает, что для чешского и словенского народов Пангерманский союз не допускал даже мысли о возможности какой-либо автономии, даже самостоятельного национального существования (J. Kořalka. Указ. соч., стр. 35); венгерский историк Токоди, разбирая планы Пангерманского союза относительно Австрии, относящиеся к более позднему времени (так называемый меморандум Риттера 1912 г.), указывает, что, хотя пангерманцы хотели тогда реорганизовать Габсбургскую монархию, создав внутри ее семь отдельных национальных групп, тем не менее Чехию, Моравию, Словению и Истрию они включали в «Восточную марку» — немецкую область этого реорганизованного государства. См.: G. Tokodi. Die pläne des Alldeutschen Verbandes zum Umgestaltung Österreich-Ungarns. «Acta Historica», Budapest, 1963, № 1—2, S. 57.

им большое внимание, стараясь, помимо всего прочего, убедить своих читателей, что подобные соглашения более выгодны для Австрии, чем для Германской империи.

В этом смысле представляет интерес большая статья П. Замассы «Будущая немецкая экономическая политика и Австро-Венгрия»⁷⁴. В ней автор, стараясь убедить читателя, что таможенная униония выгодна прежде всего Австрии, акцентирует все же внимание на том, что получит от унионии Германская империя; интересно также, что на первом этапе в таможенную систему должна войти не вся Австро-Венгрия, а только перекроенная на основе выделения Галиции, Буковины и Далмации Цислейтания, так как включение в таможенную систему аграрной Венгрии автор считает невыгодным для Германии.

Помимо договоров экономического характера, Австрия должна была заключить с Германией государственно-правовой союз, который был бы зафиксирован в конституции обеих стран.

Такая Австрия, связанная с Германией целой системой договоров, стала бы, по планам пангерманцев, надежной союзницей Германии, действительным оплотом против угрожающего славянства.

Если австрийские пангерманцы, также придавая большое значение системе договоров, не упускали случая угрожать аншлюсом, то руководство Пангерманского союза предпочитало не говорить об аншлюсе, указывая, что его могут выдвинуть только взволнованные умы в Австрии. И когда на собрании Пангерманского союза в сентябре 1897 г. пангерманец Гофер из Эгера патетически заявил: «Мы, немцы в Австрии, образуем защитный вал для будущей борьбы, которая произойдет между славянством и германизмом и всегда нашим девизом будет „один бог, один император, одна империя“»⁷⁵, — то руководство Пангерманского союза старалось замять дело, представляя его лишь результатом запальчивости автора.

В 1901 г. Пауль Замасса писал, что только неверие в собственные силы рождало у радикалов (так он называл австрийских пангерманцев) мысль о распаде Австрии и аншлюсе, борьба против указов, сплотившая всех австрийских немцев, показала, мол, обратное⁷⁶.

Не объединение, а заключение государственно-правового союзного договора и ряда экономических договоров — такова была политика Пангерманского союза в то время⁷⁷.

⁷⁴ AB, 12, 19.X 1901; 8.VII 1900, S. 280. См. также: AB, I.VIII 1897, S. 155; 5.IX 1897, S. 280; 20.V 1900, S. 202—204.

⁷⁵ AB, 12.IX 1897, S. 183. Гофер за эту речь после возвращения в Австрию был привлечен к ответственности, что, конечно, вызвало возмущение «Alldeutsche Blätter».

⁷⁶ AB, 19.I 1901, S. 33.

⁷⁷ AB, 18.VII 1897, S. 143.

Но дело заключалось не в том, что Пангерманский союз был против аншлюса. Ведь по существу все его планы создания Великой Германии вели к ликвидации Австро-Венгрии. Нет, руководители Пангерманского союза не одобряли аншлюс именно сейчас, когда Германия была в основном занята колониальными делами, строительством флота и когда ей, по их мнению, незачем было тратить силы на внутренние дела (так пангерманцы называли австро-германские отношения)⁷⁸. Они понимали также, что аншлюс вызвал ненужные для Германии внешнеполитические осложнения. Для Пангерманского союза аншлюс был вопросом будущего, правда, может быть, и не столь далекого, но который требовал подготовки. В этом смысле характерен следующий эпизод. В брошюре явно пангерманского направления «Deutschland dei Beginn des Jahrhunderts» (Von einem Deutschen, Berlin, 1900) автор проводит мысль, что расширение Германии в Европе будет достигнуто не мирным путем, а в ходе войны, что из чешских земель следует выселить чешское население и заменить его немецким. За эти высказывания автор получил от «Alldeutsche Blätter» нагоняй: он, мол, слишком легко идет на войну, не понимая, что она может быть опасна для существования Германии⁷⁹. Таким образом, неуверенность в исходе войны, а не сама война — причина недовольства пангерманской газеты.

Таково было в то время отношение Пангерманского союза к австрийскому вопросу в целом. Что же касается непосредственных событий, т. е. национальной борьбы, развернувшейся в Австрии в связи с указами Бадени, то пангерманское руководство все время зорко следило за событиями в Австрии и всячески старалось активизировать действия немцев империи в смысле поддержки своих австрийских соплеменников. Какова должна быть эта поддержка?

Во-первых, моральная. Митинги и собрания в «защиту австрийских братьев» в самой Германии, поездки деятелей Пангерманского союза в Австрию, посещение австрийскими пангерманцами Германии, публикация различных брошюр, посвященных положению в Австрии, и т. п. Вся эта деятельность должна была показать, что «австрийские немцы для нас в первую очередь немецкие соплеменники-братья, а во-вторых — граждане другого государства»⁸⁰. Она должна была продемонстрировать единство немцев Германии и немцев Австрии. Она имела целью разжечь в Германии антиславянские настроения, усилить пангерманскую пропаганду, возбудить общественное мнение против австрийского правительства. Все это должно было воздействовать

⁷⁸ AB, 17.VI 1900, S. 246; 11.II 1900, S. 63.

⁷⁹ AB, 30.IX 1900, S. 392.

⁸⁰ AB, 14.XI 1897, S. 233.

вать на германское правительство, с тем чтобы оно предприняло более решительные шаги в отношении своей союзницы. Вместе с тем Пангерманский союз хотел запугать и австрийских руководящих политических деятелей.

Во-вторых, экономическая. Это очень интересная сторона деятельности Пангерманского союза, не всегда эффективная⁸¹, но очень симптоматичная. «Alldeutsche Blätter» призывала жителей Германии всеми силами поддержать немецких промышленников и сельских хозяев чешских земель в их борьбе с чешскими конкурентами. Они призывают немцев Германии и Австро-Венгрии покупать товары только немецкого производства и в немецких магазинах, увольнять чешских рабочих⁸².

И, наконец, очень пропагандируется как эффективное средство изменения национального состава населения в пользу немцев скопка немцами земель, продающихся в «немецких областях» Чехии. Так всегда выражались немецкие националисты, имея в виду те области Чехии, где немцы составляли большинство населения⁸³. Скупка эта должна была воспрепятствовать «чеханизации» этих районов, которой так боялись пангерманцы. Все это вызывало ассоциации с политикой прусского правительства в отношении польских земель и должно было, естественно, встретить полное понимание прусско-юнкерских кругов Германии. Пангерманский союз при этом просто ссылался на прусский опыт; он предлагал проводить в «немецких районах» Чехии и Моравии и в районах, граничащих с этими областями, частную колонизацию, наподобие той, государственной, какую проводят в прусских восточных провинциях Германии⁸⁴. Пангерманцы хотели, чтобы на примере их страны австрийские немцы убедились в «целесообразности» такой политики.

Пангерманский союз считал необходимым единство австрийских немцев в борьбе, разгоревшейся вокруг указов о языке, и очень следил за тем, как бы среди «немецкой оппозиции» не восторжествовали умеренные элементы, призывающие к соглашению с правительством и чехами. Тут основную роль играла либеральная Прогрессивная партия. И хотя симпатии Пангерманского союза были на стороне крайних немецких наци-

⁸¹ Можно соглашаться с И. Коржалкой, который считает, что экономическая борьба в общем-то дала тогда мало результатов. (J. Kořalka. Указ. соч., стр. 50.)

⁸² AB, 6.VI 1897, S. 116; 13.II 1898, S. 31. Надо сказать, что такого рода экономическая борьба велась и противной стороной с не меньшим усердием, лозунг «svůj k svému» был тогда популярен среди чешского населения.

⁸³ Такого рода материала много на страницах «Alldeutsche Blätter». Немецким банкам рекомендуется давать ссуды немцам, желающим приобрести такие земли. Приветствуется учреждение немецкого «Volksbank für Böhmen», задачей которого является поддержание немецких земельных собственников. См.: AB, 13.II 1898, S. 31; 27.II 1898, S. 46.

⁸⁴ AB, 19.XII 1897, S. 265.

налистов-пангерманцев, он все же больше ориентировался на немецкую Народную партию⁸⁵. Руководство Пангерманского союза опасалось, что слишком разнозданная антиавстрийская пропаганда Шённерера усилит умеренные элементы в «немецкой оппозиции» (т. е. либералов), что может оказать пагубное влияние на немецкую Народную партию и тем самым ослабить немецко-националистическое движение в целом. Поэтому Пангерманский союз и его орган «Alldeutsche Blätter» призывали австрийских пангерманцев действовать в союзе с немецкой Народной партией и из-за мелких личных споров не нарушать единства оппозиции⁸⁶. Вместе с тем Пангерманский союз был всецело на стороне шёнерерианцев, категорически отвергающих всякие переговоры с правительством и чешской оппозицией.

Таково было в общих чертах отношение Пангерманского союза к внутриполитическому кризису в Австрии, разгоревшемуся в связи с указами о языках.

Открыто пангерманская, резко выраженная антиславянская политика Пангерманского союза, этой наиболее реакционной и шовинистической организации германских империалистов, несомненно и вызывает много аналогий и ассоциаций с фашистской Германией.

Поэтому-то она и представляет интерес для нас, не забывших уроки фашизма.

Вместе с тем она интересна и потому, что в сущности отражает основные тенденции развития германского империализма, предвосхищая в своих требованиях, откровенно экспансионистских и грубо расистских, то, что по сути потенциально было основой всего внешнеполитического курса Германии.

⁸⁵ Пангерманский союз стремился активизировать руководство Народной партии, подчеркивая, что если оно не хочет потерять руководство движением, то должно быть решительным и энергичным в национальном отношении. См.: АВ, 19.I 1901, S. 32. Победа Народной партии и пангерманцев на выборах 1901 г. показывает, как считает Замасса, что во время борьбы против указов Бадена немецкая Народная партия совместно с пангерманцами (автор их называет радикалами) сумела стать во главе движения; Коржалка пишет, что руководство Пангерманским союзом понимало, что шёнерерианцы имеют массовую опору только среди крайних шовинистов пограничных областей чешских земель и что две другие немецко-националистические партии имеют большее значение в политической жизни страны (J. Kořalka. Указ. соч., стр. 8, 53).

⁸⁶ Надо отметить, что австрийские пангерманцы, в первую очередь Шённерер, не были склонны к «компромиссам» и очень резко на страницах своей газеты «Unverfälschte deutsche Worte» громили «соглашательство» немецкой Народной партии.

Ф. В. НЕДЗЕЛЬСКИЙ

ДИНАМИЗМ КАНТА
И НАУЧНАЯ МЫСЛЬ РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Естественнонаучные и философские идеи великого немецкого мыслителя Иммануила Канта сравнительно быстро распространились в России¹. Особенный интерес и дискуссии вызвала (преимущественно у естествоиспытателей) динамическая теория материи Канта, изложенная им в работе «Метафизические начала естествознания», опубликованной в 1786 г. В названном труде Кант развивал положение о том, что основу вещественного мира составляют не атомы, а сила притяжения и сила отталкивания, т. е. он стремился показать здесь достоверность динамизма и несостоятельность атомизма.

В этой связи следует пояснить, что противопоставление динамических концепций атомистическим теориям имеет как и в истории науки, так и в настоящее время принципиальное научно-философское значение.

Основная философская направленность атомистики — отставивание и защита материализма. Конспектируя «Лекции по истории философии» Гегеля, В. И. Ленин выписывает следующее: «Атомистика противопоставляет себя поэтому вообще представлению о сотворении мира и сохранении мира силой чужого существа. Естествознание впервые чувствует себя в атомистике освобожденным от необходимости указать основание существования мира»².

В период возникновения и становления механистического естествознания и метафизического метода мышления указанная

¹ См.: Д. И. Багалей. Опыт истории Харьковского университета, т. I. Харьков, 1893—1898, стр. 680—701; С. И. Попов. Кант и кантинство. М., 1961, стр. 101—111; З. А. Каменский. Кант и русская философия начала XIX века. «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 1, стр. 49—66; и др.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 238.

направленность реализовалась в работах Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Гассенди и других исследователей, возродивших и развивших атомистику древних мыслителей.

Наряду с развитием атомизма, как реакция на материализм возникают динамические концепции: сначала в форме тенденции в ряде учений (Т. Парацельс³, Я. Бёме⁴ и др.), затем как более или менее последовательные системы (Г. В. Лейбниц⁵, Р. Бошкович⁶ и др.). Согласно взглядам сторонников динамических теорий, сущностью вещей являются некие идеальные силы (по-иному, чистое движение) как первоначала всего мира, или как проявление божественного начала. Материя же рассматривалась как вторичное, производное от этих сил.

Таким образом, в противовес атомистическим концепциям, отстаивающим материализм, динамические теории стремились обосновать идеалистический взгляд на природу.

Дальнейшее развитие науки и обострение борьбы материализма с идеализмом привело в естествознании (особенно в конце XVIII и начале XIX в.) к интенсивному распространению динамических концепций среди довольно большого числа исследователей. Этому способствовало то обстоятельство, что с позиций атомистических теорий, построенных на механистических основах, становилось все труднее объяснить диалектический характер вновь устанавливаемых научных фактов. В то же время динамические теории, стремящиеся преодолеть механицизм и метафизическую ограниченность, строились, как правило, на принципе противоборствующих сил притяжения и отталкивания, т. е. представляли собой значительный шаг в сторону диалектики.

Однако, говоря о диалектичности динамических теорий, не следует упускать из виду, что во многих вопросах эти теории оставались метафизическими на уровне атомистики того времени. Так, если атомистика XVIII—первой половины XIX в. односторонне абсолютизировала дискретность (прерывность) материи, то динамизм также односторонне абсолютизировал континуальность материи. Действительно, если

³ T. Paracelsus. *Sämtliche Werke*, hrsg. von Karl Sundhoff und Wilhelm Matthiessen, Bd. 1—14. München—Barth, 1922—1931. См. также: В. Г. Левен. Проблема материи у Теофраста Парацельса. «Философские науки», 1959, № 3.

⁴ Я. Бёме. Авгога, или Утренняя заря в восхождении. М., 1914.

⁵ Г. В. Лейбниц. О природе самой в себе, или О природной силе и деятельности творений. Труды Московского психологического общества, вып. 4. М., 1908, стр. 144—169.

⁶ «Philozophiae recentioris a Benedicto Stay in romano archigymnasio publ. eloquentiae professore, versilus traditae libri X, ad Sylvium Valentinum cardinalem... cum adnotationibus et supplementis p. R. J. Bosovich. S. J. in collegio romano publ. mathesos professore», t. I. Romae, 1755.

атомы в силу признания их бесконечной твердости являются пределом делимости материи, то силы по причине своей непрерывности могут делиться неограниченно, следовательно, и материя, образованная этими силами, тоже бесконечно делима.

Диалектическое единство прерывности и непрерывности материи, таким образом, как бы разрывается динамистами и атомистами.

Динамисты, оторвав одну сторону — непрерывность материи, противопоставили ее другой стороне — прерывности; атомисты, наоборот, противопоставили прерывность материи ее непрерывности.

В предлагаемом исследовании вопрос об отношении русской научной мысли к динамической теории материи Канта рассматривается в основном в плане прерывности — непрерывности, ибо именно этот аспект проблемы наиболее актуален как в истории науки, так и в современном естествознании⁷.

Кант во второй («критический») период своей деятельности отстаивал положение о бесконечной делимости, т. е. о непрерывности материи. Согласно его представлениям, математика и теоретическое естествознание содержат истины, всеобщность и необходимость которых определяются не самими вещами, но априорно содержатся в разуме человека и определяются свойствами нашего ума. Безусловная всеобщность истин математики основывается Кантом на априорности пространства и времени, которые рассматриваются им как всеобщие и необходимые формы человеческой чувственности.

Условием возможности истин естествознания у Канта является априорность категорий рассудка, под которые подводятся ощущения, получаемые рассудком из чувственных созерцаний. Так как, полагал Кант, свойства нашего ума неизменны, то априорные формы чувственности (пространство и время) и рассудка (категории) также неизменны. В процессе познания наш ум воспринимает только те стороны предмета, которые сообразуются с неизменными формами чувственности и рассудка. Отсюда вытекает, полагал он, что сознание человека само конструирует познаваемый объект, ибо оно придает предмету определенную, неизменную форму, которая и может только познаваться. Сам же объект в своей сущности (по Канту, «вещь в себе»), хотя и существует независимо от нашего сознания, принципиально непознаваем.

Безусловно, представления Канта об априорности пространства, времени и категорий представляют собою субъективный идеализм. Однако в целом учение немецкого мыслителя выхо-

⁷ См.: «Противоречия в развитии естествознания». М., 1965, стр. 99—114; В. Г. Кузнецов. Очерки физической атомистики XX века. М., 1966, стр. 3—20 и др.

дит за рамки субъективного идеализма, ибо признание независимого от сознания объективного мира есть материализм. Поэтому основная черта философской системы Канта — это двойственность, стремление совместить материализм и идеализм. «Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе,— то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней,— Кант выступает как идеалист»⁸.

Установив в «Критике чистого разума» границы познавательных способностей человеческого сознания, Кант позднее задался вопросом: каким образом возможна материя как предмет опыта исследования? На этот вопрос от ответил в работе «Метафизические начала естествознания» следующим образом. Материя как объект познания возможна лишь при наличии первичных сил: отталкивания и притяжения. Сила отталкивания, будучи поверхностной, действует при соприкосновении или на бесконечно малых расстояниях. Величина этой силы обратно пропорциональна кубам расстояний. Сила притяжения, будучи проникающей, действует на любом расстоянии, величина ее обратно пропорциональна квадратам расстояний.

В соответствии с этим во втором разделе своих «Начал» (динамика) Кант определяет материю следующим образом: «Материя есть подвижное, которое наполняет пространство»⁹. Отсюда физическая делимость материи, по Канту, есть разъединение частей материи в процессе ее движения. Математическая же делимость — это такое деление, когда части делимого можно различать, но не разъединять. Пространство, согласно Канту, делимо бесконечно математически, материя делима до бесконечности физически¹⁰. Причем доказательство физической делимости материи обосновывается Кантом математической делимостью пространства и непрерывностью силы отталкивания¹¹. Так как математическая делимость пространства, по Канту, есть свойство нашего ума, то и понятие «физическая делимость материи» относится не к вещи в себе, а к явлениям внешних чувств субъекта.

Поскольку, полагал Кант, бесконечная делимость материи относится не к вещам в себе, а к представлениям, то она не предполагает структурности материи до деления. В представлении же бесконечная делимость материи в возможности всегда конечна в том смысле, что всегда имеется предел, определяемый границей способностей представлений человека, который

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 206.

⁹ Иммануил Кант. Соч., т. 6. М., 1966, стр. 90.

¹⁰ Там же, стр. 98—99.

¹¹ Там же, стр. 99.

может мыслить какое угодно, но всегда конечное число частей. «Следовательно, о явлениях,— заключает Кант,— деление которых можно продолжать до бесконечности, можно лишь сказать, что частей явления столько, сколько их будет дано нами, пока мы будем в состоянии продолжать деление»¹². Таким образом, в процессе деления явления мы создаем его сложность, т. е. его структуру.

Делимость же вещи в себе (т. е. объективной действительности), по Канту, принципиально непознаваема, можно лишь строить предположения о прерывности или непрерывности вещи в себе. Если допустим, пишет он, что в действительности материя делима до бесконечности, то она должна и состоять (до начала деления) из бесконечного множества частей. Но такое допущение несостоительно, ибо будет противоречием мыслить совершенно законченным бесконечное множество, само понятие которого уже предполагает, что его никогда нельзя представить законченным¹³. В «Критике чистого разума» Кант, доказывая тезис второй антиномии об атомизме материи от «противного», пишет, что устранив сложение, мы устраним все. Иными словами, бесконечная делимость, по Канту, реальных объектов есть их бесконечная делимость, т. е. структурность. Ввиду того что эта структурность объектов действительности уходит в бесконечность, устранение ее приводит к уничтожению самого объекта, ибо простых частей по условию не может быть. Неверность вывода свидетельствует о ложности допущения о непрерывности субстанций, следовательно, заключает Кант, имеются простые материальные субстанции.

В то же время в антитезисе второй антиномии Кант показывает, что бесконечная делимость субстанциальных вещей также доказуема¹⁴. Получается, что материя и делима до бесконечности, и неделима до бесконечности. Противоречивость ответа, по Канту, свидетельствует о заблуждении нашего разума, в основе которого лежит неверная мысль о познаваемости «вещей в себе».

Таким образом, Кант, правильно вскрыв диалектику прерывного — непрерывного в действительности, перенес ее в сознание и объявил одним из заблуждений чистого разума.

В отношении антитезиса второй антиномии, отрицающей атомистику, Кант поясняет, что это утверждение означает лишь принципиальную недоказуемость посредством опыта или восприятия существования простых частей материи¹⁵. Однако безотносительно к нам в принципиальных непознаваемых «вещах в

¹² Иммануил Кант. Соч., т. 6, стр. 103.

¹³ Там же, стр. 102.

¹⁴ Иммануил Кант. Соч., т. 3. М., 1964, стр. 411—413.

¹⁵ Там же, стр. 413.

себе» атомы допустимы: «Разумеется,— пишет Кант,— сложное в вещах в себе должно состоять из простого: ведь здесь части должны быть даны до всякого сложения»¹⁶.

Выяснив основные положения концепции Канта по интересующему нас вопросу, перейдем к рассмотрению взглядов сторонников и противников динамизма немецкого мыслителя в России.

Одним из последователей кантианства в России в начале XIX в. был профессор Харьковского университета физик А. И. Стойкович, серб по национальности.

Довольно хорошо разбираясь в основных философских направлениях¹⁷, Стойкович в вопросе о познаваемости мира стремился найти среднюю линию. Так как мы можем, писал он, получать понятия не иначе как только от действия внешних предметов, то эти предметы должны быть отличны от нас и иметь существование. Поэтому, заключал он, позиция идеализма несостоятельна. Материалистическая линия также отрицалась Стойковичем по той причине, что, исходя из нее, полагал он, мы вынуждены отвергнуть духовную свободу. Если ум принимается за нечто вещественное, то он подчиняется законам природы (т. е. законам механики), способности ума рассматриваются в этом случае как свойства орудности. «При том,— продолжал Стойкович,— разум наш сам по себе производит понятия и законы, кои от внешних предметов никако не зависят, например понятия о добродетели, законе, нравственности и пр.»¹⁸.

Следовательно, заключает он, верен третий способ: существующие вне нас предметы мы познаем «по естеству» наших чувств.

Материальные объекты выступают, по Стойковичу, не как причины, источники наших понятий, а как их условия. «Причина понятий,— подчеркивает он,— состоит в природе ума нашего»¹⁹.

Мы видим, что автор «Системы физики» повторяет здесь основные положения Канта. Однако при дальнейшем рассмотрении гносеологических вопросов у Стойковича наблюдаются некоторые попытки отхода от кантианства влево, т. е. к материализму. Заканчивая краткое изложение основных этапов

¹⁶ Иммануил Кант. Соч., т. 6, стр. 105.

¹⁷ Последователи идеализма, писал Стойкович, стремятся «доказать, что все вещи, вне нас существующие, суть только одни наши идеи и произведения способности нашего понятия... По системе материалистов не только внешний мир действительно существует, но даже и самое наше понимание и сознание есть не что иное, как его произведение...» (А. Стойкович. Система физики, кн. 1. Харьков, 1813, стр. 3).

¹⁸ А. Стойкович. Система физики, кн. 1, стр. 4.

¹⁹ Там же, стр. 5.

развития физики, Стойкович дает высокую оценку динанизму Канта, но в то же время он довольно резко восстает против отрыва понятий физики от природы и субъективно-идеалистических выводов, делаемых последователями немецкого мыслителя. «Кант потряс,— пишет он,— основание сей (т. е. атомистической.—Н. Ф.) системы, доказывая, что система динамическая гораздо лучше сходствует с понятием о материи. Новейшие его последователи... силятся вместо физического познания произвести игру слов... так что надобно опасаться, чтобы физика не превратилась опять в таинства и в астрологию»²⁰. И тут же он оговаривается, что это злоупотребление нельзя приписывать самому Канту.

Рассматривая физику по исходным принципам ее построения, Стойкович различает три системы: атомистическую, динамическую и эмпирическую. Хотя он прямо и не критикует динамическую систему²¹, однако справедливой считает эмпирическую, ссылаясь на то, что один умозрительный метод довольно часто в естественных науках уводит от истины. «Испытатель природы,— продолжает он несколько ниже,— только почтает справедливым то, что подтвердить можно опытностью, ему дозволено употреблять предположения, однако только такие, кои с явлением и опытом согласны»²².

Иными словами, здесь Стойкович, утверждая, что истина есть то, что подтверждается в наблюдении и эксперименте²³, выступает как материалист. Но эти верные положения перемежаются у него такими кантианскими высказываниями, как «сущность материи и тел всегда останется нам неизвестностью»²⁴, «вещество есть то, что наполняет пространство»²⁵, и др. Таким образом, попытка найти средний путь между материализмом (в данном случае — атомизмом) и идеализмом привела Стойковича к эклектизму.

Основная философская линия Стойковича — кантианство — предопределила его подход к решению проблемы делимости материи. Опираясь на кантовское положение о бесконечной математической делимости заполненного материй пространства, он делает вывод, что «до каких пределов простирается мате-

²⁰ А. Стойкович. Указ. соч., стр. 38.

²¹ Кроме того, интересно отметить следующее: не соглашаясь с динамической системой, Стойкович на 61 стр. своей «Системы физики» еще раз связывает имя Канта с этой системой.

²² А. Стойкович. Указ. соч., стр. 57—58.

²³ Опытность, по Стойковичу, может быть двоякого рода: наблюдение и опыт. Средствами для постановки опытов над телами «служат различные орудия, кои вообще называются физическими орудиями, физическим прибором» (там же, стр. 11).

²⁴ Там же, стр. 57. Эту же мысль он проводит на стр. 61—62.

²⁵ Там же, стр. 58.

матическое деление пространства веществом наполненного, до тех же самых и возможно физическое деление вещества, т. е. до бесконечности»²⁶. И следом — характерное высказывание, показывающее, что Стойкович-кантианец и Стойкович-естествоиспытатель в данном вопросе далеко не в согласии друг с другом: «Хотя из опытов и видим,— пишет он,— что делимость материи имеет свои пределы, далее которых она простираться не может (подчеркнуто мною.— Н. Ф.), но я здесь говорю о возможном делении материи, которое не имеет никаких пределов»²⁷. Как совместить конечную делимость с ее бесконечной делимостью,— и на этот вопрос Стойкович не отвечает. Скорее всего здесь мы встречаем один из примеров электического сочетания противоположностей.

Изучение взглядов Стойковича по исследуемому вопросу показывает, таким образом, что позиция последнего по сравнению с Кантом, с одной стороны, более материалистична, ибо он в большей степени доверяет чувственному восприятию; с другой стороны — более электична, ибо, стремясь к Канту следовать, и от объекта познания не оторваться, он зачастую механически соединяет материалистические и идеалистические положения.

Априоризм и динамизм Канта были подвергнуты резкой критике с материалистической позиции выдающимся русским математиком Т. Ф. Осиповским. Справедливо усмотрев в кантианстве враждебную науке тенденцию, он выступил против идеалистического истолкования сущности и свойств материи в то время, когда динамизм немецкого философа, будучи модным, признавался значительным числом натурфилософов и естествоиспытателей²⁸.

В речи «Рассуждение о динамической системе Канта», произнесенной на торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1813 г., Осиповский, исследовав динамическую теорию материи Канта, показал ее научную несостоятельность.

Анализируя силу расширения, он вскрыл основной порок кантовского динамизма: отрыв движения от материи, силы от тел и провозглашение сил первичными по отношению к материи. «При таком свойстве расширительной силы,— писал он,— материя, относительно к сей силе рассматриваемая, остается только как бы посредницею между сею силою и пространством для доставления возможности распространяться ей в пространстве. Странна для понятия такая сила, которая распространяется в пространстве посредством материи, но действует

²⁶ Там же, стр. 75.

²⁷ Там же.

²⁸ См., например: А. С. Лубкин. Письма о критической философии. «Северный вестник», 1805, август, стр. 184.

независимо от материи, между тем как действие ее зависит от распространения ее в пространстве»²⁹.

В вопросе о строении материи Осиповский стоял на позициях атомно-молекулярной теории М. В. Ломоносова. Положение о бесконечной делимости материи, вытекающее из кантовской динамической теории, Осиповский считал одной из несущественностей, которые лишают названную теорию достоверности. «Не упоминая о других несбыточностях,— отмечает он,— ко сия система влечет за собою, как-то: о бесконечной делимости материи, по которой малейшая частица тела может наполнять собою бесконечное пространство, и о бескважности тел, затрудняющей понятие действий света, электрической и магнитной материи, довольно кажется одних предыдущих непонятностей, дабы потерять к сей системе всю доверенность»³⁰.

Резко отрицательно Осиповский оценивал кантианство Стойковича. В отзыве на его «Систему физики» Осиповский показал, что стремление автора рассматривать свойства тел в порядке, соответствующем категориям Канта, привело к неоправданным натяжкам. Основные идеи, пишет Осиповский в отзыве, которые лежат в основе «Системы физики», взяты из сочинения Канта «Метафизические основы естествознания», наполненного странными идеями. «Так как эти мысли,— продолжает он,— перемешаны с обыкновенными положениями физиков, с которыми они, однако, не вяжутся, то читающему представляется все в виде какой-то галиматы»³¹.

Наряду с Осиповским в первой четверти XIX в. кантовский субъективизм и априоризм подвергли критике в России профессор Казанского университета А. С. Лубкин³², профессор Петербургского педагогического института П. Д. Лодий³³, видный польский ученый Я. Снядецкий³⁴ и др.

Во второй четверти XIX в. в России некоторое распространение получило шеллингианство, заменившее в определенной степени уходящее со сцены кантианство.

В натурфилософии Шеллинга динамическая теория материи Канта получила свою дальнейшую конкретизацию в свете новых (по тому времени) успехов естествознания³⁵.

²⁹ Т. Ф. Осиповский. Рассуждение о динамической системе Канта. Речи, произнесенные в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1813 г. Харьков, 1813, стр. 12.

³⁰ Там же, стр. 13—14.

³¹ И. Щеглов. Из истории Харьковского университета. «Журнал Министерства народного просвещения», 1890, сентябрь, стр. 378.

³² А. С. Лубкин. Указ. соч.

³³ П. Лодий. Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного. СПб., 1815.

³⁴ Я. Снядецкий. О философии. «Вестник Европы», ч. 105, 1819, № 11.

³⁵ Как и Кант, Шеллинг принимал за исходное начало силы отталкивания и

Первый русский распространитель шеллингианства Д. М. Велланский, в основном положительно оценивающий динамизм Канта³⁶, писал: «Вещественные основания, или атомы, не суть первоначальны и неизменяемы, но производятся и превращаются действиями общей жизни планеты, которая не состоялась из приготовленных уже атомов, поелику и самые атомы суть не что иное, как одни представления деятельных сил...»³⁷

Приведенный отрывок особенно интересен тем, что здесь предпринята попытка совместить атомизм с динамизмом, но на идеалистической основе. Существование атомов не отрицается Велланским, отрицается «только» их первичность и неделимость.

Подобную же точку зрения на мнимую совместимость динамизма и атомизма допускал широко известный в первой половине XIX в. профессор Московского университета М. Г. Павлов. В параграфе «Теория Канта динамическая» своего учебника физики он пишет: «Впрочем, если бы атомы, хотя ничем нельзя этого доказать, были действительно элементами тел, вопрос о веществе остался бы и в сем случае нерешенным... Кант первый из новейших мыслителей почувствовал потребность определить сущность вещества. Результат его умозрительных изысканий по сему предмету состоит в следующем: „Отталкивающая и притягивающая силы, взаимно ограничиваясь, наполняют пространство непрерывно и делают его непроницаемым; непроницаемое пространство есть вещество“»³⁸.

Сам Павлов разделял исходные принципы кантовского динамизма. В параграфе «Теория вещества автора» (т. е. М. Г. Павлова.—Н. Ф.) он утверждал, что вещество есть сила расширения и сила сжатия, ограниченные взаимно³⁹.

Первичность атомов отвергалась Павловым самым решительным образом прежде всего на том основании, что, следуя линии атомистов, невозможно, с точки зрения Павлова, объяснить сущность жизни. Современные физики, пишет Павлов, полагают, что атомы лишены собственной деятельности и движутся в пространстве механически.

притяжения. Отталкивание рассматривалось как первичная сила природы; притяжение — как ограничивающая сила, посредством которой возникают пространственно ограниченные тела природы. В соответствии с этой концепцией электричество, магнетизм и свет квалифицировались Шеллингом не как специфические формы движения материи, а в качестве неких идеальных сил.

³⁶ Д. М. Велланский. Опытная, наблюдательная и умозрительная физика. СПб., 1831, стр. 398, 400—401.

³⁷ Там же, стр. 19.

³⁸ М. Г. Павлов. Основания физики, ч. 1. М., 1836, стр. 294—295.

³⁹ Там же, стр. 248—249, 295 и др.

Отсюда, делает он вывод, вытекает неразрешимое противоречие: «В каком мрачном виде,— восклицает Павлов в «Основаниях физики»,— представляется атомистами природа! Она, по их мнению, мертвая груда, скопившаяся из атомов и движимая в пространство механически! А мы, части сей природы, считаем себя живыми, и никто даже из атомистов не опровергает жизни в целых двух ее царствах: растительном и животном. Какие явные противоречия. Как грубы и унизительны все последствия материализма»⁴⁰. Как видим, здесь Павлов выступает против наихудшей формы атомизма, метафизического и механистического одновременно. Безусловно, дальнейшее развитие представлений о строении материи необходимо было связано с критическим преодолением подобных воззрений. Поэтому критика Павловым представлений об атомах как неизменных частицах материи, лишенных деятельного начала, прогрессивна. Однако попытка свести весь атомизм к наихудшей его форме и тем самым дискредитировать материализм как философское направление резко снижает действенность павловской критики. Динамическая теория материи, защищаемая Павловым, хотя и более диалектична сама по себе, однако она в существе своем, как показало дальнейшее развитие физики, сыграла отрицательную роль в учении о строении вещества.

Отрицание атомизма Павловым тесно связано с его концепцией делимости материи. По его представлениям, сила расширения порождает два свойства: коренное — протяжение тел, производное — делимость тел. Свойство делимости принадлежит всем телам без исключения. Полемизируя с атомистами, Павлов стремился показать, что их понятие делимости материи ограничено, ибо последние под делимостью признают только раздробимость вещества⁴¹.

По Павлову же, помимо названной формы делимости, имеется в природе и другая, вытекающая из его динамического представления: «Делимость,— писал он,— как последовательная протяжимость, состоит также в занятии пространства, а занятие пространства возможно только тройкое: 1) линейное, или в длину, 2) поверхностное, или в ширину, и 3) кубичное, или в глубину; посему и делимость должна быть трех видов: 1) линейная — это тягучесть; 2) поверхностная — это растяжимость и 3) кубичная — это расширяемость»⁴².

Так, если кубический дюйм воды, поясняет Павлов, превратить в пар, он займет объем в 1728 раз больший, т. е. из одного кубического дюйма воды получится 1728 дюймов воды, но только в другом виде. Здесь деление, подчеркивает он,

⁴⁰ М. Г. Павлов. Указ. соч., стр. 293—294.

⁴¹ Там же, стр. 269—270.

⁴² Там же, стр. 261—262.

состоит не в раздроблении, а в утончении массы. Ввиду того что атомисты не признают делимости второго рода (т. е. утончения массы), то, заключает Павлов, их решение, будучи односторонним, недостаточно⁴³.

В соответствии с динамической системой Павлов отстаивает положение, что материя делима бесконечно. Причем и у него мы наблюдаем такую же последовательность в доказательстве, как у Канта. Сначала показывается бесконечная делимость пространства, а затем делается вывод о неограниченной делимости тел, занимающих это пространство⁴⁴. Но, осторожничает Павлов, такая делимость представляется в возможности. Как же далеко она представляется в действительности? Приведя встречающиеся в учебниках физики того времени примеры значительной делимости вещества и сравнив мельчайшие части инфузорий с вселенной, он пишет, что мир «представляется беспредельным; следовательно, вещество в нем разделено до бесконечности. Можно ли после сего сомневаться, что делимость вещества не только в возможности, но и в действительности бесконечна!»⁴⁵

Приведенное выше подтверждает, таким образом, что Павлов в вопросе делимости материи остался на позициях динамизма.

Однако он внес по сравнению с Кантом и Шеллингом довольно существенный элемент новизны в названный вопрос, который заключается в расширении понятия «делимость».

Развивая идеи о делимости как изменении объема предметов, Павлов показывает, что в природе имеются процессы, обратные делимости. Если из силы притяжения вытекает всеобщее свойство делимости, полагает он, то из силы сжатия вытекает всеобщее свойство соединимости, по которому тела, «взаимно сближаясь или притягиваясь, образуют одно целое»⁴⁶. Безусловно, такая постановка проблемы более диалектична по сравнению с Кантом и Шеллингом.

Но, к сожалению, элементы диалектики мы видим только в постановке проблемы, ибо решение ее не выходит за границы метафизики: абсолютизируется только одна сторона диалектического единства — непрерывность, вторая же — дискретность — отбрасывается, хотя развитие физики уже давало конкретный материал для преодоления указанной ограниченности.

Наиболее значительные успехи в преодолении представлений об абсолютной непрерывности материи и ее атрибутов были достигнуты в первой трети XIX в. в оптике.

⁴³ Там же, стр. 266—267.

⁴⁴ Там же, стр. 270.

⁴⁵ Там же, стр. 271.

⁴⁶ Там же, стр. 272.

В конце XVIII в. большинство ученых признавало ньютоновскую корпускулярную теорию истечения света, ибо она полностью соответствовала геометрической оптике и общепринятым взглядам на физические процессы. Однако дальнейшее развитие физической науки приводит к установлению новых, ранее неизвестных фактов, никак не объяснимых классической теорией истечения.

Первый серьезный удар по господствующим представлениям нанес Томас Юнг. В ряде докладов, статей и сочинений⁴⁷ он привел аргументы против теории истечения. Наибольший интерес вызывает следующий. Экспериментом установлено, что скорость света есть величина постоянная, которая не зависит от интенсивности источника. Исходя из корпускулярной теории, невозможно объяснить данный факт, но он хорошо согласуется с волновой теорией, ибо скорость света зависит только от той среды, в которой распространяются волны. Так как среда — эфир — повсюду одинакова, то факт постоянства скорости света становится очевидным. Для обоснования реального существования эфира Юнг проводит широкие аналогии.

Явления электрического характера, утверждал он, доказывают реальное существование среды, во многих своих свойствах похожей на те, какими характеризуется эфир. Так, быстрое распространение электрического разряда свидетельствует, что степень упругости этой среды такой величины, какая необходима для распространения света. Изучая интерференцию водяных волн, Юнг пришел к предположению, что подобное явление должно наблюдаться и в световых процессах. Гипотеза об интерференции света блестяще подтвердилась на ряде поставленных им опытов.

Возрождение волновой теории света необходимо, таким образом, приводит к отрицанию пустоты. Все пространство между телами заполнено светоносным эфиром, в высокой степени разряженным и упругим. Такой эфир непрерывен. Однако волновая теория света далеко не сразу завоевала права гражданства. Юнг, исходя из упругости эфира, принимал как очевидное, что световые волны только продольные. Но в этом случае становилось невозможным объяснить ряд явлений, в первую очередь поляризацию света. По этой причине гипотеза Юнга игнорировалась большинством физиков.

Отношение ученых к волновой теории света резко измени-

⁴⁷ Наиболее последовательно воззрения Юнга изложены в его «Лекциях по натуральной философии», опубликованных в 1807 г. См.: T. Young. A course of lectures on natural philosophy and the mechanical arts, a new edition, v. I. London and Edinburgh, 1845.

лось после создания Огюстом Френелем единой теории света, объясняющей все известные в то время факты.

По представлениям Френеля, во всепроникающем эфире свет распространяется не посредством продольных, а только поперечных волн. Соответственно, полагал он, эфир практически несжимаем, но обладает способностью сопротивляться сдвигу одного слоя эфира относительно другого. Обоснование возможности поперечного распространения волн в эфире явилось решающим условием в объяснении всех накопленных экспериментальных данных о свойствах света и, прежде всего, поляризации⁴⁸.

Трудности объяснения сущности поперечных волн в эфире привели Френеля к необходимости отрицания непрерывности эфира. Действительно, если предположить, что эфир представляет собой сплошную среду, то все поперечные колебания неизбежно должны затухать и перейти в продольные.

Все упругие жидкости (куда относится и эфир) состоят, по Френелю, из точек материи, разделенных интервалами, намного большими по сравнению с размерами точек. В соответствии с присущими точкам силами отталкивания и притяжения в состоянии равновесия эти точки расположатся на равном расстоянии одна от другой. Если представить себе три рядом лежащие параллельные бесконечные нити, составленные из точек, то при незначительном сдвиге средней линии возникнут силы, стремящиеся восстановить равновесие. Предоставленная сама себе после сдвига средняя линия будет колебаться, подобно маятнику, каждый раз проходя через точку равновесия. Но если линия сдвинута на величину, равную или кратную расстоянию между точками, то колебаний не будет, ибо возникает новое положение равновесия. Поэтому значительная тормозящая сила возникает только при крайне малых колебаниях. Но именно такие перемещения в слоях эфира образуют световые колебания⁴⁹.

Однако, пишет Френель, в действительности один слой эфира не может перемещаться, не приводя в движение соседние слои. Быстрая распространения передачи движения от одного слоя к другому зависит от энергии ускоряющей силы, стремящейся вернуть смежные слои в первоначальное положение, и от той массы слоев, которая была приведена в движение.

Возражая своим противникам, утверждающим невозможность распространения поперечных волн в жидкостях и эфире, Френель пишет: «Я полагаю, что достаточно убедительно сказал, что нет ничего механически абсурдного в определении световых

⁴⁸ О. Френель. Избранные труды по оптике. М., 1955, стр. 396—416.

⁴⁹ Там же, стр. 311.

колебаний, которое меня вынудило принять свойства поляризованного света и привело к открытию истинных законов двойного лучепреломления. Если уравнения движения жидкостей, придуманные геометрами, не могут быть согласованы с этой гипотезой, то это потому, что эти уравнения основываются на математической абстракции, именно *непрерывности элементов* (курсив мой.—Н. Ф.), которая, не будучи верной, все же может частично представить механические свойства упругих жидкостей, если только, сверх того, предположить, что эти непрерывные элементы сжимаемы. Но именно потому, что такое представление лишено реальности и является не чем иным, как чистой абстракцией, нельзя ожидать найти в нем все роды колебаний, к которым способны упругие жидкости, и все их механические свойства: так, например, согласно уравнениям, о которых мы говорим, не существовало бы никакого трения между двумя бесконечными полосами, скользящими одна по другой»⁵⁰.

Приведенная выдержка интересна, как яркий пример того положения, что физики первой трети XIX в., осмысливая научные факты, начинают восставать против абсолютизации одной стороны в решении проблемы прерывности и непрерывности материи и ее атрибутов. Представления о непрерывности элементов неверны, прямо заявляет Френель; причем это заявление не голословно, оно необходимо для существования единственно возможной в то время теории, представляющей крупный шаг вперед по сравнению с предшествующими воззрениями.

Однако эти достижения физики не признавались большинством сторонников учения Канта и Шеллинга, так как они противоречили исходным положениям динамизма.

М. Г. Павлов, соглашаясь с выводом Юнга, Френеля и других исследователей о неверности ньютоновской теории истечения света через пустоту, полагал в то же время, что и волновая теория света также не соответствует действительности.

Основное возражение, выдвигаемое им, заключается в том, что, исходя из названной теории, по Павлову, невозможно объяснить тепловое действие лучей. По мнению сторонников новой теории, писал он в «Основаниях физики», эфир «тогда только производит свет, следовательно и теплотворную его силу, когда приводится в сотрясение; эфир покойный — тьма, т. е. свет исчезает, как скоро нет сотрясения; с светом свойства его неразлучны; посему с исчезновением света должна исчезнуть и его теплотворность! Вот что следует из начал теории сотрясения. Но сии следствия совершенно противоречат опыtnости: свет тог-

⁵⁰ О. Френель. Указ. соч., стр. 321—322.

да только и греет, когда темнеет, когда поглощается, когда теряет свою линейность, следовательно, когда исчезает»⁵¹.

Развивая свои опровержения волновой теории света, а также гипотезы существования эфира, Павлов ссыпался на ряд общеизвестных экспериментальных данных. Так, стремясь показать несостоятельность теории света Окена (исходящего из допущения, что свет есть напряженное состояние эфира), Павлов ссылается на химические и тепловые действия ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, получаемых при дисперсии света⁵².

Однако, верно нащупывая слабые стороны различных теорий распространения света в эфире, сам Павлов, находясь под значительным влиянием динанизма Канта и Шеллинга, исходил при объяснении природы света из идеалистических посылок. Свет и тяжесть, утверждал он в «Основаниях физики», являются изначальными силами расширения и притяжения, лежащими в основе вещественного мира⁵³.

Учебник физики Павлова (в особенности, общеметодологические основы учебника — динамическая теория материи) был подвергнут критике русскими естествоиспытателями. Среди них необходимо отметить известного физика Э. Ленца⁵⁴ и профессора Московского университета М. А. Максимовича⁵⁵.

Динамическая концепция непрерывности материи отвергалась таким общепризнанным ведущим представителем русской физической науки, как Д. М. Переvoщикov.

Характеризуя динамическую и атомистическую теории материи, Переvoщикov подчеркивал, что критерием истинности того или иного предположения, как и всего научного знания, являются внимательное наблюдение и строгая проверка чувств. Сображения же чисто отвлеченные всегда обманчивы.

Правда, тут же он пишет, что истинный физик не должен следовать ни динанизму, ни атомизму, ибо внутренняя сущность тел останется навсегда для нас тайной⁵⁶. Однако, как показывает анализ взглядов Переvoщикова, это не более как дань сходящему в то время со сцены кантианству; при рассмотрении конкретных физических вопросов он не отступал от позиций естественнонаучного материализма. Одним из показателей

⁵¹ М. Г. Павлов. Указ. соч., стр. 210.

⁵² Там же, стр. 216—219.

⁵³ Там же, стр. 299—311.

⁵⁴ «Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russlands», 1834, N 2.

⁵⁵ М. А. Максимович. О физике «Атенея». В сб. «Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века». М., 1959, стр. 101—105. Сам Максимович полагал, что «вся природа произошла и происходит из единого всеобщего вещества, издавна называемого эфиром или огнем» (там же, стр. 108).

⁵⁶ Д. Переvoщикov. Руководство к опытной физике. М., 1833, стр. 5.

склонности Перевощикова к атомистической теории материи является его высокая оценка атомистических теорий М. В. Ломоносова⁵⁷.

Для выяснения взглядов Перевощикова на прерывность — непрерывность материи рассмотрим его отношение к двум взаимоисключающим в то время теориям света: волновой и корпускулярной.

Анализируя ньютоновскую теорию истечения света, Перевощиков приходит к выводу, что посредством этой теории «совершенно нельзя объяснить явления света»⁵⁸. Наоборот, теория « сотрясения» (т. е. волновая), пишет он, основы которой были заложены Гюйгенсом и развиты Эйлером и Ломоносовым, в новейшее время восстановленная Юнгом и Френелем, верно объясняет все известные данные наблюдения и эксперимента. В соответствии с теорией « сотрясения» пространство и пустоты между частицами тел заполнены всепроникающим эфиром, имеющим дискретное строение. «Частицы эфира,— пишет Перевощиков, объясняя теорию эфира,— приводятся в движение колебанием твердых частей вещества. Каждая из сих частиц, получив побуждение к движению, сообщает оное всем частицам окружающим, и таким образом движение в эфире распространяется по всем направлениям сообразно с динамическими законами волнообразного движения упругих веществ, каковы суть воздух, вода и многие тела твердые»⁵⁹. Следовательно, по Перевощикову, волны эфира⁶⁰ как проявление непрерывности миро-вой среды совместимы с дискретностью этой среды. Это, конечно, значительный шаг вперед к диалектическому истолкованию дискретно-континуалистических свойств материи.

Последовательной критике динамическая система материи была подвергнута профессором Харьковского университета В. И. Лапшиным.

Основной аргумент, выдвинутый им против динамизма, заключается в следующем. Приняв за исходные начала силы притяжения и отталкивания, мы можем различать только тройкое действие сил: сила притяжения превышает силу отталкивания (в этом случае образуется твердое тело); равновесие этих двух сил (здесь получается капельножидкое тело); сила отталкивания превышает силу притяжения (как следствие возникает воздухообразное тело). Но тела различаются не только количественно, но и качественно. Однако с позиций динамизма невоз-

⁵⁷ См: А. Ф. Кононков. История физики в Московском университете. М., 1955, стр. 179—187.

⁵⁸ Д. Перевощиков. Указ. соч., стр. 332.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Именно такое выражение он употребляет при объяснении основных явлений света (См.: Д. Перевощиков. Указ. соч., стр. 334—335).

можно объяснить качественное различие тел и бесконечное число явлений. «Если теория,— писал Лапшин,— основывается на одном начале, то из него должны происходить все частности, или из действия основных сил природы — все разнообразные явления. Этого необходимого труда не приняла еще на себя динамическая система»⁶¹.

Признавая объективное, независимое от сознания человека существование материи, Лапшин отвергал отрыв сил от вещества и рассматривал их как неотъемлемое свойство материи. «Чтобы материя могла проявляться столь разнообразно,— подчеркивает он,— она должна в самой себе заключать силы, которые производили бы различные изменения»⁶².

В отличие от динамической системы материи, утверждал Лапшин, атомистическая теория «с возможной основательностью и точностью» объясняет физические явления⁶³. Именно с атомистикой связывал он возможность развития действительно научной теории, объясняющей тепловые, световые, электрические и магнитные явления. Если теории «невесомых материй» в течение столетий, подчеркивает Лапшин, не сдвинулись с места и с каждым новым открытием требуют новых гипотетических допущений, то атомистическая теория, исходя из общих свойств материи, имеет несомненные успехи и не нуждается в введении новых предположений. Далее Лапшин высказывает убеждение в том, что дальнейшее совершенствование волновой теории света и учения об электричестве связано с углублением знаний внутреннего движения материи⁶⁴. Последующее развитие физики блестяще подтвердило предсказание Лапшина. Открытие и исследование явления фотоэффекта, связанные с такими именами, как Столетов и Эйнштейн, показали, что свеже представляют собою единство корпускулярно-волновых противоположностей. Изучение процессов, лежащих в фундаменте электромагнитных явлений, привело к открытию атомарного (элементарные частицы) строения материи.

Заканчивая рассмотрение вопроса об отношении научной мысли России первой половины XIX в. к динанизму Канта (и в некоторой степени к динанизму Шеллинга) под довольно специфическим углом зрения, автор подчеркивает, что он не претендует ни на полноту охвата имеющегося громадного материала, ни на исчерпывающую глубину рассмотрения столь сложного вопроса. Цель автора скромнее: показать основные вехи той острой и сложной борьбы, которая разгорелась в русском естеств-

⁶¹ «Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины XIX века», стр. 392.

⁶² Там же, стр. 386.

⁶³ Там же, стр. 392.

⁶⁴ Там же, стр. 387.

вознании первой половины XIX в. вокруг (в основном) кантовского динамизма.

Однако уже из изложенного мы можем сделать следующие выводы.

На основе анализа отношения русских естествоиспытателей к одной из важнейших сторон философии естествознания Канта мы видим, что научная мысль России рассматриваемого периода не только живо интересовалась учением немецкого мыслителя, но и дала высококвалифицированную оценку его учению. Строгих последователей динамической теории материи Канта в России не было. Попытка ряда мыслителей (Стойкович, Павлов и др.) привить динамизм, предварительно более или менее его творчески переработав, встретила значительное противодействие большого числа естествоиспытателей-материалистов.

Тем не менее идеи динамизма сыграли и некоторую положительную роль своей критикой метафизической ограниченности атомизма. Как уже отмечалось, механистический атомизм абсолютизировал одну сторону единства противоположностей — дискретность. Для дальнейшего развития, ведущего к диалектическому истолкованию проблемы, отрицание абсолютной прерывности было необходимым этапом. Вот это отрицание и ценно в динамизме.

Однако сам динамизм (помимо основного порока — идеализма) по причине абсолютизации другой стороны — непрерывности не мог стать основой для диалектического подхода к проблеме. Здесь критика сторонниками атомизма приверженцев только непрерывности материи также была необходимой.

Образную и вместе с тем глубоко верную оценку борьбы и взаимосвязи атомистических и динамических концепций дал Герцен в «Письмах об изучении природы» в 1844 г. «Древние атомисты,— писал он в «Эмпирии и идеализме»,— вовсе не шутили с атомами; отправляясь от точки зрения, хотя односторонней, но необходимой в общем развитии, стройно и последовательно дошли до атомизма, атом был ими противопоставлен элематическому воззрению, распускавшему в отвлечениях все сущее; в атомах они видели повсюду средоточность веществ, бесконечную индивидуализацию его, для себя бытия, так сказать, каждой точки. Это один из самых верных, существенных моментов понимания природы: в ее понятии необходимо лежит эта рассыпчатость и целость каждой части, так же как непрерывность и единство; само собою разумеется, что атомизм не исчерпывает понятия природы (и в этом он похож на динамизм); в нем пропадает всеобщее единство; в динамизме части стираются и гибнут, задача в том, чтобы все эти для себя сущие искры слить в одно пламя, не лишая их относительной самобытности. Динамизм и атомизм явились при входе в нашу эру торжественно громадно, во всепоглощающей сущности Спинозы»

и в монадологии Лейбница. Это две величавые грани, это два Геркулесова столба возродившейся мысли, воздвигнутые не для того чтобы дальше нельзя было идти, а для того чтобы нельзя было возвратиться назад»⁶⁵.

Но, чтобы идти дальше в познании тайн материи, нужно было сначала преодолеть идеализм и метафизичность динамизма и метафизичность атомистики. И действительно, дальнейшее развитие естествознания привело к диалектическому синтезу противоположных начал, т. е. прерывности и непрерывности на материалистической основе. В новой атомистике, атомистике XX в. (представляющей собою в снятом виде накопленные человеческие знания о строении материи), названные противоположности находятся в диалектическом единстве⁶⁶.

⁶⁵ А. И. Г е р ц е н. Письма об изучении природы. М., 1946, стр. 39—40.

⁶⁶ См., например: В. Г. Кузнецов. Указ. соч. Луи де Брайль. Революция в физике. М., 1965; и др.

В. Д. КОРОЛЮК

КЛАССИКИ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В МОСКОВСКОЙ КСИЛОГРАФИИ
(ГЁТЕ, ШИЛЛЕР, ГЕЙНЕ)

Поскольку речь пойдет о книжной гравюре на дереве, постольку выделение московской ксилографии как самостоятельного объекта исследования не может, думается, вызвать возражения. И дело здесь не только в том, что в 20—30-х годах, во время послереволюционного подъема в СССР книжной графики, именно московской книжной гравюре на дереве принадлежала исключительно важная и во многом определяющая роль. В Москве, а не в Ленинграде или каких-либо иных центрах нашей книжной графики гравюра на дереве сумела раскрыть необычайно широкие возможности как средство художественного оформления книги¹. Нужно сказать, что свои позиции в книжной графике, несмотря на определенные успехи линогравюр и большие удачи рисованных переплетов и иллюстраций, московская ксилография сохранила и в 40—50-х годах, продолжает сохранять и в наше время.

Большее, однако, чем практическая активность московских ксилографов, значение имеет для нас теоретическая разработка именно московскими графиками вопросов художественного оформления книжных изданий. Передовая, во многом новаторская роль московских художников книги прежде всего и определяет место московской ксилографии в развитии советской книжной культуры, объясняет правомерность выделения работ московских ксилографов как особой исследовательской темы.

В том, что в 20—30-х годах московские мастера книжной гравюры на дереве оказались наиболее подготовленными к практическим и теоретическим решениям книжного оформления, большая заслуга таких выдающихся ксилографов, как И. Н. Павлов, А. И. Кравченко, В. А. Фаворский.

¹ Э. Голербах. Советская графика. М.—Л., 1938, стр. 23.

Это были люди большого таланта и высоких человеческих качеств, не только блестящие художники, но и педагоги, что позволяло им объединять вокруг себя группы учеников, последователей и сторонников, формировать свои художественные направления, которые в нашей литературе обычно называются школами. Существенное влияние на развитие книжной ксилографии оказывала и художественная критика 20—30-х годов. Особенно следует подчеркнуть активную деятельность историка-искусствоведа А. А. Сидорова, постоянно анализировавшего и пропагандировавшего успехи московских художников книги — ксилографов.

Менее всего склонной к поискам новых приемов книжного оформления оказалась школа Павлова и его одаренного ученика М. В. Маторина. Для них показательно интуитивное чувство книги как художественного целого. Огромное внимание уделялось технике и технологии ксилографического мастерства, композиционной уравновешенности и цельности книжной гравюры, чистоте и точности штриха, введению цвета в книжную обложку, суперобложку и иллюстрации.

На фоне несколько суховатой красоты ксилографического искусства Павлова — Маторина ярко выделялось взволнованное, романтически-приподнятое, характерное своей необычайной поэтичностью восприятия образов искусство А. И. Кравченко и его, к сожалению, не очень многочисленных последователей. Смерть унесла талантливейшего художника в расцвете творческих замыслов. Кравченко не удалось в полной мере развернуть педагогическую деятельность.

Действительно замечательных успехов в подготовке художников книги удалось достичь Фаворскому, который был прирожденным педагогом, учителем, совершенно сознательно и целеустремленно отдававшим массу времени и сил преподавательской теории и практике. Уже в 20—30-х годах именно вокруг Фаворского сформировалась наиболее значительная группа московских художников книги — ксилографов². Нужно сказать, что и сегодня школа Фаворского полностью сохраняет свои сильные позиции в области нашей книжной гравюры. И это не случайно. Успех Фаворского был определен как его большим, строго аналитическим, не боящимся «проверить алгеброй гармонию» искусством глубоких раздумий и философских оценок, так и его в деталях продуманной педагогической теорией³. Вполне понятно поэтому, что в дальнейшем при анализе московской графики придется говорить более всего о работах художников школы Фаворского.

² Ю. Х а л а м и н с к и й. Владимир Андреевич Фаворский. М., 1964.

³ О теоретических основах творчества Фаворского и его преподавательском методе см.: В. Ф а в о р с к и й. О художнике, о творчестве, о книге. М., 1966.

Переходя непосредственно к теме сообщения, следует сразу же оговориться, что немецкая классика (произведения Гёте, Шиллера, Гейне) не занимала главного места в творчестве московских ксилографов. Главные усилия их были направлены на оформление русской классики и советской литературы. И даже по отношению к иностранной классике вообще нет оснований особенно подчеркивать интерес московских графиков к немецкой классике. Их гораздо больше интересовали монументальные и трагические образы Шекспира. Так было в 20—30-х годах⁴, так обстоит дело и сейчас.

И тем не менее тема немецкой классической литературы в московской книжной ксилографии не просто правомерна, но и в определенной мере показательна. Показательна она как часть более общего процесса взаимовлияния и взаимообогащения культур и как пример, на котором можно проследить общее и специфическое в трактовке классической литературы разными направлениями московской книжной ксилографии.

Переходя к истории вопроса, следует отметить, что существующие в нашей литературе анализы творчества основателей московской книжной ксилографии и их ближайших учеников содержат, естественно, и соответствующие разделы, посвященные художественному оформлению немецкой классики. В разделах этих дается характеристика методов подхода к образам немецкой классики, раскрываются сильные или слабые стороны художественного оформления, а рассмотрение работы над немецкой классикой в связи с работой над другими литературными произведениями позволяет понять место немецкой классики в общей художественной практике того или иного мастера книжной графики.

Поэтому едва ли целесообразно здесь возвращаться к подробному анализу работы В. А. Фаворского над «Избранной лирикой» Гёте («Academia», 1933), уже рассмотренной в монографии Ю. Халаминского⁵, тем более что для понимания творчества самого Фаворского работа эта гораздо менее интересна и поучительна, чем, допустим, трактовка образов Данте, Шекспира, Мериме или русских классиков. Думается, что после книг М. З. Холодковской о творчестве А. Д. Gonчарова⁶ и Ю. У. Кузнецовой о ксилографиях Ф. Д. Константинова⁷, этих талантливейших учеников Фаворского, тоже едва ли есть необходимость в рамках небольшого сообщения останавливаться на характеристике их опыта оформления немецкой классики.

⁴ Э. Голербах. Указ. соч., стр. 29.

⁵ Ю. Халаминский. Указ. соч., стр. 127—129.

⁶ М. З. Холодковская. Андрей Gonчаров. М., 1961, стр. 103—109.

⁷ Ю. У. Кузнецова. Федор Денисович Константинов. М., 1965, стр. 17 66—67.

А. Д. Гончарову принадлежат шесть очень выразительных ста-ничных гравюр к «Фаусту» Гёте, нарезанных в 1953 г.⁸ и тра-диционно раскрывающих основные сюжетные ситуации произ-ведения, а также оформление (1951) «Избранных сочинений» Гейне (серия острых — то горьких, то иронических, то патети-ческих, то гневных, то лирических шмутитолов к основным разделам книги и заставок к ним). Внимание Ф. Д. Констан-тинова привлекли поэзия Шиллера (1936) и Гейне (1937). В 1954 г. художник вновь вернулся к Шиллеру, исполнив ряд ярких гравюр к детгизовскому изданию его произведений. Если гравюры 1936—1937 гг. еще сильно напоминают о непосредст-венноном воздействии могучего искусства Фаворского, то работы 1954 г. отчетливо отражают характерные черты романтически приподнятого, склонного к лирике, порою элегически-философ-ского творческого метода художника. Особенно удачен портрет Шиллера на фоне нарезанного с большим настроением пейзажа.

А. И. Кравченко, подобно Фаворскому, учился в Мюнхене (1906), в студии профессора Холлоши, венгра по национальности. Здесь он совершенствовал свое мастерство рисоваль-щика, изучал традиции немецкой классической школы рисунка, знакомился с работами Дюрера и Гольбейна⁹. Тем не менее немецкая классическая литература не занимала в его необычай-но многообразной и яркой творческой жизни заметного места. Зато интересно, что именно немецкая музыкальная классика (как и произведения Мусоргского) острее всего захватывала его воображение¹⁰. Правда, в 1932 г. художник создает серию кра-сивых первых иллюстраций к роману Гёте «Страдания молодо-го Вертера», поэтически раскрывающих развитие любовной тра-демии героя. Но для Кравченко, как мастера гравюры на дереве, по мнению очень многих критиков у нас и за границей, первого советского ксилографа¹¹, показательны не эти рисунки, а дейст-вительно великолепные, эмоционально насыщенные, пронизан-ные страстью и иронией гравюры к произведениям немецких романиков — Г. Клейста («Михаэль Кальгаас», Госиздат, 1922) и Э. Т. А. Гофмана («Повелитель блок», «Academіa», 1929). Именно романтика, фантастика и сатирический гротеск особен-но близки темпераментному, эмоционально, ярко окрашенному видению художника, его мироощущению, образу мыслей и на-строению¹².

⁸ В 1954 г. было нарезано художником несколько дополнительных гравюр для издания «Фауста» Детгизом.

⁹ С. Р а з у м о в с к а я . Алексей Ильич Кравченко. М., 1968, стр. 10.

¹⁰ Там же, стр. 65.

¹¹ Там же, стр. 69—71, 93, 125 и др.

¹² Там же, стр. 150—151. Интересная тема «Гофман в советской ксилографии» заслуживает, конечно, особого исследования, и не только в связи с изуче-нием творчества А. И. Кравченко. Автор надеется посвятить ей отдельную статью.

Нет оснований говорить о сколько-нибудь самостоятельной роли немецкой классики XIX в. в творчестве М. В. Маторина — самого крупного после И. Н. Павлова представителя условно называемого академическим направления в московской ксилографии. Маторин исполнил отмеченный серьезным композиционным поиском цветной эстампный портрет-гравюру Гёте. Но славу ему как художнику книги в области немецкой литературы принесли работы над произведениями эпохи гуманизма — «Письма Рубенса» («Academia», 1933), «Похвальное слово Глупости» и «Домашние беседы» Эразма Роттердамского (1936)¹³. Для последнего издания Маториным был выполнен по оттиску с медной резцовой гравюры выразительный, технически виртуозно нарезанный на торце портрет-ксилография Эразма. Художник сумел сохранить в нем и благородную чистоту линий, и особый аромат, свойственные старой гравюре.

До сих пор речь шла о художниках книги — ксилографах, чей творческий путь в основном довольно полно освещен в нашей искусствоведческой литературе. Для настоящего сообщения не меньший, во всяком случае с фактической стороны дела, интерес представляет творчество тех московских ксилографов, которые по тем или иным, не всегда, впрочем, действительно справедливым причинам не дождались еще специальных исследований. При этом речь пойдет только о тех художниках, в произведениях которых работа над немецкой классикой XIX в. заняла все же известное место. Нельзя не отметить, что эти художники-ксилографы не образуют какой-либо единой художественной группы. В разное время над немецкой классикой работали такие резко отличные по темпераменту и манере мастера книжного оформления, как Е. О. Бургундер, Е. Н. Голяховский, Г. А. Еченистов, Н. И. Калита, М. И. Поляков, А. Д. Соловейчик.

Кстати сказать, стоило бы сразу выделить из других работы А. Соловейчика над оформлением переписки Гёте и Шиллера¹⁴.

Документальный тип издания должен был, естественно, сказаться на характере оформления, ограничивать возможности одаренного, теперь уже покойного, мастера. Художником были награвированы переплет, шмуцтитул, заставки, концовки к отдельным разделам книги. Всем элементам оформления Соловейчик стремился в соответствии с характером издания придать, так сказать, антикварно-художественный облик, используя для этого иконографический материал эпохи. Чтобы понять замысел и ход работы художника над изданием, достаточно, пожалуй, сопоставить первую заставку к первому тому переписки с по-

¹³ М. П. Сокольников. М. В. Маторин. М., 1948, стр. 36.

¹⁴ «Гёте и Шиллер. Переписка (1794—1885) в двух томах». «Academia», 1937.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

АКАДЕМИЯ

Г. А. Еценстов.

Фронтиспис к поэме Гейне «Германия»

мещенным в том же томе воспроизведением гравюры «Дом Гёте в Веймаре»¹⁵. Стремление к документальности, антикварно-художественный подход к оформительским задачам привели к определенной сухости как заставок, так и переплета книги. Заключенные в рамку заставки проигрывают от соседства с плотным, можно сказать, живописным орнаментом. Но особенно неприятна и даже, пожалуй, скучна манера исполнения при несомненном граверном мастерстве в центральном элементе оформления — шмуцтилье к первому тому «Переписки». Прекрасно отработан интерьер, но фигуры читающего Гёте и внимательно слушающего его Шиллера производят скорее театральное впечатление. Не очень удачны руки, и только глаза поэтов как будто на самом деле живут.

Как произведения высокой книжной графики, без сомнения, гораздо большего внимания заслуживают ксилографии прежде временно скончавшегося талантливейшего ученика Фаворского Г. А. Ечеистова к произведениям Гейне. Близость к манере учителя, пожалуй, наиболее отчетливо сказывается в поэме «Германия» (*«Academia»*, 1934), в которой Ечеистовым награвированы шмуцтилье и титул, заставки и концовки.

Написанная в 1844 г. «Германия» — наиболее остропублицистическая, революционная по темпераменту, гневная и саркастически-сатирическая поэма великого немецкого классика. В ней и призыв к решительной революционной ломке, и презрение к тупому и самодовольному мещанству, неистовость ожидания, гнев и боль за родную страну.

Именно так и понял революционный пафос и революционный сарказм поэта московский художник.

Поэма открывается двумя очень выразительными расположеными рядом гравюрами. На первой художник поместил превосходный, как бы скульптурно нарезанный портрет Гейне. На лице поэта — печать сложных раздумий, его взгляд устремлен в окно, открытое в сторону второй гравюры, где дается символическое изображение Германии со стремительно несущимися над нею грозовыми тучами. Ветер взметнул штору. Чёрные тени на складках служат фоном к портрету поэта, подчеркивают общее тревожное, взъявленное звучание. Ветер, несущийся над Германией и врывающийся в окно поэта со стороны гравюры, расположенной слева, взгляд поэта, устремленный в сторону гравюры направо, образуют два сильных потока движения, объединяющих в единое композиционное целое две помещенные на развороте страниц гравюры. Поэт ждет бури, он не боится ее, а стремится к ней. Поражают действительность необыкновенные ясность и лаконичность средств, использован-

¹⁵ «Гёте и Шиллер. Переписка...», т. 1, стр. 1 и соответствующая иллюстрация между стр. 148 и 149.

ных художником для выявления основной социально-психологической интонации поэмы.

Еще более лаконичен Ечеистов в заставках и концовках к отдельным частям поэмы. Краткие и ясные, как математические формулы, гравюры не только раскрывают глубину гнева и презрения поэта к германской военщине, продажной церкви и сытому, самодовольному бюргерству, но и приобретают в условиях торжества в Германии фашизма в полном смысле слова публицистически злободневную интонацию, что не мешает, впрочем, общему оптимистическому звучанию гравюрного оформления поэмы в целом. Надвигающаяся гроза — художник верит поэту — может быть спасительной.

Совсем лишена публицистического оттенка серия гравюр, выполненных Ечеистовым к другой поэме Гейне «Атта Троль. Сон в летнюю ночь» (*«Academia»*, 1936), хотя содержание поэмы, ее пародийный характер, пронизывающая ее горькая ирония над судьбами погруженной в филистерский сон Германии, сарказм и яростная ненависть к власти имущим давали, казалось бы, возможность создать остропублицистическое оформление книги, во всяком случае подчинить его четким социальным мотивам. Однако две заставки и две большие (одна в страницу, а другая на разворот книги) гравюры характеризуют только сказочную сторону сюжета, ассоциируясь не столько с социально обостренным пафосом поэмы Гейне, сколько с ее романтически-феерической формой.

И не барабанщиком германской революции, взявшим к поэме «Германия» в качестве эпиграфа стихи:

Бей в барабан и людей буди.
Зорю ударь и дремоту рассей,
Под дробь барабана бодрей вперед,
В этом смысл науки всей

предстает в нарезанном к «Атта Троль» фронтиспise Генрих Гейне. Гравюра с портретом беседующего с верным псом в горной хижине при пылающем очаге Гейне подчеркивает его романтическое одиночество, а не жажду деятельности. Зато орлы на притолках, их грозные отражения на стенках и потолке напоминают о тревоге смелого, революционного пути поэта.

Впрочем, ограниченное число элементов оформления книги, что, возможно, было обусловлено заказом, и не могло позволить художнику столько-нибудь полно раскрыть сложный замысел поэта.

Публицистический характер оформления «Германии» Гейне сказался в ксилографиях М. И. Полякова — тоже ученика Фаворского, художника своеобычного творческого облика и не-

М. И. Поляков.
Заставка к поэме Гейне «Германия»

обыкновенной человеческой скромности. Его работы редко привлекали внимание искусствоведов, многие из них даже неизвестны широким кругам художественной общественности. Речь идет о серии крупноформатных ксилографий, являющихся своеобразными графическими мемуарами художника. Следует подчеркнуть заметный и постоянный интерес Полякова как художника книги к немецкой классике XIX в. Из-под его резца вышли гравюры и к «Фаусту» Гёте (1957), и к романтической фантастике Гофмана (1959), его интересовало творчество Шиллера и Гейне. Наряду с гравюрами к произведениям Гофмана, лучшими из этих работ следует признать ксилографии к поэзии Гейне. Работая над циклом «Романцеро» (примечательна в этом отношении гравюра к «Полю битвы при Гастингсе», 1935), художник находится еще под сильным влиянием искусства своего учителя. Влияние это, нужно сказать, и в дальнейшем ярко окрашивало творческий почерк Полякова. Художник, пожалуй, и не стремился к тому, чтобы полностью освободиться от этого влияния, что не помешало, впрочем, ему стать самобытным, интересным мастером. Несомненные элементы самостоятельного творческого видения отчетливо оказались уже в работе над

М. И. Поляков.
Заставка к поэме Гейне «Германия»

«Германией» Гейне — самом крупном и самом значительном его графическом произведении в области немецкой классики.

М. И. Поляков исполнил к поэме Гейне фронтиспис, четыре крупные страничные гравюры и заставки — все в технике торцовной гравюры по дереву. Часть из заставок при этом приближается по размеру к страничным гравюрам. Они более развернуты, чем скучные заставки Ечеистова, хотя лаконичность изобразительных средств характерна и для этого издания (*«Academia»*, 1936). Но не развернутость и детальность оформления сами по себе являются отличительной чертой гравюр Полякова по сравнению с оформлением «Германии» Ечеистова. «Германия» — в конечном счете поэма оптимистическая. Недаром в последней, XXVII, песне поэт в такой связи вспоминает «сурогового» Данте:

Иль Дантова Ада не знаешь ты,
его терцин суровых?
Кого поэт заточил туда,
тому не уйти от костров их.

Именно так, как произведение по своему существу оптимистическое, прочел поэму Ечеистов. Иначе прочел ее Поляков. Трудно решить, оказались ли тут главным образом те два года, которые отделяют работу одного художника от работы другого и которые были означенены диким разгулом в Германии фашизма, или существенную роль сыграла разница во взглядах художников на прошлое Германии,— только в гравюрах Полякова нет дроби революционного барабана, нет светлого предчувствия победы. Главная тональность его гравюр сумрачная. Германия раздавлена, она во власти высокомерной и грубой военщины и по-свински самодовольного мещанства, того самого мещанства, которое являлось питательной средой нацизма. Именно нацизма. Это подчеркиваем не мы. Это стремится подчеркнуть художник, использующий средства графического оформления поэмы для разоблачения фашистского засилья. Отсюда яркая публицистичность, злободневная политическая заостренность его заставок, отсюда же мрачность его гравюрных композиций, особенно фронтисписа, и некоторая тяжесть, как бы нарочитая грубость штриховых решений художника, интенсивная насыщенность гравюр черным. И не только тревога за судьбу Германии, как хотел бы того поэт, чувствуется в беспрозветности черных пятен в гравюрах Полякова. В них рождается сильная тревога за судьбу человеческой цивилизации.

Говоря о характере оформления произведений Гейне в московской ксилографии, нельзя не коснуться и граверного творчества Л. В. Мюльгаупта, нарезавшего серию виньеток на титульных листах и заставок к лирике и прозе немецкого классика в превосходном собрании его сочинений, изданном в 30—40-х годах издательством «Academia», а затем Гослитиздатом¹⁶ при участии и под общим художественным руководством одного из виднейших художников книги, мастера деревянной гравюры Л. С. Хижинского, работавшего до войны в Ленинграде. По стройности найденных композиционных решений, по совершенству техники замечательно тонкого, удивительно красивого и выразительного штриха наиболее сильное впечатление оставляют фронтисписы Л. В. Мюльгаупта к лирике Гейне, являющиеся на самом деле высоким образцом достижений московской книжной ксилографии. Фронтисписы эти в отличие от скучных и, пожалуй, скучных заставок свидетельствуют и о прекрасном

¹⁶ Генрих Гейне. Полн. собр. соч., т. I—XII. М., 1935—1949.

вкусе мастера, и о его стремлении по-своему прочитать тексты немецкого поэта, о том, что каждый крупный цикл лирики Гейне не только ассоциируется у него с разными зрительными образами, но и заставляет прибегать к разным стилистическим приемам гравирования. Последнее отнюдь не исключает того, что, работая над своими ксилографиями к произведениям Гейне, художник оставался все же в кругу тем, представлений и символики Фаворского, что особенно ярко проявилось во фронтиспise к лирике 1851—1856 гг.¹⁷

В том же издании Собрания сочинений Гейне, о котором говорилось при характеристике ксилографий Л. В. Мюльгаупта, помещены и две интересные гравюры на дереве А. П. Журова — фронтиспис и гравюра на титуле — к поэтическим произведениям 1828—1851 гг.¹⁸ Изображая поэта в образе прикованного к скале титана с усевшимся на его коленях хищным коронованным орлом, художник стремился подчеркнуть высокое прометейское начало, накал и пафос поэтического творчества Гейне, и прежде всего, конечно, его революционной поэмы «Германия». К сожалению, гравюра на титуле, которая, казалось бы, должна играть заглавную роль, нарезана Журовым не так уж сильно и по выразительности и экспрессии художественных средств значительно уступает гораздо более глубоко продуманной гравюре-фронтиспису, раскрывающей тему революционного возмездия. Можно было бы сказать даже точнее. Именно фронтиспис действительно отвечает революционному пафосу и революционному оптимизму «Германии». Отбрасываемая фигурой поэта тень, превращающаяся на стене дома в исполинскую фигуру рабочего, причем протянутая рука Гейне оказывается могучей рукой, вооруженной огромным топором, ясно и образно символизирует неизбежную победу революции над силами реакции и мещанства. В данной связи очевидно нелишне заметить, что новая трактовка поэмы Гейне была дана Журовым спустя 12 лет после работы Полякова.

Впоследствии для однотомника избранных произведений Гёте к разделу «Стихотворения» (М., 1963) Журовым было нарезано несколько поэтических, исполненных в хорошей и красивой манере заставок и скромных концовок¹⁹.

Много работал над немецкой классикой Е. О. Бургункер. Ему принадлежат профессионально очень добротно исполненные гравюры к «Окну» Гофмана и мастерски нарезанные гравюры к поэтическим произведениям Гейне. Романтический портрет поэта работы Бургункера украшает издание «Лирики» Гей-

¹⁷ Генрих Гейне. Полн. собр. соч., т. III. М., 1939.

¹⁸ Генрих Гейне. Полн. собр. соч., т. II. «Academia», 1948.

¹⁹ К сожалению, типографское воспроизведение гравюр в этом издании позволяет лишь с трудом догадываться об изяществе оригинальных оттисков с авторских досок.

не (М., 1963). Если гравюры-иллюстрации к лирике Гейне все же хранят на себе печать известной сентиментальности (см., например, ксилографию к циклу «Гарц»), то оформление революционной поэзии Гейне, его «Германии», выдержано в строгих тонах и более соответствует манере чуждого сентиментальности искусства Фаворского, чьим учеником был Бургункер.

Высоко оценивая мастерство Бургункера как художника, работавшего над немецкой классикой XIX в., трудно не упомянуть о большой и замечательной серии его исполненных полнокровного, здорового юмора, социально заостренных и глубоко реалистических гравюр к старинным немецким народным балладам.

И Мюльгаупт, и Журов, и Бургункер — ученики Фаворского, разными нитями связаны с его творчеством, по-разному, но несомненно испытали на себе прямое влияние его сильной личности и его строгой школы.

Иначе сложился в искусстве творческий путь Е. Н. Голяховского. И по темпераменту, и по поэтичности выразительных средств книжное ксилографическое творчество Голяховского, бесспорно, ближе к взволнованному и романтическому искусству вдохновенного Кравченко, чем к рационалистическому, могу-чему целостностью своих художественных средств и глубиной психологического анализа творчеству Фаворского. Но, испытав сильное влияние яркой творческой личности Кравченко, Голяховский не стал в полном смысле слова его учеником и последователем. Его изящный, порою напоминающий собой рисунок пером или кистью, красноречивый (может быть, излишне красноречивый) творческий почерк — особое явление в московской ксилографии²⁰.

Немецкой классике не принадлежит в творчестве Голяховского сколько-нибудь большого места. Известность как художнику книги ему принесли работы над Шекспиром, английскими современниками Шекспира, Мольером, русской классикой и советской художественной литературой. Работа над немецкой классикой осталась всего лишь небольшим эпизодом в его художественной практике. В 1949 г. им был нарезан очень красивый, исполненный подлинного романтического чувства портрет Гейне, а в 1950 г., для однотомника Гёте,— небольшие изящные гравюры к драмам «Гец фон Берлихинген», «Ифигения в Тавриде» и поэме «Рейнеке-лис». Случилось так, что опубликованы были в 1950 г. (Госиздат) не эти гравюры, а мастерски исполненные подготовительные рисунки к ним. Таким образом, гравюры Голяховского к однотомнику Гёте, столь показатель-

²⁰ А. А. Сидоров. Мастер гравюры Евгений Голяховский. «Евгений Голяховский. Гравюра, книжное оформление, графика, эстамп, акварель. Каталог выставки». Краснодар, 1965, стр. 6.

Е. О. Бургункер.
Иллюстрация к поэме Гейне «Германия»

ные для легкой ксилографической манеры художника, но традиционные по существу замысла, что особенно бросается в глаза при сопоставлении заставки к «Ифигении в Тавриде» с иллюстрациями к той же драме Гончарова (1963), публикуются здесь впервые.

Только эпизодом в многообразной творческой деятельности одаренного ученика М. Маторина и Б. Дехтерева Н. Калиты остались гравюры к произведениям Гёте. Гораздо большую известность принесли ему работы над русской и советской поэзией. Калита нарезал заставки и две крупные страничные иллюстрации к драме «Эгмонт», заставку к «Природе» и портрет Гёте к однотомнику его произведений, изданному в 1963 г. Все гравюры Калиты отличают прекрасное чувство материала, богатство и разнообразие штриха, мастерское использование в композиции черных пятен. Гравюры-иллюстрации традиционно характеризуют кульминационные моменты сюжета. Очень хорошо, с документальной точностью передана эпоха. Документален и искусно нарезанный уверенным штрихом портрет поэта

та. Чувствуется, пожалуй, что привычка и стремление к документализму ограничивают композиционную свободу образного видения художника. Впоследствии изучение творчества Фаворского и влияние темпераментного искусства Константинова помогут Калите достичь большей широты и свободы в книжной ксилографии.

Сказанное выше не исчерпывает, разумеется, всей фактической стороны поставленной нами темы. Думается, однако, что и приведенных выше фактов и сопоставлений все же достаточно, для того чтобы сделать некоторые общие выводы. Анализ творчества отдельных представителей московской графики полностью подтверждает сформулированный в начале настоящего сообщения тезис, что немецкой классике не принадлежит значительное место в формировании московской книжной ксилографии как особой области нашей художественной культуры. При разработке московскими мастерами книжной деревянной гравюры художественного наследства гораздо большую роль играла отечественная классика, основанная на острых конфликтах могучих страстей и характеров драматургия Шекспира и его современников, яркий психологизм и острота социального анализа французских классиков, чем характерное в той или иной мере для немецких классиков XIX в. столкновение философских и социально-этических принципов. Для изобразительных средств и творческого синтеза книжной ксилографии (а именно о ней только идет речь) особенно близкой оказалась не только жизненность, но и яркая образность ситуаций и типов. Именно поэтому из немецких классиков XIX в. больше всего привлек московских ксилографов необычайно выразительный и впечатляющий облик мятежного Гейне, революционная страсть и пафос его творчества. При этом образное мышление его творчества получило яркую, подчас публицистически злободневную окраску. Яркая индивидуальность гротескных образов, романтизм и фантастичность ситуаций определили, очевидно, и успех сказок Гофмана. Это особенно ясно сказалось в творчестве Кравченко, любившего подчеркивать, что художник должен браться за иллюстрирование только тех книг, которые близки ему по своему содержанию и соответствуют его художественным вкусам²¹.

Впрочем, не в одних вкусах, разумеется, дело. Весь предыдущий анализ творчества московских мастеров книжной гравюры на дереве свидетельствует о том, что в усвоении и разработке художественного наследства немецкой классики XIX в. в нашей художественной жизни главная роль принадлежала ксилографам школы Фаворского. Именно они чаще обращались к творчеству немецких классиков, именно в их книжной графи-

²¹ Цит. по кн.: С. Разумовская. Указ. соч., стр. 148—149.

Е. Н. Голяховский.
Иллюстрация к драме Гёте
«Ифигения в Тавриде»

Е. Н. Голяховский.
Иллюстрация к поэме Гёте
«Рейнеке-лис»

Н. И. Калита.
Заглавка к поэме Гёте «Эгмонт»

ке, наряду с работой поэтов и писателей-переводчиков, происходил синтез немецкого классического наследства, превращение его в неотъемлемую часть нашей культурной жизни, нашего образного художественного строя мыслей. Философско-рационалистическое искусство Фаворского и его школы успешно вбирало в себя, синтезировало с русским и советским то общечеловеческое из национального, что определило непреходящую общеисторическую ценность немецкой классической литературы. В этом случае сила философско-психологического метода Фаворского оказалась активнее неповторимой темпераментности и индивидуальности блестящего таланта Кравченко или документальной объективности и точности так называемой «академической» школы.

В том, что образы Гёте, Шиллера и Гейне живут в нашем сознании и как наши действительные предшественники, и как наши живые современники, в определенной мере заслуга и художников школы Фаворского.

Ю. П. МУРАВЬЕВ

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ СВЯЗИ
В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
В ГОДЫ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Советско-германские культурные связи в годы Веймарской республики еще недостаточно исследованы. Однако в центральных государственных архивах, ведомственных архивах и рукописных отделах ряда музеев и театров имеются документы, свидетельствующие об оживленных культурных связях между обеими странами в этот период¹.

Значительный материал содержится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР) в фонде Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Архивные документы этого фонда представлены перепиской по линии ВОКС как с различными обществами, созданными в те годы в Германии для культурных связей с СССР, так и с отдельными деятелями культуры. Имеются также протоколы торжественных заседаний, посвященных советско-германским культурным связям, отчеты о встречах деятелей культуры обеих стран, сведения об организации различных культурных мероприятий.

Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), а также архивы музеев и театров дают дополнительную картину взаимоотношений в области культуры между обеими странами. Отчетные доклады о гастрольных поездках, переписка с зарубежными деятелями литературы и искусства,

¹ Советско-германские культурные связи начали изучаться в основном в 60-х годах. В 1962—1963 гг. появился ряд статей ученых ГДР (Винтер, Розенфельд и др.), в которых эта тема получила определенное развитие. Важным шагом в изучении советско-германских культурных связей явилась научная конференция, состоявшаяся в Берлине в апреле 1965 г. Материалы этой конференции были опубликованы в книге «Deutschland-Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit». Berlin. 1966.

подборки театральных рецензий — вот далеко не полная характеристика документальных материалов этих архивов.

Отдельные интересные факты содержатся также в опубликованных документах, но их ничтожно мало. Имеется небольшая публикация воспоминаний ветеранов Коммунистической партии Германии, посвященная культурным связям между обеими странами², и документы, опубликованные Г. Херлингхаузом³.

Многочисленные советские журналы 20—30-х годов содержат интересные статьи А. В. Луначарского, И. Бехера, Э. Пискатора и других авторов, имеющие непосредственное отношение к советско-германским литературным связям тех лет⁴. Ряд произведений публицистического характера (Куреллы, Вайскопфа, Киша, Ренна) довершают перечень источников⁵.

Исследования по истории советско-германских связей в области литературы и искусства представлены в основном работами советских авторов о немецких писателях и художниках⁶.

В заключение можно назвать ряд брошюр ВОКС, выпущенных в 20-х годах и содержащих сведения фактического и цифрового характера⁷.

Лучшие представители немецкой культуры с большой симпатией отнеслись к победе в России Великой Октябрьской социалистической революции. И. Бехер был первым немецким писателем, уже в 1917 г. приветствовавшим молодую Советскую Республику. Он называл Октябрьскую революцию самым важ-

² «Исторический архив», 1959, № 5.

³ «Бронепоезд Потемкин перед судом германской буржуазной цензуры». В кн. «Из истории кино. Материалы и документы», вып. 3. М., 1960.

⁴ А. В. Луначарский. Перед восходом и заходом солнца. К 70-летнему юбилею Г. Гауптмана. «Литература мировой революции», 1932, № 9—10; И. Бехер. Наш поворот. «Литература мировой революции», 1931, № 11—12; он же. Мы должны учиться у Горького. «Иностранный книга», 1932, № 9(13); Э. Пискатор. Мой взгляд на искусство. «Искусство», 1929, № 1—2; он же. От искусства к политике. «Театр и драматургия», 1933, № 2—3 и др.

⁵ Е. E. Kisch. Zaren, Popen, Bolschewiken. Berlin, 1927; он же. Asien gründlich verändert. Berlin, 1933; A. Kurella. Sozialistische Kulturrevolution im Fünfjahrplan.

⁶ А. Запровская. Иоганнес Бехер. «На литературном посту», 1926, № 4; Е. Лундберг. Леонард Франк как представитель романтизма. «Новый мир», 1927, № 10; Лацис. Б. Брехт. «Советский театр», 1932, № 6; он же. Э. Э. Киш — мастер пролетарского художественного репортажа. «Международная литература», 1933, № 1; см. также материалы конференции в Берлине в апреле 1965 г. «Deutschland-Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kultureller Zusammenarbeit» Berlin, 1966. С. Пророкова. Кете Кольвиц. М., 1967.

⁷ «Два года культурного сближения с заграницей». М., 1925; «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Обзор деятельности». М., 1929; «Всесоюзное общество культурных связей с заграницей. Факты и цифры». М., 1930.

ным событием в своей жизни. Бехер писал впоследствии, что труды В. И. Ленина были для него «светом, озарившим историческое пространство». «Ленину прежде всего обязан я тем,— говорил он,— что постепенно научился видеть вещи такими, как они есть, не привносить в них ничего, что не соответствует их сущности, и ничего не опускать произвольно. Ленину прежде всего обязан я тем, что освободился от провокационного влияния Ницше и научился понимать, что подлинное человеческое величие всегда бывает простым и скромным,— это так изумительно умел показать Горький»⁸. С воодушевлением был встречен призыв к миру, сделанный Советским государством в ноябре 1917 г., другим левым писателем Германии, Г. Гессе, а Р. Леонгардт в 1921 г. написал «Спартаковские сонеты», посвятив их Стране Советов.

Левые силы в немецкой литературе объединялись в первые годы Веймарской республики вокруг журналов «Die Erde» (ред. В. Рилла) и «Der Gegner» (ред. В. Герцфельд). Журнал «Die Erde» в 1919 г. смело выступал за признание молодого Советского государства, а на страницах «Der Gegner» неоднократно раздавались требования о поддержке выступлений немецкого рабочего класса в защиту Советской России.

Активную помощь Советской республике оказали передовые деятели немецкой культуры во время голода 1921 г. В августе 1921 г. в Берлине по призыву «Международной рабочей помощи» (Межрабпом) был создан Комитет работников искусств по оказанию помощи голодающим в Советской России. Членами комитета были многие видные прогрессивные деятели немецкой культуры: писатели И. Бехер, Л. Франк, Э. Толлер, А. Голичер, А. Паке; публицисты М. Гарден, А. Гольдшмидт; режиссер Э. Пискатор; художники К. Кольвиц, Г. Цилле, Г. Гросс, О. Дикс, Э. Иогансон, О. Грибель⁹. 21 сентября 1921 г они обратились ко всей интеллигенции Германии с призывом оказать помощь голодающим в России. Многие деятели культуры передавали в пользу нуждающихся деньги, вырученные от продажи своих произведений (А. Паке предоставил драму «Знамена», Э. Толлер — книгу «Люди, штурмующие машины», М. Бартель — книгу «Дайте нам завоевать мир», И. Бехер — цикл стихов, К. Кольвиц и Г. Гросс — по 250—300 подписанных литографий и т. д.)¹⁰ В результате деятельности Комитета среди демократически настроенных деятелей культуры появилось много новых друзей Советского государства¹¹. Это

⁸ Цит. по кн.: Г. Н. Знаменская. Иоганнес Бехер. М., 1955, стр. 7.

⁹ А. Норден. Между Берлином и Москвой. М., 1956, стр. 388—389; В. Зейферт. Отношение немецких писателей к Октябрьской революции. В кн. «Октябрьская революция и Германия». М., 1960, стр. 178—189.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1064, оп. 6, д. 13, лл. 32—36; ф. 5283, оп. 6, д. 4, л. 21.

¹¹ «Исторический архив», 1959, № 5, стр. 8 (Воспоминания О. Грибеля).

движение захватило в Германии и ряд видных буржуазных деятелей культуры. Так, Г. Гауптман в письме А. М. Горькому летом 1921 г. обещал свою поддержку¹².

27 июня 1923 г. в Берлине левые круги интеллигенции создали Общество друзей новой России, одно из первых аналогичных обществ, возникавших в других странах. Цель Общества заключалась в систематическом ознакомлении широких кругов немецкой общественности с культурными и хозяйственными достижениями Советского Союза. В обществе состояли многи известные деятели культуры Германии: писатели И. Бехер, А. Голичер, Э. Толлер, Б. Келлерман, Т. Манн; музыканты В. Фогель, Шершен, Айзлер, Серкин; режиссеры Э. Пискатор, Л. Йеснер; архитекторы Б. Таут и Э. Мендельсон и др.¹³ Общество имело секции: литературную (А. Голичер, Э. Толлер, Э. Э. Киш, Л. Франк, Г. Манн, Т. Манн, И. Бехер, Б. Келлерман и др.), музыкальную (В. Фогель, Эйльсгер и др.), театральную (Э. Пискатор, Л. Йеснер и др.), архитектурную (Б. Таут, Э. Мендельсон и др.). На страницах журнала общества «Das Neue Rußland» наряду с прогрессивными немецкими деятелями сотрудничали и советские авторы (А. В. Луначарский, И. Г. Эренбург, Л. И. Сейфуллина и др.). Ежемесячно, а иногда и чаще общество устраивало в Берлине и других городах Германии публичные лекции, в которых участвовали и приезжавшие в Германию видные деятели советской культуры. Например, А. В. Луначарский в присутствии более тысячи человек делал в зале им. Бетховена доклад «Наши задачи в области культуры». С. Эйзенштейн выступал с докладами о советском кино, артист Московского камерного театра Оленин выступил в Дрездене с докладом «О новом русском театральном искусстве», писатель С. М. Третьяков сделал доклад «Социалистическая деревня и ее писатели» и т. д. Лекции превращались в товарищеские встречи советских деятелей культуры с представителями немецкой общественности¹⁴.

Значительную работу по ознакомлению немецкой общественности с советской культурой проводила секция литературы и искусства, впоследствии разукрупненная на ряд самостоятельных секций. Так, устраивались вечера русской и советской музыки (например, исполнялись сонаты и песни Скрябина, Прокофьева, Александрова). Проводились и вечера, посвященные русской и советской литературе. Один из таких вечеров, посвященный творчеству С. Есенина, был организован обществом в Берлине 25 января 1926 г.¹⁵ Кроме того, общество устраивало

¹² «Правда», 5 августа 1921.

¹³ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 1, д. 101, лл. 80—82; оп. 6, д. 134, л. 1.

¹⁴ Там же, оп. 6, д. 195, л. 9.

¹⁵ Там же, оп. 6, д. 19, л. 42.

просмотры советских кинофильмов, пользовавшихся большим успехом у немецкого зрителя.

Большая группа немецких прогрессивных деятелей культуры заняла твердую позицию по вопросу о поддержке СССР в связи с угрозой нападения на него империалистических государств. К ним можно отнести таких виднейших представителей немецкой литературы тех лет, как А. Зегерс, Г. Мани, Б. Келлерман, Б. Ласк, О. М. Граф, А. Цвейг, Г. Мархвиц, Ф. Вольф, Э. Миозам. В 1930 г., отвечая на анкету Международного бюро революционной литературы «Какова будет Ваша позиция в случае войны против СССР?», А. Зегерс писала: «В случае войны с Советским Союзом долг всякого порядочного человека ясно и определенно стать на сторону Советского Союза и защищать его всеми силами»¹⁶.

В декабре 1930 г. и в марте 1931 г. в помещении Берлинской филармонии Обществом друзей новой России были проведены многолюдные публичные митинги (присутствовало до 700 человек), проходившие под лозунгом «В защиту СССР». Активное участие в проведении этих митингов приняли А. Голичер, Э. Э. Киш, А. Зегерс, Л. Рейн и др.¹⁷

Широкие круги немецкой общественности всегда проявляли глубокий интерес к произведениям русской классики. В 20-х годах в Германии продолжают издаваться произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, В. Г. Короленко и др. Была впервые переведена и издана пьеса А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного». В 1928 г. в Германии вышли заключительные тома полного собрания сочинений Н. С. Лескова. Большим успехом у передовой немецкой общественности пользовались и произведения советских писателей. В 1926—1927 гг. было издано 17 томов собрания сочинений А. М. Горького (за основу было принято русское издание 1923—1927 гг.). Издание сопровождалось предисловием самого А. М. Горького. В те же годы в Германии вышли произведения большой группы советских писателей. Были изданы произведения Серафимовича, Федина, Гладкова, Леонова, Форш, Лавренева, Олеши, Сейфуллиной, Бабеля, Шагинян, Иванова, Маяковского, Есенина, Тихонова, Эренбурга, Фадеева, Фурманова, Шолохова. Многие из этих произведений обсуждались на страницах немецкой печати.

В то же время работы немецких писателей большими тиражами выходили в СССР, а журнал «Вестник иностранной литературы»¹⁸ знакомил советского читателя с современной немецкой литературой.

¹⁶ «Вестник иностранной литературы», 1930, № 5, стр. 13.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 129, л. 112 об.

¹⁸ Под таким названием журнал выходил в 1928—1930 гг., в 1931—1933 гг.

В Советскую страну неоднократно приезжали виднейшие представители немецкой литературы. Авторами первых репортажей о Советской России были А. Голичер и А. Гольдшмидт. Несколько раз Советский Союз посетил известный немецкий писатель и публицист Э. Людвиг. Выступая с докладом в Берлине в 1926 г., Э. Людвиг отметил миролюбие Советского правительства и советского народа. В 1926 г. нашу страну посетил немецкий драматург борец против фашизма Э. Толлер, встречавшийся с московскими писателями и выступавший перед общественностью Москвы в Театре В. Э. Мейерхольда¹⁹.

Гостивший в СССР в 1926 г. Э. Э. Киш выпустил в Германии в следующем году репортаж «Цари. Попы. Большевики», а в 1932 г. вышел его сборник очерков о Советской Средней Азии.— «Изменившаяся Азия», в котором дан богатый фактический материал о социалистическом переустройстве экономики и культурной революции в Среднеазиатских республиках. Э. Э. Киш, показывая процесс социалистического строительства, отметил, что его результаты яснее всего ощущимы в ранее экономически и культурно отсталых областях Средней Азии.

Об успехах строительства социализма в СССР писал Ф. Вайскопф, выпустивший в 1927 г. книгу «Прыжок в XXI столетие», а в 1932 г.— «Будущее в черновом наброске». В 1927 г. впервые в СССР побывал И. Бехер. Эта поездка произвела на него большое впечатление. Бехер стремится рассказать правду о подвигах советских людей, чтобы вдохновить своих соотечественников на борьбу с надвигающимся фашизмом:

Страна пролетариев! В борьбе
Ты новый мир сотворила,
Германия, мы возвратимся к тебе
Напитаны новой силой.

В 1932 г. вышла книга Л. Ренна «Поездки по России». Это путевые очерки о посещенных им городах и колхозах. С докладами о достижениях социалистического строительства в СССР выступал в Кельне, Дюссельдорфе, Франкфурте побывавший в Советском Союзе в 1929 г. писатель Ф. Вольф.

Неоднократно в Советский Союз приезжали делегации немецких писателей. Первая такая делегация посетила СССР в 1929 г. Несколько ранее, в 1927 г., в Москву на I Международную конференцию пролетарских и революционных писателей приезжали И. Бехер, А. Голичер, Б. Ласк. В ноябре 1930 г. в Харькове на II Международной конференции пролетарских

он назывался «Литература мировой революции», а с 1933 г.— «Международная литература».

¹⁹ «Рабочий и театр», 1926, № 12, стр. 18.

и революционных писателей с докладом «Военная опасность» и задачи революционных писателей» выступил член немецкой делегации И. Бехер. В составе делегации находилась и впервые приехавшая в СССР А. Зегерс.

Большим успехом в Германии пользовались выступления приезжавших советских писателей. В 1922 г. с чтением своих стихов в Берлинском доме искусств выступал В. В. Маяковский. Глубокий след в сознании передовых деятелей немецкой культуры оставила другая поездка Маяковского в Берлин в 1927 г. В июле 1928 г. в Берлине был организован вечер в честь находившихся здесь советских писателей К. Федина и Н. Никитина, выступивших с чтением своих произведений²⁰.

Связи с прогрессивными писателями Германии поддерживали также писатели союзных республик. В частности, в июне 1925 г. в Германию прибыла группа белорусских писателей во главе с Янко Купалой.

При активном участии Общества друзей новой России в Германии широко отмечались такие юбилейные даты, связанные с именами крупнейших русских и советских писателей, как 100-летие со дня рождения Л. Н. Толстого (1928) и 40-летие творческой деятельности А. М. Горького (1932). В ознаменование толстовского юбилея Общество друзей новой России организовало 10 сентября 1928 г. силами лучших артистов Берлина торжественную постановку пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». Перед представлением с докладом «Толстой и современность» выступил Э. Э. Киш. Театр М. Рейнгардта и Народный театр в Берлине поставили пьесу Л. Н. Толстого «Живой труп». В связи с 40-летием творческой деятельности А. М. Горького Союз революционных и пролетарских писателей Германии послал ему следующую телеграмму: «Пролетарские революционные писатели Германии шлют тебе, дорогой Горький, сердечный привет к 40-летнему юбилею твоей литературной деятельности. Мы знаем, что лучшим ознаменованием твоего юбилия будет, если мы всеми силами будем служить своему классу, как это делал ты»²¹. Горький пользовался большой популярностью среди рабочих Германии. В. Пик в 1931 г. в связи с 63-летним юбилеем писателя отмечал: «Произведения Горького обрели вторую родину среди немецких рабочих»²².

В то же время советским народом отмечались такие даты, как 75-летие со дня смерти Г. Гейне (1931), 100-летие со дня смерти И.-В. Гёте (1932), 70-летие Г. Гауптмана (1932). 22 марта 1932 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов состоялось торжественное заседание, посвященное памяти Гёте.

²⁰ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 2, д. 262, л. 189.

²¹ «Иностранный книга», 1932, № 9(13), стр. 43.

²² «Правда», 31 марта 1931.

Оно было организовано Наркомпросом и Комакадемией совместно с научными, литературными и общественными организациями Москвы. 26 и 30 марта 1932 г. Академия наук СССР провела торжественные заседания памяти Гёте, на которых были заслушаны доклады А. В. Луначарского «Гёте и его время», академика В. Л. Комарова «Метаморфоза растений в произведениях Гёте» и др. 26 марта 1932 г. на вечере, организованном ВОКС, в Колонном зале Дома Союзов с докладом «Гёте и мировая литература» выступил академик М. Н. Розанов.

В связи с 70-летием Г. Гауптмана А. В. Луначарский в статье «Перед восходом и заходом солнца» дал оценку творчества немецкого писателя.

Советская литература сыграла немалую роль в формировании идеиного и творческого облика передовых писателей Германии (И. Бехер, Э. Вейнерт, В. Бредель и др.) как представителей пролетарской литературы. Многие из них идеино и творчески сложились как писатели под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Это отмечал В. Гааз, который в ответе на обращение редакции советского журнала «Новый мир» в конце 1928 г. писал, что Октябрьская революция 1917 г. оказала колоссальное влияние на немецкую литературу²³. О большом влиянии на свое творчество таких советских писателей, как А. М. Горький и В. В. Маяковский, неоднократно говорил И. Бехер. «Максим Горький для нас,— писал он,— величайший пример пролетарского художника, произведения которого со всей глубиной отражают классовую борьбу во всем ее многообразии... Когда я говорю о Максиме Горьком как публицисте, я вспоминаю, какое решающее влияние имели его статьи на меня в мои молодые годы. Они помогли мне преодолеть владевшие мною предрассудки»²⁴.

Выступая на вечере в Москве, посвященном В. В. Маяковскому, 17 декабря 1936 г., И. Бехер говорил: «Дорогой товарищ Маяковский, ты являешься примером и образцом для нас. Нет нужды говорить о славе в твоей собственной стране, но нужно сказать, что твои ритмы, рифмы выбирируют и бушуют и там, в нашем нелегальном подпольном отечестве — Германии».

А. М. Горький отмечал большое дарование И. Бехера, его писательскую честность. Он увидел в И. Бехере художника, «который страстно любит и страстно ненавидит».

Группа прогрессивных писателей мира, и в том числе А. М. Горький, выступила с протестом против травли поэта. «Мне кажется,— писал А. М. Горький,— буржуазии уже следо-

²³ «Новый мир», 1930, № 7, стр. 178.

²⁴ И. Бехер. Мы должны учиться у Горького. «Иностранная книга», 1932, № 9(13), стр. 41.

вало бы понять, что такие меры „самозащиты“, как суд над Бехером, как убийство Сакко и Ванцетти после семи лет мучений, не спасут ее от неотвратимой гибели, а только усилият ненависть к ней и приблизят, таким образом, ее падение... Я призываю всех честных людей протестовать против суда над Иоганнесом Бехером, виновным единственno в том, что он честен и талантлив»²⁵.

И. Бехер был одним из первых поэтов Запада, запечатлевшим образ великого Ленина («У могилы Ленина», 1924). Он был также первым немецким поэтом, воспевшим геройзм советских строителей социализма («Великий план», 1931). И. Бехер много сделал для сближения советской и немецкой литературы. Он перевел ряд произведений Маяковского и Д. Бедного.

Из других советских писателей, пользовавшихся популярностью в пролетарских кругах Германии, можно назвать Ф. Гладкова. Известный немецкий революционер М. Гельц с большой теплотой отзывался о творчестве Гладкова²⁶. А. С. Серафимович 19 октября 1928 г. был избран почетным членом Союза пролетарских и революционных писателей Германии на всегерманской конференции этого союза²⁷. В ответном письме союзу Серафимович подчеркнул, что «...пролетарские и революционные писатели Германии и Советского Союза уже организованно, плечом к плечу, будут шагать, сокрушая своими творениями твердыни буржуазной культуры, быта, эксплуатации, пробивая чудесную дорогу к социалистическому строительству»²⁸.

О влиянии на немецкую пролетарскую литературу советской литературы говорили и советские писатели. «На развитие и учебу пролетарской литературы Германии немаловажное влияние оказали русские пролетарские писатели», — отмечали в 1930 г. в приветственной телеграмме органу революционных писателей Германии «Левый курс» писатели Советского Союза²⁹.

Советская литература оказала воздействие и на демократически настроенных представителей буржуазной литературы. Известный немецкий писатель Г. Манн в 1929 г. так оценивал значение творчества А. М. Горького: «Горький расширил область литературного творчества, открыл новые пути и перспективы для мировой литературы. Он дал новые темы и нового читателя. Горький первым ввел в литературу, в качестве героев ее, представителей того класса, который до того в литературе представлен не был. Горький сделал широкие народные массы друзьями литературы, друзьями книги»³⁰.

²⁵ А. М. Горький. Полн. собр. соч., т. 24, М., 1953, стр. 309.

²⁶ «Klassenkampf», 15.XII 1927.

²⁷ ЦГАЛИ, ф. 457, оп. 1, д. 464, л. 1.

²⁸ Там же, д. 234, л. 1.

²⁹ «На литературном посту», 1930, № 1, стр. 64.

³⁰ «Иностранная книга», 1932, № 9(13), стр. 38—39.

На сценах немецких театров неоднократно шли пьесы русских и советских авторов. В 1921 г. Г. Кролем была поставлена пьеса А. Блока «Незнакомка»³¹. В октябре 1926 г. в Берлинской государственной опере была показана опера С. Прокофьева «Любовь к трем апельсинам», а в следующем году тот же театр осуществил постановку балета на музыку «Скифской сюиты» Прокофьева. 5 февраля 1927 г. в городском театре Штеттина был показан спектакль по пьесе А. В. Луначарского «Медвежья свадьба».

Большим успехом в театральной жизни Германии была постановка пьесы Третьякова «Рычи, Китай!». Премьера пьесы состоялась во Франкфурте-на-Майне 9 ноября 1929 г. (в день одиннадцатой годовщины Германской революции) в театре «Шаушпильхауз». Как отмечали газеты, пьеса имела такой успех, которого театр давно уже не переживал. В том же году и в следующем (1930) пьеса с неменьшим успехом шла в других городах Германии — Лейпциге, Мюнстере, Ремшайде, Гамбурге, Галле, Карлсруэ, Дортмунде³².

В свою очередь советские зрители не только смотрели пьесы немецких драматургов, но и встречались с приезжавшими на гастроли в СССР немецкими артистами. Еще в 1919 г. в Омске бывшие немецкие военнопленные выступали на сцене созданного там Интернационального театра. С большим успехом в СССР выступал в 1924—1925 гг. немецкий трагический актер А. Моиси (албанец по происхождению), выдающийся исполнитель ролей Эдипа, Гамлета, Ромео. 7 сентября 1925 г. в честь А. Моиси в Москве в помещении МХАТ состоялся большой вечер.

Из немецких театров в СССР гастролировал в апреле 1930 г. Революционный театр «молодых актеров» — филиал известного Лессинг-театра в Берлине. Он принадлежал в те годы к левому флангу театральной Германии. В театре работала группа молодых актеров, составленная преимущественно из сотрудников Э. Пискатора. Театр ставил исключительно пьесы социального характера, близкие интересам пролетариата. Советскому зрителю были показаны «Бунт в воспитательном доме» М. Лампеля и «Цианистый калий» Ф. Вольфа. В мае 1930 г. артисты театра поместили в советском журнале «Рабис» письмо к советским зрителям с благодарностью за радушный прием³³.

Большой интерес у немецкого зрителя вызывали приезжавшие на гастроли в Германию советские театры. Во время гастролей (с 26 сентября по 10 октября 1922 г.) Московского Художественного театра в Берлине, в помещении Лессинг-

³¹ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, д. 290, л. 1.

³² ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 129, лл. 142 об.—143.

³³ «Рабис», 1930, № 23, стр. 5.

театра, немецкая публика увидела ряд произведений классиков русской драматургии — «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого, «На дне» А. М. Горького, «Три сестры» и «Вишневый сад» А. П. Чехова. Всего было дано 15 спектаклей.

Немецкая пресса еще задолго до начала гастролей с большой теплотой отзывалась о театре, давала ему высокую оценку и вспоминала его первый приезд в Германию в 1906 г. Известный немецкий театральный критик А. Керр писал: «То, что дал Станиславский, было бессмертно и незабываемо... Часто подражали Станиславскому, но никто не достигал его силы»³⁴.

К. С. Станиславский вспоминал: «Как всегда, гастроли начались толстовской пьесой „Царь Федор“. Успех был чрезвычайно большой. Прославляли Москвина, ансамбль, постановку, театр. Очень тепло вспоминали давнишние гастроли 1906 г. Такой же и даже больший успех сопровождал и другие спектакли»³⁵. Наибольший успех выпал на долю спектакля «На дне». 8 октября 1922 г. в протоколе спектаклей МХАТ записано: «Такого переполнения театра, как сегодня, не было еще ни разу! Пришлось закрыть контору и скрыться от публики. Стояли в проходах, в ложах, в каждом углу... В антракте явилась полиция, требуя водворения порядка»³⁶.

В августе 1925 г. за границу выехала Музыкальная студия МХАТ во главе с В. И. Немировичем-Данченко. Гастроли в Берлине происходили с 16 октября по 3 ноября 1925 г. В течение этого времени было дано 18 спектаклей. Не было почти ни одного журнала, как специально театрального, так и просто художественного, или газеты, в которых не говорилось бы тогда в Германии о Музыкальной студии МХАТ и ее постановках. Журналисты и репортеры осаждали руководителя труппы В. И. Немировича-Данченко. Беседам с В. И. Немировичем-Данченко отводила место не только ежедневная, но и еженедельная печать. Спектакли начались с «Лизистраты» Аристофана. Успех был сенсационным. Спектакль сопровождался беспрерывными овациями. На нем присутствовал знаменитый немецкий режиссер М. Рейнгардт, за 12 лет до этого ставивший в Берлине «Лизистрату». На другой день несколько газет отмечали эту встречу двух режиссеров — одного со сцены, другого из ложи — и единодушно отдавали предпочтение московской постановке. Критики газет выделяли многосторонность и высокий сценический уровень труппы студии, называли спектакль музыкальной сенсацией. Другой спектакль, «Карменсита и солдат» (на музыку Ж. Бизе), занял самое важное место в истории гастролей Музыкальной студии МХАТ в Берлине

³⁴ «Berliner Tageblatt», 29.XI 1922.

³⁵ К. С. Станиславский. Собр. соч., т. VI, М., 1960, стр. 126—127.

³⁶ Там же, стр. 401.

в 1925 г. Премьера этого спектакля имела громадный успех. Постановка других спектаклей («Дочь Анго» Ш. Лекока и «Перикола» Ж. Оффенбаха) была так же высоко оценена театральной критикой.

После Берлина студия посетила и другие города Германии. Интересны, например, отзывы лейпцигской прессы о гастролях советских артистов. Г. Шнор писал: «Первое выступление вылилось в триумф... Лейпцигские друзья театра должны знать, что на этих спектаклях можно увидеть нечто новое»³⁷. «Нейес лейпцигер цайтунг» говорила о «прекрасном ансамбле», который словно состоит из солистов»³⁸. «Сексонише арбейтер цайтунг»: «Спектакли Музыкальной студии Московского Художественного театра лишний раз подтвердили нам, что в данный момент в Германии такого театрального искусства, которое достойно было бы быть отмеченным, не существует... Советская Россия идет впереди всего мира, советское искусство идет тоже впереди других»³⁹. Во время гастролей в Бремене повторилось то же самое, что и в других городах Германии. Состоялось всего лишь два спектакля — «Дочь Анго» и «Перикола», но прошли они с грандиозным успехом, единодушно отмеченным всеми бременскими газетами⁴⁰.

С 3 по 9 августа 1923 г. в помещении берлинского Лес-синг-театра вновь выступали советские артисты. Это были гастроли Московского театра им. Е. Вахтангова. Были показаны «Принцесса Турандот» К. Гоцци, «Свадьба» А. П. Чехова, «Чудо святого Антония» Меттерлинка, «Правда хорошо, а счастье лучше» А. Н. Островского. Гастроли театра происходили при переполненном зрительном зале, и по окончании спектаклей всю труппу вызывали на сцену по многу раз. Немецкие газеты давали благожелательные отзывы о гастролях театра. Так, «Берлинер цайтунг» писала 3 августа 1923 г., что «гастроли Третьей студии МХАТ (так тогда назывался театр им. Е. Вахтангова.— Ю. М.) в Берлине являются демонстрацией того, что достигнуто их театром. У него есть своя собственная школа, своя труппа, свои методы работы, свое собственное художественное лицо»⁴¹. Многие газеты давали характеристику основных художественных принципов Вахтангова.

Неизменным вниманием немецкого зрителя пользовались гастроли Московского Камерного театра под руководством А. Я. Таирова, посетившего Германию в 1923 и в 1929—1930 гг. Во время гастролей 1923 г. были показаны «Соломея» О. Уайль-

³⁷ «Leipziger Tageblatt», 4.XI 1925.

³⁸ «Neue Leipziger Zeitung», 4.XI 1925.

³⁹ «Sächsische Arbeiter Zeitung», 5.XI 1925.

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 5508, оп. 8, д. 129, лл. 98—114.

⁴¹ «Berliner Zeitung», 3.VIII 1923.

да, «Жирофле-Жирофля» Ш. Лекока и другие постановки театра. Кроме Берлина театр побывал в Лейпциге, Мюнхене, Галле, Дрездене, Франкфурте-на-Майне, Баден-Бадене, Бреслау, Цопоте, Кенигсберге. Всюду гастроли проходили с большим успехом. Немецкие артисты проявляли глубокий интерес к театру. Они пользовались каждым свободным часом, чтобы побывать на его спектаклях. Немецкие режиссеры тщательно изучали работу Камерного театра, подчеркивая, что это им необходимо для дальнейшей работы в немецком театре. Известный публицист М. Осборн писал 11 апреля 1923 г. в газете «Берлинер моргенпост»: «Небывалое достижение — Камерный театр. При царском режиме это было бы невозможно: тогда была свята мещанская традиция. Но Советская Россия широко открыла двери молодому искусству»⁴². Другой обозреватель, К. Элерт, писал: «Русские всегда впереди во всех проявлениях революционности. В мирной области искусства это также неоспоримо. Доказательство — гастроли Камерного театра»⁴³. «Если Московский Камерный театр — дитя большевизма, то большевизм не уничтожает, а, наоборот, освобождает творческие силы», — писал К. Арам⁴⁴. Во время гастролей Камерного театра в 1925 г. были показаны «Гроза» А. Н. Островского, «Святая Иоанна» Б. Шоу, «Федра» Расина и др. Театр выступал в Берлине, Гамбурге, Кельне, Мангейме. В Кельне Институт театроведения при местном университете скопировал для своего музея все макеты постановок театра и ряд эскизов. В связи с этим можно привести еще один факт.

В мае-июне 1927 г. в Магдебурге была организована грандиозная театральная выставка. Ее цель заключалась в том, чтобы показать исторический путь развития немецкого театра. Единственным иностранным театром, представленным на выставке, был Московский Камерный театр. Во вступительной статье к каталогу этой выставки говорилось, что, несмотря на то, что магдебургская театральная выставка носит исключительно национальный характер, на ней все же представлены макеты Московского Камерного театра, как театра, оказавшего большое влияние на развитие нового немецкого театра.

Оценивая выступления Камерного театра в Германии в 1929—1930 гг., мюнхенская пресса отмечала: «Театр... является высокохудожественным и своеобразным. Актеры Камерного театра не только актеры, но и танцоры, певцы, музыканты, акробаты». Много писалось об «изумительных достижениях великого мастера Таирова»⁴⁵, «Нейе цайтунг» писала «о бле-

⁴² «Berliner Morgenpost», 11. IV 1923.

⁴³ «Der Tag», 20.IV 1923.

⁴⁴ «Die Zeit», 17.IV 1923.

⁴⁵ «Welt am Abend», 13.IV 1930.

стящей игре актеров, и в особенности Алисы Коонен, которая возвышается над всем спектаклем, делая этот спектакль настоящим большим событием»⁴⁶.

В том же, 1930 г. в Германии проходили гастроли Театра Мейерхольда. Эта поездка, продолжавшаяся около полутора месяцев (апрель-май 1930 г.), была первым заграничным турне театра. Театр посетил Берлин (первые три недели гастролей), Бреславль, Кельн, Мангейм, Дюссельдорф, Штутгарт, Гейдельберг, Дармштадт, Франкфурт-на-Майне. Были показаны «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Лес» А. Н. Островского, «Рычи, Китай!» С. М. Третьякова и др. За полтора месяца гастролей театру было посвящено 400 рецензий и статей. Такие театральные критики, как Иеринг, Вельсус, Адамс и другие, подчеркивали, что Мейерхольд сумел показать на сцене «коллектив», «ансамбль». К участию в спектаклях «Рычи, Китай!» и «Командарм 2» И. Сельвинского были привлечены немецкие рабочие из революционных кружков и студий. Все они с большим интересом играли в спектаклях. 1 мая 1930 г. в Кельне актеры театра приняли участие в рабочей демонстрации. Рабочие Кельна, сразу же после демонстрации, со знаменами и музыкой явились в громадный зал «Райнланд-халле». Здесь в присутствии 6000 зрителей давался спектакль «Рычи, Китай!», который превратился в политическую демонстрацию — весь зрительный зал пел «Интернационал». Театр также давал гастроли в рабочих районах Берлина, Бреславля, Кельна, Мангейма.

Наконец, в 1928—1929 гг. в Германию приезжал на гастроли Московский еврейский театр под руководством С. М. Михоэлса.

Большим успехом пользовались и выступления ездивших в Германию отдельных советских артистов (например, певца Большого театра Г. С. Пирогова в 1923 г.).

Немалое значение для укрепления культурных связей между обеими странами имели поездки в Германию артистов союзных республик. Например, в августе 1925 г. группа украинских артистов (Г. Юра и др.) ездила в Германию для ознакомления с театральной жизнью страны.

Переписка К. С. Станиславского с деятелями культуры Германии говорит об интересе передовых кругов этой страны к советскому искусству. Э. Мюллер, автор работы по истории русского театра, в которой он давал высокую оценку Художественному театру и его руководителям, писал К. С. Станиславскому 15 сентября 1923 г.: «Мой труд, благодаря показу Вашего искусства, должен явиться наставником для немецкого театрального искусства»⁴⁷. Известный немецкий режиссер

⁴⁶ «Neue Zeitung», 16.IV 1930.

⁴⁷ Рукописный отдел Музея МХАТ, № 2671.

М. Рейнгард писал К. С. Станиславскому в октябре 1928 г.: «Наши встречи, мои переживания, связанные с Вами как с артистом, режиссером, человеком, короче, со всем тем, что связано с именем Станиславского, принадлежат к воспоминаниям, которые делают жизнь богаче, красивее, содержательнее»⁴⁸. Другой театральный деятель Германии доктор Г. Пауле в письме К. С. Станиславскому от 20 октября 1928 г. так оценивал его творчество: «Историю театра последних десятилетий нельзя себе представить без тех колоссальных сдвигов, которые исходили от Вашего театра. Именно мы в Германии так многому научились у Вас и так много взяли, что долг чести каждого немецкого деятеля сцены вспомнить в этот день (день 30-летия МХАТ.— Ю. М.) с большой благодарностью этот театр пионеров и его неутомимых руководителей»⁴⁹. Находившиеся в Германии в октябре 1928 г. К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко были избраны в ознаменование 30-летия МХАТ М. Рейнгардтом и его актерами почетными членами Немецкого театра в Берлине⁵⁰. Известный немецкий трагик А. Моиси преклонялся перед К. С. Станиславским и говорил о влиянии на него Московского художественного театра. В статье «Кризис германского театра», опубликованной в 1924 г. в советском журнале «Жизнь искусства», А. Моиси писал: «...идейному, серьезному, талантливому русскому театру принадлежит мировое господство. И я заявляю смело и открыто, что если бы мне сегодня предоставили выбор — артистом какого театра в мире я хотел бы быть, то я отвстил бы без колебаний: артистом русского театра»⁵¹.

Можно назвать еще ряд других примеров влияния советского театра на сценическое искусство Германии. Так, театр Пискатора многое взял из творческих приемов В. Э. Мейерхольда. Влияние советского театра испытал Берлинский театр под руководством Иеснера⁵².

Большим успехом в Германии пользовались советские кинофильмы: «В стране Ленина», «Броненосец „Потемкин“», «Лицо красной России», «Турксиб», «Конец Санкт-Петербурга», «Потомок Чингисхана», «Коллежский регистратор» и др. Прокат советских фильмов в Германии осуществляла немецкая фирма «Прометеус». Одним из первых советских фильмов, демонстрировавшихся в Германии, был фильм «Поликушка». Демонстрация этого фильма в Германии в 1923 г. имела выдающийся и беспримерный успех. В том же 1923 г. коммунисты Герма-

⁴⁸ Там же, № 8366.

⁴⁹ Там же, № 45.

⁵⁰ Там же, № 7097.

⁵¹ «Жизнь искусства», 1924, № 13, стр. 3.

⁵² ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 57, лл. 125—126.

нии организовали специальные кинопередвижки для демонстрации советских фильмов⁵³. Большая заслуга в популяризации советского киноискусства принадлежала Обществу друзей новой России.

Демонстрация советских фильмов порой встречала ожесточенное противодействие со стороны реакционных кругов немецкой буржуазии. 29 апреля 1926 г. в берлинском кинотеатре «Аполло», впервые за рубежом, был показан новый советский фильм «Броненосец „Потемкин“». Он вызвал такую бурю оваций в зрительном зале, какой до сих пор не знали стены этого кинотеатра. Немецкая военщина и реакционные круги буржуазии потребовали снять с экрана фильм. Но прогрессивная немецкая общественность сумела отстоять его⁵⁴. «Броненосец „Потемкин“» шел с таким успехом, какого не имел ни один из шедших в Германии иностранных фильмов. Фильм демонстрировался в Берлине, Лейпциге, Касселе, Бремене и других городах Германии. Известный искусствовед А. Керр писал по поводу этого фильма: «Я имел счастье быть судьей (в цензуре) над фильмом-чудом „Потемкин“...»⁵⁵ «Берлинер берзенцайтунг» писала: «Если бы погибли все документы за последние двадцать лет и лишь один «Броненосец „Потемкин“» оказался бы спасенным, у нас бы сохранилось такое же свидетельство о нашей эпохе, какое мы имеем в „Илиаде“ или в „Песне о Нибелунгах“»⁵⁶. В том же 1926 г. в Берлине была выпущена книга «Броненосец „Потемкин“». В книге было написано: «Подобно тому как фильмы Чаплина по глубине, человечности не имеют себе равных, так и этот фильм по величию, мощи и правде не имеет себе подобных. И это правда двойная — это правда историческая и правда эстетическая»⁵⁷. Государственная искусствоведческая библиотека в Берлине, организовавшая в ноябре 1929 г. выставку кадров из фильмов разных стран под названием «Хороший фильм», устроила в кинотеатре «Капитоль» специальный утренник, посвященный советским фильмам, не прошедшим цензуру и в Берлине еще не показанным. «Капитоль» был переполнен публикой, присутствовали представители прессы. Большой и заслуженный успех имел кинофильм «Турксиб». «Арсенал» А. П. Довженко был встречен публикой очень тепло, а прессы уделила много вни-

⁵³ Bericht über Verhandlungen des III (18). Parteitag des KPD, Berlin, 1923, S. 123.

⁵⁴ См.: Г. Херлингсхайз. «Броненосец „Потемкин“ перед судом германской буржуазной цензуры». В кн. «Из истории кино. Материалы и документы», вып. 3. М., 1960, стр. 104—125.

⁵⁵ ЦГАЛИ, ф. 1923, оп. 1, д. 83, л. 14.

⁵⁶ «Berliner Börsenzeitung», 30.IV 1926.

⁵⁷ «Panzerkreuzer Potemkin. Der Matrosenauftand vor Odessa 1905». Berlin, 1926, S. 2.

мания достоинствам этого фильма⁵⁸. Положительно была встречена передовой немецкой общественностью шедшая в 1931 г. советская кинокартина «Путевка в жизнь». Газета «Арбайтер иллюстрирте цейтунг» писала по поводу премьеры этого фильма: «... фильм является не только первым крупным советским звуковым фильмом, но и вообще первым художественным фильмом, демонстрируемым в Германии, в котором показана частности социалистического повседневного кропотливого труда и в котором каждый метр кинопленки говорит об огромной созидательной работе в СССР»⁵⁹.

В июне 1929 г. было устроено две выставки, посвященные молодой советской кинематографии,— в Эссене (на выставке советской кинематографии) и в Штутгарте (на международной выставке кинематографии). В Штутгарте перед немецким зрителем демонстрировались советские кинофильмы Эйзенштейна, Шуб, Верто娃, Кулешова, Пудовкина. Поездки в Германию советских кинорежиссеров (С. М. Эйзенштейна и Э. К. Тиссе в 1926 г., А. П. Довженко в 1929 г. и др.) способствовали укреплению связей с прогрессивными представителями немецкого кино⁶⁰.

В то же время в СССР работали деятели немецкого кино (Пискатор, Ивенс, Вольф), а немецкие фильмы уже с 20-х годов демонстрировались на советских экранах («Индийская гробница», «Жемчуг, кровь, слезы», «Вильгельм Телль», «Ганнеле», «Изверг», «Граф Калиостро», «Всадник без головы» и др.).

Первым иностранным дирижером, посетившим Советскую Россию в 1921 г., был немецкий дирижер и композитор О. Фрид. В конце ноября 1923 г. он вновь приезжает на гастроли в СССР, выступает в Петрограде с обширной программой, составленной из произведений Листа, Вагнера, Штрауса, Берлиоза. О. Фрид много переписывался с деятелями советской культуры. После прихода в Германии к власти фашистов О. Фрид был вынужден эмигрировать из страны. В 1934 г. он приехал в СССР, приняв советское подданство.

В середине декабря 1923 г. в Петрограде гастролировал известный немецкий пианист Э. Петри, в репертуаре которого были произведения Бетховена, Баха, Шуберта, Листа, Шопена. Еще одну поездку в СССР, на этот раз в Москву, Э. Петри совершил в октябре 1926 г. В 1925—1926 гг. Советский Союз впервые посетили немецкие дирижеры Г. Абендрот и Б. Валтер (Шлезингер) — оба впоследствии возглавляли,

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 57, л. 291.

⁵⁹ «Arbeiter Illustrierte Zeitung», 1931, № 39.

⁶⁰ С. Эйзенштейн. Германская кинематография. «Вестник работников искусств», 1926, № 10, стр. 8—9.

в разное время, немецкий симфонический оркестр «Гевандхауз».

1 ноября 1926 г. концерт в Москве дал немецкий оперный композитор Ф. Шрекер, который приехал в СССР в связи с ленинградской постановкой его оперы «Дальний звон». У дирижерского пульта во время премьеры стоял сам автор. Ф. Шрекер говорил о поездке в СССР: «То было время великих незабываемых переживаний и впечатлений, и в особенности того совершенно особенного, непередаваемого ни словами, ни первом ощущении нарождения необычного, незнакомого мира, еще находящегося в периоде творческого брожения, что для каждого способного к восприятию равносильно внутреннему обновлению, почти что созданию нового человечества. Для художника-творца — это воздух для дыхания, омолаживающий напиток, хлеб жизни»⁶¹. Советская музыкальная критика дала положительные отзывы о его гастролях⁶². Особено много немецких музыкантов побывало в СССР в 1931—1932 гг. В апреле 1931 г. с большим успехом гастролировал в Москве и Ленинграде известный немецкий дирижер Ф. Штиди. 19 мая 1931 г. в Москве состоялся концерт выдающегося немецкого скрипача профессора Кулленкампфа. В 1931—1932 гг. посетили СССР дирижеры О. Фрид, Шерхен, Штейнберг, Иохум, Вайсбах, скрипач Пшигода, виолончелисты Фейерман, Майнарди и др. Огромный успех имели выступления в декабре 1931 г. в зале Московской консерватории немецкой певицы Е. Либенберг. В ее репертуаре были произведения Брамса, Шуберта, Вольфа⁶³.

26 марта 1927 г. в СССР было широко отмечено 100-летие со дня смерти Бетховена, а в 1928 г.— 100-летие со дня смерти Шуберта. В Москве, Ленинграде и других городах страны состоялись концерты из их произведений. При Наркомпросе РСФСР был создан «Бетховенский комитет». В обращении комитета за подписью А. В. Луначарского ко всем работникам музыкальной культуры говорилось: «Не было и нет композитора, который в такой бы степени был обращен лицом к миллионным человеческим массам, как Бетховен. Не было и нет композитора, который обладал бы таким чувством массы, таким чувством связи с человечеством, как Бетховен. Лучшие его произведения являются гимнами в честь всеобщего единения и сотрудничества, выражают радость солидарности и братства всего человечества... Музыка Бетховена — призыв к мужеству, борьбе и братскому единению народов»⁶⁴.

⁶¹ «Музыка и революция», 1926, № 3, стр. 14.

⁶² «Вестник работников искусств», 1925, № 8, стр. 10.

⁶³ ЦГАОР, ф. 5508, оп. 16, д. 71, л. 107.

⁶⁴ ЦГАЛИ, ф. 645, оп. 1, д. 346, л. 24.

В марте 1927 г. была опубликована статья советского музыковеда С. Чемоданова о Бетховене. «Культура Бетховена,— писал Чемоданов,— всегда высоко стояла в России. Каждое из направлений русской музыкальной жизни прошлого, едва ли не каждый композитор отдавали свою дань Бетховену... Однако нигде и никогда — это смело можно утверждать — Бетховен не был в такой мере родным, живым и близким, как у нас в Союзе в современную эпоху»⁶⁵.

Советские музыканты также неоднократно выступали в Германии, неизменно завоевывая большой успех у публики.

Еще в 1921 г. левыми кругами Германии была организована гастрольная поездка известного советского скрипача Ю. Э. Сырмуса («красного скрипача», как его называли). Огромный успех сопутствовал его выступлениям⁶⁶. В 1925 г. в Германии выступала советская виолончелистка Р. Гарбузова, в 1925—1926 гг. и 1929 г.—советские пианисты С. Е. Фейнберг и В. Горовиц (Берлин, Мариенбург, Инстербург, Кенигсберг и др.).

Большой интерес у немецкой публики вызывали поездки таких творческих коллективов, как квартет русских народных инструментов под управлением Г. П. Любимова (1927) или украинская хоровая капелла «Думка» (1928).

СССР участвовал в Международной музыкальной выставке во Франкфурте-на-Майне в 1927—1928 гг., что позволило немецкой общественности шире познакомиться с музыкальной жизнью нашей страны.

Осенью 1920 г. в Берлинском доме профсоюзов демонстрировались советские плакаты и фотографии. Эти плакаты и фотографии давали наглядную картину жизни в Советской России. Были показаны фотографии заседаний конгрессов III Интернационала, революционных праздников в Москве и других городах Советской России. Большой интерес представляли плакаты, посвященные борьбе с Врангелем, коммунистическим субботникам, ликвидации неграмотности и т. д.⁶⁷

В 1923 г. левыми художниками Германии в галерее «Ван Димен» в Берлине была организована первая в Германии выставка советского изобразительного искусства. В октябре 1924 г. в Музее нового западного искусства в Москве открылась первая выставка искусства Германии, которая затем до 1925 г. демонстрировалась в Академии художеств в Ленинграде и в Саратове. На выставке было представлено около 500 работ художников всех направлений за последние полвека развития немецкой живописи. В первой выставке немецкого изо-

⁶⁵ «Бюллетень Бетховенского комитета», 1927, № 1, стр. 15—18.

⁶⁶ «Исторический архив», 1959, № 5, стр. 8 (Воспоминания О. Нагеля).

⁶⁷ «Rote Fahne», 27.X 1920.

бразительного искусства в СССР принимали участие К. Кольвиц, Г. Гросс, О. Дикс, О. Нагель и многие другие⁶⁸.

На Октябрьские праздники в 1927 г. в Москву приезжала известная немецкая художница К. Кольвиц, творчество которой было посвящено изображению жизни пролетариата. Особен-но волновала художницу судьба женщины, рабочей матери, знающей мало радостей. В Москве и Ленинграде в честь 60-летия художницы были организованы выставки ее произведений. В организации выставок принимал активное участие немецкий пролетарский художник О. Нагель. Вторично выставка произведений К. Кольвиц была организована в Москве в 1932 г., в ознаменование 65-летия художницы. Незадолго до открытия выставки К. Кольвиц закончила произведение, отражающее ее симпатии к СССР, «Мы защищаем Советский Союз». О. Нагель писал в брошюре, вышедшей к открытию выставки: «Искусство Кете Кольвиц — жизненное и активное в своем отношении к актуальной действительности. Оно носит в себе весь порыв, всю волю, все чаяния и всю боеспособность пролетариата»⁶⁹.

В ознаменование 400-летней годовщины смерти известного немецкого художника А. Дюрера в Москве, в Музее изобразительных искусств в 1928 г. была организована выставка имеющихся в музее работ А. Дюрера (200 гравюр). Эта выставка дала советскому зрителю довольно полную картину творчества художника.

Осенью 1931 г. москвичи увидели выставку немецкой архитектуры.

Ряд немецких пролетарских художников, в особенности О. Нагель, поддерживали тесные связи с советскими художниками⁷⁰. Многие из них с восторгом приняли идею устраивать взаимные выставки советских и немецких художников (см., например, письма О. Нагеля в Музей изобразительных искусств от февраля 1932 г.)⁷¹.

Немецкая публика также неоднократно знакомилась с произведениями советского изобразительного искусства. В 1926 г. в Бреславле, а в 1929 г. в Берлине большим успехом пользовались выставки советского революционного плаката. 15 января — 15 февраля 1926 г. в Германии была организована выставка картин советского художника С. Колесникова. Немецкой общественности особенно понравились

⁶⁸ ЦГАОР, ф. 5508, оп. 6, л. 90, лл. 3—7; см. также: «Исторический архив», 1959, № 5, стр. 10 (Воспоминания О. Нагеля).

⁶⁹ «Кете Кольвиц». М., 1932, стр. 9—10; см. также архив Музея изобразительных искусств им. Пушкина, № Н/532.

⁷⁰ Архив Музея изобразительных искусств им. Пушкина, № Н/532, Н/533.

⁷¹ Там же, № Н/534.

его картины на сюжеты из жизни Советской Средней Азии. На демонстрировавшейся весной 1929 г. в Кельне выставка были представлены художники, входившие в «Ассоциацию революционных художников». Среди представленных картин большой интерес представляли работы Б. В. Иогансона («Железнодорожная станция в 1919 г.»), К. Ф. Юона («Иваново-вознесенские ткачи»), П. П. Соколова-Скаля («Красногвардеец») и др.

8 июля 1930 г. Обществом друзей новой России была организована в берлинском «Сецессионе» выставка «Современные советские художники», на которой были представлены и художники союзных республик. Выставка была торжественно открыта народным комиссаром просвещения РСФСР А. В. Луначарским. Она познакомила немецкую публику с последними достижениями советского изобразительного искусства. Немецкая пресса проявила к выставке большой интерес. Известные немецкие искусствоведы М. Осборн, К. Глязер и другие посвятили ей ряд статей. М. Осборн писал в «Фоссише цайтунг», что выставка показывает успехи советского искусства, что она «многообразна» и «возвещает появление свежих талантов»⁷². Газеты обратили внимание на актуальность тем, нашедших свое выражение в картинах.

Ряд выставок изобразительного искусства народов СССР организовало Германское общество изучения Восточной Европы. 5 ноября 1926 г. в Берлине, в Старом музее художественных промыслов, была открыта выставка копий древнерусской (византийско-русской, как ее называли) монументальной живописи XII—XV вв. (иконописи). На выставке были представлены, в основном, фрески новгородской школы. Выставку открыл советский полпред в Берлине Н. Н. Крестинский. Приветственную речь произнес министр просвещения Пруссии Бекер, отметивший, что Русь не подражала чужим (византийским) образцам, а создала собственное могучее искусство. Выступивший с речью профессор Шмидт-Оtt охарактеризовал выставку как событие в жизни германской науки и германской общественности. «В Берлине до сих пор не было музея,— сказал Шмидт-Оtt,— где можно было бы ознакомиться с русской культурой». Выступал и только что возвратившийся из СССР профессор Гетч. Он поделился впечатлениями о той грандиозной научной работе, которая делается в СССР. Выставка работала месяц. По будням ее посещало 150—200 человек, а по воскресеньям — до 300. Для немецких выставок это была чрезвычайно высокая посещаемость. Во время работы выставки с лекциями по истории русского изобразительного искусства вы-

⁷² «Vossische Zeitung», 8 VII 1930.

ступал советский искусствовед профессор Ф. И. Шмит. Как отмечали газеты, эти лекции были несомненным событием для Берлина. На выставку и на лекции приезжали ученые из разных городов Германии. Выставка демонстрировалась потом в Гамбурге, Кельне, Кенигсберге. Профессор Ф. И. Шмит читал лекции и в университетах Бонна, Кельна и Кенигсберга, он имел много встреч с представителями немецкого искусствоведения, знакомился с немецкими музеями. Немецкие ученые дали высокую оценку технике советского копирования произведений изобразительного искусства.

Второй раз выставка древнерусского искусства была организована Германским обществом изучения Восточной Европы в 1929 г. Она была открыта в Берлине в том же помещении. С февраля до лета 1929 г. выставка демонстрировалась, кроме Берлина, в Кельне (дважды), Гамбурге, Мюнхене. На этот раз было показано около 140 подлинных икон, самые ранние из которых относились к XIV в. Профессор И. Э. Грабарь читал лекции об иконной живописи, а затем проводил экскурсии по выставке⁷³. Об успехе выставки говорит хотя бы такой факт. В Мюнхене, в конференц-зале Баварской академии наук, где выставка показывалась с 8 по 23 мая, ежедневно проходило до 500 посетителей, а в день закрытия выставки ее посетили 1000 человек. По заявлениям очевидцев, ни одна выставка в Мюнхене не имела такого успеха. Вторичный перевод выставки в Кельн также объясняется массовостью ее посещения⁷⁴.

В 1930 г. в Берлине, Мюнхене, Кельне и Лейпциге была показана передвижная выставка грузинского средневекового искусства. Еще осенью 1928 г. тогдашний президент Германского общества изучения Восточной Европы Шмидт-Оtt, будучи в Тбилиси, предложил Наркомпросу Грузии устроить в Германии выставку средневекового грузинского искусства. В течение 1929 г. вопрос организации выставки был урегулирован и проведена необходимая подготовительная работа. Выставка имела 5 отделов: 1) фресковая настенная живопись X—XVIII вв. (копии); 2) образцы рельефной скульптуры на камне; 3) грузинская серебряная чеканка IX—XVIII вв.; 4) грузинская книжная миниатюра IX—XVIII вв.; 5) образцы фигурных и орнаментальных тканей и вышивок. Профессор Чубинашвили прочел в университетах Мюнхена, Кенигсберга и Киля ряд докладов по истории грузинского искусства.

Необходимо упомянуть также выставку русского народного искусства, организованную находившейся в Германии в

⁷³ Архив Министерства просвещения РСФСР, ф. «Главсоцвос», оп. 7, д. 18, лл. 5—6 об.

⁷⁴ ЦГАЛИ, ф. 6451, оп. 1, д. 180, лл. 15—15 об.

октябре 1924 г. преподавательницей Московского техникума кустарной промышленности Е. И. Прибыльской⁷⁵. В марте 1927 г. Е. И. Прибыльская советской Академией художеств вновь была послана в Германию. Там она по личной инициативе организовала в музеях художественных промыслов Берлина и Дрездена бесплатные выставки «Народное искусство СССР» (русское, украинское, татарское), получившие высокую оценку немецкой общественности⁷⁶.

В 1927 г. Советский Союз участвовал в Международной выставке графики в Лейпциге.

Примером дружественных связей работников искусств СССР с прогрессивными деятелями искусства Германии являются отчисления денежных средств, проводившиеся ЦК профсоюза работников искусств в пользу немецких работников искусств⁷⁷.

Немецкие гости неоднократно присутствовали на съездах советских работников искусств. Эрих Барон, член Общества друзей новой России, выступая 25 мая 1925 г. на V съезде работников искусств СССР, говорил: «Среди германской интеллигенции, в частности среди германских работников искусств, наблюдается сейчас определенный процесс — они проникаются все более и более сознанием освободиться от гнета буржуазии. В области музыки, театра и других отраслей искусства наблюдается тяга к установлению более близкой связи с Советской Россией..., и если раньше немецкая интеллигенция интересовалась преимущественно такими классиками, как Гоголь, Толстой, Достоевский, то в настоящее время уже появляется интерес к новым авторам, к новым писателям — Маяковскому, Блоку...»⁷⁸ Немецкие гости присутствовали также и на Всесоюзном съезде работников искусств, проходившем в Москве весной 1926 г.

Демократические круги Германии, среди которых руководящая роль принадлежала Коммунистической партии, в годы Веймарской республики проводили большую и плодотворную работу по ознакомлению рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции с культурными достижениями Советского государства, с той культурной революцией, которая имела место в ходе социалистического переустройства страны.

Советский Союз доказал всему миру свое превосходство не только в области экономического и политического переустройства общества, но и в области культуры, являющейся новым этапом в истории мировой цивилизации. Советская культура,

⁷⁵ Архив Министерства просвещения РСФСР, ф. «Секретариат», оп. 1, д. 149. лл. 1—4.

⁷⁶ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 1, д. 47, лл. 11—21.

⁷⁷ ЦГАОР, ф. 482, оп. 35, д. 87, лл. 197—198.

⁷⁸ ЦГАОР, ф. 5508, оп. 7, д. 2, л. 27.

самая передовая культура в мире, оказывала определенное влияние на элементы немецкой демократической и пролетарской культуры 20 — начала 30-х годов.

Представители немецкой пролетарской литературы и искусства постоянно отмечали огромное влияние на их творческий рост Великой Октябрьской социалистической революции. Пролетарские писатели Германии неоднократно подчеркивали, что советская литература сыграла большую роль в формировании творческого облика немецкой пролетарской литературы. У А. М. Горького немецкие пролетарские писатели учились творческому мастерству в изображении классовой борьбы и трудящихся масс. Немалое влияние оказали на немецких пролетарских писателей В. В. Маяковский, Д. Бедный, А. С. Серяфимович и др. Немецкие пролетарские писатели и поэты живо откликались на крупные события в жизни Советской страны. Знакомство с советским театром заставило пролетарскую драматургию Германии вплотную заняться вопросом о переходе к революционной тематике, к пьесам социального характера. Гастроли советских артистов, будь то актеры театров или музыканты, восторженно встречались немецкими трудящимися. С таким же интересом относился немецкий зритель и к выставкам советского изобразительного искусства в Германии. Он видел новое содержание и социальную направленность советского искусства.

В минуту опасности пролетарские деятели литературы и искусства Германии мужественно поднимали свой голос в защиту первого в мире государства рабочих и крестьян.

Превосходство советской культуры не могли не заметить и демократически настроенные представители немецкой буржуазной культуры. Те из них, кто смотрел объективно на развитие советско-германских культурных связей и на роль советской культуры в этих связях, не могли не отметить глубокого влияния, которое оказывали советская литература, театр, изобразительное искусство на развитие не только пролетарской, но и всей демократической культуры Германии.

Лучшие представители немецкой культуры, несмотря на террор и травлю со стороны реакционных и фашистских кругов немецкой буржуазии, пользуясь полуофициальной поддержкой со стороны правительства, проделали в годы Веймарской республики большую работу с целью укрепления дружбы между народами обеих стран.

Я. Д. ИСЛЕВИЧ

Г. Ф. В. ЮНКЕР И ЕГО ОПИСАНИЕ УКРАИНЫ

В 1846 г., готовя к печати материалы по истории из портфелей Г. Ф. Миллера, Осип Максимович Бодянский обратил внимание на «Обстоятельное описание состояния земель и народов между реками Днепром и Доном» — историко-географическое описание Левобережной Украины (частично также Правобережья и Донской области). Это был труд немецкого поэта и ученого Г. Ф. В. Юнкера, скончавшегося столетием ранее — в 1746 г. «Обстоятельное описание» Юнкера до сих пор не было использовано украинской историографией, хотя оно, бесспорно, заслуживает внимания исследователей. Кто же автор этого произведения?

Готтлоб Фридрих Вильгельм Юнкер родился 1 июля 1703 г. в Шлейзингене (Саксония, ныне округ Зуль, ГДР), в семье директора гимназии Христиана Юнкера, автора ряда историко-географических работ¹. В 1731 г. Г. Ф. В. Юнкер прибыл в Петербург и вскоре получил должность адъюнкта Академии наук. Главной обязанностью его было составление на немецком языке торжественных речей, од, надписей для иллюминаций и фейерверков².

В марте 1734 г. Юнкер получил звание профессора Академии, т. е. академика, а в ноябре того же года был назначен профессором элоквенции. Профессором академии Юнкер числился до 1737 г., а с 1738 г. стал ее почетным членом³.

¹ Г. А. Андреева. М. В. Ломоносов и Г. Ф. В. Юнкер. В кн. «Ломоносов». Сб. статей и материалов. М.—Л., 1960, стр. 142.

² Некоторые стихотворения Юнкера переведены на русский язык В. К. Тредиаковским, а ода на коронацию Елизаветы — М. В. Ломоносовым. См.: П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. 2. СПб., 1879, стр. XVI, 64—65; А. Быкова. Книгопечатание в России во второй четверти XVIII в. В кн.: «Книга. Исследования и материалы», IV. М., 1961, стр. 244.

³ В. П. Шеминот. Общий список членов императорской Академии наук со дня ее основания. «Записки имп. АН», т. 22, кн. 2. СПб., 1873, стр. 289.

В начале 1735 г. Юнкер был назначен Академией наук историографом для ведения походного журнала при фельдмаршале Б.-Х. Минихе во время войны с Турцией. Находясь при Минихе, Г. Ф. В. Юнкер составил и отправил президенту Академии наук И. А. Корфу несколько статей об отношениях России с Турцией, Австрией, Польшей⁴. Кроме того, Юнкер составил описание первого периода русско-турецкой войны 1735—1739 гг., в котором кратко изложил историю отношений России и Турции с конца XVII в., а затем осветил действия русской армии с осени 1735 по осень 1736 г. Рукопись эта (неизвестно, оригинал или копия) попала в Саксонский королевский государственный архив. Спустя почти сто лет после смерти Юнкера она была опубликована немецким историком Эрнстом Германном⁵. Издатель назвал работу Юнкера дневником Миниха, считая ее произведением самого фельдмаршала. «Ценность этого произведения,— утверждал издатель,— надо поставить особенно высоко в связи с редкостью, по крайней мере в военной истории прошлых времен, таких случаев, чтобы полководцы сами описывали свои деяния»⁶. Однако дневник является, безусловно, произведением Юнкера, а не Миниха, хотя и отражает в основном взгляды последнего. В частности Миниху, очевидно, следует приписать тенденциозную оценку украинского казачества⁷. Несмотря на свой официозный характер, составленный Юнкером дневник может быть использован в качестве одного из источников по истории кампании 1735—1736 гг.

Во время пребывания при главной штаб-квартире Б.-Х. Миниха Юнкер начал также готовить описание Украины, в связи с чем направил в Академическое собрание запрос об истории и географии этой страны⁸. Разработанные Юнкером «Географические, исторические, политические и физические вопросы» для предпринимаемого «Описания» хранятся в Отделе рукописей библиотеки АН СССР⁹. Уже по заглавиям разделов видно, что предполагаемое «Описание» должно было охватывать весьма широкий круг вопросов, а именно:

⁴ П. Пекарский. Указ. соч., т. I, стр. 485.

⁵ «Tagebuch des Generalfeldmarschalls Grafen von Münnich. In Ernst Hermann. Beiträge zur Geschichte des russischen Reiches». Leipzig, 1843, S. 117—329.

⁶ Там же, стр. XXV.

⁷ Известно, что Миних был сторонником ограничения гетманской власти на Украине и одно время претендовал на роль «правителя Малороссии».

⁸ Ответы на вопросы Юнкера были даны профессорами Г. З. Байером, Г. В. Крафтом, И. Г. Лоттером и Л. Эйлером. См.: Г. А. Андреева. Указ. соч., стр. 145.

⁹ Отдел рукописей Библиотеки АН СССР в Ленинграде, рукопись F № 52/1, лл. 1—36. См. также: «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук», вып. 2. М.—Л., 1958, стр. 230.

«I. О границах со стороны Польши, крымских татар и турецких областей.

II. О свойствах страны.

III. О жителях Украины и окружающих заграничных народах.

IV. О разделении страны.

V. О ремесленниках, умельцах и о фабриках.

VI. О торговле.

VII. О церкви и школах, особенно принадлежащих греческой (т. е. православной.— Я. И.) религии.

VIII. О правительстве и полиции на Украине.

О военном учреждении на Украине.

О финансовом деле этих стран, особенно Украины»¹⁰.

В начале 1736 г. Юнкер осмотрел солеваренные заводы Украины и представил Минилю объемистый труд о состоянии этих предприятий¹¹. Тогда же им было написано «Известие об соляных заводах на Украине», состоящее из трех частей: I—о соляных заводах в Бахмуте, II—в Торе, III—в Спиваковке¹². В феврале 1737 г. Юнкер представил в академию свое «Обстоятельное описание состояния земель и народов между Днепром и Доном и по этим рекам, в особенности же и о местном казачестве»¹³. Оно было затем зачитано на заседаниях академического собрания.

В июле 1737 г. Юнкер был назначен надзирателем соляных заводов Бахмута и Тора, а с осени 1737 по 1739 г. находился в Германии для изучения постановки солеваренного производства в этой стране. Во Фрейберге во второй половине июля 1739 г. произошла встреча Юнкера с Ломоносовым, приехавшим изучать химию и горнорудное дело¹⁴. По словам самого Ломоносова, Юнкер поручил ему «переводить с немецкого нужные рапорты и экстракты о соляном деле для подания в Санкт-Петербург по возвращении, при коем случае Ломоносов много в четыре месяца от него пользовался в знании соляного дела»¹⁵.

В августе 1740 г. Г. Ф. В. Юнкера командировали на Украину для исследования солеваренных заводов. По его требованию были посланы указы из правительствуемого сената о при-

¹⁰ Отдел рукописей Библиотеки АН СССР в Ленинграде, рукопись Г № 52/1, л. 1—36.

¹¹ Ныне это произведение находится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве (далее—ЦГАДА). См.: Г. А. Андреева. Указ. соч., стр. 145.

¹² Там же, стр. 145—146.

¹³ Характеристике этого труда посвящена заключительная часть настоящего сообщения.

¹⁴ «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова». Составили В. Л. Чекал, Г. А. Андреева, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова. М.—Л., 1961, стр. 47.

¹⁵ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10. М.—Л., 1957, стр. 411—412 (Справка о работах по соляному делу).

сылке из таможен известий, сколько на протяжении последних десяти лет было привезено через Днепр соли из Речи Посполитой в российские провинции¹⁶. Кроме того, было решено выдать Юнкеру копии трех генеральных и специальных карт Украины, определить ему в помощь инженер-капитана И. Мазсвского, а также выдать инструменты из Оружейной канцелярии¹⁷.

Исследовав Торские и Бахмутские соляные заводы, Юнкер приступил к осуществлению мероприятий, направленных на повышение доходности сначала Торских заводов. М. В. Ломоносов вспоминал позднее: «Когда Ломоносов в 1741 г. в Россию возвратился, нашел здесь Юнкера в полном упражнении о исполнении соляного дела в России, в чем он с реченым Ломоносовым имел по тому частное сношение и сверх того поручал переводить на российский язык все свои известия и проекты о сем важном деле»¹⁸. В частности, в октябре 1741 г. Ломоносов перевел составленный Юнкером в августе-сентябре того же года «Нижайший доклад и непредрассудительное мнение императорскому Соляному комиссариату о соляных делах, что в местах между Днепром и Доном положенных находятся, а особенно обоих императорских заводах, что в Бахмуте и Торе»¹⁹. Сохранились оригинал этого труда Юнкера²⁰ и выполненный Ломоносовым черновик перевода трех начальных листов²¹. До сих пор не найдены, однако, ни чистовик перевода «Нижайшего доклада», ни другие упоминаемые Ломоносовым его переводы «Известий и проектов» Юнкера по вопросам соледобывающей промышленности Украины.

В делах Соляной конторы, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве, имеются многочисленные «экстракти, предложения, доношения» Юнкера о состоянии Бахмутских и Торских заводов, его проекты о путях усовершенствования производства. В частности, в июле 1746 г. Юнкер сообщал, что готовит проект варки соли в Бахмуте с применением каменного угля вместо дров²². Однако, не успев завершить свои намерения, Г. Ф. В. Юнкер скончался.

¹⁶ В документах говорится о ввозе соли «из Польши», что, конечно, следует понимать в государственно-политическом смысле. Соль ввозилась главным образом не из польских солеваренных шахт (Величка, Бохня), а из соляных варниц Украинского Прикарпатья (См.: Я. Ісаєвич. Солеварна промисловість Підкарпаття в епоху феодалізму. В кн. «Нариси з історії техніки», вип. 7. Київ, 1961).

¹⁷ Г. А. Андреева. Указ. соч., стр. 151.

¹⁸ М. В. Ломоносов. Указ. соч., стр. 412.

¹⁹ Г. А. Андреева. Указ. соч., стр. 156.

²⁰ ЦГАДА, ф. 261-III, департамент сената, кн. 5468, лл. 1—32 (приводим ссылку по указ. статье Г. А. Андреевой).

²¹ См.: М. В. Ломоносов. Указ. соч., т. 5, стр. 243—247, 661—662.

²² Г. А. Андреева. Указ. соч., стр. 156.

В декабре 1748 г. М. В. Ломоносову было поручено просмотреть оставшиеся после смерти Юнкера рукописи и отобрать те, которые могли бы представлять интерес для Академии наук²³. В 1754 г. сенат переслал в Академию наук работы Юнкера, в частности «Географические и исторические вопросы для описания Украины» и «Описание земель и народов между реками Днепром и Доном». Указанные рукописи тогда не были переданы библиотеке Академии наук²⁴.

Отсутствие «Обстоятельного описания» в отделе рукописей библиотеки Академии наук объясняется тем, что это произведение было затребовано Г. Ф. Миллером и не возвращено им Академии. Миллер, надо полагать, использовал произведение Юнкера при составлении своих докладных записок по истории Украины, которые должны были служить оправданием политики царского правительства в отношении запорожского казачества²⁵. В 1764 г. та часть рукописи, где характеризуется природа Левобережной Украины и Донского края, была издана Миллером под заглавием «Об особенностях природы областей между реками Доном и Днепром, из рукописи бывшего придворного камерного советника Г. Ф. В. Юнкера»²⁶. Рукопись полного текста сохранилась в портфелях Миллера²⁷.

Нельзя считать случайностью тот факт, что первым, кто решил извлечь из забытья труд Юнкера, стал О. М. Бодянский. Выдающийся славист Осип Максимович Бодянский был пламенным патриотом Украины, сторонником культурного возрождения украинского народа. Об этом свидетельствуют как его литературные произведения на украинском языке²⁸, так и глубокий интерес Бодянского к истории родного украинского народа. Являясь в 1845—1848 гг. секретарем Московского общества истории древностей российских, О. М. Бодянский приложил много усилий, чтобы обеспечить систематическую публикацию исторических и этнографических материалов об Украине и украинцах²⁹. В частности, в 1846—1847 гг. О. М. Бодянский издал в «Чтениях общества истории и древностей российских»

²³ «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова», стр. 136.

²⁴ П. Пекарский. Указ. соч., т. I, стр. 490.

²⁵ В. О. Голобуцкий. Запорізька Січ в останні часи своєго існування, 1734—1775. Київ, 1961, стр. 34—36.

²⁶ «Von der natürlichen Beschaffenheiten der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dnepr aus einer Handschrift des ehemaligen Hof-Cammer-Raths G. F. W. Juncker». В кн. «Sammlung Russischer Geschichte», 1764, S. 194.

²⁷ Ныне хранится в ЦГАДА, ф. 199, ед. хр. 324, ч. 1, № 6.

²⁸ Библиографию произведений О. М. Бодянского см.: «Українські письменники. Бібліографічний словник», т. 2, Київ, 1963, стр. 61—73.

²⁹ Н. А. Кондрашов. Осип Максимович Бодянский. М., 1956; О. М. Пархоменко. Йосип Максимович Бодянський. «Українська мова в школі», 1957, № 1, стр. 20—27.

ряд исторических материалов из портфелей Миллера, относящихся к истории Украины. Часть их была выпущена также отдельными оттисками³⁰. В предисловии О. М. Бодянский указывал, что в портфелях Миллера имеется написанное на немецком языке «Обстоятельное описание о народах и землях между Днепром и Доном находящихся 164 стран, со многими снимками, особенно с каменных баб, которые почти все раскрашены». Это, без сомнения, описание Украины, составленное Юнкером. Его, как и другие хранившиеся в портфелях Миллера материалы на немецком языке, Бодянский предполагал издать, сопроводив русским переводом, в качестве второго выпуска «Исторических сочинений о Малороссии и малороссах»³¹.

Перевод на русский язык рукописи Юнкера был доставлен в Общество 23 июля 1848 г. Однако издать эту рукопись не удалось, так как в конце 1848 г. Бодянский был отстранен от должности секретаря Общества истории и древностей за опубликование книги Флетчера «О государстве русском, или Образ правления русских царей»³². Предназначавшаяся Бодянским для печати рукопись перевода сохранилась в составе собрания рукописей Московского общества истории и древностей российских³³. Перед текстом рукописи помещено «предуведомление» переводчика³⁴, в котором, в частности, говорится: «„Сочинение о Малороссии в географическом отношении“», которое является здесь в русском переводе, находится в портфеле Миллера (обозначенном № 342) с пометкою шестой тетради. Оно написано в лист собственной рукою автора профессора Юнкера и занимает 164 страницы». На заглавном листе написано: «*Gegründeter Bericht von den gegenwärtiger Beschaffenheit der Länder und Völker zwischen und an dem Dniepr und Don und besonders dem hiesigen* Cosackischen We-*

³⁰ «Исторические сочинения о Малороссии и малороссах Г. Ф. Миллера, бывшего историографа российского». М., 1847 (Правильная дата издания указана на обложке, в ряде библиографий ошибочно приводится 1846 год издания, указанный на титульном листе, поскольку первая часть печаталась в «Чтениях общества истории и древностей российских» (далее — ЧОИДР), 1846, кн. 3.

³¹ «Исторические сочинения о Малороссии и малороссах...», стр. 58. См. также: ЧОИДР, 1847, кн. 6, стр. 58 (смесь).

³² Н. А. Кондратов. Указ. соч., стр. 41.

³³ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ), отдел рукописей, фонд Общества истории и древностей российских (далее — ОИДР), ед. хр. 264, З. Описание рукописи см.: Е. Н. Соколов. Библиотека императорского общества истории и древностей российских. ЧОИДР, 1906, кн. 1, № 890.

³⁴ Имя переводчика установить не удалось.

* «Обстоятельное описание состояния земель и народов между Днепром и Доном и по этим рекам, в особенности же и о местном казачестве».

sen». На первой странице сочинения написано: «Erste Hauptabteilung. Von denen Ländern und Völkern zwischen dem Dniepr und dem Donn, welch zum Russischen Kayserthum gehören und der besondere Verfassung haben» *.

Можно предположить, что автор намеревался не ограничить своего сочинения одною Малороссию³⁵, но, назвав сочинение о ней только «первым главным разделом» своего труда, хотел говорить и о землях, состоявших тогда под польским владычеством, и о татарских владениях.

Сочинение Юнкера писано на одной стороне полулиста, другая, видимо, оставлена для замечаний и добавлений, которые во многих местах и приписаны карандашом. Самое сочинение Юнкера написано в 1737 г., так как, говоря об этом году, он называет его везде «текущим». Примечания же сделаны на полях в разное время. Видно, что автор старался при всяком удобном случае пополнить свое сочинение новыми данными. На некоторых страницах имеются пробелы, которые автор предполагал впоследствии заполнить³⁶.

За «предуведомлением» следует довольно точный перевод всего текста работы Юнкера, разделенный на шесть глав:

«I. О границах Малороссии со стороны Польши и Турции.
II. О Смоленском княжестве.

III. Географическое описание Малороссии, или Украины, земли слободских и донских казаков и земли однодворцев.

IV. О естественных свойствах краев между Днепром и Доном.

V. О ремеслах и фабриках в краях между Днепром и Доном, и особенно у казаков.

VI. О торговле в этих краях».

Начиная географическое описание «Малороссии, или Украины», Юнкер подчеркивал, что «Малороссией искони называлась область, лежащая по обеим сторонам Днепра». Далее содержатся сведения об административном делении земель запорожских казаков, Гетманской Украины и Слободской Украины и краткие характеристики важнейших городов Левобережья, а также Киева. При описании природных богатств Украины Юнкер, вполне естественно, наиболее подробно характеризует солеварные промыслы Бахмута и Тора. Особые экскурсы в географическом описании посвящены картографии

* «Первый главный раздел. О тех краях и народах между Днепром и Доном, которые принадлежат Российской империи и имеют особую конституцию».

³⁵ Переводчик называет здесь Малороссией Левобережную Украину (*Прим. автора*).

³⁶ Далее переводчик дает обзор публикации Г. Ф. Миллера в «Sammlung Russischer Geschichte» и приводит библиографические сведения о Юнкере.

Левобережной Украины и каменным изваяниям («бабам»), сохранившимся в южноукраинских степях.

Для современного историка наиболее интересны, пожалуй, материалы V и VI глав. Юнкер подчеркивает, что «между казаками встречается немало людей, имеющих охоту и способность заниматься ремеслами». Особенно отмечены им гончары — «люди, знающие очень хорошо свое дело», «мастера серебряных дел», которые «очень сведущи в своем занятии и, особенно киевские, приготовляют прекрасной работы церковные сосуды и другие принадлежности». Говоря о красильщиках тканей, Юнкер пишет, что «высшей степени совершенства» в этом деле достигла жена бунчукового товарища Федора Саковича, под руководством которой «изготавляются тщательным образом отличные ковры».

Г. Ф. В. Юнкер приводит также сведения о нескольких мануфактурных предприятиях. Вызывают интерес его данные о внутренней и внешней торговле. К сожалению, глава VII («О религии и школьном деле в этих краях») не написана — имеется только заглавие и несколько первых предложений³⁷.

Знакомство с работами Юнкера убеждает, что они являются ценным источником для изучения экономического развития Левобережной Украины во второй четверти XVIII в. В них приводятся также интересные наблюдения об общественно-политическом строе Украины, сведения о некоторых событиях политической истории. Составленное Юнкером «Обстоятельное описание» Левобережной Украины, безусловно, заслуживает публикации в одном из советских археографических изданий. Оно отражает одну из интересных страниц истории исследования природных богатств Украины.

³⁷ ЦГАДА, ф. 199, ед. хр. 324, ч. 1, № 6, л. 86. Ср.: ГБЛ, отдел рукописей, ф. ОИДР, ед. хр. 264, 3, стр. 85.

А. Ф. НОСКОВА

ОДПОЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В ПОЛЬШЕ В ГОДЫ ГИТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦИИ

Советский читатель уже довольно много знает о мужественной борьбе польского народа за свою национальную независимость в годы второй мировой войны¹. Однако почти неизвестной, за исключением узкого круга специалистов, остается у нас героическая страница польского движения Сопротивления — история подпольного обучения в годы гитлеровской оккупации.

В настоящей статье на основе обобщения тех сведений, которые накопились в польской исторической литературе, рассказывается о борьбе польских патриотов за сохранение своего языка, культуры, наконец, за сохранение польской нации в годы жесточайшего террора, в годы Освенцима и Треблинки, Собибора и Майданека. При написании статьи использованы воспоминания людей, принимавших участие в общенациональной акции тайного обучения, и вышедшие в Польше в последние годы монографические исследования проблемы в целом. Надо отметить, что первые воспоминания, сборники воспоминаний, статьи, заметки о подпольном обучении вышли в Польше сразу по окончании войны². Но особенно много исследований появилось в кон-

¹ См., например: З. Залуский. Пропуск в историю. М., 1967; «История Польши», т. III. М., 1958; Ф. Г. Зуев. Польский народ в борьбе против фашизма. М., 1967; «Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. Сентябрь 1939—январь 1945 г.». М., 1968; и др.

² A. Birkentauer. Co władze okupacyjne wiedziały o polskim tajnym nauczaniu w tzw. GG? «Przegląd historyczno-oświatowy», t. I. Kraków, 1947; T. Kopornicki. Powstanie, rozwój i stan obecny kursów uniwersyteckich w Kielcach. Kielce, 1945; «Kronika Uniwersytetu Jagiellońskiego za okres 1939–1945, oraz rok akademicki 1945». Kraków, 1946; T. Manteuffel. Uniwersytet Warszawski w latach wojny i okupacji. Kronika 1939–1940–1944–1945. Warszawa, 1948; «Niezwyćżona szkoła» Zbiór. Warszawa, 1947; J. Nowak-Dłużewski. Kursy uniwersyteckie w Kielcach. Pamiętnik kielecki. Przeszłość kulturalna regionu Kielce, 1947; Cz. Ożaszewski. Tajne nauczanie w Wielkopolsce 1939–1945. O/O, 1946; R. Pollak. Kursy

це 50-х и в 60-е годы³. Сейчас хорошо известно, что нацистские планы «преобразования» мира предусматривали колонизацию и германизацию так называемого славянского Востока. Большую часть славян ожидало физическое уничтожение⁴. К реализации этой «программы» нацисты приступили уже в годы войны, и прежде всего на польской земле. Но народы оккупированной Европы ответили на гитлеровские преступления и злодеяния движением Сопротивления. Известно также, что движение Сопротивления в оккупированной Польше было мощным и массовым. Оно охватило все общественные классы и слои польского общества и проявлялось в самых различных формах борьбы с оккупантами и их политикой: вооруженная партизанская борьба, саботаж и диверсии, так называемый «малый саботаж» — поддержка всеми способами национального духа в стране,— и, наконец, конспиративное обучение. Подпольное обучение в оккупированной Польше было своеобразным ответом патриотического и демократического учительства на проводимую оккупантами политику денационализации, начиная с изменения на немецкий лад польских названий улиц и кончая физическим уничтожением поляков.

akademickie w Częstochowie. «Przegląd Historyczno-Oświatowy», t. I. Kraków, 1947; A. Skocka. Jak było. Szkice i opowiadania z dziejów szkoły i nauczyciela podczas okupacji niemieckiej w Polsce, 1939—1945. Warszawa, 1948; Szymczak. Szkolnictwo w powiecie chojnickim w czasie okupacji hitlerowskiej (1939—1945). Praca magisterska, Uniwersytet Łódzki, 1948; «Wspomnienia młodzieży Wielkopolskiej z lat okupacji niemieckiej. 1939—1945». «Dokumenta occupationis teutonis», t. III. Poznań, 1946; Cz. Wycech. Praca oświatowa w kraju w czasie wojny. Kraków, 1947.

³ «Alma Mater w podziemiu. Kartki z dziejów tajnego nauczania w Uniwersytecie Jagiellońskim 1941—1945». Kraków, 1964; H. Baruch. Losy zakładów naukowych Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie w okresie okupacji hitlerowskiej. 1939—1945. «Przegląd Zachodni», 1955, № 7-8; H. J. Humiecki. Tajne nauczanie w powiecie mławskim w okresie 1939 do 1945». «Przegląd Historyczno-Oświatowy», 1959, № 5; W. Kowalenko. Tajny Uniwersytet Ziemi Zachodnich. Poznań, 1961; St. Brzozowski. Szkoła w konspiracji. Wspomnienia uczestników tajnego nauczania. Warszawa, 1960; St. Maławski. Księgarskie konspiracje. Warszawa, 1966; M. Pollak. Działalność Biura Szkołnego Ziemi Zachodnich w czasie okupacji hitlerowskiej. «Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza», t. IV, zesz. 2. Poznań, 1958; S. Poznański. T. I. M. czyli Tajny Instytut Morski.— «Tygodnik Kulturalny», 1965, № 26; R. Sakowska. O szkolnictwie i tajnym nauczaniu w getcie warszawskim. «Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego», 1965, № 55; W. Sperczyński. Praca oświatowa w Wielkopolsce i na uchodźstwie w GG w okresie drugiej wojny światowej. Wspomnienia, fakty, dokumenty. Toruń, 1958; W. Sulewski. Dążenie, które stało rzeczywistością. «Nowa szkoła», 1965, № 5; W. Sulewski. Z frontu tajnego nauczania. Warszawa, 1966; Cz. Wycech. Z dziejów tajnej oświaty w latach okupacji 1939—1944. Warszawa, 1964; «Z dziejów podziemnego Uniwersytetu Warszawskiego». Warszawa, 1961.

⁴ См., например, нашу статью «Генеральный план „Ост“» (К итогам изучения в советской и польской исторической литературе). «Советское славяноведение», 1965, № 3, стр. 72—79.

Сразу же по окончании военных действий нацисты опубликовали «возвзание» к полякам с требованием вернуться на места работы и продолжать исполнение своих служебных обязанностей. Принимая во внимание это распоряжение и учитывая, что в период первой мировой войны обучение детей в школах продолжалось и во время оккупации, польские учителя в октябре 1939 г. возобновили занятия в начальных, средних и некоторых высших школах, прежде всего в Варшавском, Люблинском и Краковском воеводствах⁵. Но уже в середине ноября 1939 г. появились приказы представителей высших нацистских властей, запрещающие по сути дела само существование польской школы на «присоединенных» к Германии польских землях, а это были Силезия, Поморье, Великая Польша, части Варшавского и Лодзинского воеводств⁶. В Варшавском, Люблинском, Краковском и Келецком воеводствах, составивших так называемое «генерал-губернаторство», нацисты разрешили деятельность только начальной и средней профессиональной школы. Но здесь из программы преподавания были полностью исключены история, география и литература Польши⁷. Особенно тщательно уничижались возможности возрождения польской высшей школы, представлявшей, по мнению нацистов, наибольшую опасность для «нового порядка» на польской земле. Вот что об этом говорил генерал-губернатор Г. Франк: «Ввиду того, что следует воспрепятствовать образованию самостоятельной и политически значительной интеллигенции, научные или какие-либо другие высшие школы для поляков существовать в губернаторстве не будут»⁸. Польская демократическая интеллигенция — носительница лучших национальных и прогрессивных традиций польского народа — вызывала у нацистских властей особое беспокойство. Свидетельство тому — методические акции именно против интеллигенции. Польские преподаватели, начиная с учителя начальной сельской школы и кончая профессором с мировым именем, с первых дней оккупации подвергались систематическим репрессиям. Уже в сентябре-октябре 1939 г. нацистский вермахт во взаимодействии со специальными оперативными группами гестапо проводил массовое истребление учителей в Кракове и его окрестностях, в Ченстохове, Познани, Кельцах, Гнезно, Калише, Плешеве, Лодзи, Люблине и других польских городах. В 1939 г. в прессе некоторых европейских стран появились сведения об аресте 6 ноября 1939 г. и заключении в концлагерь

⁵ W. Sulewski. Z frontu tajnego nauczania, str. 31—32.

⁶ «Szkoła w konspiracji...», str. 20.

⁷ «Военные потери Польши. 1939—1945 гг.». Познань, 1960, стр. 70.

⁸ R. Goguel. Über die Mitwirkung deutscher Wissenschaftler am Okkupationsregime in Polen im zweiten Weltkrieg, untersucht an drei Institutionen der deutschen Ostforschung. Dissertation, Bd. II. Berlin, 1964, S. 90 (диссертация была любезно предоставлена нам автором).

183 профессоров Ягеллонского университета⁹. 9 ноября 1939 г. в Люблине были арестованы директора и преподаватели гимназий¹⁰. Большую часть арестованных нацисты отправили в Дахау, несколько человек было расстреляно в декабре 1939 г. В ходе выселения поляков из «присоединенных» к Германии польских областей в первую очередь нацисты изгоняли учителей, подвергавшихся особенно жестоким репрессиям.

Наиболее массовой и наиболее жестокой акцией против польской интеллигенции была так называемая акция АВ (Ausserordentliche Befriedigungsaktion), проведенная летом 1940 г., когда нацисты арестовали, расстреляли, отправили на принудительные работы в Германию или в концлагерь несколько тысяч польских государственных, общественных и политических деятелей, ученых, врачей, юристов, учителей¹¹.

Мы привели здесь лишь несколько примеров, характеризующих гитлеровскую политику. Между тем аресты и физическое уничтожение польских учителей продолжались весь оккупационный период. Это была сознательная политика, которая должна была привести к быстрому и массовому культурному регрессу польского общества.

Принципам безжалостного уничтожения польское учительство противопоставило беззаботное выполнение своего патриотического долга. Различные довоенные учительские организации пришли к подпольной просветительской деятельности в Варшаве сразу же после оккупации. Но окончательное решение было принято после закрытия оккупантами общеобразовательных средних и высших школ в ноябре 1939 г.

Главную роль в организации и налаживании конспиративного обучения в стране сыграла Тайная организация учителей¹². Такое название принял в октябре 1939 г. довоенный Союз польских учителей. В течение ноября 1939 г. Тайная организация учителей установила контакты с другими довоенными учительскими организациями, а 8 декабря 1939 г. состоялось заседание представителей пяти существовавших в довоенной Польше профессиональных учительских организаций, на котором обсуждались формы конспиративной деятельности и борьбы польских учителей с оккупантами. Участвовавшие в этом заседании представители Союза польских учителей, Товарищества высших и средних школ, Объединения христианско-национального учительства всеобщих школ, Объединения директоров частных школ и Объединения учителей профессиональных школ избрали Меж-

⁹ Cm. J. Gwiazdomorski. Wspomnienia z Saksenhausen. Dzieje uwięzienia profesorów Uniwersytetu Jagiellońskiego 6.XI 1939—9.II 1940. Kraków, 1964.

¹⁰ W. Sulewski. Z frontu tajnego nauczczania, str. 21.

¹¹ ЦГАОР СССР ф. 7445, оп. 1, д. 1670, л. 39 (из дневника Г. Фраика).

¹² «Szkoła w konspiracji...», str. 6.

союзную координационную (rogozumiewawcza) комиссию учительских организаций и объединений¹³ в составе Ч. Выцеха, Т. Войеньского, Т. Микуловского, М. Сициньского, Х. Касперовича, К. Врублевского. У руководства подпольным обучением встали наиболее демократически настроенные представители польского учительства: Ч. Выцех (деятель ZNP, маршал сейма в Народной Польше), Т. Войеньский (сын участника восстания 1863 г., активный деятель польского социалистического движения), М. Васылюк (активный участник крестьянского движения), В. Тулодзецкий (член ППС) и др.¹⁴ Основная задача Комиссии состояла в организации подпольного обучения, понимаемого польскими учителями как борьба с оккупантами, и в оказании всевозможной помощи учителям — жертвам гитлеровского террора и репрессий. Решения Межсоюзной комиссии и конспиративные воззвания Тайной организации учителей находили повсеместную и массовую поддержку, тем более что независимо от резолюций руководства учительских организаций по воле учителей, учащихся и их родителей осенью-зимой 1939 г. возникали подпольные классы ликвидированной оккупантами средней школы, где изучались запрещенные предметы, а преподаватели высших учебных заведений читали студентам лекции на свой страх и риск. Заслуга учительских организаций, и прежде всего Тайной организации учителей, осуществлявшей руководство подпольным обучением, заключалась в том, что они организационно обеспечили условия для этого патриотического движения. Тайная организация учителей призвала польских учителей к активной работе в разрешенных нацистами на территории «генерал-губернаторства» начальных и профессиональных средних школах, где непременным условием и обязанностью польского учителя становилось подпольное преподавание польской литературы, географии и истории. Причем начальные и профессиональные школы стали базой для нелегального продолжения среднего образования молодежи. Помимо легально существовавших классов начальной и профессиональной средней школы, занимавшихся по нелегальной программе, существовали и конспиративные классы; или так называемые «тайные комплекты». Последние возникли уже осенью 1939 — в начале 1940 г. и формировались в основном из бывших учеников средних общеобразовательных школ¹⁵. Средняя общеобразовательная школа существовала в оккупированной Польше именно в форме конспиративных классов. Так же обстояло дело и с высшей школой, где главной организационной формой обучения были комплекты. Комплект состоял из 6—10 человек, занимавшихся по нескольку

¹³ Cz. Wycech. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 12.

¹⁴ W. Sulewski. Z frontu tajnego nauczania, str. 48.

¹⁵ Cz. Wycech. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 13.

часов в день, главным образом во вторую половину дня, в условиях строжайшей конспирации, поскольку нарушение нацистских распоряжений о ликвидации среднего и высшего обучения в стране каралось смертью или в лучшем случае заключением в концлагерь. Несмотря на то, что тайное обучение захватило всю страну, что участие учителей в этой всенародной акции было массовым, а количество учащихся, например, в средней школе в некоторых районах даже превысило довоенные цифры, провалов и массовых арестов среди учителей и учеников за участие в подпольном обучении почти не было.

Абсолютно уверенные в фатальной обязательности выполнить свои планы физического уничтожения поляков уже в ближайшем будущем, нацисты рассчитывали на то, что польские мальчики и девочки не успеют вырасти и составить ту политическую опасность, которую сейчас гитлеровцы видели в деятельности их отцов и матерей, братьев и сестер — участников подпольных политических организаций. Именно они, по мнению нацистов, подлежали немедленному физическому уничтожению, они заполняли тюрьмы и фашистские концлагеря.

Особенно массовый характер подпольное обучение приняло на территории «генерал-губернаторства». Значительно сложнее дело обстояло на «присоединенных» к Германии польских землях и в Белостокском округе (комиссариат Остланд) ¹⁶. Как и в «генерал-губернаторстве», конспиративное обучение на включенных в состав Германии польских территориях возникло осенью 1939 г. по инициативе учителей, студентов и инструкторов довоенной молодежной организации Союза польского харцерства. Но в результате массовых переселений и выселений складывавшаяся уже организационная сеть подпольного обучения была разрушена. Тайные классы в Великой Польше (Позианское воеводство), в Силезии и Поморье держались исключительно инициативой отдельных польских патриотов и были весьма немногочисленными. Это объяснялось тем, что на «присоединенных» землях значительная часть польского населения, и прежде всего интеллигентии, была выселена в «генерал-губернаторство» (например, в Верхней Силезии в 1943 г. осталось 10% учителей) ¹⁷, а оставшиеся поляки жили в исключительно тяжелых условиях, в условиях слежки и постоянного предательства со стороны фольксдойче. Многие польские мемуаристы подчеркивают, что главную опасность для тайного обучения в Лодзи, Познани, Гнезно и других городах на «присоединенных» землях представляли не жандармы, полицейские и гестапо, а коллаборанты всех мастей и окраски ¹⁸.

¹⁶ W. Sulewski. Z frontu tajnego nauczania, str. 190.

¹⁷ Там же, стр. 191.

¹⁸ «Szkoła w konspiracji...», str. 20.

Население Великой Польши и Поморья принимало самое активное участие в подпольном обучении на новых местах своего жительства — в «генерал-губернаторстве». Молодежь, изгнанная из западных и северо-западных польских земель в «генерал-губернаторство», создавала особые тайные классы. Руководил конспиративным обучением молодежи, прибывшей из западных и северо-западных районов Польши в «генерал-губернаторство», известный педагог Ф. Козанецкий¹⁹.

Согласно новым сведениям, опубликованным польскими историками, в годы войны в Белостоке и Белостокском воеводстве тайным обучением было охвачено в начальной и средней школе более 20 тыс. детей. Свыше 1000 педагогов участвовало в работе подпольных школ²⁰.

Тайные классы были основной, но не единственной формой подпольного просвещения. Польские учителя пытались также организовать культурную жизнь польской молодежи. В подполье имелись библиотеки; конспиративные типографии печатали учебники, новые художественные произведения польских писателей и поэтов; проводились литературные вечера, концерты, лекции.

Большие заслуги в обеспечении подпольных школ необходимой литературой принадлежат польским книжникам. Книжные фирмы «Наша библиотека», «Школьная», «Либрария нова», «Библиотека учителя» и другие передали подпольной школе сотни тысяч разнообразных книг и учебных пособий²¹. Особое внимание уделялось воспитанию среди польской молодежи духа патриотизма. Усилиями польских патриотов были изданы в подполье, распространялись и использовались в качестве учебных пособий отрывки из произведений лучших польских поэтов и писателей — Мицкевича, Сенкевича, Жеромского, Конопницкой²².

Первоначально центрами тайного обучения были крупные города и их окрестности: Варшава, Люблин, Краков. Но постепенно подпольные классы стали появляться в местечках, селах, хуторах. Тайная организация учителей в середине 1942 г. поставила задачу — организовать законспирированную школу в каждой гмине, широко охватить конспиративным обучением молодежь, жившую в деревне. Это была так называемая гминная акция, которую польские педагоги понимали как начало «мобилизации широким фронтом общественных сил на борьбу с оккупантами в области просвещения и культуры»²³. Руководство

¹⁹ Там же, стр. 142.

²⁰ «Sesja popularnoponaukowa poświęcona tajnemu nauczaniu na Białostocku w latach 1941—1944». «Wojskowy Przegląd Historyczny», 1967, № 1, str. 409.

²¹ W. Deptula. O wydawnictwach naukowo-technicznych w czasie okupacji — «Za wolność i lud», 1968, № 16.

²² Cz. W u c h. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 115.

²³ Там же, стр. 27.

организации устанавливала контакты с отдельными гминами, охватывало почти всех польских учителей, продолжавших подпольное обучение детей по собственной инициативе. Тайная организация учителей выступала перед педагогами и родителями с детально разработанной программой деятельности (авторами ее были М. Васылюк, В. Тулодзецкий и К. Май), требовавшей от польского учительства: 1) повсеместного преподавания среди учеников IV—VII классов истории, географии и литературы Польши; 2) расширения среднего общеобразовательного обучения в каждой школе, каждой деревне; 3) организации охраны культуры и культурных ценностей от нацистских оккупантов²⁴. Результатом гминной акции 1942 и 1943 гг. было бурное развитие подпольной школы. В акции приняло участие более 19 тыс. учителей всеобщих и средних школ, а они составляли 90% общего числа учителей, проживавших в годы оккупации на территории «губернаторства»²⁵. Общее количество обучавшихся в подпольных всеобщих школах в «губернаторстве» к концу оккупации составило 1 млн. человек²⁶.

Установить общее число подпольно учишися во всеобщей школе (I—VII классы) на «присоединенных» землях пока нет возможности. Но следует сказать, что и здесь тайное обучение систематически расширялось. Так, например, в Хойницком повете современного Быдгощского воеводства в годы оккупации действовало 20 подпольных классов. В 1939—1940 гг. в них училось 42 ученика. В последующие годы число учащихся систематически возрастало: 1940/41 г.—64; 1941/42—79; 1942/43—87; 1943/44—88; 1944/45—75. Довольно широко тайное обучение было распространено в уездах Гродзинском, Средзском, Сремском, Яроцинском, Новотомпском, Шамотульском, Конинском, Млавском. Центром подпольной школы в Великой Польше была Познань, где тайно училось 4 тыс. человек²⁷.

Вследствие ликвидации оккупантами общеобразовательной средней школы (гимназии, лицеи) продолжать занятия возможно было или конспиративно, или на базе допущенной нацистской администрацией средней профессиональной школы. И тем не менее подпольная средняя школа охватила в годы оккупации около 100 тыс. учеников. Варшавские конспиративные гимназии и лицеи посещало в 1942/43 учебном году 82% молодежи, учившейся в средних школах Варшавы перед войной²⁸. В некоторых районах и городах оккупированной Польши подпольным обучением в гимназиях и лицеях было охвачено даже большее

²⁴ Cz. Wysech. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 28—29.

²⁵ W. Sulewski. Z frontu tajnego nauczania, str. 79.

²⁶ Cz. Wysech. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 56.

²⁷ Там же, стр. 71—72.

²⁸ Там же, стр. 99.

число учащихся, чем в довоенное время. Например, в подпольной общеобразовательной средней школе пяти уездов Варшавского округа — Варшавского, Минск-Мазовецкого, Блоньского, Ловицкого и Венгровского — училось в три раза больше детей, чем до войны. В Варшавском уезде до войны работала одна средняя школа, имевшая 200 учеников, а подпольным обучением в годы оккупации было охвачено здесь более 700 детей²⁹.

Героическую, но глубоко трагическую страницу в истории конспиративного обучения в оккупированной Польше представляет деятельность учителей в варшавском гетто. Еврейская школа была ликвидирована гитлеровцами повсеместно уже осенью 1939 г. Только 31 августа 1940 г. генерал-губернатор Г. Франк подписал распоряжение, согласно которому так называемому Еврейскому совету Варшавы разрешалось создавать и содержать всеобщие 7-классные и профессиональные школы³⁰. Но к этому времени среди еврейского населения Варшавы уже действовал нелегально институт школьного патроната. Педагоги существовавших в буржуазной Польше еврейских школ, члены различных учительских объединений организовали широкую опеку над детьми. В середине сентября 1940 г. из представителей этих патронатов была создана Постоянная школьная комиссия. Однако 10 октября 1940 г. комиссия прекратила свою деятельность, так как все еврейские школы были закрыты нацистами³¹. В ответ на это школьные патронаты в декабре 1940 г. организовали подпольные школьные занятия в так называемых кухнях для детей, но уже в условиях существования варшавского гетто. Между тем представители Еврейского совета гетто упорно продолжали переговоры с властями, добиваясь санкций на легальное существование школ. Разрешение было получено в конце 1941 г. Это совпало с кратковременным ослаблением жесточайшего режима жизни в гетто. Последнее объяснялось желанием гитлеровцев создать условия для выявления материальных ценностей, имевшихся у еврейского населения.

Подготовкой к первому учебному году в гетто занялся школьный отдел Еврейского совета в составе бывшего директора еврейской гимназии в Варшаве А. Вольфовича, активного школьного деятеля С. Хоренштейна, бывшего директора еврейской семинарии М. Таубера, бывшей руководительницы одной из еврейских школ А. Натаанблют и бывшей учительницы С. Розенцвейг³². 1 октября 1941 г. учебный год начался в 19 школ-

²⁹ Там же, стр. 79.

³⁰ R. S a k o w s k a . Указ. соч., стр. 62.

³¹ Там же, стр. 64.

³² Там же.

лах, принявших почти 7 тыс. детей³³. Первый учебный год оказался последним. Распустив детей на каникулы летом 1942 г., школьный отдел организовал курсы повышения квалификации учителей. Но через несколько дней началась массовая (около 300 тыс. человек) депортация евреев из варшавского гетто в газовые камеры Освенцима и Треблинки. Легальная еврейская школа в оккупированной Польше прекратила свое существование. Но наряду с легальной еврейской школой существовала и нелегальная, созданная на базе уже упоминавшихся кухонь Центрального общества опеки сирот и покинутых детей — «Centos». Кухни «Centos» стали с ноября-декабря 1940 г. своеобразными центрами воспитания и школьного обучения детей. Размещались эти кухни, как правило, в помещениях бывших школ. Дети от 7 до 14 лет получали здесь бесплатное или за мизерную плату питание и в течение нескольких часов занимались: писали, читали, рисовали, пели. Подпольное обучение здесь возглавили Ш. Саган и С. Новогродская³⁴. Часть еврейских лицеев и гимназий продолжала подпольное обучение молодежи и в гетто, собрав в своих конспиративных классах 20% учившихся в еврейских школах в 1938/39 учебном году³⁵. Занятия в этих школах велись на польском языке и по школьным программам довоенного времени. В 1940—1942 гг. более 170 учащихся еврейских средних школ сдали экзамены на аттестат зрелости³⁶. Польские исследователи считают, что до момента создания в октябре 1940 г. варшавского гетто, несомненно, существовала связь еврейских учительских организаций с руководством польского подпольного обучения в Варшаве³⁷. Но после изоляции еврейского населения в гетто она, видимо, была прервана. У исследователей нет документов, свидетельствующих о ее возобновлении.

После массовой депортации евреев летом-осенью 1942 г. подпольное обучение в гетто резко сократилось, но только в начале 1943 г., в связи с «окончательным решением еврейского вопроса» — уничтожением варшавского гетто, подпольная школа перестала существовать.

Мы уже говорили о том, что усилиями учителей, выселенных немцами из «присоединенных» польских земель, на территории «генерал-губернаторства» осенью-зимой 1939 г. было организовано подпольное обучение молодежи из западных районов довоенной Польши³⁸. Сначала конспиративные классы Западных зе-

³³ R. S a k o w s k a, Указ. соч., стр. 69.

³⁴ Там же, стр. 73.

³⁵ Там же, стр. 76—77.

³⁶ Там же, стр. 79.

³⁷ Там же.

³⁸ M. P o l l a k. Указ. соч., стр. 285.

мель возникли в Люблине по инициативе доктора Т. Эустахевича, в Островце-Свентокшинском при участии директора М. Маркони и в Старой Вси Бжозовского уезда под руководством ксендза Ст. Вейдля.

В 1940 г. подпольные классы специально для молодежи с Западных земель существовали уже в Ченстохове, Кракове, Тарнове, Варшаве, в 1941 г.— в Лежайске Люблинского воеводства. В 1942 г. появились новые тайные комплексы в Люблине и Варшаве, Лохове, Ченстохове, Кракове. В 1943/44 г. общее количество учащейся в средней школе молодежи из Западных земель превысило 2000 человек³⁹. По другим сведениям — около 4300 человек⁴⁰. Аттестат зрелости в годы оккупации получило 674 человека⁴¹.

Средняя и высшая школа была основной формой отдельно существовавшего обучения молодежи, выселенной нацистами из западных районов страны. Это было связано с тем, что организационно возглавлявшее тайное обучение молодежи из Западных земель Школьное бюро Западных земель справедливо считало необходимым обратить специальное внимание на воспитание в польской молодежи ясного понимания исконно польской принадлежности захваченных нацистами земель и веры в непременное возвращение их послевоенной Польше. Особое внимание Школьное бюро Западных земель уделяло подготовке преподавательских кадров.

Необходимостью особого политического воспитания молодежи, выселенной нацистами из включенных в состав Германии польских территорий, объясняют польские мемуаристы существование отдельной для Западных земель высшей школы. Прежде всего это Познаньский университет, который назывался в годы оккупации Тайным университетом Западных земель. Инициатива возобновления занятий в университете исходила от студентов Познаньского университета, оказавшихся на территории «генерал-губернаторства». Они обратились за помощью к профессору Л. Якса-Быковскому. Тот начал обсуждать идею возобновления занятий с несколькими профессорами также закрытого нацистами Варшавского университета. С той же целью доктор М. Родз налаживал контакты с преподавателями Познаньского университета. В октябре 1940 г. усилиями М. Родз, доцента Познаньского университета В. Коваленко, Л. Якса-Быковского и профессора Р. Полляка был создан организационный Комитет четырех, в дальнейшем превращенный в Комитет пяти⁴². Как писал профессор В. Коваленко, создавая Тайный

³⁹ Там же, стр. 288—289.

⁴⁰ «Szkoła w konspiracji...», str. 150.

⁴¹ M. Pollak. Указ. соч., стр. 295.

⁴² W. Kowalek. Указ. соч., стр. 19, 21.

университет Западных земель, польские патриоты думали превратить его в инструмент «борьбы с Германией за исконные права польского народа на жизнь и развитие на Западных землях Польши»⁴³. Постепенно при тесном сотрудничестве профессоров Варшавского и Познаньского университетов был создан коллектив преподавателей нового университета. 24 ноября 1940 г. здесь начались занятия. Уже в декабре 1940 г. на гуманитарном отделении университета функционировало 3 класса с 13 студентами, которым читали лекции по истории, педагогике, философии и полонистике 6 профессоров⁴⁴. На юридическом отделении было 35 слушателей, всего же в университете в это время насчитывалось 48 студентов, 7 классов и 15 профессоров. Организация лекций по юридической и политической проблематике была поручена профессору юридического факультета Варшавского университета Ю. Рафачу⁴⁵.

Внутренняя организационная структура, финансы и научная жизнь университета наладились в начале 1941 г. Ректором был избран Л. Якса-Быковский, деканами Р. Полляк и Ю. Рафач, делегатами в университетский сенат В. Коваленко и В. Савицкий. Усилиями ученых и студентов возникла университетская библиотека, имевшая учебные пособия по истории, философии, педагогике, праву, польской литературе и языку. Студенты обязаны были заниматься в университете 8—10 часов в неделю. Обучение было платным. Студенты платили по 50 золотых в месяц, причем были предусмотрены освобождения от оплаты целиком или частично. Профессора получали небольшое вознаграждение по 8—10 золотых за час⁴⁶. Оплата труда педагогов и плата за обучение носили скорее символический характер, поскольку цены в стране были фантастическими и росли изо дня в день⁴⁷. В 1941/42 г. в Тайном университете Западных земель было организовано экономическое отделение. Число же студентов университета возрастало из года в год. В 1941/42 г. их было уже 226, в 1942/43—700, а преподавательский состав насчитывал 100 человек⁴⁸. Причем в 1942/43 г. были организованы 4 новых отделения: теологии, медицины, фармацевтическое и сельскохозяйственное. В 1943/44 г. на медицинском отделении училось 600 студентов, на экономическом — 50, на

⁴³ W. Kowalekko. Указ. соч., стр. 23.

⁴⁴ Там же, стр. 24.

⁴⁵ Там же, стр. 26—27.

⁴⁶ Там же, стр. 25.

⁴⁷ Например, в 1943 г. 1 кг картошки стоил в Варшаве 10 золотых, пара обуви 600—1200 золотых, костюм — 5 тыс. золотых. В середине 1943 г. цены на продовольствие по сравнению с серединой 1939 г. выросли в 50 раз, а в декабре 1944 г.— в 118 раз. См.: J. Sledziński. Ich kommt aus Polen. Londyn, 1943, str. 14, 17; J. Kostrowicka, L. Landau, J. Tomaszewski. Historia gospodarcza Polski. XIX—XX w. Warszawa, 1966, str. 406.

⁴⁸ W. Kowalekko. Указ. соч., стр. 31, 34.

фармацевтическом — 215⁴⁹. В 1944/45 учебном году начались занятия на химическом отделении, на базе которого в будущем возник естественно-математический факультет.

Усилиями профессоров Тайного университета Западных земель, действовавших в Варшаве, в различных городах «генерал-губернаторства» были организованы курсы по подготовке молодежи для поступления в университет. Такие курсы действовали в Кельцах, Енджееве, Ченстохове, Милановске, Гродзиске-Мазовецком, Островце-Свентокшиском и Радомске. Общее число подпольных классов на курсах равнялось 50; 87 преподавателей занимались с несколькими сотнями слушателей. По одним сведениям, их было более 400, по другим — более 700 человек⁵⁰. В годы оккупации в Тайном университете Западных земель было защищено 97 магистерских работ и 10 диссертаций.

Ученые степени получили, например, известные сейчас историки Г. Лябуда, З. Кацмарчик — сотрудники современного Западного института в Познани⁵¹. Кроме университета, высшая школа Западных земель была представлена так называемым Тайным морским институтом. Этот институт стал первым в Польше высшим учебным заведением, готовившим специалистов-экономистов, необходимых для обслуживания торгового морского флота и т. д. С инициативой создания высшего учебного заведения такого рода выступили профессора Познаньского университета, проживавшие в годы оккупации в Варшаве. Самое активное участие в реализации замысла принял историк-славист В. Коваленко. Возник Морской институт в 1941 г., но подпольное преподавание предметов, связанных с изучением морского дела, началось в 1942 г. в Варшаве на Вежовой улице в Торговом лицее. Первые занятия организовал и проводил профессор Т. Оциошинский. Лекции в Морском институте читали известные польские педагоги: Б. Касправович, Ю. Чекальский, Ф. Козанецкий, Ст. Круликовский, Л. Кузьминский, Я. Звольская, Ст. Волиньский и др. Институт просуществовал два года. Число его студентов за это время достигло 60 человек⁵². После освобождения Польши от гитлеровской оккупации студенты Тайного морского института были приняты на третий курс созданной в Гдыне Высшей школы морской торговли.

Всего за годы гитлеровской оккупации в высшей школе Западных земель обучался 181 студент. Занятия на 8 отделениях Тайного университета, в Морском институте и на университетских курсах вели 296 преподавателей и профессоров⁵³.

⁴⁹ Там же, стр. 65.

⁵⁰ Там же, стр. 113.

⁵¹ Там же, стр. 34, 50, 136.

⁵² S. Poznański. Указ. соч.

⁵³ W. Kowalenko. Указ. соч., стр. 116.

Помимо Тайного университета Западных земель и Тайного-морского института в оккупированной Варшаве существовал целый ряд подпольных высших учебных заведений. Варшава стала центром польской конспиративной высшей школы.

По инициативе Тайной организации учителей польские педагоги Я. Дембовская, Х. Неневская, И. Я. Грабовский через профессора Ю. Кжижановского установили контакты с ректорами и деканами всех довоенных высших учебных заведений Варшавы с целью организовать в октябре 1940 г. занятия со студентами — первыми выпускниками подпольных средних школ⁵⁴. Осенью 1940 г. стали работать почти все отделения варшавской высшей школы, руководство которыми и высшей школой на всей территории страны вообще было сосредоточено в руках бывшего ректора Варшавского университета профессора Ст. Пеньковского⁵⁵.

Центральное место среди подпольной высшей школы занимал, безусловно, Варшавский университет. По сведениям профессора Т. Мантейфеля⁵⁶, принимавшего самое активное участие в работе подпольного университета, в начальный период оккупации университет насчитывал 387 студентов, а в 1944 г. на медицинском, юридическом, гуманитарном, физико-математическом, фармацевтическом и теологическом отделениях их было уже 2176⁵⁷.

Другим крупным центром по подготовке специалистов высшей квалификации был Варшавский политехнический институт, который работал в тесном контакте с разрешенными оккупантами средними профессиональными школами: электротехнической во главе с профессором Р. Трежехцинским, металлообогатительной, которой руководил К. Герзееvский, и строительной, которую возглавлял профессор Э. Вархаловский, а затем и с открывшейся весной 1941 г. в помещении Политехнического института Высшей технической школой, которой руководил ректор Древновский. Студенты этих учебных заведений за первые два года обучения по сути дела осваивали программу первого и второго курсов института, а затем обучение продолжалось исключительно нелегально. В общей сложности в школах насчитывалось 3000 студентов. Дипломы о получении высшего технического образования были вручены 186 студентам. Кроме того, за годы оккупации в Варшавском политехническом институте было защищено 18 кандидатских и 14 докторских диссертаций⁵⁸.

⁵⁴ «Z dziejów podziemnego Uniwersytetu Warszawskiego», str. 7.

⁵⁵ Cz. W u c e h. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 86.

⁵⁶ Сейчас профессор Т. Мантейфель — директор Института истории Польской академии наук.

⁵⁷ Cz. W u c e h. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 88.

⁵⁸ Там же, стр. 89.

На основе нескольких разрешенных нацистами специализированных средних школ действовала Главная школа сельского хозяйства, где училось 160 студентов. Из них 27 человек получили дипломы инженеров и кандидатов наук⁵⁹. Функционировала под руководством профессора Б. Миклашевского Главная торговая школа, где уже в середине периода оккупации обучалось 75 человек.

Поздней осенью 1941 г. в Krakове нелегально начались занятия студентов Ягеллонского университета⁶⁰. Одним из инициаторов организации подпольного обучения в Ягеллонском университете был профессор М. Малецкий. Арестованный в ноябре 1939 г. в числе других профессоров Krakовского университета, М. Малецкий прошел через концлагерь Даахау и вынес оттуда твердое убеждение в необходимости борьбы с фашизмом⁶¹. К концу оккупации число студентов в конспиративном Ягеллонском университете достигло 800 человек. Здесь читали лекции 136 преподавателей⁶². Подпольные польские университеты существовали также в Вильнюсе и Львове. Но были они значительно малочисленнее. Общее количество студентов, обучавшихся в годы оккупации в различных высших учебных заведениях страны, превысило 10 тыс. человек⁶³. Только Warsawский университет в конце оккупации насчитывал почти 2200 студентов⁶⁴.

Таким образом, конспиративное обучение на территории оккупированной гитлеровцами Польши было повсеместным и массовым. Польское общество активно участвовало в этой форме движения Сопротивления оккупантам, отчетливо понимая, что речь идет о существовании польской нации. Многотысячная армия людей ежедневно вставала на борьбу, несмотря на огромные потери в результате повсеместного варварского террора. Дорогой ценой заплатили поляки за то, чтобы не позволитьнаци-

⁵⁹ Там же, стр. 90.

⁶⁰ «Alma Mater w podziemiu. Kartki z dziejów tajnego nauczania w Uniwersytecie Jagiellońskim. 1941—1945». Praca zbiorowa. Kraków, 1964, str. 5; Н. В а г у с з . Указ. соч., стр. 600.

⁶¹ Профессор М. Малецкий по решению ректора подпольного Ягеллонского университета В. Шафера был направлен на работу в гитлеровский «Institut für die Deutsche Ostarbeit». Имеются упоминания от том, что М. Малецкий создал в этом институте гитлеровского остатфоршунга небольшую группу Сопротивления. Перед М. Малецким была поставлена задача организовать наблюдение над собранными здесь фондами Ягеллонской библиотеки и имуществом закрытого нацистами университета посредством введения в штат института группы польских специалистов. «Сотрудничество» с немцами позволяло М. Малецкому проводить некоторую научную деятельность. Работа его была законспирирована, и провалов не было (см. «Alma Mater...», str. 293—294).

⁶² Cz. W y c e c h. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 91.

⁶³ Там же, стр. 92.

⁶⁴ «Z dziejów podziemnego Uniwersytetu Warszawskiego», str. 11—12.

стам развратить молодежь ядом цинизма, человеконенавистничества, жестокостью, безнравственностью. За шесть оккупационных лет из 84 тыс. преподавателей общеобразовательных школ погибло 13 тыс., из 11 тыс. педагогов средних школ было уничтожено нацистами 1700, из 800 учителей педагогических училищ погибло 120, из 7 тыс. специалистов профессионального обучения — 1000 человек. 416 профессоров, доцентов и преподавателей высших учебных заведений были убиты или замучены нацистами⁶⁵. По другим, новейшим, сведениям в годы оккупации погибло 700 профессоров и преподавателей высшей школы⁶⁶.

Нацисты не останавливались перед массовым уничтожением гражданского населения в оккупированных странах, в том числе и перед убийствами детей любого возраста. В Польше система методического уничтожения людей действовала с первых дней оккупации и осуществлялась самыми разнообразными методами. Орудиями нацистского «производства» здесь были не только пистолеты и виселицы. Сотни, тысячи жизней маленьких поляков унесли голод и холод, изнурительный труд, в том числе и на производстве ядовитых и взрывчатых веществ. В годы войны Польша потеряла 22% своего населения. Но по некоторым возрастным группам потери превысили в процентном отношении эти цифры. Так, погибло 13% от общего числа детей 7—12 лет, 17,1% — детей 13—14 лет, 25% — молодежи 15—17 лет и 36% 18-летних⁶⁷. Мы не знаем, правда, сколько детей и педагогов было расстреляно за участие в тайном обучении. И хотя имеются неоднократные упоминания польских мемуаристов и исследователей о том, что случаев провала конспиративных школ было очень немного, великий гражданский подвиг польских учителей, польских детей и молодежи, которые в стране, покрытой сетью газовых камер и печей крематориев, сумели не растерять силы, мужество, энергию, национальное самосознание.

Выше уже отмечалось, что подпольное обучение возникло по инициативе широких учительских масс. Оно не было предусмотрено программой ни одной польской политической партии или организации. Однако почти весь оккупационный период руководство польской подпольной школы было связано с политическим подпольем, подчинявшимся польскому Лондонскому эмигрантскому правительству. В наши задачи не входит анализ политической программы польского учительства, но в то же время представляется необходимым рассказать о взаимоотношениях Тайной организации учителей с политическим представительством Лондонского правительства в стране —

⁶⁵ «Szkoła w konspiracji...», str. 24.

⁶⁶ W. Sulewski. Z frontu tajnego nauczania, str. 133; J. Kostrowicka, Z. Landau, J. Tomaszewski. Указ. соч., стр. 393.

⁶⁷ «Szkoła w konspiracji...», str. 36.

Делегатурой и о той программе социально-экономических преобразований, которые польское прогрессивное учительство считало совершенно необходимым осуществить в послевоенной Польше.

Конспиративное обучение, широко распространенное на территории оккупированной Польши, существовало уже год, когда Тайная организация учителей установила контакт с Делегатурой, считая ее представительницей польской подпольной государственной администрации. В системе Делегатуры был организован специальный отдел — так называемый Департамент просвещения и культуры. Осенью 1940 г. главный представитель Лондонского правительства в стране К. Ратайский предложил Ч. Выцеху возглавить Департамент просвещения и культуры⁶⁸.

Это предложение, безусловно, означало признание эмигрантским правительством главенствующей роли организации учителей в акции подпольного обучения. С другой стороны, это была довольно явная попытка организационно подчинить демократически настроенное польское учительство реакционному Лондонскому правительству. Естественно, что предложение К. Ратайского вызвало среди руководства Тайной организации учителей разногласия и колебания. Но тем не менее оно было принято, поскольку решающее влияние на акцию подпольного обучения оставалось за организацией учителей. В руководящий состав Департамента вошли видные ученые, люди демократических убеждений, представители левых политических сил: Ч. Выцех, профессор-педагог Б. Суходольский, социолог Ст. Осовский, химик Ю. Завадский, ректор Варшавского университета Ст. Пеньковский, активный радикальный крестьянский политический деятель, сотрудничавший с ППР, Ян Смолень, член подпольного Стронница людового — РОХ Ст. Подрыгалло и др. В начале 1942 г. генеральным секретарем Департамента был назначен левый политический деятель В. Шайер. Возглавлял руководство подпольным обучением в Варшавском округе левый социалист Т. Войеңский, Лодзинским округом руководил М. Жуковский, который в 1939—1941 гг. работал в администрации советской школы на Волыни⁶⁹. В организации тайного обучения активно участвовали многие видные деятели польского революционного рабочего движения. Среди них были А. Прухник, Антон и Станислав Добишевские, С. Трояновский, Я. Бакалевский и др. На протяжении всех оккупационных лет, организационно подчиняясь Департаменту, Тайная организация учителей занимала независимую, самостоятельную политическую позицию.

⁶⁸ Cz. Wysech. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 34.

⁶⁹ Там же, стр. 52, 135.

Ч. Выцех пишет в своих заметках о тайном обучении: «...по принципиальным вопросам Тайная организация учителей занимала самостоятельную позицию, по многим пунктам отличную от позиции Лондонского правительства. Объединение в моем лице функций директора Департамента и фактического руководителя организацией учителей создавало трудности скорее для Департамента, чем для организации. Моя работа в Департаменте не была препятствием для принятия Тайной организацией учителей радикальной программы в области социальной, социально-экономической и в области просвещения, программы, совсем отличной от программы Лондонского правительства»⁷⁰.

Департамент просвещения и культуры был самым демократическим отделом Делегатуры. Именно он поддержал главу Лондонского правительства генерала Сикорского, подвергавшегося яростным нападкам со стороны наиболее реакционных представителей бывших польских правящих кругов за стремление установить дипломатические отношения польского эмигрантского правительства с Советским Союзом⁷¹. Представители этого Департамента, разъезжая по стране, устанавливали связи с руководителями рабочего и крестьянского движения, различных подпольных политических организаций. Деятели Тайной учительской организации, входя в Департамент просвещения и культуры, могли использовать в интересах дела подпольного обучения эмигрантское правительство и его Делегатуру. Это давало им финансы, связи с политическим подпольем и поддержку партизанских отрядов.

Практические контакты Тайной организации учителей с Департаментом позволили объединить в 1942—1943 гг. и организационно подчинить ей ряд других просветительских организаций: Комиссию публичного просвещения, Школьную комиссию под руководством профессоров Ягеллонского университета В. Шафера и Ю. Ваги и, что было особенно важным, Школьное бюро Западных земель, которое действовало на территории «генерал-губернаторства» среди поляков, выселенных из Поморья и Великой Польши⁷².

Еще раньше, осенью 1941 г., Департамент установил связи с подпольной организацией деятелей культуры и искусства, руководимой директором Национального музея профессором Ст. Лоренцем. В конце 1941 г. произошло объединение вокруг Департамента организаций, руководивших высшим подпольным обучением, которое возглавлял Ст. Пеньковский⁷³.

⁷⁰ Cz. Wycech. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 35.

⁷¹ W. Sulewski. Z frontu tajnego nauczania, str. 41—42.

⁷² Cz. Wycech. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 37—38.

⁷³ W. Sulewski. Z frontu tajnego nauczania, str. 39.

Таким образом, связи польских педагогов с Департаментом просвещения и культуры сыграли объективно положительную роль в деле расширения конспиративного обучения и сохранения уцелевших культурных ценностей. Однако нельзя переоценивать заслуги Департамента. Его роль выглядела главным образом вспомогательной, основой же тайного обучения были патриотизм, демократизм и мужество польских педагогов.

Демократизм политической программы Тайной организации учителей обусловил переход основной массы польских учителей на сторону народно-демократической власти. Какие же требования выдвигала она в своих программных документах? Какой видела послевоенную Польшу? Первым программным документом было изданное в конце 1940 г. воззвание «К отцам и матерям»⁷⁴.

Воззвание широко распространялось среди учителей и родителей, связанных общим делом подпольного обучения. Главное содержание этого документа составляло утверждение о том, что, несмотря на поражение и разгром Польши, польский народ продолжает борьбу за национальную независимость, что обязанность каждого поляка — принять активное участие в этой борьбе.

В воззвании четко прослеживалась основная мысль авторов о взаимосвязи национально-освободительного движения в годы второй мировой войны с борьбой за социальное освобождение трудящихся масс. Особого внимания заслуживает тезис о том, что в освобожденной Польше во главе народа будут стоять рабочие и крестьяне.

Основные программные выступления руководящих центров подпольного обучения приходятся на 1942—1943 гг. В это время в конспирации были изданы такие документы: «Требования Союза польских учителей», «Основы культурно-просветительной политики», «Инструкции для работников просвещения по вопросу о гражданской борьбе», «Общие директивы профессиональной политики», «Директивы по организации школьного дела», «Воззвание Тайной организации учителей», «Система формирования, воспитания и всеобщего распространения культуры» и др.⁷⁵

Основным требованием, которое звучало во всех печатных выступлениях руководства Тайной организации учителей, было требование демократизации послевоенных порядков в Польше. В принятых на съезде организации летом 1943 г. «Общих директивах профессиональной политики» говорилось: «Утверждение основ и развитие демократической жизни в Польше зави-

⁷⁴ Там же, стр. 56.

⁷⁵ Все названные документы опубликованы в качестве приложения в кн.: Cz. W s e c h. Z dziejów tajnej oświaty... str. 145 и др.

сят от органической перестройки политических, экономических и культурных отношений. Польское государство... может утвердить свое независимое существование и экономическую самостоятельность посредством немедленного проведения общественных реформ, соответствующих экономическим и культурным потребностям всего общества»⁷⁶.

Демократизация общественных порядков, по мнению прогрессивных польских учителей, предполагала проведение социально-экономических реформ, которые коснулись бы всех слоев польского общества. Прежде всего «основой демократического строя и единственным источником существования людей должен быть труд». В первую очередь социальные преобразования должны коснуться крупных собственников в промышленности и сельском хозяйстве. Конкретно речь шла о конфискации и передаче в собственность государству крупной перерабатывающей, горной и металлургической промышленности, банков, транспорта и средств связи. Предполагалась широкая организация плановой экономики. Непременным условием демократизации страны считалась аграрная реформа: «Развитие польского народа и строительство демократического государства на принципах общественной справедливости... требуют проведения... общественных и экономических реформ, и прежде всего реформы аграрной структуры, в рамках которой следует решить проблему парцелляции крупной земельной собственности, ликвидации чересполосицы, мелиорации земли... Крестьянин, который с доисторических времен поливал потом и кровью клочок своей пашни, должен стать собственником той земли, на которой он веками трудился и которую веками защищал»⁷⁷. Таким образом, программа социального и экономического преобразования, изложенная в опубликованных конспиративных изданиях Тайной организации учителей, свидетельствовала о прогрессивных и демократических настроениях широких кругов польских учителей, педагогов высших школ, деятелей науки и культуры, группировавшихся вокруг организации.

По мнению польских учителей, коренные преобразования должны были коснуться и польской школы. Весной-летом 1943 г. был опубликован документ «Основы культурно-просветительной политики». В нем вопросы просвещения и культуры тесно связывались с задачами будущих политических и экономических преобразований: «Борьба... за демократизацию культуры составляет интегральную часть программы борьбы за демократию вообще»⁷⁸. Тайная организация учителей видела основные принципы демократизации польской школы в:

⁷⁶ Cz. Wysech. Z dziejów tajnej oświaty..., str. 146—147.

⁷⁷ Там же, стр. 148.

⁷⁸ Там же, стр. 155.

- 1) самом широком распространении знаний и достижений польской и мировой культуры и просвещения;
- 2) формировании такой культуры, для которой жизнь трудящихся масс будет источником, ее питающим;
- 3) решающей роли конституции в определении культурной политики;

4) бесплатном светском обучении в любой школе;
5) обязательном и всеобщем обучении детей до 18 лет⁷⁹.

Уже тогда, в годы оккупации, Тайная организация учителей и Департамент просвещения и культуры разработали и опубликовали программу будущей школы в новой Польше, принципы ее строительства, идеологического воспитания учащихся и т. п.⁸⁰

Программа в области культуры и просвещения носила в общем и целом прогрессивный и демократический характер, но не всегда была четкой и последовательной, о чем свидетельствовала критика этой программы в печати Польской рабочей партии и Союза борьбы молодых⁸¹. Однако искренние демократические позиции польского учительства по основным проблемам политических, социально-экономических и культурных преобразований в стране привели его в лагерь сторонников народно-демократической власти.

Позиции Тайной учительской организации по вопросу отношения к польским Западным землям совпадали с позициями левого подполья. Польские учителя выражали твердое убеждение в необходимости и обязательности возвращения Польше захваченных Германией польских территорий. В связи с этим и польские педагоги, и Департамент просвещения и культуры уделяли особое внимание деятельности Школьного бюро Западных земель. Подчеркивая особое значение вопросов возвращения поляков на эти территории, руководство Организации учителей требовало от польских педагогов обращать особое внимание на изучение истории польских Западных земель⁸². Такая позиция Тайной организации учителей оказала решающее влияние и на точку зрения Департамента, который в 1943—1944 гг. вплотную приступил к разработке инструкции по организации сети польских школ, начиная от начальной и кончая высшей, на возвращенных Польше исконно польских, но подвергшихся методической германизации землях. Предусмотрена была организация широкой сети курсов реполонизации, организация специальных и ускоренных курсов для молодежи, подвергшейся германиза-

⁷⁹ Там же, стр. 156, 180.

⁸⁰ Там же, стр. 171 и др.

⁸¹ W. Sulewski. Z frontu tajnego nauczania, str. 65, 85—99.

⁸² W. Sulewski. Dążenie, które stało rzeczywistością. «Nowa szkoła», 1965. № 5, str. 2—3.

ции. Особое внимание уделялось обучению взрослых, которые были обязаны посещать «курсы знаний о Польше и ее культуре». Учтена и предусмотрена была заблаговременная и быстрая подготовка специальных учительских кадров для Западных земель и некоторые другие мероприятия⁸³.

Такова история польского подпольного обучения в годы гитлеровской оккупации. Польские учителя-патриоты и демократы, участвуя в этой широкой национальной акции, начинали ее борцами против гитлеровских оккупантов, борцами за сохранение национального существования польского народа, а закончили активными строителями Народно-Демократической Польши.

⁸³ W. Sulewski. Dążenie, które stało rzeczywistością, str. 2—3.

Г. Э. САНЧУК

ВИДУКИНД КАК ИДЕОЛОГ ВОСТОЧНОЙ ЭКСПАНСИИ РАННЕФЕОДАЛЬНОГО НЕМЕЦКОГО ГОСУДАРСТВА

Проблема немецко-славянских отношений раннефеодального периода приобрела в настоящее время научную и политическую актуальность и привлекла большое внимание немецкой, польской, чешской и советской историографии¹. Что касается современной западногерманской историографии, то для ведущих ее представителей характерны идеализация Немецкого государства X—XII вв., фальсификация восточной политики этого государства, которому славянские народы должны быть, согласно этой концепции, «благодарны» за приобщение их к исторической жизни, за включение на заре их истории в государственную систему христианского «западного мира». Воскрешается, развивается и по-разному вновь «аргументируется» тезис реакционной националистической немецкой историографии о великой цивилизаторской роли первых представителей раннефеодального Немецкого государства, особенно Генриха I и Оттона I, при которых якобы началось включение Центральной и Восточной Европы в сферу более высокой немецкой культуры². Отношение раннефеодального Немецкого государства к славянам рисуется как «мирный и дружественный союз»³. Напомним, что в современной буржуазной историографии можно часто встретить различные «теории», призванные «объяснить» немецко-славянские отношения в период раннего феодализма с точки зрения идеализации восточной политики раннефеодального Немецкого

¹ Об этом подробнее см.: Г. Э. Санчук. Проблема империи и чешско-немецких отношений раннефеодального периода (Х—ХII вв.) в западногерманской историографии послевоенного времени. В сб.: «Австро-Венгрия и славяногерманские отношения». М., 1965, стр. 227.

² Там же, стр. 238.

³ Такой тезис является основным, например, в работе Г. Ф. Шмидта. См.: H. F. Schmid. Otto und Osten. «Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung». Ergänzungsband XX, T. 1, Graz — Köln, 1962, S. 70.

государства. Немецкий феодальный «Дранг нах оsten» X в. представляется как «восточное немецкое движение», лишенное элементов насилия и завоевания и сыгравшее величайшую историческую роль, поскольку якобы принесло западнославянским народам — полабским славянам, чехам, полякам — «высшую культуру», превратив их в «интегральную часть западного мира»⁴. Идеалистическое освещение восточной политики раннефеодального Немецкого государства реакционной немецкой историографией, особенно современными остфоршерами из ФРГ, нашло развернутую критику со стороны советских историков⁵. Серьезное внимание на это обратили также историки-марксисты Польши и Чехословакии⁶. Существенный вклад в критику реакционной интерпретации восточной политики раннефеодального Немецкого государства внесли историки ГДР⁷. Медиевисты ГДР дали критику шовинистической немецкой историографии по вопросу восточной политики раннефеодального Немецкого государства, поставили проблему сравнительного изучения истории славянских народов и средневековой Германии и проблему исследования социально-экономических предпосылок немецкой феодальной экспансии в ранний период⁸.

В немецкой историографии шел длительный спор о времени возникновения Немецкого государства. Проблема эта имеет обширную историографию. Подробный анализ ее и убедительную

⁴ См., например: W. Schlesinger. Die geschichtliche Stellung der mittelalterlichen deutschen Ostbewegung. «Historische Zeitschrift», 1957. О различных «теориях» западногерманских историков по вопросу восточной политики раннефеодального Немецкого государства см.: Г. Э. Санчук. К вопросу об изучении идеологии немецкого «Дранг нах оsten» в раннефеодальный период. В кн. «Дранг нах оsten». М., 1967, стр. 57.

⁵ Библиографию см.: Г. Э. Санчук. Проблема империи..., стр. 227—228.

⁶ Там же, стр. 249.

⁷ B. Töpfer. Das Abendland in der mittelalterlichen Geschichte. «Wissenschaftliche Zeitschrift für Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe». Jhg. IX, 1959—1960, S. 89; «„Abendland“ Ideologie und Neo-Karolingertum in Dienste der Adenauer CDU». «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее — «Z. f. G.»), Jhg. VII, 1959, H. 8, S. 1808; G. Koch. Die mittelalterliche Kaiserpolitik im Spiegel der bürgerlichen deutschen Historiographie des XIX und XX Jahrhundert. «Z. f. G.», Jhg. X, 1962, H. 8, S. 1836; I. Hagemann. Die mittelalterliche deutsche Ostexpansion und die Adenaurische Außenpolitik. См.: «Z. f. G.», Jhg. VI, 1958, H. 4, S. 797—816.

⁸ Следует иметь в виду следующие работы: E. Müller-Mertens. Das Zeitalter der Ottonen. Berlin, 1955. H. Bartmuss. Ursachen und Triebkräfte im Entstehungsprozeß des frühfeudalen deutschen Staates. «Z. f. G.», Jhg. X, 1962, H. 7, S. 1956, ff.; он же. Die Entstehung des ersten selbstständigen Staates auf deutschen Boden. «Z. f. G.», Jhg. X, 1962, S. 359; он же. Die Geburt des ersten deutschen Staates. Berlin, 1966; J. Brankack. Studien zur Wirtschaft und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe—Saale und Oder aus der Zeit vom 9. bis zum 12. Jahrhundert. Beutzen, 1964, S. 1—338. Особенное внимание заслуживает коллективная работа немецких историков-марксистов: «Deutschland in der Feudalperiode von der Wende des 5/6. Jhg. bis zur Mitte des XI. Jhg.». Von Leo Stern und H. T. Bartmuß. Berlin, 1963.

аргументацию марксистской датировки времени возникновения раннефеодального Немецкого государства дал в своем последнем исследовании немецкий историк-марксист Г. И. Бартмусс⁹. В связи с темой нашего анализа важно отметить, что на основе изучения социально-экономической и политической истории Восточнофранкской державы и движущих сил образования Немецкого государства Бартмусс показал, что решающим, поворотным пунктом в государственном развитии Восточнофранкской державы явился приход Саксонской династии к власти¹⁰. Автор показал, что вновь возникшее государство было раннефеодальным, поскольку в его рамках завершился процесс формирования феодализма в Германии. В то же время происходило формирование немецкой народности. Автор доказал несостоятельность традиционного противопоставления внутренней и внешней политики первых представителей Саксонской династии — Генриха I и Оттона I как выразителей различных государственных концепций («франкской» и «германской»). В основе внутренней и внешней политики Немецкого государства Генриха I (919—936) и Оттона I (936—972) лежали одни и те же цели и методы. «Перед саксонскими королями стояла задача — путем создания единства феодального класса гарантировать существование феодального государства и таким образом создать предпосылки для завершения процесса феодализации», перед ними стояла задача «устранить внешнюю опасность и сделать возможным возобновление феодальной экспансии для получения новых объектов эксплуатации»¹¹.

В связи с этим большое значение приобретает изучение источников раннего средневековья с точки зрения марксистской концепции исторического процесса¹². В области изучения немецко-славянских отношений раннефеодального Немецкого государства на первое место выдвигается проблема анализа идеологической природы восточной политики немецких феодалов того времени¹³. Особое значение приобретает анализ концепций первого немецкого хрониста, одного из идеологов державы Оттонов — Видукинда и его знаменитого произведения «Деяния саксов»¹⁴.

⁹ H. Bartmuss. Die Geburt des ersten deutschen Staates. Berlin, 1966.

¹⁰ Там же, стр. 260.

¹¹ Там же, стр. 265.

¹² Подробнее о соответствующих работах, постановке и решении в них интересующих нас проблем см.: Г. Э. Санчук. Некоторые вопросы истории славянских народов раннефеодального периода в работах историков ГДР. «Международные связи стран Центральной и Юго-Восточной Европы и славяно-германские отношения». М., 1968, стр. 261—282.

¹³ К постановке проблемы см.: Г. Э. Санчук. К вопросу об изучении идеологии..., стр. 65.

¹⁴ «Widukind Monachi Corbeiensis Rerum Gestarum Saxoniarum libri tres». «Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Germanicarum in unsum

Хронике Видукинда уделено большое внимание и в старой, и в новой немецкой историографии¹⁵. Основное внимание немецких историков было обращено на выяснение времени возникновения произведения, анализ отдельных редакций и их соотношение. Итогом изучения хроники в буржуазной немецкой литературе явилась монография западногерманского историка Г. Беумана¹⁶. Дав очерк «духовного мира» хрониста, автор, однако, обошел вопрос о классовом характере идеологии Видукинда¹⁷. Хроникой занимались и польские историки, сопоставляя данные Видукинда и Титмара¹⁸. В русской и советской историографии этого вопроса касались в связи с историей немецко-славянских отношений X в.¹⁹ Впервые сведения источника использовали для характеристики классового существа немецкой феодальной экспансии Н. П. Грацианский, А. Д. Люблинская и В. Д. Королюк²⁰. Однако до последнего времени отсутствовал специальный анализ политических взглядов хрониста с точки зрения материалистического понимания истории.

scholarum», № 60, 1935. Имеется немецкий перевод Хроники Видукинда. См.: «Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit», № 33.

¹⁵ Указание на старую историографию см.: Wattenbach, R. Holtmann. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Deutsche Kaiserzeit, Bd. I, H. 1. Berlin, 1948, S. 25; K. Jacob. Quellenkunde der deutschen Geschichte im Mittelalter. Berlin, 1949, S. 12. Указание на новейшую историографию проблемы см.: E. Donnert. Studien zur Slavenkunde des deutschen Frühmittelalters. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität», Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Jena, 1963, H. 2/3, S. 190 (далее. E. Donnert. Studien...).

¹⁶ H. Beumann. Widukind von Korve. Weimar, 1950.

¹⁷ Политических, правовых и «национальных» взглядов Видукинда до Беумана касались многие немецкие историки. Следует прежде всего указать: F. Brechmann. Die staatlichen Anschauungen Widukinds von Korvey. Diss. Münster, 1909; M. Lintzel. Die politische Haltung Widukinds von Korvey. «Sachsen und Anhalt», 1938, № 14, S. 1; C. Erdmann. Das Ottonischen Reich als Imperium Romanum. «Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters». Weimar, 1943, № 6. Этот вопрос освещается во всех работах, посвященных истории времени Оттонов.

¹⁸ J. Widajewicz. Lucikawki Widukinda. «Slavia occidentalis», 1927, № 6; L. Koczy. Thielmar i Widukind. «Kwartalnik historyczny» 1926, № 50; K. Tymieniecki. Widukind i Thielmar o wypadkach z. g. 963. «Rocznik historyczny», 1936, № 12.

¹⁹ Сведения Видукинда использовали все русские слависты, касавшиеся этих проблем,— Гильферding, Егоров, Успенский, Ясинский и др. Указание на эти работы см.: «История Чехословакии», т. I, М., 1956, стр. 281.

²⁰ Н. П. Грацианский. Фашистская фальсификация истории немецкой агрессии за Эльбу. «Ученые записки МГУ», вып. 18. М., 1945; А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955; В. Д. Королюк. Государство Готшалка. «Славянский сборник», 1947; он же. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.). «Краткие сообщения Института славяноведения». М., 1961; он же. Киевская Русь и западные славяне. М., 1959.

Первым опытом в этом направлении следует назвать раздел обширной статьи современного немецкого историка-марксиста Эриха Донннрта²¹. Автор указал на необходимость анализа источника с точки зрения отражения идеологии саксонских феодалов, их завоевательных планов по отношению к славянским народам. Доннерт подчеркнул, что концепция автора «Деяния саксов» служила оправданием экспансии немецких феодалов на Восток²². В свете сказанного нам представляется актуальным конкретный анализ сведений Видукинда по вопросу восточной политики раннефеодального Немецкого государства.

Образовавшееся раннефеодальное Немецкое государство имело большую восточную и юго-восточную границу с западнославянскими народами — западнополабскими славянами и чехами, которые к этому времени в ходе самостоятельного социально-экономического развития достигли значительного уровня политического развития²³. Как представлял себе Видукинд этот «восточный мир» и отношение к нему Немецкого государства? Соседние славянские народы представлялись ему в виде отдельных племен, союзов племен и государств. В частности, он говорит о следующих племенах и союзах племен: ободритах (*Abodriti*), далеминцах (*Dalemnici*), гавелах (*Hevelli*), лицавицах (*Licicavici*), лузиках (*Lusici*), руянах (*Ruani*), чехах (*Boemii*) и др.²⁴ Пограничные славянские племена и народы называет *vicīnae gentes* (пограничные народы)²⁵.

Славянские народы, по его терминологии, — варварские. Этот варварский мир простирается, по его представлению, до Одера²⁶. Главное отличие варваров от немецкого населения в том, что они язычники — *pagani*²⁷. С этим «варварским» и «языческим» миром встретились саксонские феодалы — «древнее и благородное племя»²⁸, подчиняющее «по праву войны» (*jura belli*) окружающие народы²⁹.

²¹ E. Donnert. Studien..., S. 191—205.

²² Там же, стр. 215. Подробнее об указ. работе Э. Донннрта см.: Г. Э. Санчук. Некоторые вопросы..., стр. 261.

²³ Итогом изучения обширного круга источников и литературы по этим вопросам являются последние работы историков-марксистов: J. Vrankačk. Указ. соч.; Z. Fišala. Stat Přemyslovský. Praha, 1964. В указ. работах имеется библиография вопроса.

²⁴ По вопросу о расселении полабо-балтийских племен см.: J. Vrankačk. Указ. соч., стр. 15.

²⁵ «Saxones clari existere et nimium terrorem vicinis gentibus incutere coeperunt». «Widukind Monachi Corbeiensis Rerum Gestarum Saxonicarum libri tres» (далее — Wid.), I (книга), 6 (глава).

²⁶ «Omnes barbarae nationes usque in Oderam fluvium...». Wid., II, 21.

²⁷ По словам Видукинда, герцог Германн «ad orientem versus iterum se paganis immersit». Wid., III, 69. Ср.: E. Donnert. «Studien...», S. 221.

²⁸ «Caeterum gentem antiquam et nobilem fuisse, non ambigitur». Wid., I, 2.

²⁹ «Saxones vero parati hostes excipiunt sternuntque, et rebus prospere gestis, proxima circumcirca loca jure belli obtinent». Wid., I, 6.

Из Хроники Видукинда мы узнаем, что именно первый король раннефеодального Немецкого государства — Генрих I, аполлогетом которого является хронист, вел серию войн против соседних народов — славян. Именно Генрих I, этот, по словам Видукинда, «величайший и лучший из всех королей.. который впервые с полной властью правил в Саксонии»³⁰ и для которого «...величайшей заботой было прославить свой род и утвердить мир во всей подчиненной ему области»³¹, еще до того как стал королем, в качестве саксонского герцога, выступил против соседних далеминцев — племени сербского союза племен. Это было еще в 906 г., когда «далеминцы не могли выдержать его (Генриха I.—Г. С.) натиска и призвали против него авар, которых мы называем теперь венграми»³².

Восточная экспансия приняла широкие размеры, особенно после того, как Генрих I стал королем. Уже Конрад, передавший власть Генриху I, как уверяет Видукинд³³, предвидел, что Генрих станет «королем и повелителем (императором) многих народов» (*imperator multorum populorum*). Став королем, Генрих I, «преуспевая и возвышаясь со дня на день, все более приобретал силу, величие и славу»³⁴.

Известно, что, после того как Генрих I стал немецким королем, ему удалось посредством строительства крепостей и учреждения сильного конного войска решительно укрепить силу восходящего Немецкого феодального государства³⁵.

Меры, предпринятые Генрихом I в благоприятных для него условиях перемирия с венграми, были необходимы для централизации Немецкого государства и для сокрушения продолжающихся нападений венгров, однако они роковым образом оказались на судьбе полабских славян³⁶.

О первом этапе немецкого «Дранг нах оsten», подробно повествует Хроника Видукинда. После обсуждения вопроса на сейме в Вормсе (926) и Майнце (927) Генрих I пошел в решительное наступление, вторгся в область гавелов и, не пренебрегая всеми средствами завоевателя, овладел Бранибором. «И после того,— повествует Видукинд,— как он (Генрих.—Г. С.)

³⁰ «...regum maximus optimus, Heinri, qui primus libera potestate regnavit In Saxoniam». Wid., I, 17.

³¹ «...nam maximum ei ab adolescentia studium erat in glorificando gentem suam et pacem confirmando in omni potestate sua». Там же.

³² «Dalemnici vero impetum illius ferre non valentes, conduxerunt adversus eum Aves, quos modo Ungaries vocamus, gentem belli asperrimam». Там же.

³³ Wid., I, 25.

³⁴ «Rex autem de die in diem proficiens et crescens, robustior majorique acclarior pollebat». Wid., I, 27.

³⁵ R. Holtzmann. Geschichte der sächsischen Kaiserzeit. Berlin, 1955, S. 84; Марксистское освещение вопроса см.: «Deutschland in der Feudalepoche...», S. 190.

³⁶ Там же.

приучил поселенцев к такому положению и порядку (речь идет о новой военной организации, введенной Генрихом.—*G. C.*), он внезапно обрушился на славян, которые называются гавелы, изнурял их в ходе многих сражений и, наконец, средь ожесточенной зимы, расположив лагерь на льду, взял город Браницбург, добившись этого с помощью голода, оружия и холода. И когда, взяв город, он овладел всей областью, он пошел походом против области далеминцев, борьбу с которыми завещал ему еще его отец; осадив город Гана, он взял, наконец, его на 20-й день. Добыча из города была передана воинам, все взрослые убиты, дети и женщины отданы в рабство»³⁷. Вслед за этим Генрих I предпринимает поход на Чехию и стремится превратить ее в подчиненную страну³⁸. Таким образом, перед нами явно агрессивная, завоевательная политика, направленная на превращение соседних восточных областей в податную территорию. Видукинд не скрывает, что политика саксонских феодалов, возглавляемых Генрихом I, вызвала ожесточенное сопротивление славянских племен, ответные удары и восстания. «Когда соседние народы, а именно: ободриты, вильцы, гавелы, далеминцы, чехи и редарии — были превращены Генрихом в податной люд, после того как установился уже мир, редарии совершили измени и, собравшись большой массой, предприняли атаку на город Велислав; взяв этот город, они стали брать в полон его жителей, количество которых было очень велико. После этого события поднялись все варварские народы, они вновь осмелились восставать»³⁹. Хронист подробно описывает решающую битву за град Ленцен в 929 г.; отдавая должное героизму славян, говорит, что те долго сдерживали наиск саксонского войска, однако вмешательство саксонской панцирной конницы принесло победу Генриху⁴⁰. В результате этой битвы было сломлено сопротивление полабских славян Генриху I. Полабославяне понесли громадные потери. «Были и такие, — говорит хронист, — которые говорили, что погибло 200 000 варвов».

³⁷ «Tali lege ac disciplina cum cives assuefaceret, repente irruit super Slavos qui dicuntur Hevelli, et multis eos preliis fatigans, demum hieme asperrima castris super glaciem positis, cepit urbem quae dicitur Brennaburg fame ferro frigore. Cumque illa urbe potitus omnem regionem, signa vertit contra Dalemantiam, abversus quam iam olim reliquit ei pater militiam; et obsidens urbem quae dicitur Gana, vicecessima tandem die cepit eum. Preda urbis militibus tradita, puberes omnes interfici, pueri ac puellae captivitati servatae». Wid., I, 35.

³⁸ «Post haec Pragam adiit cum omni exercitu, Boemiorum urbem, regemque eius in deditioinem accepit». Там же.

³⁹ «Quo facto omnes barbare nationes erectae, iterum rebellare ausae sunt». Wid., I, 36.

⁴⁰ «Ille vero prefectum cum quinquaginta armatis lateri hostilis inmisit et ordines conturbavit; ex hoc caedi fugaeque tota die hostes patebant. Cum ergo per omnes agros caederentur ad urbem vicinam fugere temptabant». Там же.

ров»⁴¹. В результате последующих, завершающих сражений против других племен (в 931 г. против ободритов, в 932 — сербских мильцев и лужичей, в 934 г. — лютицких укров) почти все полабославянские племена были превращены в податные. Итак, из Хроники мы узнаем, что: 1) глава саксонских феодалов и государства играл решающую роль на первом этапе восточной феодальной экспансии, посвятив этому целых семь лет; 2) восточная политика Генриха I велась с целью расширения сферы феодальной эксплуатации саксонских феодалов, составлявших ударную силу формирующегося Немецкого государства, о чем свидетельствует тот факт, что каждая победа сопровождалась наложением подати — трибута (о включении побежденных племен и их территорий в состав Немецкого государства на этой стадии речи еще не было); 3) восточные походы Генриха I велись «огнем и мечом» они сопровождались жестокими мерами полона, истребления побежденных, которых хронист рассматривает как «варваров», «язычников», т. е. как население, стоящее на более низкой стадии развития, чем саксы. О жестоких формах порабощения свидетельствует истребление гарнизона Ганы⁴², использование Генрихом отрядов воров, грабивших славян⁴³. Факты из истории завоевания, осуществлявшегося Генрихом I, неоднократно были предметом описания и характеристики историков. Марксистские авторы впервые отметили ее классовый характер⁴⁴.

Если первая книга Хроники Видукинда дает представление о начальном этапе восточной политики Немецкого государства в X в., то две другие ее книги рисуют еще более яркую картину при преемнике Генриха I — Оттоне I. Перемену на королевском престоле использовали подчиненные славянские народы и попытались вернуть свободное положение. С одной стороны, поднялись полабославяне, с другой стороны — в Чехии против пронемецкого короля Вацлава выступил Болеслав. Он убил своего брата Вацлава и выступил против Оттона I. «И так как он

⁴¹ «Nam sucre qui dicerent, barbarorum ducenta milia caesa». Там же.

⁴² Там же.

⁴³ «Rex quippe Heinricus cum esset satis severus extraneis, in omnibus causis erat clemens civibus; unde, quemcumque videbat furum aut latronum manu forte et bellis aptum, a debita poena ei parcabat, collocans in suburbano, Mesaburiorum, datis agris atque armis, iussit civibus guidem parcere in barbaros autem in quantum auderent, latocinra exercerent». Wld., II, 3.

⁴⁴ Впервые марксистскую классовую характеристику восточной политики саксонской династии еще в 30-х годах дал советский историк Н. П. Грацианский. См.: Н. П. Грацианский. Зазильские славяне в борьбе с немецкой агрессией в X—XII вв. «Исторический журнал», 1942, № 8. Этих вопросов касались затем советские историки, занимавшиеся историей полабославянских племен. Указание на литературу см.: Г. Э. Санчук. Некоторые вопросы..., стр. 261. Марксистская характеристика данного вопроса имеется: «Deutschland in der Feudalepoche...», S. 191.

(Болеслав.— Г. С.) весьма опасался соседнего подкороля и того, что тот подчинится распоряжениям саксов, то объявил ему войну»⁴⁵. Тогда против Болеслава выступили отряды саксов и тюдингов. Война Болеслава с Оттоном I приняла затяжной характер. Она длилась с 936 по 950 г.⁴⁶ Все, чего достиг еще Генрих I на востоке Немецкого государства, оказалось под угрозой. Оттон I был атакован сразу и полабославянами, и чехами. «Король же,— пишет хронист,— когда было получено известие такого рода, отнюдь не пришел в замешательство, а набравшись сил и пользуясь божественной благосклонностью, со всем войском вступил в пределы варваров для укрощения их жестокости»⁴⁷. Началась вторая фаза восточной экспансии саксонских феодалов.

Хроника Видукинда дает основание полагать, что восточная политика Оттона I хотя и являлась органическим продолжением политики Генриха I⁴⁸, однако приняла некоторые новые формы и ставила далеко идущие цели. Во главе саксонских феодалов, выступивших против славян, Оттон I поставил особо доверенных лиц — Биллунга и Гero⁴⁹. Первый направляет военные силы против редариев, второй — против лютичей. Олицетворением новых форм борьбы со славянами становится Гero, более двух десятилетий посвятивший вооруженной борьбе с восточными славянами. О новых формах борьбы узнаем из главы 2-й книги Хроники Видукинда. «Однако варвары, возгордившиеся в связи с нашими неудачами и не прекращавшие поджогов, убийств и опустошений, задумали коварно устраниТЬ Гero, поставленного королем во главе их. Сам Гero предупредил их замысел своей хитростью и за одну ночь уничтожил около 30 князей варваров, когда те были приглашены им на роскошный пир и заснули после вина»⁵⁰. Саксонские предводители вынуждены, как видим, использовать хитрость. Коварство Гero вызвало новую волну сопротивления полабославян. «Тем не менее варвары предпочитали войну миру, они пренебрегали любыми

⁴⁵ «...Boleslaf... timensque sibi vicinum subregulum, eo quod peruisset imperiis Saxonum, indixit ei bellum». Wid., II, 3.

⁴⁶ «Perduravitque illud bellum usque ad quartum decimum regis imperii annum». Там же.

⁴⁷ «Rex autem, auditio huiusmodi nuntio, minime turbatur, sed olinina virtutte raboratus cum omni exercitu intrat terminos barbarorum ad refrenandam illorum saevitiam». Wid., II, 4.

⁴⁸ Н. Вартум. Указ. соч., стр. 186.

⁴⁹ «...elegit ad hoc officium virum nobilem et industrium satisque prudentem nomine Herimannum». Wid., II, 4.

⁵⁰ «Barbari autem labore nostro elati, nusquam ab incendio, caede ac depopulatione vacabant, Geronomque, quem sibi rex prefecerat, cum dolo perimere cogitant. Ipse dolum dolo preoccupans, convivio claro delibulos ac vino sepultos ad triginta fere principum barbarorum una nocte extinxit». Wid., II, 20.

лишениями во имя дорогой им свободы. Ибо род людей этот закаленный, могущий переносить испытания, привык к самой скучной пище, и то, что для наших людей представляется тяжким бременем, славянами воспринимается как удовольствие. Ведь действительно, прошло много времени, а борьба шла с переменным успехом, эти (саксы.—Г. С.) боролись за славу и великую и обширную державу, а те (славяне.—Г. С.) — за свободу, против величайшего рабства»⁵¹.

Восставшие славяне стали одерживать победы. Оттон I был вынужден лично возглавить поход против них. Но и он не смог одолеть славян в открытой войне. Тогда Оттон I прибег к хитрости. Был подкуплен князь гавелов Тугомир. Только с помощью предательства Тугомира саксонским феодалам удалось подчинить немецкому феодальному господству славянские области до Одера. «После того как это произошло, все варварские племена вплоть до реки Одер... были подчинены и обложены королевской податью»⁵².

При Оттоне I раннефеодальное Немецкое государство продолжало агрессию в еще больших размерах, чем при Генрихе I. Годы правления Оттона I (936—972) наполнены героической борьбой славян. 954—963 годы были годами упорного сопротивления славянских народов. Когда после битвы у Лехвельда войско немецких феодалов вошло в страну лютичей, к Оттону I явилось посольство от славян с предложением воздержаться от войны. Славяне согласились сохранить существовавшие при Генрихе I отношения с Немецким государством и платить дань (трибут) с условием, что своими делами они будут распоряжаться самостоятельно, иначе говоря, они требовали государственной независимости. Однако предложение было отвергнуто Оттоном I. Видукинд пишет: «Прибыло посольство от варваров, которое заявило, что [славяне] хотят платить дань, согласно обычаю, как союзники, а в остальном они хотят сохранить власть в [своей] области; они хотят мира на условиях такого договора, в противном случае они будут бороться с оружием за свободу. Император ответил, что он николько не отказывается от мира с ними, однако [этот мир] он не может им дать на любых условиях, [он может его дать] лишь в том случае, если они искусят причиненное злодеяние достойным вознаграждением и на-

⁵¹ «Illi vero nihilominus bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam caraem libertati postponentes. Est namque huiuscmodi genus hominum durum et laboris patiens, victu levissimo assuetum, et quod nostris gravi oneri esse solet, Slavi pro quadam voluptate ducunt. Transeunt sane dies plurimi, his pro gloria et pro mago latoque imperio, illis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus». Там же.

⁵² «Quo facto, omnes barbarae nationes usque in Oderam fluvium simili modo tributis regalibus se subiugarunt». Wid., II, 21.

казанием: он повел войско через их области, опустошая и сжигая все [на своем пути], пока, наконец, не разбил лагерь на реке Рексе, которая была [здесь] трудна для перехода из-за болота, [здесь] он был окружён врагами»⁵³.

Можно думать, что Оттон I не удовлетворялся уже взиманием дани, он покорял славянские области, стремясь непосредственно включить их в свое государство. Завоевание обширных полабославянских земель шло с большим трудом. Победа у Рексы не привела к желаемой цели. Лютичи и ободриты оказывали упорное сопротивление. В 957, 959 и 960 гг. Оттон I предпринял новые походы. В упорной, жестокой борьбе были подчинены господству немецких феодалов сорбские племена.

Правление Оттона I в области восточной политики немецких феодалов ознаменовалось, как видим, продолжением политики Генриха I и стремлением лишить многие славянские племена и их раннефеодальные государственные союзы независимости, включить их в систему раннефеодальной немецкой государственности. К концу правления Оттона I державе Оттонов удалось достичь значительных успехов, включив многие ранее независимые славянские племена в Немецкое государство.

Можно сказать, что саксонский хронист Видукинд отразил в своем труде основные этапы феодальной экспансионистской политики Немецкого государства до 70-х годов X в.

Как воспринимал и осмысливал Видукинд эту политику, как идеологически он ее оправдывал?

Видукинд выступает идеологом раннефеодального Немецкого государства, создает свою концепцию немецкой государственности, которая дает ему основание рассматривать экспансионистскую восточную политику Генриха I и Оттона I как закономерное явление. Как было уже сказано, славянский мир он рассматривает как низший, поскольку он представлен варварскими племенами (*barbares nationes*) и язычниками (*pagani*). Немецкое государство, которое, по Видукинду, олицетворено в саксах, является высшей формацией, а сами саксы — древний и благородный народ. Для мотивировки этого хронист прибегает к исторической аргументации. Он воспевает древнюю родословную саксов, подчеркивает родство саксов с англосаксами⁵⁴. Вме-

⁵³ «Aderat et legatio barbarorum, tributa socios ex more velle persolvere munificans; cacterum dominationem regionis velle tenere; hoc pacto pacem velle, alioquin pro libertate armis certare. Imperator ab haec respondit, pacem quidem eis nequaquam negare, ed omnimodis dare non posse, nisi iniuriam perpetrata digno honore ac emendatione purgarent; omniaque vastando et incendendo per illas regiones duxit exercitum, donec tandem, castris positis super Rexam fluvium ad transmeandum paludibus difficillimum, ab hastibus circ...», Wid., I.

⁵⁴ «Dum ea geruntum apud Saxoniam quae ita modo vocitatur, Britannia, a Vespasiano principe iam olim inter provincias redacta et sub clientela Ro-

сте с тем хронист подчеркивает, что саксы равноправны с франками. Идея государственной преемственности от франков к саксам выражена Видукиндом в форме рассказа о передаче франками останков св. Вита саксам, в связи с чем «высшее благо» государства перешло к саксам⁵⁵. А если саксы — преемники франков и обладатели «государственного блага» и останков св. Вита, то в борьбе со славянами божья правда на их стороне, бог им покровительствует⁵⁶. Борьба саксов — христиан против славян — варваров и язычников оправдывается Видукиндом этническим и историческим превосходством саксов. Заявляя о покровительстве бога, хронист не развел идею миссионерской деятельности. Позднее это сделает Титмар Мерзебургский.

Главное у Видукинда в государственной мотивировке. Видукинд формулирует понятие высшего государственного идеала, каковым, по его представлению, является «мир» (rāx) — высшая государственная цель, достигаемая методом насилия. Наведение феодального порядка и «мира» — задача немецких феодалов. Бруно I правит в Лотарингии по поручению Оттона I и добивается «замирения» страны благодаря установлению такого мира. «Когда король (Оттон I.— Г.С.) поставил его (Бруно.— Г. С.) во главе неукротимого народа Лотарингии, тот очистил страну от разбойников и воспитал их в таком духе законности, что величайший порядок и мир восторжествовали в этой стране»⁵⁷. Как идеолог саксонских государей, Видукинд вкладывает в понятие мира феодальный смысл и руководствуется классовыми интересами⁵⁸. Согласно Видукинду, — установление «мира» и есть то «высшее благо», которое покинуло франков и перешло к саксам с передачей им реликвии св. Вита. Подавле-

manorum multo tempore utiliter degens, a vicinis nationibus inpugnatur eo quod auxilio Romanorum destituta videretur». Wid., I, 8.

⁵⁵ «Hanc partem unici solatii Francorum Galliam inhabitantium, postquam nos deseruit insignis martyr Vitus ad nostram perniciem vestramque perpetuam pacem Saxoniam visitavit, communicare tecum maluit». Wid., I, 33; «Inde regnante Hluthowico imperatore translatae sunt in Saxoniam, et ut legatus Karoli confessus est, ex hoc res Francorum coeperunt minui, Saxonum vero crescere, donec dilatae ipsa sua iam mangitudine laborant, ut videmus in amore mundi et totius orbis capite...», Wid., I, 34.

⁵⁶ At nunc. propitia nobis summa Divinitate, nostro labore, vestra virtute, patatum collectimque cernitis, barbaros superatos et servituti subiectos». Wid., I, 38; Illis est sola pro muro audatia, nobis spes et protectio divina». Wid., III, 46.

⁵⁷ «Quem cum rex prefecisset genti indomitae Lothariorum, regionum a latronibus purgavit et in tautum disciplina legali instruxi, ut summa ratio summaque pax illis in partibus locum tenerent». Wid., II, 36. См.: Н. Веумапп. Указ. соч., стр. 210.

⁵⁸ Классовое существо концепции «мира» не раскрывается в указанной работе Беумана, как, впрочем, и во многих других, авторы которых обращали внимание на эту формулу. Литературу по этому вопросу приводит Беуман: Н. Веумапп. Указ. соч., стр. 206.

ние любого мятежа внутри государства освящается идеей рах'а⁵⁹. Во имя утверждения и расширения феодального порядка и «мира» саксонские государи — Генрих I и Оттон I, согласно Видукинду, борются за славу своего народа, гегемонию его над другими народами. Саксы борются со славянами во имя «славы и величия» своего порядка и государства⁶⁰. Генрих I стремится к возвышению своего народа. «Когда речь шла о возвышении его народа, то почти совсем не было такого человека среди известных во всей Саксонии, которого он (Генрих.— Г. С.) не одарил бы значительным подарком, должностью или каким-либо пожалованием»⁶¹.

Задачей саксонских государей было расширение власти в размерах, которые «предопределяет один бог»⁶². Прославление своего феодального рода и феодального государства — задача *glorificare gentem* (прославление рода, народа) и установление «великой и обширной власти» (*magnum latumque imperium*) — таковы средства достижения порядка и «мира» — рах'а внутри и вне государства. Порядок этот саксы несут силой меча. Ведь само название «сакс», напоминает Видукинд, означает, «нож», «...саксы поэтому так и называются, поскольку мечами они повергли великое множество»⁶³. Поэтому «славные саксы стали внушать чрезвычайный страх соседним народам»⁶⁴.

Как видим, Видукинд переносит на феодальную саксонскую почву римскую идею рах *Romana*, представление об *imperium Romani* как сфере власти, обретенной вследствие покорения внешнего сопротивления. Саксония Генриха I и Оттона I уподобляется государству, подвластные территории которого — результат умиротворения силой оружия⁶⁵.

Видукинд формирует идеологические посылки для провозглашения идеи борьбы саксов за гегемонию над остальными народами Европы. Это выражается в формуле: «Саксония — владыка многих народов»⁶⁶. В этих словах — основа для специ-

⁵⁹ Это отражено во многих местах Хроники Видукинда. См.: Wid., II, 4; II, 11; II, 75 и др.

⁶⁰ «...his pro gloria et pro magno latoque imperio». Wid., II, 20.

⁶¹ «Cumque esset in exaltando gentem suam, rarus fuit aut nullus nominatorum virorum in omni Saxoniam, quem preclaro munere aut officio vel aliqua quiescenza non promoveret». Wid., I, 39.

⁶² Генрих I оставил Оттону I «magnum latumque imperium, non a patribus sibi relicturn, sed per semet ipsum adquisitum et a solo Deo concessum». Wid., I, 41.

⁶³ «Cultelli enim nostra lingua «sahs» dicuntur, ideoque Saxones nuncupatos, quia cultellis tantum multitudinem fudissent». Wid., I, 7.

⁶⁴ «Saxones clari existere et nimium terrorem vicinis gentibus incutere coeperunt». Wid., I, 6.

⁶⁵ К вопросу рецепции идеи рах *Romana* у Видукинда подробнее см.: Н. Вейман и др. Указ. соч., стр. 213.

⁶⁶ «Saxonia multorum gentium, domina». Wid., I, 34.

фической трактовки понятия «император» (*imperator*). В «Деяниях саксов» ничего не сказано об имперской коронации Оттона I, понятие римской имперской власти не развернуто. Тем не менее по отношению к Оттону I и по отношению к его предшественнику — Генриху I Видукинд применяет название «*imperator*». В это понятие он вкладывает особый классовый смысл. «Императорское достоинство... является единственным рулевым справедливости и образцом правоты»⁶⁷. Под императором он понимает повелителя других народов. Поэтому Конрад I, передавая королевскую власть Генриху I, предрекает, что тот будет «императором многих народов»⁶⁸.

Согласно Видукинду, Генриха I провозгласило императором войско. После победы над венграми «войско затем провозгласило его отцом отечества, повелителем и императором, славу с могуществе и доблести распространило над всеми народами и королями далеко во все стороны»⁶⁹. Хотя Видукинд, как сказано, не упоминает о римской коронации Оттона I, тем не менее последний тоже выступает у него как император. Оттон I, «ставший славным благодаря великолепному триумфу, был провозглашен войском отцом отечества и императором»⁷⁰.

Понятию императора у Видукинда уделено много внимания. В литературе вопроса подчеркивалось, что такая «неримская трактовка» этого сюжета была свойственна и другим хронистам⁷¹. Для нас важно подчеркнуть, что Видукинд включил понятие императора как покорителя других народов в свою концепцию государственной власти.

Подведем итог.

Автор «Деяния саксов» выступает идеологом господствующего класса — саксонских феодалов. Восточную агрессивную политику этого класса он полностью оправдывает. В славянских народах видит варваров и язычников, хотя и отдает должное их героизму. Восточная политика саксов находит идеологическое оправдание в концепции государственности, созданной Видукинтом и продиктованной его классовыми позициями. Государство Генриха I и Оттона I рисуется им как божественное учреждение, сопротивление которому как со стороны внут-

⁶⁷ «...imperiale decus... unum institiae moderamen est normaque rectitudinis». Wid., III, Praef.

⁶⁸ «...ipse enim vere rex erit et imperatorque ab exercitu appellatus, famam potentiae virtutisque cunctis gentibus et regibus longe lateque diffudit». Wid., I, 39.

⁶⁹ «Deinde pater patriae rerum dominus imperatorque ab exercitu appellatus, famam potentiae virtutisque cunctis gentibus et regibus longe lateque diffudit». Wid., I, 39.

⁷⁰ «Triumpho celebris rex factus gloriosus, ab exercitu pater patriae imperatorque appellatus est». Wid., III, 49.

⁷¹ См.: Н. Вейманн. Указ. соч., стр. 23.

ренних, так и внешних врагов карается мечом. Поэтому жестокие методы борьбы против славян, именуемых хронистом варварами, в его глазах оправданы. Восточной политике саксов покровительствует бог. Эта политика оправдана исторически, поскольку саксы — преемники государственной власти Франкской империи. Она оправдана, согласно Видукинду, идеологически, поскольку саксонские феодалы и их государи призваны установить «феодальный мир», который органически включает в себя понятие гегемонии над другими народами. Установить гегемонию путем завоевания призваны саксонские короли, полнота власти которых определяется не римской коронацией, а идеей «умиротворения» соседних народов, идеей насилиственного насаждения саксонского феодального «мира». Для осуществления этого допустимы все средства, включая лишение государственной независимости.

М. Н. ЧЕРНЫХ

ВКЛАД Ю. МАРХЛЕВСКОГО И Р. ЛЮКСЕМБУРГ
В РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКО-РУССКИХ
И НЕМЕЦКО-ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Славяно-германские культурные связи в период капитализма развивались стихийно. Их можно сравнить с потоком, который слагался из тысячи отдельных актов ознакомления одной нации с произведениями другой в различных областях литературы, искусства и науки.

В конце XIX и в начале XX в. культурные связи между Германией и славянскими народами наиболее развитыми представляются в области художественной литературы. Получая широкое распространение в различных слоях общества, литературно-художественные произведения в определенной степени способствовали формированию германского народа представления о жизни и деятельности славянских народов, об их стремлениях, национальном характере и т. д.

Во всем том процессе, в результате которого литературное произведение так или иначе становилось достоянием германской читающей публики, главная роль принадлежала представителям интеллигенции, зачастую далеко отстоявшим от чисто литературной среды. Мировоззрение, социально-политические и художественные взгляды этих представителей интеллигенции, а также их уровень понимания важности культурных связей в международных взаимоотношениях во многом определяли форму и содержание обмена между народами в области художественной литературы.

Изучение славяно-германских связей в этом плане имеет многочисленные аспекты. С точки зрения историка представляют наибольший интерес вопросы о том, какие силы участвовали в развитии этих связей, в каком объеме, направлении они действовали и т. д.

Развитие культурных связей находится в непосредственной зависимости от социально-политических условий, в которых складываются взаимоотношения между странами.

В конце XIX и в первое десятилетие XX в. условия для культурного обмена между Россией и Германией были сравнительно благоприятными, так как отношения между странами носили мирный характер и внешне выглядели даже дружескими. Однако уже начали возникать дипломатические обострения, которые вызывались нараставшими противоречиями империалистического характера. Для Германии это был период подготовки всех сфер государства, в том числе и духовной, к войне за европейское господство. Объективно пособниками правящих кругов в этом стали и руководители германской социал-демократии. В результате проводившейся политики, направленной на удовлетворение временных интересов рабочего класса в ущерб его коренным задачам, социал-демократические лидеры неизбежно пришли к полному одобрению империалистической внешней политики господствующих классов, завершив его предательством пролетарского интернационализма в период первой мировой войны.

Но в германской социал-демократии существовали деятели, которые, несмотря на серьезную ошибочность некоторых своих взглядов на теорию и практику рабочего движения, стремились сохранить верность революционному марксизму. Именно к этой группе, в которую входили Карл Либкнехт, Франц Меринг, Клара Цеткин и др., принадлежали Роза Люксембург и Юлиан Мархлевский.

В личных судьбах Ю. Мархлевского и Р. Люксембург много общего. Оба они родились в Польше, в той ее части, которая входила в состав России. Оба в ранней юности стали участниками польского революционного движения и вскоре из-за преследований полиции вынуждены были покинуть страну. После окончания Цюрихского университета (Ю. Мархлевский — в конце 1896 г., Р. Люксембург — в 1897 г.) поселились в Германии. Германия привлекла их силой рабочего движения, революционное развитие которого могло бы стать важным фактором социальных преобразований в Европе.

Ю. Мархлевский и Р. Люксембург развернули в Германии многостороннюю революционную деятельность. Не теряя связей с польским и русским рабочим движением, они активно включились в жизнь германской социал-демократии. Одними из первых они заметили опасность распространения в ее среде оппортунизма и повели против него настойчивую борьбу. Отдавая все силы и знания революционной борьбе пролетариата, Ю. Мархлевский и Р. Люксембург уделяли также внимание и проблемам культуры, видя ее непосредственную связь с задачами рабочего класса. В частности, они способствовали развитию славяно-германского культурного обмена в области художественной литературы. В этом не последнюю роль сыграли их личные качества: развитое чувство прекрасного, тонкий

художественный вкус, а также знание языков и литературы трех стран — России, Польши, Германии.

Данная статья ставит своей целью осветить деятельность Ю. Мархлевского по изданию славянской литературы в Германии, а также рассмотреть опубликованные в германской социал-демократической прессе литературно-критические статьи Р. Люксембург, посвященные русским писателям и великому польскому поэту А. Мицкевичу; на основе этого постараться определить отношение представителей левой международной социал-демократии к проблеме славяно-германских культурных связей и установить, решению каких конкретных вопросов международного революционного движения способствовала их деятельность, направленная на культурное сближение немецкого народа с русским и польским народами.

Своебразную страницу в историю развития культурных славяно-германских связей вписал Юлиан Мархлевский.

С середины 1902 г. он возглавил основанное при его участии в том же году в Мюнхене, крупном культурном центре Германии, Издательство славянской и северной литературы, которое просуществовало приблизительно до конца 1905 г.¹ К этому времени славянская литература, и прежде всего русская, занимала прочное место на книжном рынке Германии. Немецкому читателю были известны и пользовались у него успехом произведения Тургенева, Толстого, Достоевского и др. Однако большинство немецких издателей русской и польской литературы в своей деятельности руководствовались чисто коммерческими целями. Поэтому они выпускали в свет далеко не всегда лучшие произведения литературы этих народов и мало заботились о качестве выполненных переводов, в результате чего в текстах часто имели место серьезные искажения, сокращения и т. д. На этом фоне резко выделялась деятельность Издательства славянской и северной литературы, осознавшего свою культурную миссию в общественной жизни страны. В этом была огромная заслуга Мархлевского. Не ослабляя своей партийной и публицистической деятельности², Ю. Мархлевский

¹ О возникновении издательства см.: J. Marchlewski. Listy do Stefana Żeromskiego i Władysława Orkana. Kraków, 1953, str. 12—14, а также: Feliks Tych, Horst Schumacher. Julian Marchlewski. Warszawa, 1966, str. 122—123.

² В 1903 г. Ю. Мархлевский принял участие в работе IV съезда СДКПиЛ, проходившего в Берлине, сотрудничал в главной партийной газете «Червонный штандарт». С середины 1902 по 1904 г. включительно он опубликовал в немецкой социал-демократической газете «Лейпцигер фольксцайтунг» и в польских газетах и журналах «Правда» и «Пшеглёнд социал-демократичны» более 180 статей, освещавших явления, характерные для империалистической стадии капитализма: концентрацию производства и банковского капитала, влияние монополий и банков на государственную политику, вывоз капитала, колониальный вопрос, а также положение рабочего класса

уделил чрезвычайно много сил и времени работе этого издательства. Об этом свидетельствуют письма Ю. Мархлевского к польским писателям Стефану Жеромскому и Владиславу Оркану, а также его переписка с книгоиздательским товариществом «Знание» в Петербурге. Ю. Мархлевский сам заключал договоры с писателями, переводчиками и художниками, сам проверял качество переводов и следил за всем издательским процессом.

В письме к Ст. Жеромскому от 27 июля 1902 г. Мархлевский так писал о целях только что созданного издательства: «Это предприятие основано с целью издания на немецком, французском, английском, итальянском языках польских и русских художественных произведений на условиях, обеспечивающих авторам гонорар от переводов³. Мы поставили перед собой цель — познакомить Западную Европу со славянской литературой, которой она до сих пор не знает хотя бы уже потому, что вопрос о переводах до сих пор для издателя являлся делом совершенно второстепенным. Случайно переводилось либо то, либо другое, без разбора, без общего плана; к тому же переводы чаще всего были прямо-таки скандальными, нелитературными⁴. Как видим, деятельность издательства была сознательно подчинена серьезным задачам культурного сотрудничества между германским и славянскими народами.

В своей издательской деятельности Ю. Мархлевский тесно сотрудничал с русским книгоиздательством «Знание», которое

в различных странах, взаимоотношения стран и другие проблемы текущего момента.

³ В связи с тем, что Россия вместе с Королевством Польским не подписала Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, принятой девятью странами 9 сентября 1886 г. (см.: Д. Сиджанский, С. Кастанос. Международная охрана авторского права. М., 1958, стр. 71—118), немецкие издатели имели возможность издавать в Германии произведения русских и польских писателей без разрешения на то автора и без выплаты ему гонорара. Такое положение вело к процветанию книжного «пиарства» в издательском мире Германии.

Издательство, возглавляемое Ю. Мархлевским, для защиты авторских прав славянских писателей решило использовать статью 6 конвенции, которая гласила: «Авторы, не являющиеся гражданами какой-то страны Союза (стран, подписавших конвенцию.— М. Ч.) и бывающие выпускающие в свет произведения в одной из таких стран, пользующиеся в этой стране такими же правами, как авторы, состоящие ее гражданами, а в других странах Союза — правами, предоставляемыми настоящей конвенцией» (Д. Сиджанский, С. Кастанос. Указ. соч., стр. 78). Поэтому, чтобы обеспечить автору право на получение гонорара с переводов, а издательству — возможность стать первым переводчиком и издателем его произведений на немецком языке, издательство должно было до выхода этих произведений в России выпустить их в Германии соответственно на русском или польском языке в количестве 100 экземпляров. Доход, который фирма Мархлевского надеялась получить от издания этих произведений на немецком языке, она предполагала использовать на партийные нужды.

⁴ J. Marchlewski. Указ. соч., стр. 35.

с осени 1900 г. возглавил А. М. Горький. «Знание» издавало произведения лучших демократических писателей своего времени, поддерживало связь с РСДРП, выпуская для него социалистическую литературу. Вскоре после основания издательства Ю. Мархлевский заключил ряд договоров со «Знанием». В сохранившемся проекте одного из договоров первый параграф гласил: «Фирма „Мархлевский и К°“ обязывается печатать за границей на русском, немецком, семи других языках, переводить и издавать все указанные ей для этой цели т-вом „Знание“ произведения русской литературы»⁵.

В копиях писем директора-распорядителя издательства «Знание» К. Пятницкого Ю. Мархлевскому имеются замечания о том, что уже в августе 1902 г. последний заключил договоры на публикацию произведений с писателями С. Скитальцем, Л. Андреевым, А. М. Пешковым⁶.

В отношении А. М. Горького договор касался пьесы «На дне». К. Пятницкий писал: «По поручению писателя Максима Горького подтверждаю, что право собственности на пьесу „На дне“ вне России передано автором на пять лет фирме Мархлевского»⁷. Урегулирование сроков по выходу этой пьесы в заграничном издании с постановкой ее на русской сцене потребовало немало усилий от Ю. Мархлевского⁸. Однако все хлопоты увенчались успехом.

В письме к Вл. Оркану от 23 февраля 1903 г. Ю. Мархлевский писал: «„На дне жизни“ Горького пошла сказочно, а успех повлек за собой страшно много работы. Эту драму играют в Берлине, в течение месяца она не сходит со сцены, театр ежедневно полон; у нас уже заключены контракты с целым рядом немецких театров»⁹.

⁵ Архив А. М. Горького, фонд изд-ва «Знание».

⁶ Там же, Птл, 13-59-1, 80687.

⁷ Там же.

⁸ В декабре 1902 г. К. Пятницкий писал А. М. Горькому: «После разговора с Вами я телеграфировал Мархлевскому: „Выпустайте пьесу возможно скорее“. Мне ответили: „Выпустим восемнадцатого, немецкий перевод выйдет неделей позже“.

Из Петербурга я дал новую телеграмму: „Постарайтесь выпустить до пятнадцатого“. В это время в руках Мархлевского было письмо, где подробно изложены все обстоятельства. Он знал уже, что в Москве пьеса идет 15—17 декабря. Об этом было сказано еще в первой моей телеграмме, которая была гораздо длиннее и подробнее, чем изложено здесь. На вторую телеграмму М. ответил: „Невозможно — вследствие совпадения с рождественскими праздниками“. Итак, пьеса выйдет 18-го.

Следовательно, в России можно выпустить не раньше 23-го. Неделю книга лежит в цензуре. Значит, не следует подавать пьесу в цензуру раньше 16 декабря. Может быть, следовало бы пропустить еще 2—3 дня, чтобы промежуток между заграничным и русским изданием был побольше» (Архив А. М. Горького, КГП, 63-1-15).

⁹ J. M a r c h l e w s k i . Указ. соч., стр. 97.

Автору статьи не удалось обнаружить непосредственной переписки между А. М. Горьким и Ю. Мархлевским. Однако переписка Горького с Пятницким убеждает в том, что Горький был в курсе всех событий, связанных с издательством Мархлевского. В своих письмах он неоднократно упоминал это издательство, а также давал рекомендации для него¹⁰.

В течение 1903 и 1904 гг. издательство Мархлевского выпустило довольно значительное количество книг — сорок восемь названий¹¹.

Из них русских книг на немецком языке за два года вышло 10, польских — 8. Это произведения Горького, Бунина, Вересаева, Короленко, Успенского, Л. Андреева, Чирикова, Скитальца, Юшкевича и Жеромского, Дыгасиньского, Новачинского, Пшерва-Тетмайера, Пшибышевского, Серошевского. Названные имена свидетельствуют о том, что Ю. Мархлевский посвятил свою деятельность изданию произведений современных ему русской и польской литературы. Эта задача была трудной и ответственной. Она требовала широты и чуткости в понимании художественной литературы. То, что большинство указанных писателей оставили заметный след в отечественных литературах, а некоторые из них приобрели мировую славу, доказывает, что Ю. Мархлевский блестяще справился с этой задачей.

Суть литературного кредо, которым руководствовался в своей издательской деятельности Ю. Мархлевский, можно усмотреть в его письме к Вл. Оркану. Он писал: «... я желал бы от души, чтобы в будущем романе, который Вы нам подарите, изображение великих битв и социальной борьбы приобрело бы еще более совершенную форму. Но я вижу, что даю повод к недоразумению. Вы готовы заподозрить меня в том, что мне нужен „тенденциозный роман“. Нет, я не хотел бы в Ваших глазах выглядеть таким болваном! Речь идет не о тенденции, а только о том, что произведение искусства не становилось предметом роскоши, развлечением для литературных гурманов, а чтобы оно возвышалось над жизнью, было самой жизнью, чтобы оно будило усыпленные чувства. Не политическим или общественным агитатором я хотел бы видеть писателя, а мастером, который вкладывает в головы масс мысль о том, что человеком является только тот, кого трогают за живое людские судьбы, а они не замыкаются в сфере личных чувств и индивидуальных переживаний»¹².

Таким образом, Ю. Мархлевский придавал большое значение

¹⁰ См.: «Архив А. М. Горького», т. IV, М., 1954, стр. 103, 120, 122, 125, 127, 136, 142—143, 149, 170, 194, 314, 316, 323, 325, 344.

¹¹ J. M a r c h l e w s k i . Указ. соч., стр. 149—151.

¹² Там же, стр. 92.

ние общественно-социальным качествам литературного произведения, однако при этом он не оставался равнодушным к его художественным достоинствам. Недаром он большое внимание уделял переводу, его качеству. Письма Ю. Мархлевского содержат многочисленные высказывания по поводу переводов и упреки в адрес переводчиков. Требуя от переводчика добросовестности, знания языка, он также хотел, чтобы переводчик сам чутко реагировал на поэзию переводимого произведения и умел бы мастерски на немецком языке передать очарование славянских языков.

Издавая книги, Ю. Мархлевский учтывал специфику восприятия иностранной литературы. Он считал необходимым при переводе дополнять некоторые фразы, особенно те, которые содержат намек, трудно уловимый для иностранца, а также вводить комментарии, поясняющие не только неизвестные названия, фамилии, но и события, имеющие национальное значение. Мысли об этом высказаны в письме к Стефану Жеромскому¹³. Понимая, что и от восприятия национально-специфических черт того или иного произведения зависит успех писателя, Ю. Мархлевский придерживался определенной тактики в издании книг. Высказывая свое мнение об издании «Бездомных людей» Жеромского, он писал: «В отношении „Бездомных людей“ Признаюсь откровенно — я боюсь. Боюсь: 1) перевода, здесь уже надо переводить мастерски; 2) поскольку произведение посвящено исключительно нашим отношениям, то оно будет малопонятным, все тонкости исчезнут для иностранца. Поэтому я советую по возможности издать их после „Пепла“. Этот роман должен иметь успех, после него и „Бездомные“ будут лучше восприняты»¹⁴.

Появление на книжном рынке произведений русских и польских писателей еще не решало проблемы знакомства немецкого читателя с ними. Иностранная, т. е. русская или польская, книга может привлечь более широкий круг читателей, когда ей должное внимание окажет критика, т. е. когда будет организована пропаганда книги. В письмах встречаются упоминания о том, что Ю. Мархлевский рассыпал книги известным критикам и просил их выступить в печати по поводу этих произведений¹⁵.

Однако на пути пропаганды славянской литературы, особенно польской, Ю. Мархлевскому пришлось столкнуться с немалыми трудностями. В письме к Стефану Жеромскому от 26 ноября 1904 г. он писал: «Констатирую факт: некий господин Шольц, которому „Пепел“ чрезвычайно понравился, напи-

¹³ J. Marchlewski. Указ. соч., стр. 72—73.

¹⁴ Там же, стр. 47.

¹⁵ Там же, стр. 81.

сал критическую статью в „Берлинер тагеблатт“, но, несмотря на то, что это известный литератор „со связями“, его статью не приняли; причина — ХКТ¹⁶. В письме к Вл. Оркану, написанном почти в то же самое время, в отношении пьесы «Для счастья» Пшибышевского есть такие слова: «...переговоры с другими театрами идут очень туго. Все чаще у меня возникает опасение, что директора театров испытывают страх перед хакатизмом, и отсюда антипатия ко всем польским произведениям»¹⁷.

Эти факты, с одной стороны, наглядно убеждают в том, что характер социально-политических отношений между странами непосредственно влияет на развитие культурных связей между ними. Так, германские правящие круги, угнетая польский народ, препятствовали знакомству немецкого народа с польской культурой и тем самым препятствовали пробуждению чувств уважения и симпатии к польскому народу. С другой стороны — эти факты позволяют оценить большое общественно-политическое значение издательской деятельности Ю. Мархлевского.

По письмам также можно проследить, как серьезно относился Ю. Мархлевский к оформлению книг — к иллюстрациям, обложке, заставкам и т. д., стараясь с их помощью приблизить книгу к читателю¹⁸.

В число изданных Ю. Мархлевским художественных произведений входили и пьесы. Выпустив их, Ю. Мархлевский заботился о дальнейшей судьбе этих пьес, всячески стремился продвинуть их на немецкую театральную сцену. Так, пьеса Горького «На дне» была принята к постановке в берлинском театре, а затем огромный успех, который она имела, позволил заключить контракты с рядом других немецких театров. Переговоры с театрами Ю. Мархлевский вел также относительно пьес Пшибышевского «Для счастья» и Орканы «Преступления и наказания»¹⁹.

На основе этих упоминаемых в письмах фактов можно говорить о том, что Ю. Мархлевский предпринимал, правда, не всегда завершившиеся успешно чрезвычайно активные попытки пропагандировать славянскую культуру и по линии немецкого театра.

В одном из своих писем Ю. Мархлевский писал, что «наше предприятие хромает на капиталистическом пункте». Издатель-

¹⁶ Там же, стр. 85. Сокращение ХКТ происходит от первых букв фамилий основателей Союза восточных земель — Хацеманна, Кеннеманна, Тидеманна, выступавших за уничтожение польской нации.

¹⁷ Там же, стр. 114.

¹⁸ Там же, стр. 59, 69, 77.

¹⁹ Там же, стр. 113, 115—119.

ству не хватало капиталов, оно не выдерживало конкуренции с издательствами «пиратами». Из-за этого нужную и важную в международном масштабе работу пришлось прекратить. В 1905 г. издательство закрылось.

Переписка Ю. Мархлевского с польскими писателями и книгоиздательством «Знание» не в полной степени отражает очень кропотливый и хлопотный издательский труд Ю. Мархлевского. Но и то, что удалось проследить по ней, свидетельствует о том, что исключительная добросовестность, ответственность и даже определенный артистизм отличали работу издательства, возглавляемого Ю. Мархлевским. Она также убеждает в том, что Ю. Мархлевский рассматривал свою издательскую деятельность как важный фактор общественной жизни Германии и славяно-германского культурного сотрудничества.

В целом издательскую деятельность Ю. Мархлевского, хотя и кратковременную, можно рассматривать как замечательный, смелый практический приступ к решению большой задачи по планомерному и направленному на сближение народов развитию культурных славяно-германских связей.

Немалую роль в пробуждении и увеличении интереса к славянским писателям играли литературно-критические статьи. Эти статьи являлись для немецкого читателя, с одной стороны, информацией, которая наталкивала его на мысль познакомиться с тем или иным писателем, с другой стороны — они заставляли глубже осмыслить прочитанное, почувствовать славянскую самобытность, увидеть через призму художественного произведения черты существующей действительности славянских народов.

Все это указывает на большую значимость такой формы культурного обмена между народами.

В германской социал-демократической печати несколько литературно-критических статей, посвященных славянским писателям, опубликовала Роза Люксембург. Ее статьи, отличающиеся яркостью и глубиной мысли, с позиций революционной эстетики готовили немецкого читателя к восприятию славянской литературы, знакомили его со многими сторонами общественной жизни России того времени.

Первая литературно-критическая статья Р. Люксембург была напечатана 24 декабря 1898 г. в «Лейпцигер фольксцейтунг». Она была посвящена А. Мицкевичу в связи со столетней годовщиной со дня его рождения. Как явствует из писем Р. Люксембург к Яну Тышке, статья об А. Мицкевиче была заказана редактором вышеназванной газеты²⁰. Р. Люксембург согласилась написать статью, так как видела в ней «польскую тему», «важную для Германии»²¹, тем более что

²⁰ «Z pola walki», 1964, № 4 (20), str. 174.

²¹ Там же, стр. 177.

юбилею Мицкевича' большое внимание уделила буржуазная пресса. В этой статье Р. Люксембург назвала А. Мицкевича одним «из величайших поэтов мира», который в своем творчестве, достигшем вершин в главных произведениях — «Дзяды» и «Пан Тадеуш», отразил национальную и духовную историю своей родины. Она видела заслугу Мицкевича в том, что он был «вождем и рупором целого поколения», «убежденным демократом» и «в то же время художником, объективно изобразившим национальное прошлое». Все это вместе взятое обусловило то, что «Мицкевич оказался центром всей идейной жизни» Польши того времени и даже произвел «могучее воздействие» на Россию, где он приобрел «много сердечных друзей, особенно среди будущих декабристов».

Неоднократно останавливаясь в статье на своеобразии исторических условий, в которых Польша оказалась после разделов, Р. Люксембург проследила связь творчества А. Мицкевича с таким общественным явлением Польши, как национально-освободительное движение. Именно в зависимость от него она поставила взлеты и падения творчества А. Мицкевича. Такой подход к творчеству поэта и высокая оценка его с этих позиций были прямо противоположны не только оценкам буржуазной прессы, но и взглядам представителя правых социал-демократов М. Беера, высказанным им в статье, опубликованной в центральном теоретическом органе немецкой социал-демократии «Нейе цейт». В письме Я. Тышке Р. Люксембург указала на противоположность своей точки зрения взглядам М. Беера, избравшего исходным моментом своей оценки творчества Мицкевича философские идеи поэта в период душевного разлада²².

В статье Р. Люксембург поставила также серьезный вопрос об отношении польского пролетариата к культурному наследию своей нации. Она писала: «...в этой Польше сознательный промышленный пролетариат представляет собою единственный общественный слой, обладающий и желанием, и социальной возможностью стать хранителем культурных традиций политически обанкротившегося национализма»²³. Исходя из этого общего положения, Р. Люксембург решала и вопрос об отношении польского пролетариата к творчеству А. Мицкевича: «Он был последним и величайшим поэтом дворянского национализма и тем самым величайшим носителем и представителем польской национальной культуры. Именно в этом качестве он принадлежит теперь польскому рабочему классу. Мицкевич становится по праву достоянием рабочего класса — как величайшее духовное

²² «Z pola walki», 1964, № 4(20), str. 177.

²³ Роза Люксембург. О литературе. М., 1964, стр. 65.

наследие прежней Польши»²⁴. Думается, что приведенные выше высказывания можно рассматривать в более широком плане — как обобщение, касающееся отношения пролетариата любой страны к своей культуре и к культуре других народов.

Затрагивая вопросы национально-освободительного движения в Польше, Р. Люксембург допустила ряд неправильных толкований. Так, в частности, она считала, что после поражения восстания 1863 г. польское национально-освободительное движение полностью исчерпало себя, что его задачи в новых условиях капиталистического развития исторически невыполнимы, а его движущие силы претерпели коренные изменения, новый же класс — буржуазия является «самой интернациональной и антинациональной прослойкой среди имущих классов»²⁵. В. И. Ленин неоднократно указывал на ошибочность этих взглядов Р. Люксембург. Весь последующий ход исторического развития Польши подтвердил правильность ленинской постановки национального вопроса и опроверг взгляды Р. Люксембург.

Однако, несмотря на ошибочность своих воззрений, связанных с общетеоретической непоследовательностью в решении национального вопроса, и даже вопреки им, Р. Люксембург сделала правильные акценты в своей статье — она подчеркнула величие национального гения польского народа и необходимость сохранения польских культурных традиций. Такая постановка вопроса была чрезвычайно важна для немецкого читателя, так как Германия в это время выступала в роли национального угнетателя части польского народа, проводя жестокую политику его денационализации.

Другие пять литературно-критических статей Р. Люксембург посвящены русским писателям.

В ответ на краткое и ничего не говорившее немецкому читателю сообщение буржуазной газеты «Берлинер тагеблатт» о смерти русского писателя Глеба Успенского Р. Люксембург 9 апреля 1902 г. в газете «Лейпцигер фольксцейтунг» опубликовала статью-некролог. Эта статья по своим взглядам на творчество Успенского, как отметил в примечаниях составитель сборника статей Р. Люксембург М. Кораллов, была близка статье Г. В. Плеханова, опубликованной в 1891 г. в «Нейе цейт», а также статье «По поводу смерти Г. Успенского», напечатанной в «Искре» за 1902 г., редактировавшейся в то время В. И. Лениным²⁶. В статье Роза Люксембург дала оценку творчества Г. Успенского в целом и попыталась определить его место в русской литературе. Но, как справедливо заметил М. Кораллов, она «приписала Успенскому роль более значи-

²⁴ Роза Люксембург. Указ. соч., стр. 66.

²⁵ Там же, стр. 65.

²⁶ Там же, стр. 293—294.

тельную, чем та, которую он действительно сыграл в литературно-общественной жизни России, его личность для нее затмила всех других художников и мыслителей 60—80-х годов»²⁷.

Несмотря на это, Роза Люксембург вскрыла всестороннюю связь творчества Г. Успенского со своеобразной эпохой перепрограммированной России, подчеркнув, что Успенский показал «дисгармонию реформированной Руси, столкновение старого с новым, противоречия и конфликты в жизни трудовой и бедствующей России, ее „больную душу, больную совесть“»²⁸. И тем, что Г. Успенский с художественной достоверностью отразил своеобразие России 60—70-х годов, она объясняла появление в его произведениях новых героев, занимавших центральное место в них,— крестьян, изображенных «в социальном бытии, в тех особых условиях, в которые их поставил кризис 60-х годов». Этим же она объясняла и отличительные особенности литературной формы произведений Г. Успенского, которая «не отвечала привычным канонам, установленным школьными учебниками словесности»²⁹.

Роза Люксембург замечала: «...эти беллетристические исследования — так было бы вернее всего назвать произведения Успенского — составляют незаменимый источник для всякого, кто серьезно изучает общественные условия России того времени»³⁰. Говоря так, она имела в виду также и то, что его произведения дают представление о «жесточайших идеальных боях в жизни ее (России.— М. Ч.) интеллигенции, о новой эпохе ее литературы и публицистики, о расцвете и упадке знаменитого народничества»³¹.

Роза Люксембург дала в статье краткую характеристику народничества, этапов его развития и отметила стихийную эволюцию во взглядах Успенского на народничество, в результате чего «литературные полотна Успенского все больше и больше приобретали характер непроизвольной критики народнических иллюзий». Однако окончательно разбить эти «народнические иллюзии» оказалось под силу, как отметила Роза Люксембург, только «русскому марксизму», почву для которого подготовили капиталистическое развитие России и выступление на общественную арену индустриального рабочего. Далее она писала: «Возвращение к духовному единству с Западом, которое когда-то пытались установить русские гегельянцы 40-х годов, теперь благодаря революционному учению Маркса оказалось осуществленным»³².

²⁷ Роза Люксембург. Указ. соч., стр. 39.

²⁸ Там же, стр. 71.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 72.

³¹ Там же, стр. 67—68.

³² Там же, стр. 75.

Представив во всей полноте и сложности творчество Г. Успенского, Роза Люксембург подвела немецкого читателя к идее общности социальных задач, стоящих перед русским и германским пролетариатом в период, когда назревала угроза столкновения хищнических устремлений германского империализма и русского царизма.

Писатель, к творчеству которого неоднократно обращалась Роза Люксембург, был Л. Н. Толстой.

Роза Люксембург написала о Л. Толстом три статьи. Первая статья — «Толстой как социальный мыслитель» — была опубликована в 1908 г. в газете «Лейпцигер фольксцайтунг». Вторая, написанная в связи со смертью писателя, была напечатана в 1910 г. в газете «Глейхейт», редактируемой Кларой Цеткин. Наконец, третья статья, посвященная трехтомному берлинскому изданию произведений Толстого, была опубликована в «Нейе цайт» в 1913 г.

Все эти статьи объединяет стремление проанализировать, вскрыть причины огромной притягательной силы творчества Толстого и противопоставить свою точку зрения буржуазным литературным критикам, резко отделявшим Толстого-художника от Толстого-моралиста, который, несмотря на реакционность своих проповедей, выступал страстным обличителем капиталистического строя. Р. Люксембург писала по этому поводу: «Первому теперь безоговорочно присуждается место среди величайших творцов мировой литературы, второго же заточают в российскую глушь, как человека нелепого и неприятного. Его проповедь объясняют славянской склонностью к глубокомыслию и тому подобной ерундой»³³.

С точки зрения Р. Люксембург, «...в гениальном романисте современности неутомимый художник с самого начала жил рядом с неутомимым социальным мыслителем»³⁴. Сочетание именно этих двух начал в Толстом сделало его «великим и своеобразным духовным явлением» мировой литературы.

Художественный талант Толстого Р. Люксембург сравнивала с «неистощимой золотоносной жилой». Она отмечала, что в его произведениях нашли отражение все стороны жизни, весь ее могучий поток во всех слоях общества. Она писала: «Толстой-художник постиг все человеческие страсти, слабости и состояния» — и далее: «Все, к чему он ни прикоснется, расцветает, воплощается в образы и живет», при этом художественная форма так полно сливаются с содержанием, что становится почти неразличимой.

Большое внимание в своих статьях Р. Люксембург уделила Толстому-мыслителю. Она увидела в его творчестве отражение

³³ Роза Люксембург. Указ. соч., стр. 120.

³⁴ Там же, стр. 94.

всёй социальной истории столетия, а самого писателя — «ищущим социальным исследователем». Поиски правды и стремление решить проблему социальной несправедливости определили путь идейного развития Толстого, привели его к разрыву с существующим строем, сделали врагом буржуазного общества. Бескомпромиссно следя по этому пути, Толстой поднялся на вершины социальной критики, которую Р. Люксембург оценила как чрезвычайно многогранную и радикальную, развивавшуюся в том же направлении, что и социалистическая критика, и даже превосходившую ее в некоторых отношениях. На этом основании она высказывала мысль о том, что общественным идеалом для Толстого был социализм, и делала следующее заключение: «По глубине и проницательности своей критики, по смелости и радикализму намеченных перспектив, так же как по идеалистической вере в могущество человеческой воли и сознания, по тому, что составляет как силу, так и слабость его взглядов, Толстой должен быть, следовательно, поставлен в один ряд с великими социалистами-утопистами»³⁵.

Правильно отметив сильные стороны Толстого, Р. Люксембург указала и на слабость его мировоззрения. Она отмечала, что Толстой, порвав с буржуазным обществом, вообще отказался от социальной борьбы во всех ее формах и обратился к «истинному христианству», считая, что социальные преобразования можно осуществить через нравственное возрождение человека. Р. Люксембург указывала на идеалистический и реакционный характер этого учения, приводившего Толстого к непониманию современного рабочего движения, к осуждению классовой борьбы и революции в России.

Р. Люксембург сделала попытку объяснить противоречивость взглядов Толстого, рассматривая их в непосредственной связи с социальной историей России, которая при жизни Толстого прошла путь от крепостничества к мощному рабочему движению. Она писала: «Рожденный и выросший в крепостной России Николая I, Толстой в зрелом возрасте был свидетелем банкротства слабого либерального движения 60-х годов, потом революционного движения социалистической интеллигенции в 70—80-х годах и лишь в старости он пережил начало пролетарской классовой борьбы, а незадолго перед смертью — революцию.

Что же удивительного, если исторические результаты стремительного капиталистического развития России с ее сказочно быстро формирующимся пролетариатом не были поняты им и северный, терпеливый мужик остался для него представителем русского народа»³⁶.

³⁵ Роза Люксембург. Указ. соч., стр. 108.

³⁶ Там же, стр. 117.

Итак, Р. Люксембург устанавливает связь Толстого с русским крестьянством, но с каким? С «терпеливым» и «суеверным», т. е. пассивным. Ленин же в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» писал: «...противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века». Далее В. И. Ленин указывал, что Толстой в своих произведениях отразил протест «против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеливания масс», «отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого» и вместе с тем «толстовские идеи — это зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусивости „хозяйственного мужичка“»³⁷. Таким образом, сильные и слабые стороны творчества Толстого В. И. Ленин связывает с определенным историческим периодом, крестьянской двойственностью природы, одна сторона которой поддерживает революцию, а другая — отталкивается от нее.

Как замечает М. Кораллов, Р. Люксембург «подошла к позициям Ленина ближе, чем кто-либо другой из публицистов европейской социал-демократии»³⁸. Но, находясь на правильном пути к решению проблемы о противоречиях Толстого, Р. Люксембург не сумела подняться до ленинской оценки Толстого как зеркала русской революции. Этому помешала общая непоследовательность ее теоретических взглядов, и в частности ее ошибки по аграрному вопросу. Р. Люксембург отказывала крестьянству в революционности, рассматривала его только как реакционную силу.

Подчеркивая, что «сознательный рабочий класс — грядущий наследник культуры», она писала: «Конечно, Толстой совершенно не понимал современное рабочее движение. Но было бы признаком недостаточной духовной зрелости сознательных рабочих, если бы они, со своей стороны, не поняли, что тем не менее гениальное творчество Толстого дышит самым чистым, подлинным духом социализма».

Как смертельный враг существующего строя, как неустрашимый борец за равенство, человеческую солидарность и права неимущих, как неподкупный обличитель всякого лицемерия и лживости современного государственного порядка, церкви, брака, Толстой, несмотря на утопически-моралистическую форму своих идей, по всей своей сути, от начала и до конца, духовно сродни революционному пролетариату»³⁹.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 210—212.

³⁸ Роза Люксембург. Указ. соч., стр. 48, а также см. стр. 41—48, где М. Кораллов более широко трактует эти вопросы.

³⁹ Роза Люксембург. Указ. соч., стр. 125.

Таким образом, несмотря на ограниченность в раскрытии проблемы «Толстой и революция», Р. Люксембург высоко оценила революционную направленность творчества Толстого.

Последний раз Роза Люксембург отдала дань близкой ей по духу русской литературе в разгар первой мировой войны, сопровождавшейся в Германии разгулом шовинизма и ненависти к России. Находясь в тюрьме, она приступила к переводу произведений Короленко. В письме от 10—13 сентября 1916 г. к Луизе Каутской она писала: «Ты знаешь, что я работаю над переводом Короленко... точное название — „История моего современника“. В действительности это автобиография Короленко, замечательное художественное произведение и в то же время культурно-исторический документ первостепенного значения, который охватывает эпоху либеральных реформ Александра II, польское восстание, первые проявления оппозиционного и революционного движения в России и, таким образом, отражает в себе переходное время от старой, крепостной России к современной, капиталистической. При этом местом действия является Волынь, то есть как раз та пограничная западная область, где своеобразно перемешиваются русинский, польский и украинский элементы. Объем книги 28 листов»⁴⁰.

Благодаря Р. Люксембург немецкая публика познакомилась с переводом произведения Короленко «История моего современника», работа над которым длилась, правда с перерывами, в течение почти четырех лет.

К этому переводу Р. Люксембург подготовила предисловие, носящее название «Душа русской литературы». Как справедливо отмечает М. Кораллов, эта статья — «самая значительная из работ критика, итоговая по своему характеру, выходит далеко за пределы предисловия, да и всего творчества Короленко»⁴¹. Несмотря на то что статья содержит ряд высказываний и положений, с которыми может не согласиться советский литературовед, она представляет собой «...первый на Западе и в России марксистский очерк русской литературы XIX века, очерк, написанный с большой любовью, умом и чуткостью к ее красоте»⁴².

В этом очерке Р. Люксембург указала на стремительный расцвет русской литературы в XIX в., ознаменовавшийся изобилием «талантов ослепительной красоты, сочетавших в себе глубину мысли и чувства». Р. Люксембург назвала более 30 имен русских писателей, охарактеризовав в большей или меньшей степени их творчество и определив их место в русской литературе. Она представила многообразие жанров в русской

⁴⁰ Роза Люксембург. Указ. соч., стр. 215.

⁴¹ Там же, стр. 30.

⁴² Там же.

литературе, широту проблематики, нашедшей отражение в ее произведениях. По мнению Р. Люксембург, русская литература, выразившая «глубокие, вселенские идеи» прежде всего в произведениях Толстого, Гоголя, Достоевского, «как равная вошла в семью литературы европейской», являясь там «не только берущей, но и дающей, не только ученицей, но и наставницей». Составляя неотъемлемую часть литературы европейской, писала Р. Люксембург, русская литература имеет «отличительную особенность». Эта особенность заключается в том, что русская литература «возникла из оппозиции к существующему режиму, из духа борьбы», что она «никогда не отрекалась от социальной ответственности»⁴³.

Р. Люксембург считала, что «социальнym сочувствием как раз и определяется своеобразие и художественное величие русской литературы». Такая отличительная особенность приобретена благодаря мировоззрению. Мысль об этом выражена в следующих словах: «Мировоззрение — вот что придало тончайшую чувствительность социальной совести русской литературы, так поразительно обострило ее понимание психологии различных характеров, типов и общественных слоев; ...именно мировоззрение вдохновило ее на неустанный поиск и напряженное раздумье над социальными загадками, которое и одарило ее способностью охватить взором художника общественный строй во всей его широте и внутренней сложности, запечатлеть в могучих творениях»⁴⁴. В результате русская литература смогла воздействовать на общество, воспитывать его и превратиться в «такую силу общественной жизни, какой литература не была ни в одной другой стране, ни в какие времена», в такую силу, которая «пробудила в русском обществе... высокое гражданское чувство, подрыла глубочайшие психологические корни самодержавия»⁴⁵.

В следующих частях предисловия Р. Люксембург проследила жизненный путь Короленко и развитие его художественного таланта. Перед читателем проходит трудная жизнь русского писателя-демократа в условиях царизма. Почти 10 лет жизни отняли у Короленко ссылки и гонения. Однако им не удалось сломить его гражданского мужества и лишить духа борьбы с торжествующей реакцией. В таких условиях, писала Р. Люксембург, Короленко «постоянно менял кисть и палитру художника на клипок журналиста, чтобы выразить свое отношение к насущным вопросам социальной жизни и принять непосредственное участие в борьбе текущего дня»⁴⁶.

⁴³ Роза Люксембург. Указ. соч., стр. 133.

⁴⁴ Там же, стр. 139.

⁴⁵ Там же, стр. 131, 133.

⁴⁶ Там же, стр. 158.

Произведения этого «насквозь русского писателя», родившиеся в результате непосредственного и непринужденного общения с природой и простым народом, отличают «удивительное мастерство пейзажиста и психолога, полная тепла и свежести естественность, сердечное участие к униженным и оскорблённым»⁴⁷.

Произведения Короленко, которые были посвящены таким событиям, как голод 1891 г., холерная эпидемия 1893 г., смертные приговоры после революции 1905—1907 гг., Р. Люксембург оценивала как потрясающие документы «в равной мере исторической и художественной ценности», считая, что в них автор глубоко проник «во все оттенки человеческого горя, во все страдания терзаемой человеческой души, во всю подноготную общественного преступления»⁴⁸.

Особо выделила Р. Люксембург «Сказание о Флоре», написанное Короленко в 80-х годах. Она рассматривала это произведение как ответ на мистицизм Достоевского и пропаганду Толстым «непротивления злу», ибо в нем Короленко проповедовал «мечносную ненависть и действенное сопротивление» господствовавшей реакции.

Р. Люксембург закончила свою статью сравнением Короленко с Горьким. Она писала: «Короленко и Горький воплощают в себе не только две различные поэтические индивидуальности, но также два поколения в истории русской литературы и освободительной идеологии»⁴⁹. Она отмечала, что Короленко, изображавший Россию вчерашнюю, поставивший в центре своих интересов крестьянина, уступил место Горькому и его соратникам, звонкоголосым буревестникам революции.

В «Истории моего современника» она видела «последний плод его музы», который «только наполовину поэзия, но целиком правда, как все созданное им в течение всей жизни»⁵⁰.

Статья о Короленко, звучащая как гимн русской литературе, ее революционности, завершает литературно-критическое наследие Р. Люксембург, посвященное русской литературе.

Статьи Р. Люксембург по своему содержанию, по своей сути вливаются в русло культурных славяно-германских связей в области художественной литературы. Эти статьи не ограничиваются характеристикой художественных достоинств произведений. В них творчество польских и русских писателей рассматривается в тесной связи с глубинными процессами социально-экономической и идейной жизни страны.

Эти статьи, помимо того, что они пробуждают у немецкого читателя интерес к тому или иному писателю, заставляют об-

⁴⁷ Роза Люксембург. Указ. соч., стр. 153.

⁴⁸ Там же, стр. 164.

⁴⁹ Там же, стр. 173.

⁵⁰ Там же, стр. 176.

ратить на него внимание, помогают осознать объективное своеобразие исторического пути развития другой страны, увидеть сходство классовых проблем и проникнуться симпатией иуважением к польскому и русскому народам, к их культуре.

Таким образом, литературно-критические статьи Р. Люксембург способствовали сближению и установлению взаимопонимания народов, что являлось трудной и сложной задачей в условиях, когда правительство абсолютно не было заинтересовано в ее положительном решении. А допущенные в них ошибки и просчеты, имея своей основой общие ошибочные теоретические положения, в некоторой степени связаны и с ограниченностью знаний о другой стране, с трудностью восприятия чужой культуры.

Итак, осуществлению славяно-германских культурных связей в области художественной литературы в начале XX в. способствовали видные представители социал-демократической интеллигенции Роза Люксембург и Юлиан Мархлевский.

Понимание значительной роли литературы в политической борьбе классов определило характер их деятельности в этом направлении. Деятельность Р. Люксембург и Ю. Мархлевского по ознакомлению германского пролетариата и вообще немецкой читающей публики с последовательно демократическими russkimi и польскими художественными произведениями имела двоякое значение.

С одной стороны, она, воспитывая эстетический вкус масс, способствовала формированию пролетарской культуры в Германии, которой она прививала традиции преемственности, восприятия прогрессивной буржуазной культуры, обогащала ее демократическими и социалистическими элементами славянской литературы и развивала ее «как культуру борьбы против угнетателей».

С другой стороны, эта деятельность может быть поставлена в прямую связь с задачей революционного воспитания трудящихся масс. То, насколько эта задача важна и как серьезны последствия ее игнорирования, доказала развязанная германскими империалистами первая мировая война. Деятельность же Р. Люксембург и Ю. Мархлевского в области культурного обмена была направлена на искоренение враждебного отношения к славянским народам, на установление духовного родства и единства рабочего класса этих стран, на воспитание германского пролетариата в духе интернациональной солидарности.

Хотя и невелик масштаб деятельности Р. Люксембург и Ю. Мархлевского в развитии культурных славяно-германских связей, однако она их качественно углубила и обогатила. Деятельность эта может быть отнесена к числу тех традиций, которые не следует забывать и которые должны всемерно разрываться.

И. ФРАНГЕШ
(СФРЮ)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
РОМАНА М. КРЛЕЖИ
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИЛИППА ЛАТИНОВИЧА»¹

Широко известный в Югославии и за рубежом роман «Возвращение Филиппа Латиновича» является одним из лучших произведений писателя-реалиста Мирослава Крлежи, очень удачную характеристику которому дал Марко Ристич: «Революционер и поэт. Человек, который вот уже в течение 40 лет в полном смысле этого слова является активным свидетелем нашего времени... И в то же время он художник, умеющий превращать хаотическую, мрачную и кровавую материю человеческой жизни в лучезарную материю поэзии... Поэт и революционер в нем слиты воедино». Этот роман даёт нам возможность еще раз познакомиться с мастерством большого художника, с его боевой, темпераментной манерой письма. Мирослав Крлежа писал свой роман, а скрее, роман-трагедию в тяжелое для югославских народов время — время господства монархического режима.

Впервые читатель познакомился с отдельными фрагментами произведения в 1930 г., а полностью оно было закончено и опубликовано в 1932 г. Роман является как бы продолжением серии о Глембаях. Главный герой — художник-импрессионист, выросший в многострадальной Паннонии, после долгих лет скитаний возвращается на родину. Крлежа, прекрасно знавший действительность того времени и окружавшую его среду, стремился показать ее в образе Филиппа и других героев. Он в поэтической форме описывает страдания героя, выросшего в насквозь прогнившем буржуазном обществе, где царят ханжество, лицемerie и ложь. Филипп — слабый, безвольный, болезненный интеллигент, мечущийся, тщетно ищущий выхода из окружающей его среды. Он очень характерный представитель буржуазно-дворянского общества того времени. Писатель своим произведением убеждает читателя, что это общество обречено на гибель.

В 1969 г. роман выпущен на русском языке издательством «Художественная литература» с предисловием члена-корреспондента АН СССР Б. Сучкова. Публикация настоящего исследования известного югославского литературоведа профессора Загребского университета Иво Франгеша о романе М. Крлежи «Возвращение Филиппа Латиновича» поможет читателю лучше понять художественные особенности прекрасного произведения. Перевод статьи сделана Р. М. Школьниковой.

¹ К выходу в свет романа М. Крлежи на русском языке.

Встречаются такие произведения, которые с первых строк настойчиво, словно завораживая, вводят читателя в свой, новый, полный неожиданностей и чудес мир, произведения, которые с первых строк захватывают своим особым ритмом и манерой изложения. С самого начала читатель чувствует, что входит в незнакомую, но открывающуюся, осязаемую действительность.

Литературные шедевры — это особое отражение и особое восприятие художником действительности. Особое хотя бы потому, что читатель находит в этих произведениях более глубокий подход автора к явлениям жизни и более глубокое восприятие причинной связи происходящих событий.

«Возвращение Филиппа Латиновича» — трудный, насыщенный и сложный по композиции роман. Героя постоянно терзают осознанные и неосознанные переживания: неясность происхождения, конфликт с матерью, исчезновение из дома и побег за границу. Роман начинается ретроспективно: Филипп возвращается в родной город, а вместе с ним, как птицы, возвращающиеся из дальних стран, возвращаются и далекие воспоминания. А он думал, что они навсегда исчезли из его памяти и больше никогда не будут над ним довлеть. Возвращение Филиппа (во многом перекликающееся с возвращением Леоне Глембая² в родительский дом) в отличие от возвращения Леоне — спокойный монолог, развивающийся в сопровождении необыкновенного, чудесного оркестра воспоминаний, которые пробиваются сквозь трепетные чувства героя.

Все, что видит и чувствует Филипп, он воспроизводит, как художник, в красках. Звуки, запахи, давно виденные цвета и картины, вкус еды, ощущение предметов, их холод и шероховатость стремительно возвращаются в возбужденное Филиппово «Я». Леоне переживает все события в течение одной драматической ночи, а Филипп переживает их постепенно, хотя события и развиваются стремительно, со все возрастающей силой.

Филипп хочет вернуться к своему детству еще и потому, что только оно может вернуть ему тепло первых ощущений и поможет вновь обрести связь с настоящим: «...рековая изоляция героя от действительности начинается с момента появления горячего желания заглянуть поглубже, с момента появления бесконечных дум о себе. Давно, еще в раннем детстве, он отказался от человеческой непосредственности и вот уже 30 лет ищет ее, но так и не может найти»³ (31).

² Герой пьесы Крлехи «Господа Глембай» (1928), тоже художник, поднимавший бунт против лжи, пронизывающей все отношения в его родном доме.

³ Все выдержки взяты из произведений М. Крлехи: «Povratak Filipa Latino-

Роман Крлежи «Возвращение Филиппа Латиновича» — это роман о художнике. Но это, конечно, нечто большее, чем возвращение художника в утраченное детство,— это прежде всего составная часть огромной создаваемой Крлежей фрески о Глембаевых и глембаевщине. В произведении описывается мир, уже знакомый читателю по драмам «Господа Глембай», «Леда», «В агонии» и по его прозаическим шедеврам о Глембаях. Разложение насквозь прогнившего и разъедаемого противоречиями класса — основная тема романа.

Название романа, подобно синтагме, своей ритмической структурой и содержанием служит как бы началом романа, сливается с текстом, представляя с ним единое, неразрывное целое. Возвращение Филиппа Латиновича... не просто возвращение. Все, что происходит с героем в начале романа, и все, что с ним произойдет позднее, является следствием его возвращения. «Светало, когда Филипп прибыл на капитульский вокзал». Прочитав первое предложение, вы чувствуете, как будто чья-то рука невидимо коснулась вас и повела в мир чудесного и неповторимого очарования, и она держит вас в этом состоянии до самого конца.

«Светало, когда Филипп прибыл на капитульский вокзал». Попробуйте пренебречь паузой, и вы сразу нарушите это очарование. Попробуйте переставить какой-либо из неразрывно связанных членов предложения, и сразу исчезнет ритм повествования, разрушится замысел автора. А замысел романа — это исповедь героя, художника-космополита, фовиста возвращающегося после напрасно растренных вне родины лет в места своего детства. Герой пытается вернуть детство и возродить прошедшие события, но не столько во имя возвращения к романтическим настроениям юности, сколько во имя желания узнать правду о своем происхождении, докопаться до сути человеческого «Я», понять смысл возникновения социальной вражды и противоречий, еще раз «с самого начала» осмыслить свое существование как человека и художника. Мирослав Крлежа уже в первых предложениях романа подчеркивает это желание героя.

«Светало, когда Филипп прибыл на капитульский вокзал. Двадцать три года не заглядывал он в это захолустье, а все помнил: прогнившие, замшелые кровли, и яблоко на шпиле монастырской колокольни, и серый, ветром исхлестанный двухэтажный дом в глубине мрачной аллеи, и гипсовую голову Медузы над тяжелой, окованной дубовой дверью, и холодную

vicza» и «Eseje I». Sabrana djela, knj. 3, 18. Zagreb, 1954. Цифры в скобках означают страницы.

дверную скобу. Двадцать три года миновало с того памятного утра, когда после трехсуготочного кутежа с проститутками и кельнершами на украденные у матери сто крон он, гимналист седьмого класса, притащился к этой двери, подобно блудному сыну, и, найдя ее запертой, остался на улице и с тех пор уже много лет скитается. Да, в сущности ничего не изменилось! И, как в то памятное утро, стоя перед чужой запертоей дверью, он ощутил холод на ладони от прикосновения массивной железной скобы» (9).

Уже первые такты благодаря внутренней связи, присущей любому крупному произведению, естественно и просто доводят до читателя основной лейтмотив романа. С самого начала писатель вводит повествовательный ритм воспоминаний. Этот ритм помогает ему не просто нанизывать одно событие за другим, но и совмещать прошлое и настоящее, он помогает представить события так, «как они происходили в действительности», и отразить их протекание во времени. У каждого есть что-то неприятное в прошлом, и если мы возвращаемся к нему, то хотим покончить с ним, рассчитаться окончательно и бесповоротно «там, где оно происходило». Все началось здесь — перед этой закрытой дверью.

Носящий в себе воспоминания преломляет их по-своему, его переживания окрашены особой чувствительностью, всколыхнувшейся в нем во время его возвращения в прошлое. Слово «уголок» выдает возбуждение героя, появившееся при виде города его детства. *Прогнившие*, замшелые крыши, *серый* с облупившейся от времени и непогоды штукатуркой двухэтажный дом, *мрачная аллея*, гипсовая голова *Медузы* на тяжелой, окованной железом дубовой двери и *холодная* дверная ручка — все это обостряет чувства героя — художника и человека. Все становится поистине символичным для мира художника. Потому что герой (а он совсем не герой, а скорее, слабый человек, который сам чувствует свою слабость), со своим неосуществимым стремлением к спокойствию, действительно является эпицентром, местом сосредоточения всех совершившихся и совершающихся конфликтов и смятений.

Основная цель и направленность романа — показать в форме исповеди чувства героя, описать историю сломанного, беспокойного, наполненного страданиями и потрясениями детства; показать колебания рассудка, вскрыть сознательное и подсознательное, подчеркнуть их объективность. Перед писателем, передающим исповедь героя, стоит немалая трудность — он должен постоянно помнить о том, что его герой — художник. Переживания героя предопределены характером его восприятий родных мест. Поэтому необходимо все переживания героя-художника передать языком литературы, т. е. облечь в языковую форму.

В драматическом начале сосредоточено противопоставление противоречивых чувств Филиппа: возвращение физическое и психологическое, погоня за утраченным временем и свежестью первых впечатлений (скорее, душевых переживаний), момент неверия в свою личность и момент неверия в свои творческие силы и в то же время глубокое понимание того, «как надо было бы в действительности изобразить это художественными средствами». Это в дальнейшем поможет герою понять, что надо сделать, чтобы прожить наполненную смыслом, активную и цельную жизнь. Так по крайней мере и задумано автором возвращение Латиновича: «...когда-то в далекие годы ранней юности Филипп остался на улице, и вот уже много лет скитаются. Но в сущности ничего не изменилось» (9). Поэтому возвращение и задумано как передышка, как потребность Одиссея вернуться к своему очагу, испытать величайшую человеческую радость — увидеть сероватую дымку, поднимающуюся над очагом, вновь услышать давно забытые звуки детства. В час возвращения Филипп приносит себя в жертву этой романтической потребности — «почувствовать себя дома», ощутить под ногами твердую почву, погрузиться в символы субъективного и объективного мира. Автор хочет показать, что это невозможно, что представитель современного бродяги «не существует», а вернее, не находит себе места в жизни. Стремление героя найти какую-нибудь опору в прошлом, какие-нибудь «полянки», где бы он мог отдохнуть, точки опоры, от которых он мог бы оттолкнуться и пойти дальше, оказывается химерой без опор в прошлом, без опор в искусстве, без поддержки окружающей среды, от которой он бежал и в которую вернулся. Вначале Филипп ни с кем не может сблизиться. Его неудачи, его упорное стремление отыскать точку опоры и найти свой путь — человеческая драма, достигшая кульминации. В ней-то и надо искать основную проблему романа.

Только однажды Филипп почувствовал под собой твердую почву, вернее, почувствовал, что она существует,— когда он просыпается в страшную ночь пожара. Достаточно было, чтобы из тьмы донеслись крестьянские голоса, кричащие вместо слова «ватра» — «огень»⁴, чтобы сразу же начал разматываться клубок воспоминаний: «„Огонь!“». Это старое, забытое слово пробудило в Филиппе воспоминания о паннонской земле. Он не мог понять, почему именно в тот момент он необычайно сильно почувствовал свою принадлежность к этой земле, почувствовал себя дома» (81—82).

Он почувствовал себя *дома*. Крлёжа здесь использует выражение *дома*, а не «*код куће*» в связи с той языковой сре-

⁴ Так эти слова звучат в родном для Крлежи кайкавском диалекте.

дой, о которой идет речь. И так вся книга построена на чудесных оттенках отдельных слов, запахов, движений, звуков и даже снов.

Его участие совместно с крестьянами в тушении пожара было единственным соприкосновением с действительностью за все время, проведенное в родных местах после возвращения.

Как камень, брошенный в озеро, вызывает на его зеркальной поверхности концентрические круги, расходящиеся в разные стороны от места падения камня, так и в воспаленном мозгу Филиппа отдельные слова будят воспоминания, страшные картины его давних, беспокойных мальчишеских почек. Достаточно было кучеру Йожи Подравцу подмигнуть ему и сказать, когда они проезжали мимо публичного дома: «Шлюхи еще, конечно, спят!» — как в нем сразу же заработал механизм воспоминаний:

«Какое чудовищное слово — шлюхи!

Но, однако, сколько глубоких тайн скрыто за этим словом! Паннонские возчики выговаривают его, сплевывая от гадливости и презрения! С этим словом связана тайна одного давно ушедшего печального детства. Когда-то это слово будоражило и волновало ребенка...» (54).

Достаточно Филиппу было услышать это слово, чтобы сразу же время остановилось, вернулось назад, или, точнее, появилось бы роковое смещение «настоящего» и «прошедшего», которые не только имеют причинную связь, но и происходят одновременно. Описание того, как когда-то шестнадцатилетним юношей Филипп забрел к «девкам», чтобы удовлетворить свое юношеское любопытство, «запачкаться» и тем самым принести себя в жертву, объяснить все самому себе; та впечатляющая, красочная картина, наполненная звуками,— картина его «сентиментального воспитания»; его желание узнать свою (а скорее, его матери) мрачную тайну своего происхождения, которую он никак не мог разгадать; это ритмическое повторение ужасного, но соблазнительного слова «шлюха» — все это не только мастерски написанные фрагменты, но и ключевые моменты драмы. В романе Крлежи «Возвращение Филиппа Латиновича» в отличие от Флобера (роман «Ноябрь»), для которого публичная женщина — источник возвышенной страсти, в какой-то степени даже символ чувственной, непосредственной любви, вскрыта грубая социальная сущность проблемы, описан отвратительный кошмар одного детства.

Если для героя Флобера все пережитое с публичной женщиной будет овеяно ореолом чистоты и благоговения, то для Филиппа — незаживающей раной и невоплощенным идеалом художника. Флоберовский герой всегда будет смотреть на тело женщины как на нечто сверхъестественное, благоухающее ароматом свежих цветов, а Филипп — как на «отвратительный жи-

вот, погрязший в кисловатой вони полумрачного публичного дома». Для усиления впечатления Флобер своего героя в тот же вечер вновь приводит в объятия чудесной святой любви, в то время как Филипп, потрясенный и одуревший от вони и отвращения, сломя голову убегает из публичного дома. Это состояние омерзения и потрясения никогда его не покидает.

Чтобы лучше оттенить события, происходящие в романе, следует их сравнить с тем особым спокойствием, которое разлито по многочисленным страницам произведений Пруста, которые Крлежа в свою очередь сравнивает с Достоевским: «Напрашивается сравнение комбрэйской идиллии с „идиллией“, например, села Степанчикова, где все наполнено демоническими раскатами молний „фомафоничевщины“, психическими расстройствами, разговорами и событиями»⁵. Если эту параллель провести и дальше, то можно сказать, что в разговорах обитателей села Костаньевец чувствуется та же наэлектризованность, их мучают те же беспокойства и разногласия. «Возвращение Филиппа Латиновича» следует принимать за третью самостоятельную точку в оси: Комбрэ — Степанчиково — Констаньевец. При сравнении необходимо ввести элементы «латиновщины», поскольку самостоятельность существования этого термина несомненна. В романе «Возвращение Филиппа Латиновича» читатель все время ощущает присутствие и Достоевского, и Пруста, но основное настроение этого произведения совершенно отличное. Нельзя механически сравнивать роман с огромной фрэской Пруста, так же как нельзя отождествлять понятия «фомафоничевщина» и «латиновщина», разговоры, которые ведутся обитателями села Степанчикова, и разговоры, ведущиеся в селе Костаньевец. Необходимо подчеркнуть, что Филипп Латинович характерен только для той среды, которая изображена в этом романе, — провинциального хорватского круга бывшей аристократии и вышибленных из жизненной колеи развращенных представителей города межвоенной Югославии.

Рассказчик Пруста — психолог, философ, историк, художник и, конечно, писатель. Но основное заключено в тайне его поступков и вдохновении в борьбе со «Временем», в которую он сам себя втянул. В своем добровольном затворничестве в комнате Пруст и его Рассказчик начали ожесточенную борьбу с вечным движением. Движение времени не остановлено, а только замедлено. Секунды вдруг обнаружили в себе таившиеся огромные магические возможности растягиваться и стали такими «большими», что смогли высвободить накопленное в себе бесчисленное количество «Событий». Рассказчик осуществляет свою заветную мечту: события теперь можно легко под-

⁵ «Eseji I», knj. 18, str. 82.

чинять основному закону повествования — закону постепенности и очередности.

Филипп же «только» художник. Картины не подчиняются закону постепенности, они сразу же выставляются на суд зрителя. У них свои законы очередности, которые постоянно мучают Филиппа. Как сделать так, чтобы картины отражали его страдания и мучения, которые ни на минуту не оставляют его и которые он переживает как проклятую действительность.

Драма Филиппа заключается в том, что он, забравшись на вершину славы, начинает сомневаться в своих творческих поисках. В конце романа Крлежа вводит сатанинский, мрачный образ Кириалеса, циничного, умного авантюриста. Кириалес разрушает все замыслы Филиппа. Но Филипп, слушая, казалось бы, неоспоримые доводы Кириалеса, постепенно приходит к заключению, что писать он не только может, но и должен.

Филиппа волновали такие же проблемы, какие волновали всех художников Европы того периода. Всякий раз, когда Филипп пытается разрешить свои сомнения, Кириалес подавляет его своей логикой.

Любая эстетическая проблема в любые эпохи исторического развития изобразительных искусств воспринимается художником как подлинная, личная проблема изображения и воплощения образов (где «что?» и «как?» являются проблемами выражения собственного «Я»). Эти проблемы возникали во все эпохи созидания. Доказать историческую возможность существования Филиппа — значит, доказать его современность. Когда Кириалес разбивает недостаточно убедительные доводы и нечетко сформулированные глубоко личные сомнения Филиппа, он повторяет слова немецкого художника Георга Гросса: «Основное назначение художника — создавать картины. С изобретением фотографии отпала необходимость в художниках, потому что фотография лучше отображает действительность, чем художник. В настоящее время газеты, журналы, экран удовлетворяют все эстетические потребности человека, как когда-то до изобретения фотографии и кино удовлетворяла живопись. Кино является мощным средством воздействия на народ. Кино проникло во все области жизни. Оно социально и прекрасно справляется с проблемами времени, света и тени, которые очень трудно передать на полотне»⁶. Но, хотя кино и стало звуковым и цветным, оно не смогло уничтожить живопись. Потому что проблема изобразительных искусств не в том, сколько брошено красок, звука и механических движений на удовлет-

⁶ «Eseji I», str. 252—253.

ворение «потребительских» вкусов зрителя, а в том, чтобы все элементы реальной действительности были бы тонко и талантливо воплощены в красках (живопись), звуке (музыка), слове (литература) и т. п. И ответом на эти вопросы могут быть следующие слова: «От картин кубистов, как от бодлеровской „Падали“, отдает мертвчиной...» И далее: «...Георг Гросс создает свои произведения в незддоровой, душной атмосфере. Он из сатирика превращается в хроникера, а из хроникера — в тенденциозного проповедника...»⁷

Неуязвимый и скользкий грек Кириалес — критик и оппонент Филиппа — воскрешение «Нечестивого», который прежде являлся другим героем Крлэжи, характерным для его раннего творчества. Кириалес — человек, обладающий необыкновенной способностью «разрушать замыслы Филиппа, испепелять его физические и духовные силы» (186). Основная художественная задача образа Кириалеса в романе — это раскрытие сущности сборища странных людей села Констаньевец. Кириалес — такой же жалкий герой, потерпевший кораблекрушение, как и остальные герои романа, хотя он и введен для выражения немилосердной и неопровергимой логики: «Он устал, изможден, у него только одно желание — напиться до смерти, свалиться в какую-нибудь канаву и остьаться там навсегда» (202). Впоследствии так это и произойдет. И все его искусные разглагольствования на самом деле прикрывают «его смертельную усталость» (202). Усталость сопутствует ему от рождения до развязки, до его «возвращения».

«Отец Сергея Кирилловича, Кирилл Павлович, сын киевского купца, был офицером. Слабовольный, слабоумный, с раздутой от водянки головой, шеей, заплывшей салом, с разбухшим, как у утопленника, лицом безжизненного белого цвета, какой бывает у грибов, проросших в сырых подвалах, он продержал весь свой век на откормленных белых кобылах. А дед Сергей всю свою жизнь провел в темной, глухой улочке, в лавке с ацетиленовой лампой, среди развесанного готового платья, точно среди висельников. В жутком свете ацетилена среди груд вонючего сукна все лица казались зеленоватыми, как у утопленников. И вдруг в отпрыске этого тупого, гнилого, плешивого и вырождающегося рода в молодом Сергеем Кириалесе забурлила восточная кровь. Кто знает, может быть, и он стал бы пьяницей офицером или слабоумным торговцем готового платья, если бы разыгравшиеся события не забросили его однажды ночью в Санкт-Петербург, из Санкт-Петербурга в Тибет, а из Тибета через все континенты к Бобочеке Радаевой в Констаньевец, откуда в одну дождливую ночь он исчез так же внезапно, как и появился» (187—188).

⁷ «Eseji I», str. 246.

В этом отрывке заключена вся трагическая судьба Кириллеса. Все это дает читателю «ключ» к пониманию его поступков. Все, начиная от распухшего, как у утопленника, лица отца до той дождливой ночи и исчезновения в тумане,— все говорит о композиционной функциональности потерпевших крушение героев, среди которых Филипп — самая цельная, но и самая незначительная фигура. Гнилость окружающей среды, гнилость окружавших его «больных, слабых людей и растерявшихся декадентов», ярко выражена в постоянном, настойчивом возвращении к теме гниения, которая совершенно естественно появляется и в высших слоях общества и лежит в основе всех происходящих событий. Запомним описание лица Баллочанского: «У человека, стоявшего перед ним (Филиппом.— И. Ф.) в мерцающем свете лампы, лицо было цвета испорченного мяса» (206).

Начало одной из глав выразительно характеризует общую обстановку, царящую в романе: «Два месяца прошло со дня возвращения Филиппа на констаньевецкий виноградник. В долинах уже цвели липы и акации. Жизнь вокруг Констаньевца загнивала по болотистым оврагам, покрывалась ряской, словно трясина, плесневела, как тухлая вода, в которой разлагаются затонувшие предметы» (72). Именно эта грязь поглотит Кириллеса и многих других героев романа, а тема смерти и гниения будет неоднократно появляться в метафорах и предсказаниях: «...когда все успокоилось, как раздавленная колесами грязная ветхая тряпка...» (224); «Залепленный грязью, напух сколоченный гроб, окровавленные тряпки — зрелище жуткое! Так и есть! Из желтой глины, из-под тонкой сломанной сосной доски виднелась рука Кириллеса, на начавшем разлагаться запястье которой голубели манжеты шелковой рубашки Баллочанского!» (242). И наконец, завершающая сцена романа, когда окровавленный Баллочанский убегает в «грязную ночь», а Филипп бросается за ним вдогонку. Эта сцена особенно драматична, композиция переднего плана написана красочно и выразительно, в ней вновь всплывает тема засасывающей грязи, подчеркивающая основную концепцию этой мрачной сцены:

«Филипп мчался под унылым осенним дождем, словно тоже сошел с ума, но зверь (Баллочанский.— И. Ф.) точно сгинул, его уже не было слышно. Филипп споткнулся и упал в канаву; на сквере налетел на колючую проволоку; у кафе люди, увидав его, подняли крик и побежали за ним... В доме над кирпичным заводом сквозь зеленые занавески пробивался свет из Бобиного окна. Грязный, окровавленный, в разодранной одежде, мокрый до нитки, Филипп ворвался в комнату. На столе мирно мерцала свеча. Все было разбросано, как после отчаянной борьбы: подушки, платья, книги, перины, юбки... По-

перек постели, свесив на пол ноги, вся в крови лежала Бобочка — из перегрызенного (Баллочанским.—И. Ф.) горла лилась кровь. Всюду была кровь: и на постели, и на подушках, и на ее черной шелковой блузке. Глаза ее были широко открыты и, казалось, смотрели на него» (271).

С такими же широко открытыми глазами живая Бобочка входит в роман. Этой деталью органически замыкается страшный круг чудовищных смертей в селе Констаньевец.

«И листья, и ветки, и перспектива, озаренная солнечными лучами; размежеванная, тихая жизнь, протекающая за чисто выстиранными скатертями; мелькание бледных, болезненных лиц; рассветы и тишина сумерек — все было живописным фоном событий. А сквозь это, как сквозь золотисто-серебряную вуаль, смотрели два взволнованных голубых глаза. Филипп за всем этим видел женщину. Он всеми фибрами чувствовал, что эта женщина с тонкими, нервными пальцами, с гибким станом, с необыкновенно живым вопрошающим взглядом будит в нем большое чувство» (116—117).

Итак, в заключение можно сказать, что общество, в котором вращается Филипп Латинович, по своей структуре и неразрешимым противоречиям обречено на гибель. Все в этом мире, взятом как единое целое или в отдельных деталях, говорит о его неминуемой гибели. И, как ни странно, Филипп со своими противоречиями, ранимостью, сомнениями в себе и в своих силах художника — личность, переживающая очищение. Его возвращение взвуждрило мертвое болото провинциальной жизни, ускорило развязку и гибель целого ряда героев. Его сомнения и огорчения реальны в историческом плане и правдивы в художественном. Суть сомнений Филиппа, смысл его колебаний совпадают с коренными изменениями, совершающимися в изобразительном искусстве Европы в 30-х годах нашего столетия, о которых хорошо сказал сам Крлеж в очерке о Георге Гроссе: «Георг Гросс начал свою деятельность как идеалист, как художник богемы с мансарды, который решал проблемы от Тулуз-Лотрека до японских художников, отгородившись от действительности в своей студии. Жизнь для него была сплошным отвращением, Париж — огромным вопросительным знаком, а люди — более или менее отвратительными животными, которые пробиваются локтями, любят женщин и копят деньги... И только во время войны он убеждается, что человек не может жить в полной изоляции, что многие люди ненавидят все отрицательное, отвратительное и бессмысленное. В этом определении ненависти он открыл... новые чувства — чувства солидарности...»⁸

⁸ «Eseji I», str. 253—254.

Филипп, выйдя из Бобочкиной комнаты, обязательно придет к этому чувству солидарности. В этом и заключается смысл его возвращения и его короткого пребывания в «идиллии» хорватско-паннонского села Констаньевец.

Роман Крледжи «Возвращение Филиппа Латиновича» в русском переводе выходит поздно. Правда, и со всеми другими произведениями этого крупного хорватского писателя зарубежный читатель познакомился также с большим опозданием: с его боевыми пацифистскими новеллами и стихами спустя почти 50, с его шедевром — драматическим циклом о Глембаях — спустя 40, а с большинством его романов — спустя 30 лет.

Интерес к творчеству Крледжи свидетельствует о жизненности и актуальности содержания его произведений и самобытности и талантливости писателя.

В первых же произведениях Крледжа отстаивает мысль о том, что литература должна заниматься основными вопросами существования человека; он глубоко убежден, что сила аргументов — в их художественном воплощении, ибо художественная сторона произведения первична. Если искусство искренне изображает человека в какой-то конкретной исторической ситуации, то из нее нельзя «выбросить» объективную тенденциозность.

Измученная, до боли раздираемая противоречиями личность художника Филиппа Латиновича, его страдания, носящие исключительный характер, становятся в изображении Крледжи символами объективных исторических событий, происходящих на конкретной «паннонской» почве. Они тесно связаны во времени и пространстве.

В романе описаны не только дилеммы изобразительного искусства Европы 20-х годов, но и искусства вообще.

Это помогает иностранному читателю понимать и воспринимать универсальность Крледжи. Но универсальность писателя горячна только в хорватской конкретизации (позднеавстрийской или раннеюгославской), без нее читатель как бы лишен жизненных соков этой глубоко драматической повести.

Особенно, когда это касается перевода, необходимо обращать внимание на языковые приемы Мирослава Крледжи. Язык и стиль писателя отличаются новизной и неповторимой индивидуальностью.

Стиль Крледжи говорит об одаренности писателя, проявляющейся в особом понимании языкового материала. Очарование его искусства не только в количестве объективных событий, сколько в дополняющих «сопутствующих» пояснениях. Особенности его стиля ощущаешь в системе знаков, звуков и интонаций, богатстве лексики.

Крледжа прибегает к средствам, типичным для других видов искусства. В романе «Возвращение Филиппа Латиновича» это проявляется с особой силой. Своего героя-художника, который

полнее всего раскрывается в игре красок, в технике рисунка, писатель «заставляет» говорить, писать, превращать краски в слова. И делает он это виртуозно.

Неодолимая притягательность этого романа именно и заключается в превращениях эмоций художника в эмоции писателя.

Роман изобилует общественными противоречиями, которые описаны драматически и преподносятся как впечатления художника или как псевдофилософская эквилибристика Кирилеса, разрешаются художественной критикой загнивающего общества.

Именно благодаря теме распада, характерной для эпохи реализма, эта модернистская проза реалистична.

Л. Н. ТИТОВА

АВСТРИЙСКИЕ ДРАМАТУРГИ
НА СЦЕНЕ ПРАЖСКОГО СОСЛОВНОГО ТЕАТРА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ
(Ф. РАЙМУНД, И. Н. НЕСТРОЙ)

Художественное творчество эпохи национального возрождения в Чехии ярко проявило себя в театре и драматургии. Пробуждение демократических сил и подъем национального самосознания, усиление контактов с другими народами, знакомство с новыми формами культуры — все это способствовало развитию чешского театра. Театр становится в Чехии одним из наиболее популярных видов искусства. Он был доступен широким народным массам, не так жестоко контролировался цензурой, как книги. «Если оглянуться на нашу национальную жизнь, нельзя не заметить, что театр всегда играл в ней одну из значительных, если не ведущую роль. Уже в начале нашего национального возрождения, в конце XVIII столетия, театр был манифестиацией того, что народ встает ото сна и начинает новую жизнь»¹, — писал З. Неедлы.

Театру отводится важная роль в деле становления национальной культуры. «Будители» — представители молодой чешской интеллигенции, посвятившие свою жизнь пробуждению народа, его самосознания, наряду с литературой обращаются к театру, как к наиболее действенному орудию этой высокой и ответственной миссии.

Специфика развития чешского театра была обусловлена экономическим и политическим положением Чехии на рубеже XVIII и XIX столетий. Зависимость чешского театра от немецкого отражалась в первую очередь в его репертуаре, состоявшем в основном из немецких переводных рыцарских пьес, комедий и фрашек². К тому же в Праге полагалось обязательным ста-

¹ Z. Nejedlý. Spisy, sv. 47. Praha, 1955, str. 40.

² Фрашек — особый тип комедии, сначала преимущественно из мелкобуржу-

вить все то, что год назад было хорошо принято в Вене, а потому считалось модным. Это, кстати, одна из причин широкой популярности на пражской сцене Нестроя, Раймунда, Коцебу и других австрийских и немецких драматургов.

Чешский переводчик их произведений располагал значительной творческой свободой и нередко оставлял от оригинала лишь название произведения и основную сюжетную канву. Он почти заново писал всю пьесу³. Обязательным условием перевода на чешский язык было «очешение» произведений. Причем это касалось не только локализации среды, но и замены сказочных сил (непременного атрибута венских «волшебных пьес») образами, почерпнутыми из чешского фольклора, что позволяло подойти к изображению национальной специфики. Этой задаче в немалой степени помогала и музыка, сопровождавшая действие пьес. Чешские переводчики широко использовали возможность, которую предоставлял им жанр этих драматических произведений. В основном это были пьесы с песнями и танцами. Они легко вбирали в себя чешские мелодии и ритмы.

С 1824 г. по инициативе Яна Непомука Штепанка в Сословном театре⁴ вводятся регулярные чешские дневные спектакли (с 28 сентября по 16 мая, около 30 в год). Однако по-прежнему нерешенным остается вопрос о репертуаре, носившем «развлекательный» характер⁵ и определяемом исключительно соображениями кассовой прибыли. Недаром уже в эти годы И. К. Тыл — начинающий критик и драматург неоднократно говорит о «более важных задачах», стоящих перед чешским театром, чем «пустое увеселение населения или корыстная спекуляция предпринимателей»⁶.

Репертуар его в 30-х годах значительно расширяется. В него входят драмы из отечественной истории, классика (в первую очередь Шекспир), французская буржуазная комедия. Но по-

азного быта. В чешской литературе была очень распространена в первой половине XIX в. (см.: «Příruční slovník naučný». Praha, 1962, str. 773).
³ Это же, собственно, можно сказать и о переводчиках оперных либретто того времени. «Переводчик играл тогда (в период национального возрождения.— Л. Т.) решающую роль в чешской опере,— пишет профессор И. Плавец.— На театральных афишах стояло: „Дон Жуан“ Штепанка, „Танкред“ Доухи и т. д., хотя подразумевался именно переводчик той или иной оперы; композиторы не упоминались. Тогдашние переводчики либретто были, собственно, драматургами, которые своими работами определяли репертуар» (J. Plavec. František Skroup. Praha, 1941, str. 100).

⁴ Сословным театром (Stavovské divadlo) с 1798 г. стал называться пражский Ностицкий театр, когда патент на него был куплен чешским сословным сеймом.

⁵ Об этом свидетельствует, например, репертуар сезона 1836—1837 гг.: наряду с тремя трагедиями и шестью драмами было поставлено восемь комедий, семь фрашек, две сказки с пением и танцами и два балета.

⁶ J. K. Tyl. Spisy, sv. 15. Praha, 1960, str. 35.

прежнему большим успехом у пражан пользуются и венские народные пьесы⁷.

В первые десятилетия XIX в. на чешской сцене живут несколько типов венских народных пьес. Во-первых, локальная фрашка с грубой комикой ремесленников. Действие ее часто развертывается в экзотической среде. Наиболее популярная пьеса такого типа — «Вацлавик Утрака и его необыкновенные приключения на земле и под водой» Лемберта в переводе Тыла (1834), пользовавшаяся большим успехом у пражских зрителей.

В 30-х годах широкое распространение на сцене Сословного театра находят пьесы Ф. Раймунда⁸ с их идеей морального перевоспитания человека с помощью сказочных сил — духов, чародеев, волшебников.

Из восьми написанных им пьес в Праге на чешском языке были поставлены четыре. «Расточитель» в переводе Я. Н. Штепанка пражане впервые увидели 3 декабря 1837 г.⁹ Наиболее популярная пьеса Раймунда «Алмаз короля духов» в переводе Махачка впервые на чешском языке исполнялась 30 декабря 1827 г., а в следующем году шла еще трижды (20. I, 12. II, 4. V), что в тогдашних условиях свидетельствовало о большом успехе спектакля. На сцене Сословного театра пьеса шла и позднее¹⁰.

«Романтическая сказка» Раймунда «Девушка из страны фей, или Крестьянин-миллионер» в переводе И. К. Хмеленского впервые была поставлена на сцене Сословного театра 26 января 1834 г.¹¹ в бенефис актера Грабингра, исполнявшего роль крестьянина-миллионера Коржинка. В ней участвовало более сорока действующих лиц, действие поочередно развертывалось то в волшебном мире, то в действительности. На сцене Сословного театра пьеса исполнялась и позже¹². Кстати, впервые в этой сказке Раймунда прозвучала песенка Вурцеля о том, что богатство не сделает глупца умным, что на деньги не купишь дружбу и верность. В 30-х годах ее распевала не только вся Вена, но и Прата.

⁷ Венская народная пьеса представляет собой специфический театрально-драматический жанр. Ее отличает склонность к фантастике, резкая бичующая комику. Характерным признаком этих пьес является использование сказочных сил. В наследство от своей предшественницы — драмы-импровизации пьесы венских драматургов получили способность откликаться на злободневные события.

⁸ Фердинанд Раймунд (1790—1836) с бродячими труппами обходит Австроию и Румынию. С 1817 г. играет в Леопольдштадт-театре, с 1823 г. становится его ведущим актером и драматургом.

⁹ На немецком языке пьеса шла 22.II 1836 г. с автором в главной роли.

¹⁰ 30.IX 1832, 5.I и 7.XII 1834, 12.IV 1841, 10.III 1844.

¹¹ На немецком языке исполнялась на сцене Сословного театра в апреле 1827 г.

¹² 9.II и 15.V 1834, 8.X 1843.

Как и другие переводные пьесы, сказка Раймунда была сокращена и подвергнута значительной переработке, несмотря на предостережения автора, который в декабре 1826 г. писал Я. Н. Штепанку: «Надеюсь, что осторожность, которой я придерживаюсь в своих пьесах из-за венской цензуры, обеспечит мне доверие пражской цензуры... Я решил продавать свои пьесы лишь постоянным театрам, с одной стороны, чтобы они не попали на сцену в искаженном виде, что затронуло бы мою честь, с другой же стороны, я хочу защитить себя от бессовестного подражательства — частого явления среди драматургов, как учит опыт...»¹³

Следует отметить, что «доверие пражской цензуры» завоевано так и не было. Даже из наиболее «безобидной» пьесы Раймунда «Алмаз короля духов» были вычеркнуты такие слова и выражения, как «с богом», «земля чешская», «как на виселицу ведут» и многие другие.

И наконец, 9 апреля 1837 г., в Сословном театре была поставлена пьеса Раймунда «Король гор и нелюдим» в переводе В. Филипка.

Пьесы Ф. Раймунда исполнялись не только в Сословном театре, но и в любительских театрах и бродячими труппами в других городах. Так, «Расточитель» был поставлен в Глинске весной 1841 г. труппой Кулласа, а в марте 1839 г.—труппой театра Брно.

В конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. большой популярностью у пражских зрителей пользуются пьесы продолжателя творчества Раймунда И. Н. Нестроя¹⁴ — автора более 60 комедий. Нестрой порывает со сказочно-фантастической формой венского народного театра и создает жанр бытового фарса, часто полемизируя с романтической манерой своего предшественника¹⁵. Он возвращает в венские народные пьесы картины жизни, полные реалистических черт и сатиры.

В Праге из пьес Нестроя на чешском языке исполнялись: «Девушка из Карлина» 18. I 1846 г. в переводе И. К. Тыла; «Эншпигель, или Каждую минуту какие-нибудь проказы» 21. I 1838 г. в переводе И. К. Тыла; «Хочет повеселиться» 29. XII 1844 г. в переводе И. Рюнера; «Обезьяна и жених, или Чудес-

¹³ Цит. по кн.: J. Vondráček. Dějiny českého divadla II. Praha, 1957, str. 81.

¹⁴ Иоганн Непомук Нестрой (1801—1862) дебютировал в 1822 г. в придворном оперном театре Вены, с успехом выступал в театрах Германии и Австрии. С 1831 г. играет в Леопольдштадт-театре, преимущественно в пьесах Раймунда, в 30-х годах начинает писать пьесы для своих бенефисов; позже становится ведущим драматургом театра.

¹⁵ Одну из своих пьес Нестрой иронически называет «Волшебник Сульфур-электримагнетикоfosforatus и русалка Вальбургиблоксбергисентемтрионалис».

ное волшебство» 2. II 1838 г. в переводе Я. Н. Штепанка; «Роковая ночь под масленицу» 22. I 1843 г. в переводе В. Филипка; «В подвале и в бельэтаже, или Капризы счастья» 16. I 1838 г. в переводе Я. Н. Штепанка; «Мечущийся, или Живой утопленник» 1. I 1845 г. в переводе И. Печирка; «Злой дух Лумпацивагабундус» 1. II 1835 г. в переводе Я. Н. Штепанка.

Большая популярность, которой пользовались у пражан венские народные пьесы, объясняется несколькими причинами. Определенную роль здесь, несомненно, играет традиция. Широкая пражская публика была воспитана на венской фрашке, не сходившей с немецкой сцены Сословного театра.

Чешских зрителей привлекал этот театральный жанр и из-за его тесной связи с музыкой¹⁶. Как правило, это были пьесы с песнями и танцами, и поэтому они не могли не найти горячего отклика у молодого поколения 30-х годов, «одним из существенных признаков» которого З. Неедлы называет музыкальность¹⁷. В пьесах с песнями и танцами музыка освещает смысл и подчеркивает главную мысль пьесы, характеризует среду, создает определенное настроение, способствует доходчивости спектакля, в то же время придавая произведению большую поэтическую силу. Благодаря соединению слова с музыкой, песнями, танцами эти пьесы эффективно воздействовали на зрителей и были доступны самым широким массам народа.

Кроме того, относительно свободная композиция этих пьес, о которой уже упоминалось, предоставляла широкую возможность для вставки различного рода куплетов, диалогов, пассажей, позволявших чешским переводчикам таким образом приближать их к чешской действительности.

Помимо всего этого, венские народные пьесы давали возможность чешским авторам-переводчикам познакомиться с уже выработанными и проверенными способами изображения народной жизни, в то же время оказывая определенное влияние на их оригинальное творчество.

Так, в литературе мы часто встречаемся с мнением, что большинство пьес Й. К. Тыла возникло в результате переработок произведений Раймунда и Нестроя¹⁸. Творчество этих венских авторов действительно привлекало Тыла, который часто переводил их произведения для Сословного театра, ведущим драматургом которого Тыл становится в 1846 г. Однако венский образец не мог оказать решающего влияния на пьесы самого Тыла, выросшие из других национальных условий, на-

¹⁶ На примере этих пьес исследователи прослеживают одну из ветвей становления оперы.

¹⁷ Z. Nejedlý. Bedřich Smetana, IV. Praha, 1951, str. 110.

¹⁸ M. Hysek. J. K. Tyl. Praha, 1926; Fr. Götz. Jos. K. Tyl a dnešek. «Narodní osvobození», 1826, č. 187.

полненные чешской народной поэзией. Это вытекает и из оценки Тылом пьес Раймунда. «В воскресенье 5 января шел „Алмаз короля духов“,— писал Тыл.— Драматические плоды, называемые фрашками местными или локальными, я никогда бы не переводил с других языков, если бы их так не мог переделать, чтобы представить что-то новое, оригинальное, взятое из местной жизни или из нравов и обычаев... Я бы за эту чужеземную драгоценность (имеется в виду пьеса „Алмаз короля духов“.— Л. Т.) не дал и самого маленького чешского граната»¹⁹. И далее, о пьесе «Девушка из страны фей, или Крестьянин-миллионер»: «...если же „девушка из страны фей“ не была принята громкими аплодисментами, то, вероятно, именно так была бы принята пражанами „девушка, рожденная в родных краях“, или фрашка из национальной жизни. К тому же следует сказать о множестве непривычных для чешского зрителя аллегорий, которыми писатель переполнил эту сказку»²⁰.

Таким образом, Тыл уже при переводе пьес исходит из принципов своей патриотической будительской программы, ставящей в области театра задачу воспитания зрителей на произведениях, отражающих национальную жизнь «в ее различных проявлениях»²¹. Именно поэтому при переводе пьес Нестроя²² он не только традиционно локализует среду и заменяет немецкие имена чешскими, но и перерабатывает все произведение, создавая реальные, правдивые образы Праги и чешской деревни²³.

Что касается оригинальных драм-сказок Тыла, то они, безусловно, непосредственно связаны с традицией венских народных пьес. Их роднят изображение картины народной жизни, полной веселья, юмора, использование волшебных сил, экзотической среды, диалоги и куплеты, оживляемые намеками на актуальные проблемы общественной жизни. И те и другие очень близки к музыке, которая подчинена законам драмы и своей задачей ставит подчеркивание ее важнейших мыслей. Иногда используются сходные сюжетные мотивы. Основу ихfabулы обычно составляет борьба добрых и злых сил за человека.

В годы создания пьес-сказок²⁴ Тыла не могли удовлетворить те проблемы, которые поднимаются в венских драмах. Опыт,

¹⁹ J. K. Tytl. Указ. соч., стр. 63—64.

²⁰ Там же, стр. 67.

²¹ Там же, стр. 87.

²² И. К. Тыл перевел: «Эншпигель» (1843), «Девушка из Карлина» (1845), «Тайны старого дома» (1846), «Незначительный человек» (1846).

²³ A. Grun d. Tylový překlady z Nastroje. «Listy filologické», 1928, str. 244—254.

²⁴ Пьесы-сказки Тыла были написаны в годы революционной борьбы чешского народа: «Волынщик из Стракониц» в 1847 г., «Упрямая баба» в 1849 г., «Видение Иржика» в 1849 г., «Лесная дева» в 1850 г.

полученный при знакомстве с пьесами венских драматургов, он использует для создания подлинно народных произведений, наполненных оптимизмом, верой в неисчерпаемые силы народа, его высокие моральные качества. Критика современной действительности, новой капиталистической морали, ясная актуализация и конкретизация проблемы отличает «Волынщика из Стражниц» и другие пьесы Тыла от абстрактных аллегорий Раймунда и Нестроя. Сказочные образы пьес Тыла — не плод фантазии автора, они тесно связаны с чешским фольклором.

Драмы-сказки Тыла с их прекрасными образами народных героев, борющихся за свое счастье и свободу, тесно связанные с актуальными современными событиями общественной жизни, увлекающие богатой фантастикой, свидетельствуют о богатстве и самобытности чешской драматургии первой половины XIX столетия.

Н. И. ХРЕНОВА

ГЕРЦЕН О ГОФМАНЕ

С творчеством Эрнста Теодора Амедея Гофмана русские читатели знакомятся еще в 20-х годах XIX столетия, но настоящую известность он получает в 30-е годы. Повести Гофмана начинают интенсивно переводить на русский язык. Например, друг Герцена Н. Кетчер переводит «Записки Кота Мурра». До этого они были известны читающей публике лишь во французских переводах Леве Веймара.

Популярность Гофмана приходится на период перехода русской литературы от романтизма к реализму. Его творчеством интересовались как последователи старого романтического направления, так и представители натуральной школы — Гоголь, Достоевский. Для писателей натуральной школы интерес представляла прежде всего критическая направленность гофмановских творений, а отсюда — художественные приемы, посредством которых достигалась эта направленность. Поколение писателей-реалистов находило у Гофмана великолепное мастерство гротеска, тонкое ощущение человеческого характера, сочетание комического и трагического.

В русской литературе 30-х годов XIX в. имеются следы влияния Гофмана. Его влияние заметно в творчестве таких крупных писателей, как В. Ф. Одоевский, Н. Полевой, Н. Гоголь. Так же, как и Гофмана, Одоевского привлекала таинственная сфера человеческих духовных коллизий, особенно проявление человеческой души в мире искусства. Одоевский пишет сказку, имеющую непосредственное отношение к роману Гофмана «Записки Кота Мурра», под названием «Письма к любезнейшему дядюшке Господину Катеру фон Мурру от его почтительного племянника Котоваськи, собранные Дедушкою Иринеем». Но за исключением имен гофмановских героев в этом произведении осталось очень мало от «Записок Кота Мурра» Гофмана. Писатель взял лишь гофмановскую форму, значительно упростив идею. Одоевский видел в переживаниях героев Гофмана мысли

и чувства самого писателя. В заметке по поводу картины Брюллова «Последний день Помпеи» Одоевский писал, что в моменты чрезвычайных событий в толпе могут появиться самые удивительные люди, которых в обычной обстановке никогда не встретишь: «...я уверен, что когда-нибудь все эти существа действительно являлись теми, которые, подобно Гофману, первые возвестили об них миру»¹.

Н. Полевой тоже приветствовал популярность немецкого писателя в русской среде. Переводы гофмановских повестей он сопровождал восторженными заметками в редактируемом им журнале «Московский телеграф». На страницах этого журнала произведения Гофмана появлялись часто. В 1834 г. выходит сборник Полевого «Мечты и жизнь». Белинский пишет рецензию на этот сборник, где говорит, что автор хотел «представить художника в борьбе с мелочами жизни и ничтожность людей»². Критика не склонна называть удачными попытки Полевого отразить на русской почве мистический дух повестей немецкого писателя. Так, Радзевич в работе «К истории русского романтизма» говорит, что Гофман в переложении Полевого звучит «скучным и дидактическим писателем» (стр. 199), у Полевого нет тех острых коллизий, которые отличают гофмановские творения, «влияние Гофмана на Полевого было непроложительным, так как его талант увлекал его больше в сторону чисто психологической повести, исторической и даже бытовой»³.

Н. Гоголь глубже всех уловил дух повестей Гофмана. За внешней формой он увидел элементы идеиной направленности в творчестве писателя, за мистическими картинами нашел смутное беспокойство Гофмана, страх перед жестокими законами жизни. Гоголь по-новому раскрыл традиционную гофмановскую тему внутренних переживаний художника, связав ее с действительностью.

Белинский воспринимал творчество Гофмана как характерный образец немецкого мышления и говорил что его «бессмысленные повести» имеют «смысл», именно из-за «смысла» Белинский мирится с символизмом и аллегориями гофмановского стиля, противоречащими русским литературным традициям. Вскрывая противоречивость Гофмана, у которого мистические образы переплетаются с верным чувствованием духа своего времени, Белинский пишет: «В Германии гениальный безумец Гофман возвысил до поэзии болезненное расстройство

¹ П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма, т. I, ч. 2. М., 1913, стр. 344—345.

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1953, стр. 156.

³ Радзевич. К истории русского романтизма. «Филологический вестник», 1917, № 1—2, стр. 99—100.

нервов. Обладая удивительным юмором, при огромном таланте изображать действительность во всей ее истинности и казнить ядовитым сарказмом филистерство и гофрество своих соотечественников,— он в то же время, как истинный немец, призраком своего расстроенного воображения, которых искренне пугался и боялся и над которыми тоже искренно смеялся, и фантастическим нелепостям принес в жертву и свой несравненный талант и бессмертие имени своего в потомстве...»⁴ Но эта зрелая оценка писателю дана Белинским позже, в 30-е же годы он смотрит на Гофмана в основном с романтических позиций, еще не вскрывая его противоречивости, его двойственности.

Герцен идет дальше своих современников уже в самой постановке вопроса о специфике творчества немецкого писателя. Он ищет объяснение «необузданной фантазии»⁵ Гофмана не в таинственных сферах потустороннего бытия, а видит ее причину в самой действительности, окружавшей писателя. «Жизнь сочинителя есть драгоценный комментарий к его сочинениям...»⁶,— вот где надо искать объяснение тем или иным особенностям творчества писателя. И хотя жизнь Гофмана не отличается своеобразием и яркостью («Родился от бедных родителей, учился теологии, но чувствовал другое призвание, тщательно занимался древними языками, писал, был беден, жил уроками и перед смертью получил место в такой-то гимназии или в таком-то университете»)⁷, сама германская действительность служит достаточным комментарием к жизни немецкого писателя.

Истоки «фантазма» Герцен находит в воспитании писателя, детство и юность которого проходили в уединении, способствовавшем развитию мечтательности и углубления в свои чувства. Оторванность от современной повседневной жизни, не знание ее и явились причиной возникновения трагического столкновения между фантастическими мечтами и грубой прозой жизни, куда уже проникла жестокая буржуазная мораль. «Он становится мрачен, ибо начинает разглядывать действительный мир во всей его прозе, во всех его мелочах; это простуда от мира реального, это холод и ужас, навеваемый дыханием людей на грудь чистого юноши. И тут-то рождается в нем потребность сорваться с пути битого, обыкновенного, пыльного, которую мы равно видим во всех истинных художниках»⁸. Здесь находим второе объяснение фантастике Гофмана: ее породило не только одиночество в детстве и юности, но и отвратительная действительность. Чистая душа юноши не приемлет ее, и он

⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 107—108.

⁵ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. I. М., 1954, стр. 71.

⁶ Там же, стр. 62.

⁷ Там же, стр. 62—63.

⁸ Там же, стр. 64.

уходит в свой собственный мир фантазий, где земная жизнь получает причудливое отражение. Этим Гофман продолжает германские тенденции оторванности литературы от насущных вопросов жизни. Между тем уже существовал пример отражения литературой современной действительности — это была Франция. Писатели Германии и Франции составляют противоположные направления в своем творчестве. «Шлегель и Вильмен розно понимают литературу», первый из них является олицетворением немецкой литературы, второй — французской, «один дал ей самобытный полет, чтобы не заставить ее делить скучный покой своей родины, а другой приковал ее к обществу, чтобы ускорить развитие литературы, сообщив ей быстрое движение гражданственности»⁹.

Уже само объяснение Герценом фантазма Гофмана как уход его из мира буржуазной морали, как своеобразный протест против этой морали, являлось новым восприятием специфики немецкого писателя для русской критики. Герцен шел дальше. В гофмановских «фантастических снах» (по Белинскому) он видел бунт против оторванных от жизни философствований в немецкой литературе: «Гофман сам очень чувствовал и очень хорошо представил односторонность германских ученых, окопавших себя валом от всего человечества...»¹⁰.

Тот же протест Герцен видит и в самой жизни Гофмана, полной всевозможных занятий и увлечений. Его «пестрая жизнь служит доказательством, что беспорядочная фантазия Гофмана не могла удовлетворяться немецкой болезнью — литературой»¹¹.

Гофман видит фантастику прежде всего в самой жизни; это она дает богатый материал для его творений. И если они так непохожи на произведения других писателей, то это объясняется лишь своеобразным его видением действительности. «Три элемента жизни человеческой служат основою большей части сочинений Гофмана, и эти же элементы составляют душу самого автора: внутренняя жизнь артиста, дивные психические явления и действия сверхъестественные, пишет Герцен.— Все это, с одной стороны, погружено в черные волны мистицизма, с другой — растворено юмором живым, острым, жгучим»¹². Здесь Герцен делает первые намеки на два аспекта восприятия Гофманом действительности: через «черные волны мистицизма и через юмор».

Чем же объясняется преломление действительного мира в гофмановских повестях через мрачное мистическое восприятие

⁹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. I, стр. 65.

¹⁰ Там же, стр. 66.

¹¹ Там же, стр. 66.

¹² Там же, стр. 72.

его? Гофман принадлежал к тому поколению немецких писателей, которое первым столкнулось с проникающими во все области жизни капиталистическими отношениями. Как пишет Берковский, Гофман видел «новое буржуазное общество в его новизне»¹³. Неразвитость буржуазных отношений не позволяла писателю отобразить новые черты действительности в конкретных образах, в реалистической обстановке, тем более что эти новые элементы первоначально органически проникали в уже известные старые формы человеческих взаимоотношений. Но чутьем художника Гофман заметил проникновение новой морали в общество, отодвигающее на задний план старое германское общественное устройство. Он чувствовал хищнический характер новых отношений, эгоизм и черствость которых его пугали. Страх усугублялся неясным представлением того нового, что входило в жизнь людей. Но Гофман видел, что новые взаимоотношения большинство людей превращали в жертвы, страдающие от какой-то силы, безжалостно толкающей их к гибели. Сила эта в повестях писателя приобретает страшный облик, неопределенность ее придает мистический характер произведению.

Герцен отмечает мрачный, «таинственный» облик повестей Гофмана, «идиосинкрезия», судорожно обвивающая всю жизнь человека около какой-нибудь мысли, сумасшествие, ниспровергающее полюсы умственной жизни; магизм, чародейская сила, мощно подчиняющая одного человека воле другого¹⁴, — так определяет Герцен мистические силы, действующие в произведениях Гофмана. Как видим, Герцен не различал еще конкретного, реального бытия страшных сил, которые писатель ощутил в действительной жизни. Это объясняется, конечно, тем, что в самой России 30-х годов XIX в. буржуазные отношения носили такой же невыраженный характер, что и в Германии начала XIX в. Отсюда и объяснение новых отношений, как «магизм», «чародейная сила». Но Герцен не пошел по ложному пути, не стал искать истока этой силы в сверхъестественности.

Отсутствием ясного представления о классовом характере буржуазных отношений объясняется и то, что Герцен обошел молчанием и такие произведения Гофмана, как «Фрейлейн Скудери», «Мастер Мартин бочар и его подмастерья», «Майорат», в которых с наибольшей яркостью отразилось проникновение буржуазных отношений в патриархальный уклад немецкой жизни. Это упущение подмечается и в книге М. Горлина «N. V. Gogol und G. Th. A. Hoffmann:» «Основным принципом сказок и повестей ужаса Гофмана Герцен считал сочетание необычайного с психологическим, и его анализ за рамки этих положений

¹³ А. Гофман. Новеллы и повести. Л., 1936, предисловие.

¹⁴ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. I, стр. 76.

не выходит. Он указывает на достоинства Гофмана, не проникая в глубину замысла. Фантазию он рассматривает как основной принцип творчества Гофмана, а его существо и смысл он прямо не освещает. Об этом идет речь в некоторых статьях и письмах Герцена того времени ...»¹⁵

В этой же книге автор, признавая за работой Герцена неоспоримые достоинства, говорит о недостаточной глубине анализа творчества Гофмана (причина этого объяснена выше) и о том, что современники Герцена в отдельных своих высказываниях и замечаниях дают ответы на те вопросы, ответить на которые Герцен не сумел.

Мы не можем согласиться с этим утверждением. В 30-е годы Герцен в оценке творчества Гофмана шел дальше своих современников. Ни Полевой, ни кружок Станкевича, ни друзья самого Герцена, еще не освободившиеся от влияния идеализма немецкой философии, не смогли взглянуть на Гофмана с тех реалистических позиций, с которых Герцен начинал смотреть на личность немецкого писателя.

Кроме повестей мрачных, мистических, Герцен выделяет у Гофмана повести шутливые, относящиеся к «дурачествам его сильного воображения»¹⁶, сближая их со сценой Вальпургиевой ночи из гётеевского «Фауста». «Тут нет ни мыслей, ни завязок, ни развязок, но занимательность ужасная»¹⁷. Сюда Герцен относит, наряду со многими другими, «Крошику Цахес, по прозванию Циннобер» и «Записки Кота Мурра». В этих повестях Гофман с помощью юмора и «злой иронии» протестует против тех же буржуазных отношений, против которых он выступает и в своих «ужасных» повестях. Только здесь описание идет в бытовом плане и носит почти реалистический характер. Герцен тонко подметил специфику гофмановского юмора, юмора «артиста, падающего вдруг из своего Эльдорадо на землю,— артиста, который среди мечтаний замечает, что его Галатея — кусок камня,— артиста, у которого в минуту восторга жена просит денег детям на башмаки»¹⁸. Но он не видел той страшной силы, которая стояла за внешне безобидными и слабыми героями юмористических повестей. Гофман же в своих «шутливых» повестях показывает, что носителями новых отношений являются сами люди, в одних случаях они приспособливаются к этим отношениям, в других — используют их для достижения своих корыстных целей: роль человека принижается, и оценка заслуг производится не по личным достоинствам человека, а по каким-то абсурдным, непонятным для Гофмана критериям. Вещи приоб-

¹⁵ M. Gorlin. N. V. Gogol und G. Th. A. Hoffmann. Leipzig, 1933, S. 7—8.

¹⁶ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. I, стр. 78.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 72.

ретают над людьми страшную власть, и люди подчиняются этой власти.

Статья «Гофман» написана Герценом в тот переломный период, когда он отходил от господствовавших в русской литературно-философской среде идеалистического и романтического восприятий действительности. Герцен начинает критически смотреть на прежние идеалы, о чем свидетельствует его статья «Встречи», написанная в том же 1836 г. В ней Герцен смело низводит авторитет Гете, призывает критически посмотреть на немецкого поэта. К Гофману же у него совершенно другое отношение, в нем Герцен, как бы в противовес Гете, видит образец положительного германского писателя. И если Герцен замечает некоторые слабости у него, то смотрит на них со снисходительностью, объясняя их своеобразием натуры писателя и особенностями германской действительности.

Герцен еще не совсем освободился от романтических воззрений — они оказывают влияние на его оценку современной зарубежной литературы. В «Гофмане» Герцен сопоставляет английскую литературу, и в частности Вальтера Скотта, с французской и немецкой, т. е. с Гофманом. В творчестве В. Скотта Герцен прежде всего ценит романтику фабулы. Эпическое изложение, напротив, не удовлетворяет его, он видит в эпичности Скотта аристократизм романиста и не связывает эту особенность со спецификой исторического романа. «Он иногда походит на секретаря уголовной палаты, который с величайшим хладнокровием докладывает самые нехладнокровные происшествия; везде в романе его видите лорда-тори с аристократической улыбкой, важно повествующего»¹⁹. При всем своем романтическом восприятии творчества романиста Герцен все же верно уловил классовую сущность творчества В. Скотта, и это лишний раз говорит о развитии у Герцена демократического мировоззрения. Аристократичность творчества В. Скотта отмечал и Белинский, который также видел в писателе «тори», консерватора и аристократа по убеждению и привычкам²⁰.

Именно душа человека, душевые переживания должны по установкам романтиков являться предметом изображения. Тело же человека, эта своеобразная тюрьма души, интересно посторонку, поскольку имеет к душе некоторое отношение.

Под влиянием этих романтических убеждений Герцен критикует в романах В. Скотта отсутствие психологизма: «...он (В. Скотт.— Н. Х.), описывая природу, не углубляется в растительную физиологию и геологические исследования, так поступает он и с человеком: его психология слаба, и все внимание сосредоточено на той поверхности души, которая столь

¹⁹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. I, стр. 68.

²⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 792.

похожа на поверхность геода, покрытого земляною корою, по которой нельзя судить о кристаллах, в его внутренности находящихся»²¹.

Но, возвышая роль психологизма, Герцен воспринимал его как постоянное, имеющее единый характер, явление. Так, он не видит коренной разницы между романтическим психологизмом немецкой литературы и психологизмом современных французских писателей, несущим в себе реалистическую основу, жизненную правду: «...не воображайте, что этот род родился во Франции; нет! Психология дана в Германии: французы перенесли ее к себе целиком, прибавив свое разочарование и свой слог»²². Именно неразличением старого романтического психологизма и сущности нового направления во французской литературе объясняется то, что Герцен ставит в один ряд Бальзака и Ж. Жанена, видя в творчестве обоих один и тот же характер психологизма.

В анализе творчества Гофмана Герцен шел от связи писателя с окружающей действительностью. «Его жизнь несколько не была похожа на прозябанье, она самая странная, самая разнообразная из его повестей или лучше — в ней-то зародыши всех его фантастических сочинений»²³.

Уже много позднее русская критика оценит этот вклад Герцена в понимание творчества Гофмана. В 1870 г. Шелгунов пишет в своей статье «По поводу одной книги»: «Говоря о чудаке Гофмане, автор (А. Герцен — Н. Х.) уводит вас в Германию, делает Гофмана микрокосмом его страны, если и не полным, то по крайней мере той части страны, которая создала его»²⁴.

В герценовском анализе повестей Гофмана ценно также и то, что в творчестве писателя улавливается протест против несправедливостей жизни. Но поскольку протест Гофмана выражен в приглушенном звучании, постольку и Герцен не совсем ярко подчеркивает его выражение, тем более что положительный идеал в гофмановских повестях показан весьма туманно. В «Коте Мурре» подобным идеалом, положительным героем является Крейслер, но в жизни он так беспомощен и слаб, что не в силах противостоять всем испытаниям и трудностям, выпавшим на его долю.

Статья «Гофман» является одной из стадий развития взгляда Герцена на творчество немецкого писателя. Впоследствии оценка Гофмана приобретет более радикальный характер. Глядя на великого фантаста с реалистических позиций, Герцен отметит позже оторванность его от политической жизни страны. Он ут-

²¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. I, стр. 68—69.

²² Там же, стр. 70.

²³ Там же, стр. 63.

²⁴ Н. В. Шелгунов. Сочинения, т. I. СПб., 1904, стр. 436.

верждает, что писатель должен жить событиями своего народа²⁵. Таким был Гейне — представитель новой немецкой литературы.

Герцен редко обращался к творчеству Гофмана. Дело в том, что характер деятельности Герцена, характер его книг и статей имел мало общего с духом гофмановских творений. Но Герцен живо отзывался на вопросы, волнующие передовые умы общества. А в 30-е годы XIX в. в литературных кругах личность Гофмана была весьма популярна, и поэтому Герцен дал свое толкование его произведениям, способствуя тем самым развитию реалистического взгляда на творчество великого писателя.

На Гофмана в русских читательских кругах смотрели как на певца фантастической жизни, как на певца таинственности и мистицизма. Правда, некоторые стороны творчества писателя понимались правильно, например, гофмановская тема «художник и искусство». Именно она имела наиболее удачное выражение в произведениях писателей, в чьем творчестве заметно влияние Гофмана. Но в целом творчество писателя воспринималось как романтическое явление, стоящее далеко от действительной жизни. Герцен первый связал гофмановские повести, специфические их особенности с характерными чертами немецкой действительности, окружавшей писателя. Герцен искал объяснение фантастики Гофмана на земле, а не в мистицизме и потусторонних сферах. В этом заключается основное значение оценки Герценом творчества Гофмана, которую он дает именно в 30-е годы — период наибольшей популярности писателя в кругах русской общественности.

При оценке Гофмана Герцен увидел Гофмана-писателя и Гофмана-человека. Это является следствием герценовского демократического подхода к писателю, который в свою очередь кладет начало реалистическому взирению на творчество Гофмана. Герцен еще не полностью связывает две сущности — писателя и человека — как единое выражение своей эпохи, он делает первые шаги в этом направлении, получившем впоследствии развитие в оценке творчества Гофмана Белинским.

Полную связь между писателем и человеком Герцен отмечает при рассмотрении творчества другого немецкого художника — Гете. Если в критике Гофмана выделение Гофмана-человека служило в основном для объяснения специфики творчества писателя, то в критике Гете человеческая сущность поэта приобретает резко подчеркнутый характер, создается более полная картина тех морально-этических взглядов, которыми Герцен

²⁵ В журнале Герцена и Огарева «Полярная звезда» была в 1859 г. напечатана статья Огарева «Памяти художника», где давалась резкая характеристика аполитичности Гофмана (см.: А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. I, стр 489, примечание).

руководствовался в первые годы после европейских революций 1848 г.

Герцен впервые в истории гофмановедения выдвинул на первый план ту сторону творчества великого романика, которая до того времени была почти не замечена учеными. В противоположность взглядам ранних исследователей, в основном немецких и французских, которые считали Гофмана мистиком и фантастом, Герцен одновременно с Гейне увидел в немецкой исторической действительности источник всех его творений. Статья Герцена послужила, таким образом, основой для создания целостной концепции творчества Гофмана, показала, что его бесчисленные противоречия в конечном счете представляют собой органическое единство.

A. V. РУСАКОВА
Т. МАНН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
(в поисках «нового гуманизма»)

Томасу Манну принадлежит изречение о «святой русской литературе», которой он многим обязан. Действительно, среди духовных наставников и собратьев этого крупнейшего немецкого писателя XX в., рядом с немецкими художниками и писателями, следует поставить русских: Толстого, Достоевского, Гончарова, Тургенева, позднее Чехова. Место, которое Т. Манн занимает в своей родной литературе, во многом определено последовательностью Т. Манна в выборе традиций. Он часто подчеркивал сам свои национальные корни: наследие немецкого гуманизма, традиции немецкой философии и искусства XIX в. не только предопределили его творческий путь, но были им в свое время усвоены, переработаны и продолжены.

В письме Б. Фучику от 15 апреля 1932 г. Т. Манн пишет: «То, чем я обязан немецкой культурной традиции и как глубоко я врос в нее корнями, я отчетливо понимаю, и это не ускользнет от внимания любого сочувствующего читателя («keinen Verständigen entgehen»)¹. И напротив, восприимчивость к чужой культуре у этого высокоэрудированного и начитанного даже в молодости литератора была не особенно большой и очень избирательной. Например, Италию и Рим молодой Томас Манн воспринимал только как «надежное убежище»: «Историко-эстетические впечатления, которые мог мне дать вечный город, я воспринимал почтительно, но чувства, что они для меня насущно необходимы и непосредственно плодотворны, у меня не возникало»². Той же невосприимчивостью к «латинской цивилизации» Томас Манн в старости наделил своего самого любимого героя Адриана Леверкуяна («Доктор Фаустус», 1947),

¹ Th. Mann. Briefe 1889—1936. Berlin, 1965, S. 348.

² Т. Манн. Собр. соч. в 10 томах, т. 9. М., 1960, стр. 99 (далее — цитаты по этому изданию). Впрочем, позднее писатель несколько иначе относился к Италии. См.: S. Szemere. Kunst und Humanität, Berlin, 1966, S. 121.

который рассматривал свое пребывание в Италии как способ на время спрятаться от судьбы. Но Италия в творчество самого писателя все-таки вошла («Фьоренцу», «Смерть в Венеции», «Марио и волшебник») — хотя скорее как место действия, чем как комплекс определенных идей и традиций. Когда речь заходит о «корнях», Томас Манн Италию не упоминает. Зато его искренняя и большая любовь, зародившаяся в юности, к особому миру русской литературы, очень многое определила в творчестве Томаса Манна.

Известно, что Томас Манн много и охотно выступал со статьями публицистического, литературного и философского характера. Характерен выбор тем, которым посвящает свое перо Т. Манн. Писатель, как подтверждают и его собственные многократные высказывания и наблюдения многочисленных исследователей, почти всегда писал о том, что было ему близко, родственно, что играло определенную роль в сфере его духа. Недаром принято говорить о его «тайных автопортретах»³ в применении к его аналитическим очеркам о Ницше, Гёте, Толстом, Достоевском и др. Большую литературу вызвал вопрос о том, как и почему его «покоряли русские мастера»⁴. Любовь и преклонение Томаса Манна перед русской литературой XIX в. способствовали возникновению живейшего интереса ко всему тому, что происходило в «стране Толстого», к Октябрьской революции и, далее, к проблеме нового — социалистического — гуманизма.

В данной статье мы остановимся на том значении, которое в мировоззрении Томаса Манна приобрела любимая им русская литература, причем не столько в плане художественного освоения ее реалистического метода (этот тема уже не раз разрабатывалась как немецкими, так и советскими исследователями), сколько в качестве одного из факторов, с одной стороны, стимулировавших интерес Т. Манна к России, с другой — переведивших этот интерес из сферы «духа», «искусства» в сферу «жизни», «политики» и животрепещущих проблем общественной и политической жизни. Известно, что по всему складу своего дарования Т. Манн принадлежал (особенно в первые десятилетия) к тем художникам, на которых сильнейшее влияние обычно оказывает не только сама окружающая их реальная действительность, но и та или иная форма интерпретации этой действительности в философии, искусстве, в произведениях предшественников и современников. В первые десятилетия публицистической деятельности Т. Манна мы почти не найдем у него откликов на события дня, зато много статей, подробно-

³ Например, в книге Лессера «Thomas Mann in der Epoche seiner Vollendung» (München, 1952) есть глава «Тайные автопортреты».

⁴ Г. Манн. Собр. соч. в 8 томах, т. 8, стр. 259.

регистрирующих отношение Т. Манна к философам, музыкантам, великим художникам слова. Эта «вторичность», «опосредственность» реакции Т. Манна на жизнь в его публицистике исчезает, но не до конца, в годы первой мировой войны. Оговорка «не до конца» сделана здесь не случайно. Один из современных исследователей «Рассуждений аполитичного» — Э. Келлер⁵ — приводит любопытную таблицу повторяемости имен в этом грандиозном по замыслу и объему исповедальном произведении Т. Манна (1918 г.). Книга направлена в первую очередь против Генриха Манна и Ромена Роллана в защиту «истинной немецкости», «великой» германской миссии и войны, которую Германия ведет во имя этой «миссии». Однако конкретные факты политической сферы сравнительно мало интересуют писателя. Поэтому в первую десятку имен, повторяющихся особенно часто, от 172 до 23 раз, вошли, кроме Генриха Манна, следующие деятели: Ницше (163), Гёте (91), Шопенгауэр (91), Вагнер (84), Достоевский (67), Бисмарк (67), Лев Толстой (45), Роллан (29) и Руссо (23). Если исключить Бисмарка, все остальные относятся как раз не к политикам, а к мыслителям. Даже Фридрих Великий, которым как щитом прикрывал и именем которого Т. Манн освящал свои шовинистические идеи, появляется только 13 раз.

Русские писатели идут сразу вслед за «тройным созвездием» молодого Манна (Шопенгауэр, Ницше, Вагнер). Здесь хотелось бы обратить внимание только на количественные факторы, о самой книге и месте русских писателей в ней речь пойдет ниже.

В письме Генриху Манну от 27 февраля 1904 г.⁶ находящийся на вершине успеха автор «Будденброков» удивляется интересному с его точки зрения и несколько невероятному (*ein bißchen unwahrscheinlich*) приближению старшего брата к либерализму. Рассуждая о понятии «свобода», Т. Манн в этом письме остается верным учеником Ницше⁷: «Политическая свобода меня совсем не интересует. Могучая русская литература возникла ведь под чудовищным гнетом. И может быть без этого гнета она бы и не возникла...?» Так, по мнению Томаса Манна, даже великие успехи «святой русской литературы», перед кото-

⁵ E. Keller. Der unpolitische Deutsche. Berg — München, 1965, S. 170—171.

⁶ Письмо было в пачке 50 писем продано на аукционе в Гамбурге в 1957 г. неизвестному покупателю. Цитируется в отрывках в послесловии к книге «Thomas Mann. Heinrich Mann. Briefwechsel 1900—1949». Berlin, 1965, S. 221.

⁷ Ницше утверждал, что «жестокость, насилие, рабство, опасность... все злое, страшное, тираническое» так же служит возвышению человека и его духа, как и их противоположность (*als sein Gegensatz*). Отсюда и та провозглашаемая им «аполитичность» вместе с ненавистью к «интересам других», к философии социальных преобразований. (См.: F. Nietzsche's Werke Bd. VII. Leipzig, 1889, S. 65).

рой он не устает преклоняться, были возможны не благодаря стремлению к освобождению от «чудовищного гнета», а потому, что этот гнет существовал. Здесь очень заметно смещены акценты, и значение русской литературы понимается в ницшеанском духе, поскольку это значение связано со страданием, не с желанием освободиться от страдания: как и Ницше, молодому Томасу Манну не представляется ценной забота об отсутствии страданий, а к людям, которые ставят это своей целью, он относится с подозрением. «Странно», хотя и «интересно» в глазах Томаса Манна выглядел в те годы и поворот старшего брата к социальной проблематике, которую в свое время высмеивал Ницше (см., например, «По ту сторону добра и зла»), как выдумку людей, «само страдание» воспринимающих «как нечто, что нужно устраниить»⁸. Широко известно, что Т. Манн мучительно, медленно, не всегда прямым путем шел к «новому гуманизму». И только тогда, когда о своих юношеских увлечениях он смог произнести суровые прокурорские слова, появилась в убеждениях писателя та новая прямота и непредубежденность мышления, которая — часто вопреки эмоциональным обольщению и долголетней инерции — заставила Т. Манна искать новых путей. «Когда я был молод,— говорит он в 30-е годы,— я был одурчен, одурманен (*betört*) тем пессимистически-романтическим мировоззрением, которое противопоставляло жизнь и дух, чувственность и освобождение и которое было причиной в высшей степени обольстительных влияний, обольстительных и все же — по-человечески говоря — не совсем верных, не совсем чистых...»⁹. Можно согласиться с Э. Хильшером, который в статье «Т. Манн и Гёте» строит линию развития писателя от юношеских увлечений «созвездием» Шопенгауэра, Вагнера и Ницше к Гёте, но надо добавить, что не только Гёте выводил Т. Манна к новому гуманизму, как и не только три немецких «звезды» его небосклона, но и, например, Достоевский мешали ему в этой внутренней борьбе. В «Рассуждениях аполитичного» Достоевский оказывается в восприятии Томаса Манна писателем, основные идеи которого поддерживали его консервативные и националистические идеи, а также мысли о «религиозном происхождении национальной идеи». Под влиянием Достоевского Т. Манн видит сходство в истории немецкого и русского гуманизма в том, что эта история — «история страданий», придающая истинную человечность литературе и искусству.

⁸ F. Nietzsche's Werke, Bd. VII, S. 65.

⁹ Цит. по статье: E. Hilscher. Th. Mann und Goethe. «Aufbau», 1955, № 8, S. 734. Хильшер здесь утверждает, что «Томас Манн развивался по направлению к Гёте, преодолевал напоенные смертью и болезнью юношеские идеалы благодаря гётеанской любви к жизни и пришел к новому гуманизму» (стр. 735).

Именно такое восприятие Достоевского не только за рубежами России, но и внутри ее не раз заставляло Горького утверждать, что Достоевский — «злой гений наш»¹⁰. То, что привлекало Т. Манна, было названо Горьким в 1926 г. «застарелой болезнью русской литературы», которая «обучала людей прежде всего искусству быть несчастными»¹¹. Поэтому Горький и настаивал на том, что «не слушать, а преодолеть должны мы Достоевского: он — наш национальный враг»¹². Позднейшая эволюция творчества Томаса Манна изменит отношение немецкого писателя к Достоевскому, отодвинет его на второе место после Толстого. Интерес к Достоевскому у Т. Манна вновь обострится во время работы над романом — завещанием «Доктор Фаустус» (1947 г.), когда «апокалиптический гротескный мир страданий» Достоевского окажется ему ближе, чем Толстой, и будет использован для создания образа композитора Адриана Леверекюна¹³.

Впрочем, надо уточнить, что гигантский талант Толстого никогда не отрицался Т. Манном. В «Рассуждениях аполитичного» Толстой рассматривается, главным образом, как Толстой — проповедник, или, как его именует Т. Манн, как «блаженнеңский моралист». Однако именно в это время, в военную осень 1917 г., он перечитывает «Войну и мир» и записывает: «Какое могучее произведение! Подобного больше не создать! И как я люблю все русское!»¹⁴. Это последнее замечание свидетельствует о том, что особой стройности и последовательности в его шовинистических воззрениях даже в это время все-таки не было. И не будет преувеличением сказать, что в подобных заявлениях и следует искать те зерна будущего прозрения, к которому, начиная с 20-х годов нашего века, Т. Манну суждено было идти — медленно, но неуклонно.

Любовь Т. Манна к русской литературе была столь широко известна, что именно ему не раз поручали написание предисловий к русским антологиям, к романам Толстого и Достоевского и т. д. как в Германии 20-х годов, так и в Америке 40-х годов.

О роли русской литературы в его творчестве, о его связях с Россией уже не раз писали¹⁵. Исследователей интересовали

¹⁰ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 29, стр. 231.

¹¹ Там же, стр. 457.

¹² Там же, стр. 291.

¹³ См.: А. В. Русакова. Томас Манн и его роман «Доктор Фаустус». М., 1967.

¹⁴ Th. Mapp. Briefe, 1889—1936, S. 161. Интересно вспомнить также, что, узнав о начале войны, Т. Манн воскликнул: «Если бы Толстой был жив, этого бы не случилось».

¹⁵ Т. М. Мотылева. Мировое значение Л. Н. Толстого. М., 1957, стр. 588—600; Л. М. Юрьева. М. Горький и немецкие писатели XX века. М., 1961.

как оценки, даваемые великим немецким писателем отдельным явлениям русской культуры, так и внутренние созвучия в его произведениях и произведениях любимых им и чтимых авторов России. Начитанность Т. Манна в русской классической литературе была очень велика; знание деталей литературной борьбы в России прошлого века, тенденций, трудностей и биографических частностей помогало Т. Манну в его критических работах не быть голословным, а опираться на глубоко прочувствованный и пережитый материал. Одной из двух его последних работ была работа о Чехове (второй — «Слово о Шиллере»), поражающая даже русского читателя не только любовным проникновением в творчество и жизнь Чехова, но и глубокой эрудицией восьмидесятилетнего художника в области, которая ему, «сыну Запада», вполне могла бы остаться чуждой¹⁶.

Среди работ Т. Манна о русской литературе выделяется как своим размером, так и богатством внутреннего содержания статья «Гете и Толстой», имеющая подзаголовок «Фрагменты к проблеме гуманизма». Работа первоначально была написана в качестве доклада и прочитана Т. Манном в Любеке в 1921 г.; в 1923 г. она была расширена и получила подзаголовок. Последний раз Т. Манн перерабатывал ее в 1932 г. Почти десятилетний интерес к одной и той же статье несколько необычен даже для Томаса Манна, который в художественном творчестве часто подолгу работал над одним и тем же сюжетом (например, романом о Феликсе Круле), но в публицистике, возвращаясь к одним и тем же проблемам, делал их предметом рассмотрения в разных работах. Именно в это десятилетие совершается в жизни Томаса Манна тот поворот, который приведет писателя, по его словам, «в левый лагерь общественной философии» и сделает «странствующим оратором демократии».

В 1926 г. он писал о своей новелле «Непорядки и раннее горе», что это — «история времен революции, рассказанная человеком, который не то чтобы был революционером, но все же кое в чем разбирается и после битвы при Вальми не стал бы предсказывать, что все останется по-старому»¹⁷.

Ряд высказываний писателя говорит о том, что в это время Томас Манн стал ценить свою способность «сопротивляться всем

A. Hofman. Thomas Mann und die Welt der russischen Literatur. Berlin, 1967; R. Schröder. Maxim Gorki, Thomas Mann und die Überwindung der spätbürgerlichen Romankrise. «Weimarer Beiträge», 1967, N 2, S. 246—314).

¹⁶ См.: Д. Е. Бертельс. Томас Манн и Чехов. В сб.: «Проблемы международных литературных связей». Л., 1962, стр. 144—162.

¹⁷ Т. Манн. Собр. соч., т. 9, стр. 67.

скверноромантическим соблазнам, могущим возникнуть и ныне в таком множестве возникающим из *негуманистической* оценки взаимоотношений жизни и духа» (курсив наш — Т. М.)¹⁸. Его «Фрагменты к проблеме гуманизма» и были такой работой, в которой автор «Рассуждений аполитичного» опробовал новые позиции, занимаясь преодолением иллюзий консервативно-националистического периода времен первой мировой войны. В политической публицистике такую же роль играет его речь «О немецкой республике» (15 октября 1922 г.). Неясность, необработанность, незаконченность предпринятого писателем пересмотра своего интеллектуального и философского багажа заметны и в работе «Гёте и Толстой».

Для Т. Манна Гёте был его «вечным спутником», его «любимой маской», постоянным и тревожным предметом его размышлений¹⁹, но и помощником в поисках «нового гуманизма», был «представителем бюргерской эпохи», которая в концепции Томаса Манна до определенного времени совпадала (или почти совпадала) с эпохой процветающего бюргерского гуманизма. Поэтому сопоставление «Гёте и Толстой» нуждалось во внутренних и внешних оправданиях — особенно в последних, так как для немецкого читателя сопоставление было не совсем понятным.

В письме к Стефану Цвейгу от 7 мая 1928 г.²⁰ Томас Манн с удовлетворением отмечает, что Цвейг в своей книге о Толстом всюду проводит параллели с Гёте, как само собой разумеющиеся, в то время как ему, когда он это сделал немного раньше, указывали на насилиственность и неловкость этих сопоставлений. И в самой статье Томас Манн считает необходимым оправдать союз «и» ссылкой на одинаковый «ранг» писателей в специальном разделе, который так и называется «К вопросу о рангах» (*Rangfragen*)²¹: «Тургенев первый дал Толстому титул «великого писателя русской земли», титул, который с тех пор так за ним и остался и который с очевидностью подтверждает, что Толстой для своей страны и своего народа имеет примерно то же значение, что для нас автор «Фауста» и «Вильгельма Майстера»²². Эта несколько осторожная формулировка отнюдь не означает, что сам писатель не был вполне уверен в правомочности такой параллели. О Толстом

¹⁸ Т. Манн. Собр. соч., т. 9, стр. 107.

¹⁹ W. Muschig. Tragische Literaturgeschichte, Berg, 1953, S. 426. Достаточно сказать, что Т. Манн писал о Гёте неоднократно: «Гёте как представитель бюргерской эпохи» (1923 г.), «Путь Гёте как писателя» (1932 г.), «Фантазия о Гёте» (1948 г.). Роман о Гёте «Лотта в Веймаре» потребовал от писателя углубленного изучения его творчества.

²⁰ Th. Map p. Briefe 1889—1936, S. 311.

²¹ Т. Манн. Собр. соч., т. 9, стр. 489.

²² Там же, стр. 492.

он в самых интимных письмах говорит как о своем учителе, которому «он недостоин подать воду»²³, сравнение с Толстым его искренне смущает, так как «Толстой — это Толстой»²⁴. В предисловии к американскому изданию «Анны Карениной» в 1939 г. Т. Манн говорит, что Толстой «совершил в области искусства такое, о чем мы, простые смертные, и мечтать не смеем...»²⁵, и перечитывать вновь его могучие творения для немецкого писателя значит «уберечься от всех искушений изощренности и нездоровой игры в искусстве, значит вернуться к изначальному, к здоровью, обрести здоровье, изначальное в самом себе!»²⁶

Толстой в те годы интересовал Т. Манна не столько как писатель, сколько как человек, как личность, как комплекс определенных идей. В статье «Гёте и Толстой» Т. Манн очень широко — и без полемики — использует книгу Горького о Толстом и статью Горького о С. А. Толстой. С удовольствием цитирует он известные эпизоды из книги Горького, где автор особенно восхищается и любуется Толстым: «В нем есть нечто, всегда возбуждавшее у меня желание кричать всем и каждому: смотрите, какой удивительный человек живет на земле! Ибо он, так сказать, всеобъемлюще и прежде всего человек — человек человечества»²⁷. Т. Манн солидаризируется с выводом Горького: «А я, не верующий в бога, смотрю на него почему-то очень осторожно, немного боязливо, смотрю и думаю: «Этот человек — богоподобен!» (курсив Т. Манна)²⁸. Вспомним, что статья Манна имеет подзаголовок «Фрагменты к проблеме гуманизма». Соединяя в едином обзоре Гёте и Толстого, связывая Гёте с XVIII в., а Толстого — с XIX, Т. Манн строит общеевропейскую гуманистическую традицию. Его восхищение духовным здоровьем Гете и Толстого, его радость по поводу «божественности» Гете, «богоподобия» Толстого была направлена полемически против нездорового искусства, против декаданса, одним из лучших аналитиков которого он сам считался. И не случайно именно книга Горького помогла Т. Манну вырваться (хотя и не до конца) из-под обаяния «некоего ума с Востока», как он называл Дмитрия Мережковского: «...то, что я пытался высказать в эссе о Толстом, было бы невозможно без столь пластичных воспоминаний Максима Горького», — писал он в 1949 г.²⁹ Прямые цитаты из Горького есть только в этой ра-

²³ Th. Mann. Briefe 1937—1947, S. 161.

²⁴ То же, S. 181.

²⁵ Т. Манн. Собр. соч. т. 10, стр. 271.

²⁶ Там же, стр. 251.

²⁷ Т. Манн. Собр. соч., т. 9, стр. 493. М. Горький. Собр. соч., т. 14, стр. 278.

²⁸ Т. Манн. Собр. соч., т. 9, стр. 492; М. Горький. Собр. соч., т. 14, стр. 300.

²⁹ «Tägliche Rundschau», 4.VIII 1949, S. 1.

боте Томаса Манна и в «Слове о Чехове», хотя знакомство его с творчеством Горького отнюдь не ограничивалось книгой о Толстом. Правда, именно эту книгу он считал лучшей его книгой.³⁰ И дело не только в пластичности и высокой художественности воспоминаний Горького о Толстом, хотя это не могло не действовать на очень чувствительного к высоте мастерства немецкого писателя. Дело было в том, что Томас Манн, находясь на распутье, еще сохранял многие свои пристрастия и представления предшествующего периода. Такой — позднее преодоленной — иллюзией писателя было его восхищение Дмитрием Мережковским, в котором он ошибочно видел чуть ли не главного выразителя «русской идеи». Под влиянием Мережковского он считал Петра Первого и Петровскую Русь отклонением от истинного — восточного — пути древней Руси, которая напрасно потянулась к Западу, напрасно «на Запад» пытаясь «прорубить окно». Дмитрий Мережковский, эта, по словам Горького, «дрессированная блоха, ныне возводимая в мыслители»³¹, мог импонировать Томасу Манну и своим почтительным отношением к Ницше, и броскими схемами и формулами, в которые он укладывал не совсем понятное Т. Манну развитие России и русской литературы. Удобная для восприятия схема, по которой Мережковский противопоставил Толстого Достоевскому, как «тайновидца плоти» — «тайновидцу духа»³², оказала известное влияние на немецкого писателя³³. Однако во время работы

³⁰ Т. Манн. Собр. соч., т. 9, стр. 492. Можно согласиться с Рольфом Шредером, что «тема Горький и Томас Манн еще мало разработана и заслуживает особого внимания наших литературоведов, так как в ней идет речь о плодотворных и актуальных взаимоотношениях между критическим и социалистическим реализмом XX века» (*Weimarer Beiträge*, 1967, № 2, стр. 253), однако некоторая прямолинейность в сопоставлении произведений обоих писателей, присущая статье самого Р. Шредера: «Горький, Томас Манн и преодоление кризиса позднебуржуазного романа», настораживает, несмотря на все оговорки автора о существующих между Горьким и Т. Манном различиях, о дистанции между романами «Дело Артамоновых» и «Будденброки».

³¹ М. Горький. Собр. соч., т. 29, стр. 191.

³² Д. Мережковский. Полн. собр. соч., т. VII, СПб.—М., 1912, стр. 305.

³³ Отношение Т. Манна к Д. Мережковскому проделало заметную эволюцию за десятилетие после первой мировой войны. Во время войны Т. Манн сожалел, что его страна воюет со страной такого человека как Мережковский (*Th. Mann. Briefe, 1889—1936*, S. 133); позднее он горячо мечтал о встрече с Мережковским в Мюнхене; с годами его упоминания имени Мережковского делаются все реже и спокойнее, восторженный тон им уже не свойствен, особенно после встречи Т. Манна с Мережковским в Париже в 1926 г.

Трудно согласиться с утверждением Н. Вильмента (см. его послесловие «Художник как критик» в т. 10 собр. соч. Т. Манна, стр. 655), что «Мережковский был для немецкого писателя скорее поставщиком фактических сведений и конкретных оценок русской литературы; его концепциями он никогда не увлекался, проходил мимо них». Нам представляется, что-

над «Фрагментами к проблеме гуманизма» у Томаса Манна была возможность прибегать и к противоядию: считая книгу Горького о Толстом его «лучшей книгой»³⁴, Томас Манн не противопоставляет словесно Мережковского и Горького и по-видимости использует их свидетельства рядом, но в решении большинства вопросов идет за Горьким. Мережковский оказывается отодвинутым в сторону, и отдельные его мысли получают под пером Томаса Манна такое неожиданное применение, с которым Мережковский, «известный боголюбец христианского толка»³⁵, трусливо, по словам Горького, боящийся революции, не мог бы согласиться.

Томас Манн не сумел только в это время полностью преодолеть свое увлечение так сказать «мережковско-нишшеанским», очень эклектичным и туманным путем спасения человечества через «слияние животно-божественного с богочеловеком»³⁶. Поэтому в этой статье 1922 г. рядом с верным и значительным мы найдем у немецкого писателя и путаные, иногда противоречивые суждения о переживаемой Европой эпохе. Эта неясность, переходность позиции Томаса Манна сказалась, как уже говорилось, и в его речи «О немецкой республике», над которой Т. Манн работал почти одновременно со статьей «Гёте и Толстой». Это было очень сложное время для Томаса Манна. Поиски новых путей были затруднены для человека, столь тесно связанного с судьбой немецкого бюргерства, каким был Томас Манн в 20-е годы — годы размежевания позиций в немецкой буржуазной интеллигенции.

Для Томаса Манна всегда очень много значили личные контакты и личное общение с современниками. А современники речи Т. Манна «О немецкой республике», произнесенной им 15 октября 1922 г., не доверяли ему и его внутреннему по-

Н. Вильмонт «оправдывает» Томаса Манна вопреки фактам. Т. Манн не только долгое время считал Мережковского «гениальным критиком», но и не раз возвращался к его излюбленным концепциям, как это будет показано на частном примере в данной статье.

³⁴ Следует также исправить неточность, вкраившуюся в упомянутую выше статью Н. Вильмента, в которой говорится, что Т. Манн книгу Горького о Толстом «считает лучшей из когда-либо написанных о Льве Толстом». — Т. Манн. Собр. соч., т. 10, стр. 655. На самом деле речь идет о том, что Т. Манн считает книгу «Л. Толстой» лучшей книгой самого Горького, в чем легко убедиться, открыв стр. 492, т. 9, того же издания: «После смерти Толстого Горький опубликовал небольшую книгу воспоминаний о нем, лучшую свою книгу, насколько я смею судить».

³⁵ М. Горький. Собр. соч., т. 24, стр. 337, М., 1953.

³⁶ Т. Манн. Собр. соч., т. 9, стр. 605. См. также: Д. С. Мережковский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 10. «Для нашего поколения... тайна всей будущей русской культуры есть разрешение мировых противоречий... новая, может быть, величайшая и последняя борьба духа Восточного и Западного... Богочеловека и Человекобога».

вороту к идеалам демократии — от консерватизма, к республике — от монархии. Правая критика не простила писателю, что он «перепрыгнул к идеалам, которые он самым резким образом отклонял и уничтожал»³⁷, как писала газета и что он, как отмечал с ненавистью Фридрих Хуссон, в 1918 г. прославлял идею «национального», а сегодня славит идею «демократии»³⁸. Особенно резко выступали в последующие годы фашистские и профашистские журналисты. Но трудность заключалась для Т. Манна в том, что он не нашел (да и не искал в те годы) поддержки и у публицистов прогрессивного направления. В воспоминаниях А. Абуша, Лешницера и др. с несомненностью доказывается тот факт, что Т. Манн не сумел тогда сохранить свое положение «властителя дум», которым он пользовался в первое десятилетие века как автор «Будденброков». Отсюда — резкие выступления против Т. Манна, И. Бехера и Б. Брехта. Вот почему работа над «Фрагментами к проблеме гуманизма» является для Томаса Манна в те годы своеобразным оселком, на котором он оттачивает свои новые взгляды. Много позднее Т. Манн будет говорить в статье «Мое время» о том, что время, в которое он жил, было изменчивым, но его «жизнь в нем — представляет собой единство». Он прав постольку, поскольку ему не были свойственны резкие повороты и срывы, что он скорее эволюционировал, чем переживал острые кризисы.

В рассматриваемое время интерес к «стране Толстого» за-глушался в нем личным общением с русскими эмигрантами, вроде Шестова и Шмелева, а также Бунина, сочувствие к которым мешало Т. Манну в полной мере осознать тогда величие Октябрьской революции. Вкладывая в конце своей жизни, в 1947 г., в уста своего повествователя Цейтблома в романе «Доктор Фаустус» слова «Русская революция меня потрясла», Т. Манн невольно усиливает степень своих эмоций, связанных в те годы с Россией. Они были намного суше и сдержаннее. Однако, несмотря на вышеизложенные обстоятельства его духовной жизни, Т. Манн сумел прочитать настоящую отповедь белоэмигранту Шмелеву, личная судьба которого вызывала в нем сочувствие, но с ненавистью которого к оставленной им родине Т. Манн никак не мог согласиться: «Я, как нерусский, по обязанный русской литературе бесконечно многим, хотя и причисляющий себя по своей духовной форме к Западной Европе, не могу и не смею произносить приговор сегодняшней России и насилиственному социальному эксперименту, который она осуществляет. Право этого государственного и общественного устройства

³⁷ Цит. по: E. Kelle g. Der unpolitische Deutsche. München, 1965, S. 131.

³⁸ Там же, стр. 130.

на жизнь и будущее должно быть подтверждено или отвергнуто временем»³⁹. И не случайно в «Рассуждениях аполитичного» есть такие, отнюдь не риторические фразы: «Разве не являются русские самыми человечными людьми? Разве русская литература — не самая человечная? Прежде всего, святая в своей человечности!»⁴⁰ Вот эта мысль об особой человечности, гуманности творчества Л. Н. Толстого, видимо, и положена Т. Манном в основу «Фрагментов к проблеме гуманизма».

Томас Манн не только сопоставляет Гёте и Толстого как двух великих писателей двух народов, о дружбе между которыми он не переставал мечтать даже в военные годы, он пытается создать художественно оформленную связь между ними. В работе Т. Манна первое место, как уже говорилось, занимает не анализ творчества корифеев двух близких Т. Манну культур, а сопоставительное жизнеописание. Несколько утрируя черты сходства, Т. Манн старательно проводит связи и ищет сходные причины для отдельных поступков своих героев. (Интерес к Руссо, итальянское путешествие Гёте и «бегство» Толстого в степь на кумыс; семейные очаги писателей, Веймар и Ясная Поляна — как места поклонения в начале и в конце XIX века и т. д.) «Биографии Гёте и Толстого имеют и то общее,— пишет Т. Манн,— что оба великих писателя много лет подавляли в себе талант, свое пластическое творчество, для которого, как говорит графиня Софья Андреевна они были „рождены“, подавляли, чтобы посвятить себя непосредственно социальной деятельности, к чему их толкали высокоморальные побуждения»⁴¹. Далее упоминаются Мерк и Тургенев, которые «беспрерывно» пытались вернуть их литературе.

Т. Манн продолжает: «Можно доказать, что у Толстого идея искусства *первоначально* в точности совпадала с идеей искусства у Гёте...» (курсив наш.—А. Р.). Т. Манну нравится ставить рядом эти два «существа чистых кровей»— он использует это выражение Горького, как и рассказ Горького о том, как «синели носы» у «людей прямодушных, образованных и прочих», которые, обманутые демократической внешностью великого Толстого, позволяли себе излишнюю фамильярность. «Посиневшие носы будят в нас воспоминания о Веймаре, леденящие воспоминания о тамоших приемах и сценах поклонений...»⁴². Несколько страниц подряд Томас Манн подробно пересказывает, оснащая свой пересказ обиль-

³⁹ Th. Mapp. Briefe 1889—1936, S. 360.

⁴⁰ Th. Mapp. Betrachtungen eines Unpolitischen. Berlin, 1956, S. 429.

⁴¹ Т. Манн. Собр. соч., т. 9, стр. 515.

⁴² Там же, стр. 536.

ными цитатами, книгу Горького о Толстом, пересказывает, со многим соглашаясь, и ко многим мнениям Горького о Толстом относясь с полным доверием. Надо отметить, что работа — при всей ясности изложения и внешней броскости — построена на таких многоплановых сопоставлениях, что Т. Манн не сразу подходит к своим главным мыслям о том, что же есть гуманизм в наши дни. Глава «Обучение» посвящается подробному изложению педагогических теорий Гёте и Толстого: «И кто бы мог подумать, что, несмотря на это (различие.— А. Р.), в самых важных положениях существует удивительное средство воспитательных идей у обоих великих писателей?»⁴³

Среди педагогических идей Гёте и Толстого Т. Манн выбирает общее им обоим суждение об устарелости чисто гуманитарного образования, «латыни и риторики»: «...нет сомнения, что в пору своей сознательной педагогической деятельности Гёте относился к винкельмановско-гуманистическому идеалу примерно так же, как Толстой и Ауэрбах относились к музыке, то есть с социальной строгостью по отношению к сибаритству... он (Гёте.— А. Р.) разделяет убеждение Толстого, что образование может быть фундаментальным, только если оно носит ограниченный характер; вот почему он, устами оратора из Педагогической провинции, столь решительно обозвал всеобщее гуманитарное образование и все институты, ему способствующие, чепухой»⁴⁴. Томас Манн не до конца разделяет эти мысли и идеи Гёте и Толстого. Ведь не следует забывать, что именно «гуманиста» в старом филологическом смысле этого слова сделает Томас Манн своей «самопародией» в романе «Доктор Фаустус». Цейтблом зафиксирует в романе как раз те стороны духовного существования среднего немецкого гуманистария, с которыми престарелый писатель ощущал свое внутреннее родство — пожалуй, как с пройденной стадией, но все же очень близкой ему и многократно внутренне в давние времена оправданной (т. е., в частности, в 10-е годы XX в.). В момент написания работы «Гёте и Толстой» Томас Манн еще не ощущал свои идеи как будущие пародии на отжившее время. Вот почему непосредственно от рассуждений о судьбах классического образования, греческого и латинского языков, в статье делается переход к проблемам русской революции и европейской культуры. Последняя, определенная как «средиземноморская, классически-гуманистическая» переживает именно в связи с революцией в России ощущение того, что времена ее расцвета прошли, «и сейчас мы присутствуем при ее последних судоро-

⁴³ Т. Манн. Собр. соч., т. 9, стр. 549.

⁴⁴ Там же, стр. 596—597.

гах и агонии»⁴⁵. Томас Манн говорит здесь о «загнивании либеральной системы», о «конце эпохи». Позднее эта терминология — не сразу, а после опыта антифашистской борьбы — станет решающей в романе о судьбе Германии XX в., в котором речь пойдет уже не только о «конце эпохи», но и об «эпохе конца» («Доктор Фаустус»). Интересно заметить, что правильно почувствовав решающее поворотное значение для всей буржуазной эпохи факта пролетарской революции в России, Томас Манн о самой революции придерживался весьма неверного суждения. Именно в этой части статьи всплывает «мережковщина». Россия с этой революцией, несмотря на ее «западно-марксистский чекан», по мнению немецкого писателя, «поворачивается лицом к Востоку», а в Николае II будто бы уничтожен Петр Великий, и «его падение расчистило перед русским народом путь не на Запад, а возвратный путь в Азию»⁴⁶.

В последующие годы отношение Т. Манна к Октябрьской революции станет более четким, а ее значение не будет пониматься столь превратно, но и в своей речи, посвященной 700-летию своего родного города Любека, в 1926 г., признавая «мировую революцию» фактом, он высказывает надежды на то, что революция не поколеблет любезные ему бургерские традиции.

«Мы,— говорит Т. Манн в статье «Гёте и Толстой»,— «простодушно изложили наше мнение о великих характерах и создателях пластических образов, о детях божества...»⁴⁷. Однако «простодушие» писателя убеждает не до конца, скорее всего в силу того обстоятельства, что два последних фрагмента кончаются резко контрастными заявлениями. В предпоследней главе в заключении выражается надежда на то, что скоро «Карл Маркс прочтет Гельдерлина» и это обновит немецкий социализм, который, по мнению Т. Манна, в то время исчерпал себя в злосчастном экономическом материализме.

Заключительная глава, которая так и называется «Последний фрагмент», во многом связана с увлечением Т. Манном «неким умом с Востока», т. е. Дмитрием Мережковским, и заканчивается упоминанием на исполнение его надежд и пророчеств о слиянии «животно-божественного с богочеловеком», о слиянии, которое «принесет когда-нибудь избавление роду человеческому»⁴⁸.

Дальнейшее развитие Томаса Манна избавит его от следования этим «пророчествам» Мережковского, зато неясные мечты о союзе «Маркса» и «Гельдерлина» приобретут отчетливые формы

⁴⁵ Т. Манн. Собр. соч., т. 9, стр. 598.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, стр. 605.

⁴⁸ Там же.

в его позднейших высказываниях о будущем, невозможном без коммунистических черт.

Через несколько лет, в 1928 г., Т. Манн написал статью «Л. Толстой» к столетию со дня рождения писателя. Статья наполнена такими определениями Толстого и его творчества: «титан», «его уже не было с нами — и не было никого равного ему», «потрясающая нравственная сила», «благословенная жизнь» и т. д. Не ссылаясь в этой статье на Горького, Томас Манн пишет о Толстом с любовью и преклонением, носящим чисто личный характер: «... подобно тому, как сам он, Антей, при каждом прикосновении к родной земле чудодейственно умноожал свои силы художника, так для нас матерью-землею, самой природой, одной из извечных форм ее бытия стали его могучие творения»⁴⁹. А так как в эти годы Т. Манн уже вырабатывал новое для него представление об ответственности «духа» перед жизнью, об ответственности носителей духа, т. е. интеллигентов, за последствия их деятельности, то он отмечает, что Толстой угадывал наступление «эпохи, когда искусство одного только воспевания жизни кажется недостаточно правдивым и когда ведущей, определяющей, просветляющей силой становится дух, связавший себя общественными интересами, отдающий себя на служение обществу...»⁵⁰. В этих словах слышится очень личное, исповедальное: Томас Манн прославляет Толстого за то, по его мнению, что он «ради вечного стремления к истине (Гёте.—А. Р.), ради потребности открыть ее людям» отдает все свое богатство художника — вопреки собственной природе — на службу идеи. Как раз в 20-е годы Томас Манн искал, как уже говорилось, новые решения проблемы гуманизма. Он уже ясно ощущает бесплодность старых форм буржуазного гуманизма, ясно ощущает, что его прежние вдохновители и учителя — Ницше, Вагнер, Шопенгауэр — не могут помочь ему в разрешении новых и мучительных коллизий. Для немецкого писателя поэтому так важен был этический пафос Толстого, бунт Толстого против искусства, т. е. и против самого себя. Известно, что Томас Манн тоже сумел взбунтоваться против той, казавшейся ему ранее единственно-правильной позиции писателя, которую принято обозначать башней из слоновой кости. Результатом этого бунта стала политическая и общественная деятельность Томаса Манна в 30-е и 40-е годы, деятельность, высоко оцененная современниками и принесшая самому писателю новые решения его прежних излюбленных проблем.

Одной из самых личных его работ было «Слово о Чехове»⁵¹, написанное за год до смерти (1954 г.). «Должен

⁴⁹ Т. Манн. Собр. соч., т. 9, стр. 623.

⁵⁰ Там же, стр. 626.

⁵¹ Подробнее об этом см.: Д. Бертельс. Томас Манн и Чехов.

сказать, что эти строки я писал с глубокой симпатией. Творчество Чехова очень полюбилось мне», — говорит Т. Манн⁵². Вместе с Чеховым он хочет надеяться на великое социальное значение искусства — «...в чаянии, что правда в веселом обличье способна воздействовать на души ободряюще и подготовить мир к лучшей, более красивой, более разумно устроенной жизни»⁵³. Так русская литература, которую Т. Манн полюбил еще в ранней молодости, дарила ему силы и творческие импульсы и на закате его дней. Но особенно важным для него было воздействие русской литературы в 20-е годы нашего века, когда именно русская литература помогала Т. Манну в познании, пусть не сразу окончательно правильном, новой правды — правды социалистического гуманизма.

⁵² Т. Манн. Собр. соч., т. 10, стр. 539.

⁵³ Там же, стр. 540.

ПУБЛИКАЦИИ И ОБЗОРЫ

inlav

А. И. РОГОВ

**«ПОВЕСТЬ ОБ ИСИДОРЕ ЮРЬЕВСКОМ»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
И ПАМЯТНИК РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ
ПЕРИОДА ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ**

Повесть об Исидоре Юрьевском, принадлежащая перу известного псковского книжника-агиографа середины XVI в. Василия-Варлаама, до сих пор мало привлекала внимание историков. В науке скорее ставился вопрос о необходимости изучать этот памятник, чем предпринималось его исследование. Собственно, можно назвать только три статьи, посвященные Житию. Одна из них «О русском Юрьеве старого времени в связи с житием великомученика Исадора и с ним сопострадавших из 72 Юрьевских мучеников» А. Будиловича опубликована в «Сборнике Ученолитературного общества при имп. Юрьевском университете» (т. IV, Юрьев, 1901). Автора интересовала в первую очередь степень исторической достоверности рассказа о гибели 73 жителей русской колонии в Юрьеве в 1472 г. Значение же Жития как памятника древнерусской публицистики ни в коей мере не привлекло внимания автора. Не случайно в изданном им списке (принадлежавшем протоиерею Долговскому, причем не было даже указано, в каком городе находится рукопись) были опущены предисловие и заключение Жития.

Две небольшие статьи посвятили Житию Исадора И. Фетисов. Первая из них включена в составленный В. Н. Перетцем «Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая — 10 июня 1915 г.» (Киев, 1916). Кроме перечня упоминаний в литературе Жития Исадора И. Фетисовым был опубликован список Жития по сборнику Киевской духовной академии, № 32 (ныне хранится в Библиотеке АН УССР в Киеве). Памятник в этом списке представлен со значительными изменениями: опущено предисловие и несколько расширено заключение, так что несмотря и на эту публикацию Повесть в первоначальной своей редакции остается неизвестной читателю. В другой своей не-

большой статье «К литературной истории повести о мученике Исидоре Юрьевском», помещенной в сборнике статей, изданном в честь академика Алексея Ивановича Соболевского (Л., 1928), И. Фетисов лишь делает некоторые замечания о литературных особенностях Повести.

В последующие годы Повесть совсем не обращала на себя внимание историков. Н. А. Казакова, опубликовавшая обстоятельную работу, специально посвященную русско-ливонским отношениям 60-х — начала 90-х годов XV в., даже не упомянула о ней¹.

Повесть издается по сборнику Государственного Исторического музея (Синодальное собрание № 850, сборник в 4°, полууставом XVII в.). Как свидетельствует запись на л. 1, сделанная скорописью XVII в., он принадлежал справщику Московской типографии Никифору Семенову («Книга каноны и жития святых с Соборником большая писменная справщика иерея Никифора Семенова»). Заключение Повести, отсутствующее в данном списке, печатается по сборнику XVIII в. Уваровского собрания (ГИМ, Ув. 911, лл. 330 об.—331 об.).

8 января 1472 г. в р. Эмбахе (Омовже) были итоплены 73 русских жителя г. Дерпта (Юрьева) во главе с настоятелем русской церкви священником Исидором. Казнь была совершена по приговору городского суда за пропаганду православия и за отказ перейти в католичество. Реальность этого события, о котором повествует Житие Исидора Юрьевского, в настоящее время в историографии не подвергается сомнению. Правда, ни в одном из источников, за исключением тех, где использованы данные Жития (Пространная Повесть о начале Псково-Печерского монастыря, Житие Серапиона Псковского²), об этом историческом факте нет прямого упоминания. Однако, как показал А. Будилович, исторические предпосылки и даже последствия такого события в источниках отражены. Следует отметить, что отсутствие упоминания о событиях в Юрьеве 1472 г. в русских источниках не может особенно удивлять. Для московского летописания события в псковской колонии были малоинтересны. Псковские же летописи также едва ли могли специально фиксировать такого рода факты. Показательно, что когда, согласно немецким документам, в 1455 и 1461 гг. немцы нападали на русские храмы в Дерпте и даже в 1461 г. обстреляли их³, псковские летописи не обмолвились об этом ни единым словом.

Сравнительно небольшая по численности самоуправляюща-

¹ Н. А. Казакова. Русь и Ливония 60-х — начала 90-х годов XV века. В сб. «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 306—358.

² См.: Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле М., 1908, стр. 41—60, 195—196.

³ Н. А. Казакова. Русь и Ливония..., стр. 310, 313, 320.

ясь⁴ русская колония в Юрьеве, как можно видеть из приведенных фактов, жила в обстановке крайне напряженных взаимоотношений с немецкими властями, которые не могли в ней не видеть чуждого и даже потенциально враждебного начала, непосредственно связанного с Русью. В свою очередь новгородцы и особенно псковичи рассматривали Русский конец Юрьева как часть своих владений⁵, отстаивая его интересы в переговорах с Юрьевским католическим епископом. В 1455 и 1461 гг. новгородцы жаловались при переговорах с немцами на разорение русских церквей в Дерпте, о чем выше уже упоминалось. С точки зрения отголосков событий 1472 г. показательны в этом плане договорные грамоты новгородцев и псковичей с дерптским епископом, подписанные в январе 1474 г. и 1 сентября 1481 г. В первой из них говорится: «Што святыи божъи церкви у Юрьева, у Русском концы, и Русский конец и то честному бископу Юрьевскому и посаднику юрьевским держати честно по старине и не обидети»⁶. Здесь видно стремление гарантировать русских жителей от «обид», подобных тому разгрому, который был учтен в Дерпте в 1472 г. Этим, однако, новгородцы не ограничились. Через 9 лет они потребовали не только гарантировать не-прикосновенность жителей Русского конца, но и восстановить в нем разоренные русские церкви. Во второй из упомянутых договорных грамот сказано: «А бискупу Юрьевскому церкви божии св. Николы и св. Георгия очистити и Русский конец и села тех церквей очистити по крестому целованию, по старине»⁷. Таким образом, репрессии Ордена обрушились именно на русские церкви в Юрьеве в 70-х годах XV в., что вполне вяжется с событием, о котором говорится в Повести об Исидоре.

Все это не позволяет согласиться с В. О. Ключевским, расценившим гибель русских в Юрьеве в 1472 г. как результат простого уличного столкновения, связанного с православным празднованием Крещения⁸.

До сих пор остаются, однако, неясными причины события 1472 г. в Юрьеве. Житие Исидора объясняет это чисто религиозными мотивами, видя в них как бы насильтвенное со стороны немцев завершение тех споров между католиками и православ-

⁴ Недавно в Пскове найдена печать Русского конца в Юрьеве середины XV в. с надписями на одной стороне «Печать Юрьевская» и на другой — «Печать Святого Георгия», т. е. церкви св. Георгия, в которой служил Исидор. См.: В. Л. Янин. Вислые печати Пскова. «Советская археология», 1960, № 3, стр. 260—261.

⁵ Характерно, что указанная выше печать Русского конца в Юрьеве совпадала с обычными печатями псковских пригородов.

⁶ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, № 69. СПб., 1846, стр. 84.

⁷ Там же, № 75, стр. 97.

⁸ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 259.

ными, которые никогда не утихали в Юрьеве. Несомненно, что такие споры имели место, и они не могли не раздражать Юрьевского католического епископа. Но естественно возникает вопрос, что, собственно, опасного могло быть для немцев в Юрьеве в проповеди в их среде русского священника? Что побудило даже собрать в Дерпте съезд представителей ливонских городов, подвластных Юрьевскому епископу («Елико их бысть в Ливонской земли во области славного града Юрьева»). Нельзя забывать, что как в Юрьеве, так и в Ливонии вообще проповедь русского священника в среде порабощенного эстонского и латышского местного населения, насильственно и весьма непрочно окатоличенного немцами, не могла быть им безразлична. Русские же, и в особенности псковичи, никогда не прекращали своих усилий по распространению православия среди эстонцев и латышей, живших в пограничных областях. Православие и русская культура стали распространяться в Эстонии еще в XI в. Об этом свидетельствуют как археологические находки, так и лингвистические данные⁹. В XV—XVI вв. новгородцы и псковичи возрождают свою миссионерскую, а вместе с тем и культурную деятельность среди эстонского населения. Показательны в этом отношении старания инока Елеазарова монастыря Серапиона. Серапион, согласно его житию, к сожалению сохранившемуся только в списках XIX в., родился в 1390 и умер в 1480 г. До 1425 г. он жил в Юрьеве и был прихожанином Никольской церкви, где позже служил и Исидор. Житие сообщает, что Серапион часто обличал латинян и за это преследовался ими¹⁰ и даже вынужден был переселиться в Псковскую землю. Серапион стал иноком знаменитой Елеазаровой пустыни и здесь много трудился над тем, «еже как бы в латышах и чюхнех возбуждати живый дух православная веры». Для этого Серапион изучил латышский и эстонский языки¹¹.

⁹ См.: И. Чистович. История православной церкви в Финляндии и Эстляндии. СПб., 1856, стр. 126 идр. «История Эстонской ССР», т. I. Таллин, 1961, стр. 113, 121.

¹⁰ Н. Серебрянский полагал, что эти сведения Жития Серапиона не заслуживают доверия и неудачно заимствованы из рассказов о событиях 1472 г. «Мы вовсе не имеем известий, чтобы в это время были притеснения православным от латинян», — замечает он (Н. Серебрянский. Указ. соч., стр. 196). Действительно, пока у нас нет данных о такого рода преследованиях русских в Юрьеве в 20-х годах XV в. Однако надо принять во внимание, что, как говорилось выше, в середине XV в. такие факты имели место. У нас нет поэтому никаких оснований отрицать возможность и даже вероятность преследований русских в Юрьеве и в несколько более ранний период. Нельзя в связи с этим не обратить внимание на то обстоятельство, что Псков и Дерптское епископство отказались в 1421 г. присоединиться к миру, заключенному между Орденом и Новгородом Великим, и тем наладить отношения между собой (Н. А. Казакова. Борьба Руси с агрессией Ливонского Ордена в первой половине XV века. «Ученые записки ЛГУ», 1959, № 270, стр. 18).

¹¹ Н. Серебрянский. Указ. соч., стр. 197.

Впоследствии, уже в XVI в., в период Ливонской войны, по распространению православия среди эстонцев много трудится русский юрьевский и вельядский епископ Корнилий (до поставления в епископы, возможно, знаменитый игумен Псково-Печерского монастыря). Он строил в Эстонии православные храмы (в Агиреве и Топине) и даже монастыри¹².

Подтверждением нашего предположения о причине (либо об одной из причин), побудившей Орден и епископа к разгрому русской колонии, помимо общих соображений может служить и одно прямое указание в Житии Исаиада. Описывая сцену городского и епископского суда, перед которым предстали Исаидор и его «дружина», автор Жития Василий-Варлаам вкладывает в уста епископа следующие характерные слова, обращенные к Исаидору: «... наша бо вера с вашею едини. И не погубите себе и будете приснии нам братия и многому добру нашему и богоеству наследницы будете. А восходите и вы свою веру держите потом, мы вам не возбраняем о сем, токмо ныне повинитесь пред многими немцами и чюдию». Здесь прямо, как мы видим, говорится о реакции немцев на проповедь Исаидора среди эстонцев. Кроме того, в этих словах юрьевского католического епископа нельзя не видеть отражение реальных исторических событий, а может быть, в них передана очень близко подлинная речь епископа. Весьма показательна в этом отношении первая из процитированных фраз: «Наша бо вера с вашею едини». Именно подобную мысль внушали католики православным, склоняя их к унию. Так, в 1491 г. приехавшие в Псков католические монахи, склоняя псковичей к унию, говорили их священникам: «... и мы де и вы христиане, и веруем де в сына божия»¹³. Такую мысль о единстве вер не мог допустить русский агиограф.

Основная редакция Жития Исаидора Юрьевского до сих пор датировалась 1559 и 1563 гг. На это указывал еще А. Будилович¹⁴, но ни он, ни И. И. Фетисов, присоединявшийся, по-видимому, к мнению Будиловича, не аргументировали своих выводов. 1563 год как дата, позже которой не мог быть создан памятник, устанавливается легко. Василий-Варлаам говорит, что писать это Житие ему повелел митрополит Макарий, скончавшийся, как известно, в 1563 г. Василий упоминает о нем в послесловии как о живом. Что же касается первой даты, то в пользу ее говорить могло бы общее настроение памятника, его публицистическая направленность, которая должна быть связана с атмосферой Ливонской войны, начавшейся в 1558 г. Но в то же время нельзя исключать, что эта направленность могла быть

¹² Макарий. История русской церкви, т. VI. СПб., 1870, стр. 351.

¹³ «Отписка Филиппа Петрова архиепископу Геннадию». Акты исторические, т. I, № 286. СПб., 1841, стр. 523.

¹⁴ А. Будилович. Указ. соч., стр. 118.

присуща и сочинениям, возникавшим накануне войны. В это время особенно часто в той или иной связи вспоминался Юрьев. Невыплата Орденом юрьевской (т. е. за древний русский город Юрьев) дани послужила поводом к началу военных действий. В самом начале войны в Москве отвечали датским послам, что одной из причин начала военных действий явилось осквернение русских храмов в Ливонии, в том числе Никольской церкви в Юрьеве, которую немцы «разорили и конюшню на том месте поставили»¹⁵.

Таким образом, едва ли можно считать самой ранней датой возникновения Повести 1558 год. С уверенностью можно только утверждать, что памятник возник не ранее 1555 г., а скорее всего, после него. Именно этим годом датируется написанное Василием-Варлаамом Житие Саввы Крыпецкого¹⁶, а в Житии обозначено имя автора до пострига, т. е. Василий.

Но вернемся к рассмотрению главной идеи повести. Она буквально пропитана противонемецким и антилатинским настроением. Для автора Повести не играло роли то, что к этому времени Среден был уже лютеранским. Немецкое для него не отличалось от латинского. Здесь, по-видимому, не только стремление к исторической точности Василия-Варлаама (Орден принял лютеранство в 1554 г.) имело место, хотя и это само по себе заслуживает внимания как свидетельство того, что в руках Василия-Варлаама был какой-то более ранний письменный источник. Ведь во время Ливонской войны немцев чаще всего обвиняли в иконоборчестве. Ни единого намека на это нет в Повести об Исидоре. Немцы обвиняются, напротив, в идололожении. И все же нельзя не отметить, что для псковских книжников XVI в. вообще не было большой разницы между католичеством и лютеранством, между немецкими и польско-литовскими войсками. Так, автор «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков» неожиданно сообщает, что на Псково-Печерский монастырь напали «от вифлянские земли немцы»¹⁷, а польский король и ревностный католик Стефан Баторий для него «лютерский своея веры воин»¹⁸. Враги для русских публицистов XVI в. все равно безбожны, а католики они или лютеране — не имеет значения. Речь чаще всего идет именно о безбожии, а не о еретичестве или неправоверии. В знаменитом своем Первом послании

¹⁵ «Русские акты Копенгагенского государственного архива». Русская Историческая библиотека, т. XVI. СПб., 1897, стр. 48.

¹⁶ В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 251.

¹⁷ «Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков». М.—Л., 1952, стр. 36.

¹⁸ Там же, стр. 41. Напомним, что Иван Грозный четко различал католичество и лютеранство. Подробнее см.: Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана Грозного. В кн.: «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951, стр. 490—491.

Курбскому (1564) Иван Грозный, вспоминая об Александре Невском, побежденных им немцев называет безбожными¹⁹. Для автора «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков» Баторий — «безбожный литовский король», а немцы «богомерзкие христоненавистницы и поругатели его Христовых кверы»²⁰.

И все же по степени остроты обвинений немцев в самом отталкивающем, что могло быть для того времени,— безбожин и идололожении едва ли какое из древнерусских произведений может сравниться с Повестью об Иисидоре. Немцы уже в самом заглавии названы «погаными», и далее о них говорится как о «неверных», «иноязычниках», «безбожных». Автор в эти слова вкладывает не только общий смысл, когда «безбожный» было синонимом ругательства, обвинения в чем-то злодейском,— немцы в сочинении Василия-Варлаама оказываются активными идололожителями и многобожниками, т. е. язычниками. Они «во святых церквей место восхотела идолъсия храмы поставляти». Немецкий старейшина Юрий Трясоголов, как бы обличая себя и своих соплеменников, говорит, что они поклоняются «богом», т. е. богам, называя при этом, разумеется с осуждением, христианами русских. Иисидор в своем обличительном слове обвиняет немцев в том, что они «в боги себе претвориша» «еллинских мудрецов», т. е. древнегреческих философов. В каком смысле псковский книжник писал об обожествлении немцами античных философов: имелось ли в виду характерное для Запада в ту эпоху увлечение античной философией и литературой или это было обвинение, связанное с убеждением о действительном поклонении античным мыслителям как богам? Ответить на этот вопрос довольно трудно. Нельзя не принимать при этом во внимание, что в самой России «еллинские мудрецы» были весьма популярны. Уже с XV в. в рукописной традиции получает распространение сочинение под названием «Пророчества еллинских мудрецов», где были собраны по большей части вымышленные предречения древнегреческих философов. Почти в те же годы, когда создается Повесть об Иисидоре, галерея придворного Благовещенского собора в Кремле украшается изображениями Платона, Аристотеля, Гомера и других античных писателей и мыслителей²¹.

Правда, до XVII в. русская церковь, по крайней мере официально, неодобрительно относилась к «Пророчествам еллинских мудрецов». Так, митрополит Даниил в 1531 г. ставил в вину

¹⁹ «Послания Ивана Грозного», стр. 9.

²⁰ «Повесть о прихожении Стефана Батория...», стр. 55.

²¹ Об этом подробнее см.: Н. А. Казакова. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI—XVII вв. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 358.

Вассиану Патрикееву, что он «во своих правилах еллинъских мудрецов учение написал»²².

Видимо, Василий-Варлаам принадлежал к тем, кто, подобно митрополиту Даниилу, осуждал Пророчества. Осуждение это выглядело еще более внушительным, если учесть, что «неверные и безбожные» немцы разделяли это же заблуждение. Вот почему есть основание видеть в Повести об Исидоре памятник не столько государственный, сколько церковный, видимо связанный с окружением митрополита Макария. Согласно Никоновской летописи, он и другие русские иерархи принимали самое активное участие в идеологическом обосновании Ливонской войны. Была устроена встреча икон из Нарвы (Ругодива), осуждалась «лютерская ересь», торжественно встречали царя после похода и т. д.²³

Резко отрицательное отношение к немцам в Повести превращало борьбу против них, в том числе и борьбу словом, в защиту христианства, а подвиг борцов против немцев приравнивался к подвигу раннехристианских мучеников. Не случайно в вводной части Повести Василий-Варлаам пишет: «Нам же, братие, подобает быти храбрым, яко добрым воином Христовым и душа своя и телеса своя Христа ради предати на скорби и беды до последняго издыхания и страдати о вере противу неверных». Словами, которыми обычно говорили об апостолах, в Повести говорится о страдающих от неверных немцев — «посреде вольков овчати» (л. 21). Автор Повести призывает по примеру Исидора к терпению: «...Христа ради и в любых непреклонное стояние за еговы святые законы». Для Василия-Варлаама характерно, что любой враг для него — немец; он не боится при этом исторических несообразностей и анахронизмов. Так, князя Всеволода Псковского, жившего в середине XII в., задолго до прихода немцев в Прибалтику, он называет «оборонителем и забралом граду Пскову от поганых немец»²⁴.

В разгар Ливонской войны подобного рода утверждения и призывы, опирающиеся на живой пример русских, героически страдавших на тех землях, где теперь шли бои, не могли не звучать чрезвычайно действенно. И если действительно Повесть имеет черты некоторой риторической и полемической (антилатинской) перегруженности, то в свете главной идеи, главного назначения и направленности памятника это в известной мере оправдано. К тому же Василий-Варлаам во всех своих произведениях отличался пышной велеречивостью. Таковы напи-

²² Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 292.

²³ «Полное собрание русских летописей», т. XIII. М., 1965, стр. 295—296, 305, 334, 350, 365 и др.

²⁴ В. О. Ключевский. Указ. соч., стр. 257.

санные им жития Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого (1555—1564 гг.), Всеволода Псковского и особенно переработка Жития Александра Невского²⁵.

Острая антинемецкая и антилатинская направленность Повести об Исидоре Юрьевском вполне отвечала духу времени. В XVII, и тем более в XVIII в., она хотя и переписывалась, но уже не увлекала этой своей резкой антинемецкой настроенностью. Вот почему тогда Житие подвергается заметной редакционной правке. Житие в этой редакции представлено большинством дошедших до нас списков памятника, датируемых временем не ранее конца XVII — XVIII в. Это список Оболенского XVII в. (ЦГАДА), Уваровский список XVIII в. (ГИМ, Ув. 911), список Киевской духовной академии конца XVIII в. (Государственная научная библиотека АН УССР в Киеве, КДА № 32), Оптинский список XIX в. (ГБЛ, Оп. 234) и изданный А. Будиловичем недатированный список, некогда принадлежавший Долговскому.

В данной редакции «безбожний» немцы названы «безумными», а вместо фразы о том, что немцы «церквей место восхотела идольских храмы поставляти», сказано, что они «восхотела свои храмы поставить», и вообще все обвинения немцев в «идолопоклонении» опущены.

Изменения коснулись Повести и в других отношениях. Так, в публикуемом ниже Синодальном списке оказалось сокращенным чрезмерно риторическое заключение, поясняющее, однако, историю создания Повести. Вышеперечисленные более поздние списки сохранили это заключение.

Еще в XVI в. была составлена и совсем краткая редакция Повести, скорее всего, проложного типа. Один из списков этой редакции был напечатан Н. П. Лихачевым по списку сборника второй половины XVI в., принадлежавшему ему самому²⁶. Нам известны еще два списка этой редакции: Музейский конца XVI — начала XVII в. (ГИМ, Муз. 813) и Троицкий начала XVII в. (ГБЛ, ф. 304, № 626). Эта краткая редакция, несмотря на свою лаконичность, неизменно называет немцев «безбожными погаными». Само по себе приспособление Повести к нормам проложного, краткого жития свидетельствует о большой популярности к концу XVI в. Исидора Юрьевского в России. Пролог включал лишь ограниченное число наиболее почитаемых святых. Впрочем, в состав известных нам прологов Житие так и не вошло, так как этому, видимо, препятствовали сложные обстоятельства истории Русского государства конца XVI—XVII в. До

²⁵ Там же, стр. 250—262.

²⁶ Н. П. Лихачев. Июка Фомы Слово Похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. «Памятники древней письменности и искусства», вып. CLXVIII. СПб., 1908, стр. IX—XI.

1647 г. Пролог вообще не пересматривался, а во второй половине XVII в. популярность Повести об Исидоре, как мы видели, не была уже настолько велика, чтобы войти в Пролог.

Это не означает, впрочем, что имя Исидора предавалось в XVII в. забвению. Показательно, что в своеобразную инструкцию для древнерусских иконописцев «Иконописный подлинник» XVII в. было включено и указание о том, как следует изображать Исадора. «Исидор,— читаем мы в нем,— подобием сед, брада... на конец повилась, ризы поповские баканныя, оплечье вохра, исподня лазоревая; а иже с ним, разным подобьем стары, средовски, седы, русы и млади»²⁷.

На Руси помнили и в XVII в. не только Исадора, но и тех безымянных всех возрастов русских людей в далеком Юрьеве, которые погибли от рук немецких рыцарей январским утром 1472 г.

л. 20 Месяца генваря в 8 день — Страдание святаго священномуученика презвитера Исадора Нового и иже с ним пострадавших за Христа седмидесяти и двою мученик во граде Юрьеве Ливонском от немец поганых. Списано священноиноком Варлаамом смиренным мнихом по благословению преосвященнаго Макария митрополита Московскаго и всея Руси. Благослови, отче.

Елицы убо пчельному трудолюбию и любостроению подобятся болголюбию, яко же они по полем летающе от всякия травы и от всякого цвета собирают прекрасная и полезная, тако и сии любомудрецы от всех божественных словес подобная и полезная собирают, яко трудолюбная пчелы и услаждают душа человеком, еже ко спасению, от неких целомудрия цветы собирают, от неких правды, от инех же мудрости, от инех же храбрости, яже противу неверных борения за Христа, от других же милости и к ближним человеколюбие и кротость и тишину, от других же терпение Христа ради и в лютах непрекло // иное стояние за еговы святыя законы и просто поеже реши от всех, вся яже на спасение душам нашим прилична суть, якоже цветы собирающе и в сокровищах сердец наших полагающе, еже бо паче меда сладкаго и сота добродетели делают и сим плоды вечная жизни собирают нам, понеже бо велия нужда и злнейшая скорбь устаяти весть и призывасти люди к вере и памяти божии и подвизати их и поощрять, тако же и иноверные и иноязычники непокоривыя на возделание и хотение приводити их и творити им благая и полезная.

Нам же, братие, подобает быти храбрым, яко добрым воином Христовым и душа своя и телеса своя Христа ради предати на скорби и беды до последняго издыхания и страдати о вере противу неверных, но яко убо и не речеся во святом евангелии от господа и Христа богохваливых уст его: «Всяк, иже исповесть мя пред человеки, исповем его и эз пред отцем моим небесным. На мучение и томление зде нас Христос подвигает и сердца наша устрая // ет и вся презирати хотяща нам приходити лютая и злая, сирече печали и уничижения, нахождения и всякия иная скорби и напасти и беды, еще же и самыя тыя смерти повелевает нам презирати и учит и укрепляет нас, глаголя: «Не убойтесь от убивающих тело, души же немогущих убити, си убо

²⁷ Н. Барсуков. Источники русской агиографии. СПб., 1882, стр. 231.

аз посылаю вас яко овец посреди вольков». Всяким образом укрепляет нас Христос и яко оружием глаголы своими ограждает нас и уготовляет к напастем приходити и хотящая случатися нам злая проповещает и глаголет, яко проповедающем сия вся имеем утешение себе, егда страдати хощем. «А,— убо рек,— крепкий и славный всех господь посылао вас. Сего ради дерзайте, яко крепцы и непоколебимии и неяти имати быти и готовайтесь паче, еже терпети крепко скорби и беды, яко же невозможно есть посреде вольков овчата не зло страдати, тако и вам посреди неверных и враг ваших // еже не страдати. Но аще и стражете, аще и гоними бываете, да не враждуете, ни яже малодушъствуете», яко бо овчата кротка и тиха хощет нас быти. Тако убо паче возможете побеждати враги ваша. Аще же и телеса ваша убиенна будут, но души ваши живи будут во веки в веселии и радости веселящеся. И сия убо зде к прочим разуму мысль ко устремлению приведем, о нем же и вина слову во изъявление споведатися хоща. Бысть же убо аще.

В лето 6980-е попущением божиим на христианы разсвирипившимся безбожным латыном и хотящим брань воздвигнути на богоспасаемый и славный Псков град и на окрестныя грады Псковская и на вся церкви Христовы и честную святыню и пречестное тело и святую кровь господа нашего Иисуса Христа христианъское служение, сиречь бескровную жертву приносимую господеви за согрешения наша умыслиша разорити и во святых церквей место восхотеша идолъских храмов поставляти // и опресночная служения уставити, еже от проклятаго папы римского Петра гугниваго прияша. И последи по прехождении многих лет тии же безбожнii немцы сиречь латыни подтверждение прияша своим ересем проклятым и своей злочестивой вере от того же града Рима Великаго папы Евгения еретика суща и врага истине, антихristova предотечи. И от проклятаго его собора и восхотеша совратити люди божия от веры христианъская истинныя, еже во отца и сына и святаго духа, и в свою проклятую веру латинъскую привести и опресночному их служению приединити.

В то же время в Ливонской земли во граде Юрьеве живяху православни христиане в русском конце. Церковь же к собанию божественныя службы имеяху не христианъского закона, водружьшу во имя святителя Христова Николы чудотворци и святаго великомученика Георгия иже от Каппадокии. К ним же убо и прибегающем и отпустили соргешением просящем от господа бога, рук // ководъствующа и заступника к содетлю предсылаху. Сия великая святая к сему же и учителя себе имеяжу тии, яко же глаголю о их же нам слово христиане наставника на истинныи путь и вожда и молебника к богу, истинна и непостыдна служителя священноиерея именем Исидора, в добродетелех и исправлениях божиих цветуща и яко звезда сияще посреди християн и неверных немец укоряше множицею, но и не учаще, еже отступити им от латинъских веры и опресночного служения и приступити ко истинней вере христианъстей и крещение прияти и вроверати во святую единосущную и неразделимую троицу отца и сына и святаго духа. Тем и многажды святый подвиге на гнев бежбожных латын. И тако убо ему пребывающу и обычай яко же христианъм предлежит, в церкви святаго чудотворца Николы чисте бескровную жертву приносящу.

И злы // убо плевел сеятель враг, позавидев добродетели священноиерея Исидора и христианъскому житию поборника, аbiee входит от некоего единаго от немец, ему же и града того старейшинъства чин предержащу Юрии зовом, яко же на собное и прилагательное покажет Трясоголов. Сии убо бесом вооружен и многу клевету шед к бискупу навади на иереха Исидора и прочим стареишинам града. «Сlyshaх,— рек,— от русскаго попа и от всех християн, иже во граде нашем об-

держание жития имеют, веру убо чистую латынъскую хуляше, тако же и опресночную нашу службу, юже мы от отец своих прияхом от мног лет, и честным богом нашим ругаются и нас укаряют, и безверниками наричуют и развращают наша чистая веры устав, и обычай и свою християнъскую веру добре похваляют и величают». И на многа оклеветания окаянныи он немчин изрече на святых и вельми на ярость подвиже бискупа и вельмож града того, яко убо от времене того начаша безбожни латыни искати большия вины, дабы чим я истязати.

Празднику же честному приспевшу святаго Богоявления господа нашего Иисуса Христа, иже генваря месяца в 6 день, священник убо християнъский Исидор и со всеми православными христианы изыде на реку Омовъжу с честными кресты и со святыми образы на освящение воды, яко же обычай христианом творити. И ту восхитиша Христова иеря Исидора учителя християнъского и иже с ним православных християн, мужи и жены обретшия ту. Яко же волцы свирепо на них нападше безбожни немцы, иже посланы от бискупа и от старейшин града. И тако нуждею влекоми быша и бискупу предстата и судиям градским. И вопросени бывше. И истязанию велию бывшу, еже бы им отступити от веры християнъская и сообщником быти латынъская их прелести. Купно же святии яко единими усты решта, отвещавше к бис-

л. 24 купу и судиям градским //: «Не буди нам сие, о беззаконныи и злочестивыи бискупе, друже сатанин и слуг его поборниче, сыне погибели и враже истины, еже нам отврещиша Христа бога истиннаго со беззачальным его отцем и с пресвятым благим и животворящим духом и веры яже в того, ни яже в него трисиятленного света святаго крещения во святую единосущную и неразделимую троицу, но и телес своих не пощадим за Христа бога, нашелю (!) любовь. Мучи нас яко же хощеши. Паче же и к вам убо нам слово: молимся, пощадите своя душа, яко и вы созданы есте богом, отступите от проклятого идолопоклонения и опресночныи службы, их же сами вы окаянныи сотворише своима рукама во имя бесовъское и украсивше я сребром и златом и камением многоценным и им ся кланяете и боги тех нарицаете, истуканы суща. Или не весте, злочестивии, яко един бог во троице славимый, иже сотворивши небо и землю и всю види // мую и невидимую тварь».

л. 24об. И паки по сих рече святыи Исидор: «О латыни, ваше бо писание богомерско и богоотступно. Вы разделяете святую тронцу, глаголете, яко дух святый исходит и от сына и опресноки служите, глаголюще, яко в бескваснем и в кваснем хлебе телу Христову сотворятия достоит. Увы прельсти ваша богомерская, увы отступления пагубнаго. Яко же учитель ваш злоименитъ Евгений, иже подтверждение веры своея от него приясте и от итальянскаго Григория и от инех учитель злочестивыя ваша веры, иже брады своя и усы постригают. Тако же и вы, окоянныи творите. К Моисееви бо рече бог в первом законе: «Да не взыдет постризalo на брады ваша». Паче же и сами весте, о латыни, яко таковая творящии проклятия в сем веце и в будущем от святых апостол и от святых отец седми соборов и имате пойти в муку вечную з бесы и во огнь вечный негасимый, во тму кромешную. Яко же // отцы ваши творящии таковая, яже и вы ныне творите нечестивии латыни, снидошася ко отцу своему согоне в подземная места, в землю мгляну, идеже несть света, ни жизни человеком. Тамо бо есть ад несбытыи, в нем же мучатся еллинъстии мудрецы, иже в боги себе претвориша, и еллинъ нечестивии, иже не почитающе господа бога нашего Иисуса Христа, рождашагося от пречистыя девы Марии и распенышагося за ны от нечестивых иудеи, и в третии день воскресша. Тако же мучатся и еретики, иже корчмъствуют истину и на лжду прелагают. О безумнии латыни, послушайте, яко же предлаголах вам и ныне паки глаголю. Хощу вашего спасения, да не погубите душ сво-

л. 25

и. суща

их и останется злые сея душегубная прелести веры своея проклятая латыньская. И примите христианскую православную веру и крестися во имя отца и сына и святаго духа во святую единосущную неразделимую троицу в ню // же вси християне православни веруют л.25 об. несуменно и поклоняются написанному на иконе по человечно смотрению образу господа нашего Иисуса Христа и его матере пречистыя Богородицы и святых его угодников.

О латыни неблагодарни, иже хулу на Спаса нашего глаголующи. Аще не хощете творити, пребудете в неправде своей и не пойдете путем правды божия. То и сами весте, окаянни. О таковых пророк глаголаше: «Аще ли не хощете ни послушаете мене, оружие вас пояст, уста бо господня глаголаше сия».

И тако святыму священониерою Исидору со дружиною свою изглаголавшу поучение к безбожным немцем, они же законопреступни паче подвигохшие на гнев и на ярость к святым исповедником. И по сих испытаном бывшим святым, и по сем повеле беззаконы бискуп с великим гневом воврещи святых в темницу и твердо блести их до толика, яко да о них беззаконии, что умысят и которыми муками искусят телеса святых исповедник. И тако посла // беззаконы послания по всем градом окрестным, елико их бысть в Ливоньской земли во области славного града Юрьева, и повеле всем держателем градским принести на испытание святых исповедник. И тако всем сошедшимся во град Юрьев, и аbie в той час святыи иереи Исидор уча в темнице блаженную дружину свою: «Братия моя и чада, господь вас собра со мною в подвиг сей духовный и хотя нас венчати от вседержительных руки своея неувядаемыи венцы. И вы, братия и господие мои, добре постраждите со мною противу беззаконных немец без сумнения. И не убоимся, братие, горких мук, ниже ослабеем в них. Сатана рыкает с бесы своими, яко лев, хотя нас кого уловити и отторгнути от веры Христовы, но станем, братие, неподвижно в вере, яко добрии воини Христовы противу кознем дияволским и возлюбим друг друга, яко же господь возлюби нас. Сам бо рече господь к нам: «Братие, аще мене изгнаша и вас изженут. // Аще слово мое соблюдоша, и ваше соблюдут. Но сия вся творят вам имени моего ради, понеже не ведят пославшего мя». И паки рече господь: «Егда же придет утешитель, его же аз послю вам, от отца дух истинный, иже от отца исходит, он свидетельствует о мне, и вы убо свидетельствуете, яко искони со мною есте». То бо, братие, Христос глаголет ко учеником своим, та же и к нам: «Аще кто имени моего стражет до крове, сиречь до смерти».

И по сем глагола блаженный Исидор: «Братия моя возлюбленная о господе! Ни един же от вас да не оставит мене, но постраждите со мною до крове и не мозите растаятия и не прелеститеся света сего никоними же вожделеными, аще и тмами начнут благая обещати вам беззаконии латыни. Не мозите отврещиши истинного живота нашего Христа, но будите велицы человецы Христовы в последнем роде сем». И по сих сице рече: «Господь с нами, братие. Сия убо глаголах вам, да не соблазнитеся // яко приходит година, даже всяк убивяи вас, мнится, братие, жертву приношати богу».

И по сих святыи Исидор со дружиною ста в темнице на восток и нача пети и молитися со слезами и воздиханием сердечным. И тако поющим им и молящимся богу со слезами, и аbie святыи исповедник Исидор с великим желанием причаститеся святых таин Христовых пречистаго тела и честныя крове господа бога нашего. Та же и всех тусущих с ним причастив и вельми славля Христу бога и пречистую Богородицу, яко сподобишаася причаститися пречистаго тела Христова и крове его. И быша вси безстрастни и духовною радостию обияти. И паки нача святыи учити их от божественных писаний о воздаянии будущих благ от господа нашего Иисуса Христа, иже воздаст комуждо по

делом его праведным — жизнь вечную, а грешным — мучение бес конца во тме кромешной. И тако святые прирек дружине своей: «Да ни един же от вас мене оставит // от мала и до велика. Пречиши же мук не убоимся, но добре постражем за сына божия господа нашего Иисуса Христа и добре приемем от него почесть страдания своего в судный день». И по сем начаша пети вси единогласно: «Святые мученицы, иже добре страдавше и венчавшеся, молитеся ко господу, спаси душам нашим», та же и прочия стихи поюще.

По сем же придоша скоро по святых посланий в темницу от бискупы и судей града того. И слышавше святых поюще, и абие извлекоша их из темницы и поставша на судищи, еже зовется место ратуша своим им языком латынским, на второе испытание. И поставиша пред бискупы и пред судей градских. Безбожным же латином всем стоящим на позорищи том, святый же исповедник Исидор, яко солнце со звездами ста на судищи пред беззаконными немцами. Бискуп же нача святым ласкательными словесы глаголати о вере и хотя их уловити //, л. 28 злый сын диявол антихристов предотеча, враг всякия истины, глаголя: «О Исидоре со дружиною своюю, токмо ныне послушайте мене и града моего судей и посадников пред многим сим народом съшедшими на позорище ваше со многих окрестных градов, иже в моей державе, и повинитесь и пожрите богом нашим и нашу честную веру принимите и опресочная служения, в ню же вси немцы веруют, наша бо вера с вашею едини. И не погубите себе и будете приснii нам братия и многому добру нашему и богатству наследницы будете. А восходите и вы свою веру держите потом, мы вам не возбраляем о сем, токмо ныне повинитесь пред многими немцами и чюдию».

Святый же Исидор со дружиною своюю, исповедницы, отвшаща к мучителю: «Бискупе, бискупе, что ловиши, окаянне, блядивыми сими словесы? Не можеша нас уловити от веры христианской и ниже отврещися нам Христа своего со беззачальным его отцем и со единосущным // и животворящим духом. И твори, еже хощеш над нами. Се л.28об. мы тебе предстоим, о безумне, яко же прежде глаголали вам, тако и ныне глаголем». Святии же мученицы никако преклоньшеся ласканию нечестивых немец, но единокупно изволиша страдати за Христа. Безбожный же бискуп и судии градскии вельми распалиша на святых и повеле их вметати в реку, наречему Омовжу, иде же Исидор святый иерей чин священства воды совершаще. И тако пострадаша святии мученицы и конец мучения своего прияша и добру память по себе православным оставиша. Бысть же всех пострадавших числом седмидесят и три.

Не умолчу же и се, яко великих похвал к памяти суть достойна, яко убо некая жена в той чете со святыми ведена бысть, носящи же с собою младенца трех лет суща. Бяше же красно отрока, яко же древний Моисей, и благодать божия светя в нем. Нечестивии же немцы отторгнуша отрока от матерю руку. Отрока же виде матери свою по л. 29 // топлену купно со святыми и по обычаю, яко же младенцем пристоит, нача плакати на руку законопреступных. Они же, окаянни, начаша тешити его и по главе гладяху. Отрока же нача лица им драти. Беззаконии же повергша его близ Иордана и рекоша окаянни: «Что сие отрока хощет содеяти?» Отрока же скоро тече ко Иердану и трикраты рукою прекрестив воду во Иордане,— в трех лицах прообразова святую Троицу, и к предстоящим народом зря, рече: «О беззаконии латини! Что стоите зряще сих, понеже бо и аз христианин есмь и верую во Христа и хощу ту же смерть прияти, яко же учитель наш великий Исидор и мати моя с прочими православными». И сия изрек ввержеся в реку под лед. Оле чудо! О дивство, братие, тако бог прославляет святые своя, но и о сем убо отрочати, яко же и древле и о Кирике показа с материю его.

л.29 об. По времени же сих, егда прииде время весне и разлиявшия реке, и явиша телеса святых страстотерпец от // града вверх реки оноя Омовъжи три поприща на горе некоей под древием ничим же времени, възнак лежаше во едином месте, аки некими верными положени, вся же сия строящаго бога и прославляющаго святая своя. Священное же тело Христова иеря Исидора посреде прочих лежаше, яко солнце посреде звезд сияше.

И нецыи же от православных хригиян честно моши их погребоша в том же граде Юрьеве Ливоньском у церкви святаго чудотворца великаго архиерея Николы.

Бысть же сие страдание святых во дни благочестиваго великаго князя Ивана Василиевича московскаго и всея Русии самодержца и при святейшем митрополите Филиппе Московском и всея Русии и при архиепископе великаго Новаграда Ионе чудотворце в славу и похвалу Христу богу нашему и пречистей пресвятыи богородице и всем святым, богу угодившим. Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[ЗАКЛЮЧЕНИЕ]

л.330об. Написано бысть страдание святым новоявленным мучеником семидесять двема и со священным Исидором учителем их, иже за Христа бога нашего души своя положившим и приемшим венцы нетленныи от руки господни почесть своего страдания. И нас молите непрестанно Христа бога нашего, ему же предстоите. Посоветуйте царю нашему православному и великому князю русскому на враги иноверныя видимыя и невидимыя. Господни страдалцы блажении, новосветлье звезды, светила нелестная церкви Христове, помяните в богу в молитвах своих святейшаго митрополита Макария Московского и всея Росии повелевшего вам (!) и благословившаго мою худость священноинока

л. 331 Варлаама, смиренного мниха, написа //ти честное и святое ваше страдание еже за всех царя претерпели. Есте господни угодницы. Тако же и мене грешнаго списателя помяните к богу и избавити вечных мук молитвами вашими святыи.

И тако убо разумеем, братие, како должен есть койждо нас христианин молитися и труждатися и болети и исповедатися в малом времени сем светлою верою и деянием святых господних заповедей небесное сокровище стяжати. Сего ради от страстныя злобы и греховные конечное избавление примем и всех заповедей совершенное делание удобно исправим, яко же и сии святии мученицы со учителем своим священным Исидором. И мрачного покрова дух наших откровение примем молитвами их святыми. Тако в будущем воскресения днъ телеса наша купно прославляются и с прославльшими душами от ныне просвещением и причащением духа небесными украшении // украсившееся со Христом купно с телом и душею о Христе Иисусе господем нашем ему же слава иде держава, честь и поклонение отцу и сыну и святому духу. Ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Е. И. СМИРНОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОСТУПЛЕНИИ В XVII в.
НЕМЕЦКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЕРЕБРА
В КРЕМЛЕВСКУЮ СОКРОВИЩНИЦУ*

Изучение советскими исследователями архива Оружейной палаты, хранящегося в ЦГАДА, позволило значительно расширить круг атрибутированных произведений искусства из собраний Государственных музеев московского Кремля¹.

В 1965 г. директор ЦГАДА В. Н. Шумилов и его заместитель В. С. Козлов обратили внимание научных сотрудников Оружейной палаты на документ XVII в.— Приходо-расходную книгу 1629², в которой содержится перечень серебряных сосудов, присланных 31 ноября 1629 г. на Казенный двор. На 16 листах с оборотами скорописью XVII в. даны описания серебряных сосудов, паникадил, настольных украшений и пр. Общее число предметов — 106, среди них 2 горы, 6 лоханей и 6 рукомойников к ним, 14 блюд, 25 кубков, 9 стоп, 18 блюдец, 2 коня, орел, 9 шанданов и 6 кувшинов. «Роспись» скреплена подписью дьяка Ивана Переносова.

Описания вещей сделаны лаконично, но точно и образно. Четко определены формы и декор предметов: «Лохань серебрена золочена внутри гладкая осмероуголна. У ней на краях чеканены образины крылаты и копья и сабли и топоры и всякая збруя ратная. Около лохани травка зубчата»³. Немногословно, но ясно охарактеризованы скульптурные детали, завершения сосудов. В качестве примера приведем описание фигурки Гермеса, венчающей крышку кубка: «Наверху, на яблоке стоит человек

* Иллюстрации к статье см. на вклейках.

¹ См. работы Т. Г. Гольдберг, М. М. Денисовой, М. Н. Левинсон-Нечаевой, Ф. Я. Мишукова, М. М. Постниковой-Лосевой и др. В сб. «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954.

² ЦГАДА, ф. 396, кн. 81, лл. 169—184.

³ Там же, л. 171 об.

наг. У головы и у ног крыл. В правой руке держит древо. Кругом ево обвились две змеи. А левую руку протянул»⁴.

Часть из перечисленных в документе вещей дошла до наших дней и находится в Оружейной палате, являясь украшением коллекций западноевропейского серебра музея.

Сопоставим некоторые экспонаты из этих коллекций с описаниями предметов в публикуемом документе. На листе 183 об. следующий текст: «Орел серебрян золочен крыле распостерты на стоянце. По стоянцу лошки короткие. По выше ложек долы и травки. Меж их змеи, и лягушки, и раки, и сверчки. Весу тритцат один фунт, одиннадцать золотник»⁵. В коллекции нюрнбергского серебра Оружейной палаты имеется большой серебряный сосуд в виде орла⁶. Фигура орла стоит на высоком круглом основании. Резкий поворот головы вправо, приоткрытый клюв, острое, колючее оперение, обнаженные когти придают фигуре большую выразительность и роднят ее с геральдическими изображениями, характерными для позднего немецкого Ренессанса. По основанию размещены литые ящерицы, лягушки, кузнечики. На сосуде клеймо города Нюрнберга и именной знак знаменитого златокузнеца Кристофа Ямнитцера (1563—1618)⁷. Таким образом, описание орла в документе и хранящегося в Оружейной палате сосуда в виде орла полностью совпадают.

Подобным же образом мы можем установить соответствие описания двух гор в документе⁸ двум горам-курильницам из собрания гамбургского серебра Оружейной палаты. Это весьма эффектные настольные украшения в виде высоких гор, на вершине которых находятся замки с башенками. С разных сторон гор выдвигаются ящики для благовонных трав и ароматных свечей, замаскированные спереди выступами. По поверхности прочеканены растения и деревья, навинчены литые жучки, черепахи и припаяны укрепления в виде башен с вооруженными стрелками.

Горы-курильницы выставлялись в дворцовых покоях XVII в. во время торжественных приемов. Выполнены они гамбургским мастером Дириком Утермарке⁹ в первой четверти XVII в.

Описание орла и курильниц было издано в 1885 г.¹⁰ Автором томов, содержащих описания золотых и серебряных изделий, был Г. Д. Филимонов — хранитель и помощник директора пала-

⁴ Там же, л. 174 об.

⁵ Там же, л. 183 об.

⁶ Находится в экспозиции Отдела посольских даров и западноевропейского серебра Оружейной палаты (витрина № 35).

⁷ M. Rosenthal. Jamnitzer. Frankfurt-am-Main, 1920, T. 20.

⁸ ЦГАДА, ф. 396, кн. 81, л. 169 об.

⁹ W. Scheffler. Goldschmiede Niedersachsens, Bd. I. Berlin, S. 415.

¹⁰ «Опись Московской Оружейной палаты», кн. 1—10 (1884—1893 гг.).

ты в 1867—1893 гг.¹¹ Опись Г. Д. Филимонова, составленная более семидесяти лет назад, и в настоящее время имеет большую научную ценность, так как в ней наряду с подробными описаниями вещей воспроизведены клейма, гербы, надписи, а также даны обширные извлечения из архивных данных, содержащих сведения о времени и обстоятельствах поступления в Кремль многих экспонатов Оружейной палаты.

Какие же сведения даны Г. Д. Филимоновым о появлении орла и гор-курильниц в Кремле?

Г. Д. Филимонов подробно описывает орла и воспроизводит имеющуюся на основании фигуры резную надпись XVII в.: «...прислан в дарех от Дацкого Христьянуса короля». Кроме этого, Г. Д. Филимонов публикует 3 выдержки из документов XVII в.: описи Казенного двора 1632 г., переписной книги 1663 г. и описной книги 1676 г.¹² Характерно, что ни опись 1632 г., ни переписная книга 1663 г. не сообщают сведений о том, когда и как попал этот сосуд в Кремль, и только описная книга 1676 г. указывает: «Птица орел золочена... прислана в дарех от Дацкого Христьянуса короля». В тексте описаний гор-курильниц также воспроизводятся резные надписи: «...прислана от Дацкого Христьянуса короля..» и архивные данные за 1663 и 1676 гг. Но в переписной книге 1663 г. нет сведений, откуда и когда поступили горы в царскую казну¹³. Лишь в описной книге 1676 г. появляется запись, что согласно подписи на *самых вещах* (курсив наш.—E. C.) они были присланы в дарах Христиана IV.

Таким образом, можно установить, что резные надписи на рассматриваемых нами предметах появились по ошибке между 1663 и 1676 гг., а также что во время работы над материалом для второй книги Описи Г. Д. Филимонов еще не знал или недостаточно изучил публикуемый нами документ¹⁴. Может быть, этот документ стал ему известен позднее, и он его использовал при составлении «Полного хронологического указателя всех марок на серебре московской Оружейной палаты»¹⁵.

В разделе, где приводятся клейма серебряников г. Нюренберга, Г. Д. Филимонов в краткой характеристике орла пишет: «...снизу поддона вырезана помета о получении его в дарах царем Михаилом Федоровичем от короля; по документам же оказывается, что он был куплен вместе с другими подобными предметами в Архангельске в 1628 г.»

¹¹ Г. Д. Филимонов (1828—1898) — член-основатель Московского археологического общества и Общества древнерусского искусства, автор многих исследований в области древнерусского искусства и архитектуры.

¹² «Опись Московской Оружейной палаты», кн. 2, стр. 189—190.

¹³ Там же, стр. 172—174.

¹⁴ На полях документа почерком, очень близким почерку Г. Д. Филимонова, выписаны названия вещей и их вес.

¹⁵ «Опись Московской Оружейной палаты», кн. 10, стр. 62.

Аналогичные сведения в Указателе даны о горах-курильницах:¹⁶ «Куплены в Архангельске в 1628 г. с другим серебром Датского короля Христиана IV, хотя по старой подписи, вырезанной на поддонах, и значатся полученными из Дании в подарок».

Кроме этих трех уникальных по художественной значимости предметов Г. Д. Филимонов, сличая описания вещей в документе с экспонатами палаты, определил происхождение еще пяти редчайших кубков¹⁷, трех серебряных, золоченых ведер¹⁸ и одного глубокого, круглого блюда¹⁹ работы ведущих гамбургских златокузнецов конца XVI — начала XVII в. Генриха фон Бордеслоэ, Якоба Мореса Старшего и Хинриха Ламбрехта I²⁰.

Возникает вопрос, почему Г. Д. Филимонов ни разу не цитировал этот документ и не сообщил его полных поисковых данных?

Это представляется нам совершенно несвойственным Г. Д. Филимонову, так как во второй и четвертой книгах Описи палаты он самым тщательным образом публиковал все архивные сведения, имеющие отношение к памятникам палаты.

В настоящее время к экспонатам Оружейной палаты, определенным Г. Д. Филимоновым по этому документу, можно присоединить еще три золоченых глубоких блюда (номера Оружейной палаты — 11047, 11049 и номер книги поступлений — 715; первые два переданы в собрание палаты из Вознесенского монастыря в Кремле в 1928 г., третье — из Гохрана в 1929 г.), массивное ведро (номер Оружейной палаты — 10686 — поступило из Патриаршей ризницы в 1923 г.) и кубок (номер Оружейной палаты 955) ²¹.

Нам представляется правомерной полная публикация текста документа, так как кроме опознания ряда новых предметов из собрания Оружейной палаты не исключена возможность уточнения атрибуции немецких серебряных изделий из коллекций Государственного Эрмитажа, Загорского музея и др.

Значительный интерес имеет общее представление, даваемое нам документом, о количестве драгоценных сосудов, закупавшихся для русского дворцового обихода в 20-х годах XVII в. Документ сообщает, что указанные 106 серебряных предметов были куплены в Архангельске у «немец» в обмен на «государев сырец шолк» в 1628 г. торговым человеком Богданом Щепоткиным «с товарыщи». Приобретенная Щепоткиным партия серебра происходила из сокровищницы датского короля Христиана IV,

¹⁶ Там же, стр. 45.

¹⁷ Оружейная палата, № 942—943, 951, 953, 963.

¹⁸ Там же, № 702—704.

¹⁹ Там же, № 618.

²⁰ W. Scheffler. Указ. соч., стр. 403—411, 414.

²¹ ЦГАДА, ф. 396, кн. 81, лл. 172 об., 173, 176 об.— 177.

который, потерпев поражение в начале Тридцатилетней войны, был вынужден заложить многие ценности. Часть из них была привезена в Архангельск и куплена для царской казны²².

В конце документа²³, после перечня всех вещей, даются суммарный вес и общая их оценка — «6 тысячъ 13 рублевъ, 13 алтынъ, полчетверты денги». Это одно из самых крупных приобретений иноземного серебра в Кремлевскую сокровищницу. Известные нам наиболее значительные закупки художественного серебра для царской казны через иностранных торговых агентов англичанина Фабиана Ульянова 4 мая 1629 г.²⁴ и голландца Петра Петрова 29 декабря 1629 г.²⁵ потребовали меньших затрат. Сосуды, доставленные Ф. Ульяновым, были оценены в 3132 рубля 20 алтынъ, а Петр Петров получил 733 рубля 2 алтына. Таким образом, в течение 1628—1629 гг. было израсходовано 9879 рублей на приобретение иностранной серебряной посуды для Кремлевских дворцов.

л. 169 Да во 1629 же году ноября в 31 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Русии указу из государевы больши казны от боярина от князя Ивана Борисовича Черкасского, да от Тимофея Васильевича Измайлова, да от дьяков от Василия Юдина, да от Ивана Переносова прислано в государеву ж казну на казенной двор по памяти и по росписи за приписью дьяка Ивана Переносова судов серебреных что в прошлом во сто тритцать седмом году выменили у Арханылского города у немец на государев сырец шолк торговые люди Богдан Щепоткин с товарыщи. А что каких судов в Государеву казну на казенной двор числом // и что в них весу порознь прислано и то писано в сех книгах имянно.

л. 169об. Две горы серебрены золочены без стоянцов на них на верху по городу. Около гор по три города. В них мужички. У одново города на верхех восемь мужиков с пищальми. Да у гор же с сторон подсовные по три горы с ящики лощатыми. Осереди гор ящики подсовные на них по горе. В ящиках по четыре араматника. Около гор древца и травки с нацветы и змеи и ящерицы и лягушки. В одной горе весу пятьдесят два фунта, шесть золотник, в другой весу сорок девят фунтов восемь л. 170 десят один // золотник. Шесть лоханей серебрены золочены с руко- мойники. Одна чеканная кругла. У лохани по краю и на середке в кру-

²² F. Martin. Dänische Silberschätze aus der Zeit Christians IV aufbewahrt in der kaiserlichen Schatzkammer zu Mockau. Stockholm, 1900, S. 5.

²³ ЦГАДА, ф. 396, кн. 81, лл. 183 об., 184.

²⁴ Е. И. Смирнова, В. Н. Шумилов. Коллекция английского серебра в Оружейной палате. «Вопросы архивоведения», 1961, № 1, стр. 92—95.

²⁵ С. Кологривов. Описные приходо-расходные книги Большой государевой шкатулы. СПб., 1902, стр. 3.

гех и меж кругов в травах звери и люди морские и птицы и образинки чеканены. На лохани рукомойник серебрян золочен на высоком стоянце. По нем чеканены в кругех и меж трав люди и звери морские и образины. Устье у рукомойника сапошком. У рукомойника и под устьем по образине человечьей. Вместо руковеди зверь морской о дву хвостах, ушат весу дватцать фунтов два золотника.

Лохань серебрена золочена продолговата чеканная.

У лохани по краю четыре человека мор // /ских лежат наги. Два
л. 170 об. с веслами, два с корчашками. Меж их четыре личинки литые. На лохани рукомойник. зверь грыф крылат. Стоит на стоянце на задних ногах, передние ноги поднял кверху. Весу дватцать один фунт шестьдесят три золотника.

Лохань серебрена золочена кругла чеканная. В лохани в четырех местех в кругех моря. В них чеканены люди морские на рыбах и на зверях морских. Межи морд поперек долики узенки. Посереди лохани на кругу резан человек на коне с саблею. Около е подпись. На лохани рукомойник чеканной. Спереди на пузе на кругу образина крылата.

л. 171 Устье // сапошком. Рукоять литая по пояс человек, а с пояса два хоботы змеиные свились вместо. Весу одиннадцать фунтов тритцать четыре золотника.

Лохань серебрена золочена чеканная продолговата. На ней чеканены четыре раковины морские меж их травы да четыре человека индейские. У лохани на краех четыре головы человечки млады. На мишени резана подпись немецкая. Рукомойник на ниском стоянце чеканной четверогранен. На кровле лошедь морская ноги подняла к верху хвост завернулся. На боках две головы человечки. Носок сапожком поддон

л. 171 об. четвероуголен. Руковедь литая на ней голова человечья. Весу // восьмь фунтов восмидесят семь золотник. Лохань серебрена золочена внутри гладкая осмероуголна. У ней на краях чеканены образины крылаты и копья и сабли и топоры и всякая зброя ратная. Около лохани травка зубчатая. На лохани рукомойник осмероуголен гладкой золочен. Устье сапошком. Руковеть литая. На ней голова человечья млада, зрит назад. Весу восьмь фунтов пятьдесят восемь золотник. Лохань серебрена золочена на оба лица чеканная. В лохани и по краем чеканены травы да долы. В лохани ж чеканены два человека наги, да две птицы, по краем три образины млады крыла // ты.

На мишени чеканена трава. На лохани рукомойник. По нем чеканены травы да две образины человечки. Носок голова змеяна. По руковеди долы. Оба конца завернулись. На кровле травка литая бела. Весу шесть фунтов, дватцать сем золотник. Паникадило серебreno золочено. У него шесть пер литых белы. В них головы человечки и зверины. Блюдечка чеканные золочены. Шанданы белы повыше пер стоит человек наг, крылат, золочен стреляет из лука. У него над головою шесть же пер серебрены, белы. Блюдечка золочены. Шанданы белы. Под нижним перьем и повыше верхнеvo перья по яблочку. По них чеканены травы и образины //.

- л. 172 об. У нижне яблока травка и образины белы. Под ним тыковка. У ней дуки белы. Весу двадцать девять фунтов шестьдесят два золотника. Четыре ведра серебрены золочены чеканное одним делом на поддонах. По них выбиваны долы. У ведр руковеди литые брускатые. У трех в ушах головы лвовы. По венцом чеканены моря. В них звери морские. У четвертого ведра по венцу выбиваны в травах звери. В ушах головы человечьи. В одном ведре весу, одиннадцать фунтов, двадцать два золотника. В другом весу десять фунтов восемьдесят один золотник.
- л. 173 В третьем весу десять фунтов шесть // десят пять золотник. В четвертом весу десят фунтов тридцать три золотника. Четырнадцать блюд серебрены золочены на оба лица гладкие. Краи дорожаты. На краех в кругах по клейму резному. На клеймех по три лва. Весу тридцать фунтов без четырех золотник. Двенадцать блюд белых по краем золочены. Шесть блюдечок малых краи же золочены. Три блюдечка белых. Весу во всех двадцать один фунт пятьдесят семь золотник. Два кубка серебрены золочены чеканные с покрышками. У кубков о середине стоят люди литые. У них решотки прорезные. У кубков же под пузами по три головы лошадины литые //
- л. 173 об. передние копыта спустя. На покрышках у кубков столбики, около их по три орла литых пластинных, да по три дуги литые. У одного на покрышке на верху столбика стоит человек наг. У левой ноги сабачка, а около ево обвилась змия. Правою рукою закрыл естество, а в левой держит мешок. А у другово на покрышке на столбике стоит человек лешей. Голова и рога оленьи. В правой руке рог. В левой протазан. На бедре сабля. У ног сабака глядит ему в глаза. В одном весу двадцать семь фунтов тридцать семь золотник. В другом весу двадцать шесть фунтов пятьдесят семь золотник. Два кубка серебрены золоче // ны с кровлями чеканные. У кубков по пузом и по покрышкам и по стоянцам чеканены люди.
- л. 174 В руках держат книги. Промеж ими люди млады. У кубков под пузами по три дуги литые завернулис у них головы человечьи млады пониже их девять голов человечьих литых в шишаках. Да три человека крылаты. На покрышках столбики. На них стоят по человеку литому в латах и в шишаках. В правых руках держат повезы. В левых протазаны. У одного кубка около столбика шесть дуг литых. У другово кубка около столбика 3 дуги литых. В одном весу двадцать фунтов девять золотник. В другом весу девятнадцать фунтов // восемьдесят девять золотник. Кубок серебрян золочен на оба лица с кровлею ложчат. Промеж ложек чеканены травы. У кубка под пузом три дуги литые золочены. У них головы птичи. Да три травки литые белы. Пониже их головы лвовы. Да три дуги литые да три головы человечьи млады в шишаках. На покрышке около столбика шесть дуг литых золочены. И в том числе три дуги горожчаты. Промеж ими три травки белы. Наверху, на яблоке стоит человек наг. У головы и у ног крыл. В правой руке держит древо. Кругом ево обвились две змеи. А левую руку протянул. Весу пятнадцать //
- л. 174 об. фунт четырнадцать золотник. Кубок серебрян золочен с кровлею. По кубку и по покрышке и по стоянцу чеканены люди и головы человечьи. У пузы три дуги литые на них звери и образины верблюжи пониже их

четыре головы оленьи. На покрышке и под поддоном восемь голов козлиных передние ноги поставили на покрышку. На верху тыковка. Около её четыре головы львовы. На тыковке стоит человек наг. В руках держит шпагу. Весу десять фунтов два золотника. Кубок серебрян золочен с покрышкою на высоком стоянце. У кубка по пузу на резном серебре выливаны люди. Пониже их киотцы на них чеканены люди. // У кубка под

л. 175 об.

пузом три дуги литые у них головы человечьи стары, да три головы человечьи в шишаках, да три головы птичи. Покрышка лошчата. Промеж ими травы. На покрышке теремок. Около ево шесть дуг литых, да три травы литые белы. На дугах стоит человек в латах и в шишаке. В правой руке копье с прaporцом белым. В левой повеза. Весу семь фунтов девяносто три золотника. Кубок серебрян золочен с покрышкою. По кубку вычеканены три человека с саблями и головы человечьи. Промеж ими чеканены травы. Под пузом три дуги литые зернчаты. На покрышке чеканены люди и тра // в. На покрышке столбик. Около его три дуги литые. На верху человек в латах и в шишаке в правой руке протазан. В левой повеза. Весу семь фунтов, шестьдесят четыре золотника. Кубок серебрян золочен, на высоком стоянце. По кубку и по стоянцу лошки долгие, меж ложок на травах на прорезных, на белых дуги литые золочены. Под пузом на столбiku три человека литых. Повыше стоянца три травки гнутых белы. По венцу резаны травы да веревочка верблена. На кровле лошки короткие. Поверх ложок и пониже на травах головы человечьи крылаты. Поверх ложок девять дуг литых белых. Поверх дуг яблоко дорожчато. На верху, на

л. 176 об.

столбiku человек // наг в правой руке серп в левой змия. У ней во рте травка. Весу 6 фунтов восемидесят два золотника. Кубок серебрен золочен с покрышкою на высоком стоянце. По кубку и по покрышке и по стоянцу чеканены люди и травы. Под пузом три дуги литые завернулись. У них головы человечьи стары. На покрышке теремок литой троегранен. Промеж ими вылиты люди. В теремку травка литая бела. Весу шесть фунтов один золотник. Кубок серебрян золочен с покрышкою чеканной. По кубку и по покрышке и по стоянцу чеканены люди и травы. У кубка в местах писаны люди розными финифты... // и попугай и звери. На покрышке в трех местах писаны люди красками и финифты. На

л. 177

покрышке, на столбике зверь гриф крылат в лапах держит повезу. Весу пять фунтов девяносто два золотника. Кубок серебрян золочен с покрышкою. По кубку и по покрышке и по стоянцу чеканены люди... литые у кубка под пузом три дуги литые, у них головы птичи. У кубка на покрышке столбик. На нем стоит человек. В правой руке копье с прaporцом в левой повеза. Весу пять фунтов тридцать девять золотник. Кубок серебрян золочен на достаканное дело гладкой с покрышкою, на высоком стоянце. Под пузом три дуги литые у них // головы зверины. Меж дуг образинки. На покрышке клеймо. На кровле ж трубочка. В ней была травка. Сломлена. Весу четыре фунта шестьдесят семь золотник. Кубок серебрян золочен с покрышкою на высоком стоянце. По кубку чеканены люди и травы. У кубка под пузом три дуги литые завернулись. У них головы птичи. На покрышке тыковка. У ней три дуги литые. На

л. 177 об.

покрышке клеймо. На кровле ж трубочка. В ней была травка. Сломлена. Весу четыре фунта шестьдесят семь золотник. Кубок серебрян золочен с покрышкою на высоком стоянце. По кубку чеканены люди и травы. У кубка под пузом три дуги литые завернулись. У них головы птичи. На покрышке тыковка. У ней три дуги литые. На

тыковке стоит человек в латах и в шишаке. В правой руке булава, в левой повеза. Весу четыре фунта шестьдесят золотник. Кубок серебрян золочен с покрышкою на высоком стоянце. По кубку и по покрышке чеканены люди и звери и обра // зины человечьи. Промеж ими кустики морские. У кубка под пузом четыре дуги литые завернулись. У них головы человечьи. На покрышке тыковка. Весу четыре фунта сорок семь золотник. Кубок серебрян золочен с покрышкою, на высоком стоянце. По кубку резаны травы под пузом три дуги литые. По стоянцу чеканены травы меж их головы лвовы да человечья. На покрышке человек. В правой руке повеза, в левой алебард. Весу четыре фунта двадцать два золотника. Кубок серебрян золочен с покрышкою, на высоком стоянце. По кубку и по покрышке чеканены древа, травы. У кубка под пузом вылиты // три лебедя, да три дуги литые, да три человека. Половина поддона золочена гладкая. По поддону чеканены травы и головы человечьи. На покрышке теремок. Около его шесть дуг литых. У них головы птичи. На теремку человек. В правой руке алебард, в левой повеза. Наведена финифтюм. Весу четыре фунта пять золотник. Кубок серебрян золочен на оба лица, на высоком стоянце, с покрышкою. По кубку и по покрышке и по стоянцу резаны травы. У кубка под пузом три дуги литые. Весу три фунта семьдесят пять золотник. Кубок серебрян золочен // с покрышкою, на высоком стоянце. По кубку и по стоянцу и по покрышке резаны травы. У кубка под пузом три головы лвовы. На покрышке тыковка литая. Весу три фунта шестьдесят девять золотник. Кубок серебрян золочен с кровлею золочен на высоком стоянце с покрышкою ложчат. Промеж ложек чеканены травы. Под пузом три дуги литые завернулись. На покрышке тыковка. Около её три дуги литые. На тыковке стоит человек в латах и в шишаке. В правой руке повеза в левой алебард. Весу два фунта девяносто два золотника. Кубок серебрян золочен на досто // канное дело, на высоком стоянце. По кубку и по стоянцу и по покрышке дорожчато. Под пузом и выше стоянца травки резные спускные белы. По покрышке меж трав птицы. На покрышке же человек. В правой руке копье, в левой повеза. Весу три фунта тринадцать восемь золотник. Кубок серебрян золочен на высоком стоянце с покрышкою. По кубку и по покрышке резаны травы. По стоянцу комофарено. На кровле теремок треуголен. На нем тыковка. Весу два фунта восемьдесят три золотника. Кубок серебрян золочен на высоком стоянце с покрышкою на досто // канное дело. По кубку резаны травы. По покрышке и по стоянцу травы чеканены. На покрышке человек во одеянии. В правой руке копье, в левой повеза с клеймом. Весу два фунта семьдесят золотник. Кубок серебрян золочен чешуйчат на высоком стоянце с покрышкою. По стоянцу чеканены травы. На покрышке теремок треуголен под ним три дуги литые. Весу два фунта шестьдесят три золотника. Кубок серебрян золочен на высоком стоянце с покрышкою. По кубку и по покрышке чеканены моря и города. В них звери и травы и образины лвовы. Меж трав лошки. Под пузом // три дуги литые. У них головы птичи. По стоянцу и по покрышке киотцы. На покрышке человек в латах и в шишаке, в правой руке повеза, в левой алебарде.

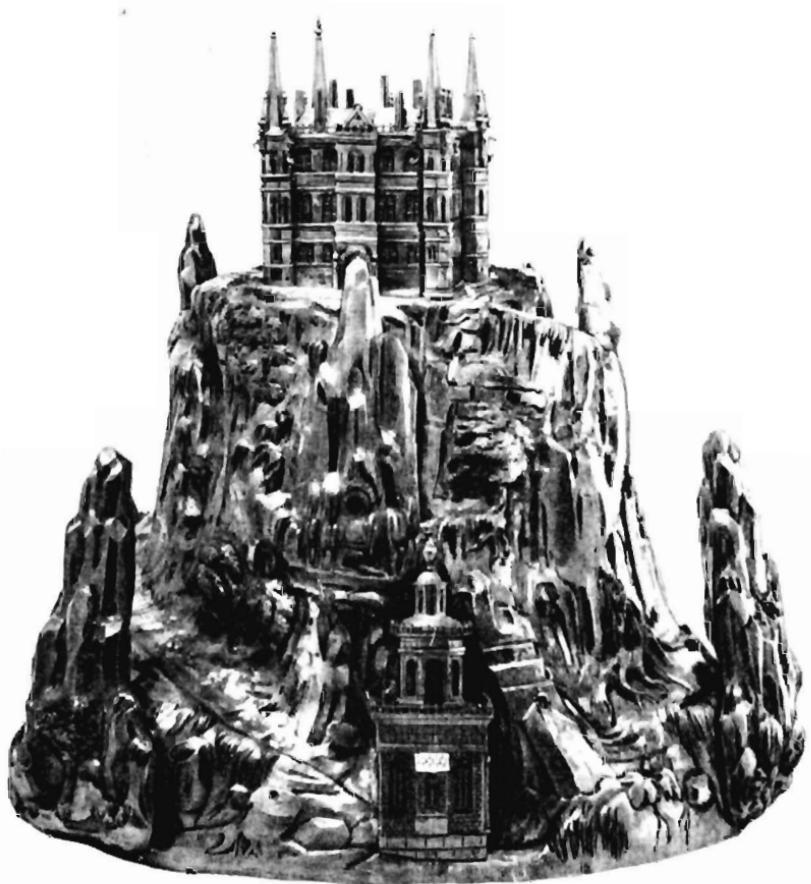

Орел. Нюрнберг. Конец XVI в.
Мастер Кристоф Яннигвер

21а Заказ № 2335

Гора курильника Гамбург, Нижний XVII в.
Мастер Й. Шверинарх

Богатырь курильница. Гамбург. Начало XVII в.
Мастер Л. Хегемарк

Ведро. Гамбург. 1614-1618

Кубок Гамбург.
Мастер Яков Морес Старший

Кубок Гамбург
Мастер Якоб Морес Старший

Кубок Гамбург.
Мастер Генрих фон Бордесло.

Кубок. Гамбург. Начало XVII в.
Мастер Генрих фон Бордеслоэ

Рукомойный прибор — щипцы и кувшин — подарок австрийского императора Леопольда I царю Алексею Михайловичу 1675 г.

22 а Заказ № 2285.

Блюдо — «ложань» — подарок австрийского императора Леопольда I царю Ивану Петровичу, 1684 г.

Настольное украшение — «всадник» — подарок австрийского императора Леопольда I царям Ивану и Петру Алексеевичам, 1684 г.

Ваза для цветов — подарок австрийского императора Леопольда I царям Ивану и Петру Алексеевичам. 1684 г.

Каминное украшение — «индейец» — подарок австрийского императора Леопольда I сырам Ивану и Петру Алексеевичам, 1684 г.

226 Заказ 2235

- л. 181 бард. Весу три фунта сорок пять золотник. // Шесть стопок серебреных.
Весу два фунта тритцать восемь золотник. Два коня серебрены золочены
на поддонех четвероугольных. По одном поддоне чеканены травы, земля
комофарена, в ысподи четыре яблочка. У поддона двои дверцы. На них
две дуги литые золоченые. По углом на верху градки литые белы, на ис-
подних углах // головы лвовы литые белы на коне седло литое. У седла су-
мы. В них перегорожено надвое. Узда и паперть и пахви серебрены ли-
тые белы. Весу в одном дватцать фунтов безо шти золотников. У другово
коня узда и пахви серебрены белы, паперть золочена. У седла сумы.
В поддоне четыре ящики выдвижных. По ящикам по три образины челове-
вечьи. У ящиков по кольцу дорожчату белому. По углом по дуге бо-
лой. У них головы птичи. Под конем на поддоне чашка лошчата.
В мишени три зверика. Весу дватцать два фунта тритцать девять золот-
ник.
- л. 182 Шесть шанданов серебрены золочены одним делом. В них трубки. По
поддонам выбиваны травы. На них по три головы человечи. О середи-
нах у шанданов звери инроги, у дву два змия крылаты, у четвертово
олень, у пятово вепрь, у шестово медведь. Весу во всех дватцать шесть
фунтов тритцать один золотник. Три шандана больших серебрены золо-
чены одним делом. Трубки четвероуголны. По них положки долгие.
Посередине, по кругу дорожчатому. По поддонам лошки короткие.
Весу в них одиннадцать фунтов сорок семь золотник. Стопа серебрена
л. 182 об. // золочена на оба лица по ней резаны люди. По венцу и по покрышке
чеканены киоты. По стопе ж пониже людей меж киотцов веревочка ви-
тая. По веревочке люди и головы человечи крылаты. По поддону два
человека литых крылаты, да двы головы лвовы. У стопы руковядь то-
щая. По ней зерньчачто. Осередне человек литой. На клепыше человек
литой крылат. На исподи у руковеди змия крылаты. На покрышке че-
тыре дуги литые. На дугах на кругу человек в латах. В правой руке
копье. На кровле изнутри чюдо как мученик. Христов Егоргий избавил
- л. 183 дивицу от змия. Весу восемь фун // тов дватцать семь золотник. Стопа
серебрена золочена на оба лица с покрышкою гладкая. По краю у по-
крышки чеканены градки. Меж трав три образины. Около стопы обру-
чик витой золочен. На нем три образинки. Под обручиком около стопы
чеканены травы. Меж ими змеи крылатые. Руковядь гладкая. На верт-
люге две образины литые. Весу шесть фунтов сорок девять золотник.
Шесть болванцов серебрены золочены с покрышками на поддонех. По
л. 183 об. них резаны травы земля комофарена. Весу во всех девятнадцать //
фунтов дватцать четыре золотника. Орел серебрян золочен крыле рас-
простерты, на стоянце. По стоянцу лошки короткие. По выше ложек
долы и травки. Меж их змеи, и лягушки, и раки, и сверчки. Весу трит-
цат один фунт одиннадцать золотник. И всего во всех судех весу
шестисот шестьдесят восемь фунтов пятнадцать золотник по девяти руб-
лев фунт и того доведетца за те суды поставити в большую казну денег
148 шесть тысячи тринадцать рублей тринадцать // алтын полчетверты
денги.

Г. А. МАРКОВА

ПАМЯТНИКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЙ
РОССИИ И АВСТРИИ
В ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ *

Среди материалов по истории дипломатии России особое место принадлежит посольским подаркам. С крупнейшим в мире собранием такого рода можно ознакомиться ныне в Оружейной палате Московского Кремля — это коллекция западноевропейского посольского серебра.

Уже самое название коллекции «Западное посольское серебро» раскрывает ее основную особенность. Музей мира не знает никакого другого собрания, сложившегося, подобно этому, на основе дипломатических подарков.

Подавляющее большинство посольских даров относится ко второй половине XVII в. и является памятниками того периода, когда определилось значение России как одной из великих держав Европы.

Цель данной публикации познакомить читателей с группой редких художественных изделий, доставленных в Россию послами Священной Римской империи.

Империя проводила по отношению к России традиционную политику вовлечения ее в антитурецкую коалицию, стремилась склонить к действиям против турок. Однако Австрия в иные моменты искала содействия России в акциях против европейских держав. Например, австрийский император Леопольд I всячески стремился в конце 60-х и в 70-х годах совместно с Данией и Бранденбургом вовлечь Россию в союз против Швеции, выступавшей на стороне Франции в войне с Голландией. Эту цель преследовало посольство Леопольда I к царю Алексею Михайловичу, отправленное из Вены в апреле 1675 г. Посланники, граф Аннибал Франциск де Ботони и Яган Карл Тер-

* Иллюстрации к статье см. на вклейках.

лингер де Гусман, имели «полномочную грамоту, что могут... между В. Г-ря, Е. Ц. Вел-ва и Цес. Вел-ва к их государской братцкой дружбе и любви учинить договор», и что «любительные поминки к В. Г-рю, к Е. Цар. Вел-ву, с ними присланы»¹. В связи с важностью поручения де Ботони и Терлингер имели ранг «чрезвычайных посланников» и соответствующие «верюющие» (верительные) грамоты. Большая часть была оказана посланникам при въезде в Москву, куда они прибыли 25 августа 1675 г. Для встречи посольства за Земляным городом выехали голова московских стрельцов и дьяк свшительным сопровождением. Особый почет был оказан посланникам тем, что им была послана с царской конюшни «карета о шести возниках». Второго сентября 1675 г. посланникам была дана торжественная аудиенция «на приезд» в Коломенском дворце. Там и произошло подношение подарков царю Алексею Михайловичу и царевичу Федору.

Хранящиеся ныне в Оружейной палате рукомойное блюдо и кувшин были подарены вместе с серебряными часами, украшенными драгоценными камнями, и еще одним серебряным блюдом. В старых документах блюдо и кувшин названы «лохань с рукомойником серебряны с каменьи ж». Блюдо и кувшин так обильно украшены крупными вставками горного хрустала, что на долю серебра, из которого они исполнены, остается лишь роль оправы и предметы смотрятся не серебряными, а скорее хрустальными. Кроме хрустала большое круглое плоское блюдо («лохань») и своеобразной формы кувшин («рукомойник») в виде кружки с носиком и крышкой на высокой ножке обильно украшены гранатами, золотистыми и дымчатыми топазами, аметистами, хризопразами и эмалью. Узор из драгоценных камней четко организован, ритмично повторяется, но при этом не сух и не скучен. Он создает цветовые акценты, способствует красивому полихромному эффекту. Эмаль то имитирует драгоценный камень — бирюзу и помешена, подобно камню, в гнезда (каст), то многоцветной росписью покрывает чеканные рельефные накладки — связки плодов с цветами, листьями и лентами. Блеск позолоченного серебра, сверкание полированного хрустала, игра граненого камня, красочное многоцветье украшений, где в камнях и эмали варьируются белый, зеленый, голубой, желтый, красный, розовый и сиреневый цвета, создают исключительно нарядный облик предметов. Драгоценность материала подчеркивает великолепие подарка. Свобода композиции элементов и совершенство отделки обличают руку искусного мастера.

Этот роскошный рукомойный гарнитур был исполнен в горо-

¹ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. 5. СПб., 1858, стр. 121.

де Аугсбурге в 1670—1675 гг. одним из крупнейших немецких серебряников XVII в.—Иоганном Генрихом Манилихом-отцом. Аугсбургские серебряники в то время держали монополию на поставки предметов роскоши и драгоценной серебряной утвари виднейшим государям Европы. При этом было принято закупать их изделия не только для внутренних нужд двора, но и для отсылки в качестве посольских подарков в Россию. Так поступали королевские дворы Дании, Польши, Швеции. Тем более естественно было императорской Вене обратиться к производству немецкого города Аугсбурга.

Для венского двора приобретались произведения лучших аугсбургских серебряников. Особой славой были овеяны в Аугсбурге фамилии серебряников Дрентветта и Биллера. Мастерами из этих фамилий и исполнены серебряные предметы, привезенные в цесарских подарках царям Ивану и Петру Алексеевичам в 1684 г. «великими и полномочными послами» баронами Яганом Христофором Жировским и Себастьяном Блюмбергом. Послы приехали склонить русское правительство «учинити бы против общего христианского неприятеля Турского сultана союз»². Необходимо было добиваться союза России не только с империей, но и с Польшей, поэтому цесарь Леопольд I просил через своих послов «русских царей учинить с Польшей вечный мир»³ и обещал в этом свое содействие. Со своей стороны император уже имел «наступательный и оборонительный» союз с польским королем и немецкими князьями, к которому его побудила прямая угроза Габсбургам со стороны турок, начавших в 1678 г. войну против Австрии. Момент для обращения к России в 1684 г. с предложением присоединиться к антитурецкой коалиции был выбран удачно: коалиция отмечала значительный успех. Осенью 1683 г. союзное войско под начальством польского короля Яна Собесского нанесло сильное поражение турецкой армии под Веной. Событие это нашло многосторонний отклик. Интересно и значительно не только его отражение на ходе политических переговоров и международных отношениях, но и в художественном материале. Примечательно, что русские бояре, с которыми из-за малолетства и несамостоятельности царей и вели по существу переговоры послы Леопольда, свои впечатления от победы союзников могли почерпнуть не только из полученных сведений и сообщений, а в известной мере даже и зрительно, например разглядывая присланые цесарем подарки. Не нужно даже сосредоточиваться на деталях и рассматривать новые элементы украшений, где наряду с привычной антиклизированной арматурой появились турецкие барабаны, литавры, оружие, чалмы, достаточно взгля-

² Там же, т. 6, стр. 592.

³ Там же.

нуть на большую серебряную лохань работы Лоренца Биллера II, где чеканная композиция на дне живо являет картину прославления победы и возвеличения австрийского императора. В парадном дворцовом зале, на троне, поднятом на шесть ступеней, под балдахином сидит император. Гений победы венчает его лавровым венком, а гений славы трубит в две трубы. Справа от трона расположилась группа придворных в парадных платьях и военачальников в рыцарских доспехах. Пред императором склоняют отнятые у неприятеля знамена. У подножия трона сложены трофеи, а чуть поодаль стоят на коленях склонившие голову пленные турки. Изображение все пронизано знанием современности и является откликом на важнейшее событие этой современности. Вместе с тем оно значительно и как художественное явление: перед нами интересное произведение серебряника-художника. Умелым отбором деталей Биллер достигает лаконичной и вместе с тем убедительной характеристики парадного дворцового интерьера конца XVII в. Достоверность этой характеристики усиливается благодаря верной передаче внешнего облика и костюма персонажей. Композиция служит мастеру основным приемом предельно ясного выявления идейного смысла чеканной картины. Участники сцены расположены так, что группы их полукольцом охватывают место действия, концентрируя внимание на главной фигуре сюжета, атрибутах и символах победы. Живописный эффект создан мастерской пластической чеканкой, мягкой и в то же время уверенной моделировкой, передачей перспективы и нескольких планов изображения за счет применения разновысоких рельефов. Переливчатое мерцание искусно прочеканенных серебряных белых поверхностей дополнено и обогащено контрастирующим желтым цветом позолоченных накладок на широких бортах блюда. Введение позолоты, сопоставление белых и желтых бликующих чеканных масс серебра — характерный прием в работах мастеров немецкого барокко. В данном случае этот формальный прием интересен тем, что использован в полном соответствии с идейно-художественным замыслом вещи. В позолоченных накладках, варьируя изображения трофеев, арматуры, трубящих и бьющих в литавры гениев славы и императорского орла под короной, мастер четырежды повторил мотив прославления — основную тему произведения.

Кроме описанного выше блюда из подарков цесаря Леопольда I, поднесенных послами в 1684 г., в Оружейной палате хранятся настольное украшение — всадник на вздыбленном коне, две вазы для цветов, каминные фигуры «индеец» и «индеанка» и каминный прибор (щипцы, лопата, совок). Все они тоже являются работами аугсбургских серебряников (автор ваз — мастер Кристоф Дрентвett II, каминных фигур и прибора — мастер-мо-

нограммист «IK»), все выполнены в типичной для Аугсбурга конца XVII г. барочной манере, отмечены характерными приемами цветочно-лиственной орнаментации, склонностью к преувеличеннной пластической характеристике и увлечением скульптурными мотивами. И хотя, конечно, в смысле прямого приближения к современности и непосредственного отражения ее актуальных событий эти произведения уступают бледу с композицией «побежденные турки перед императором Леопольдом», они все же являются достойными памятниками своей эпохи, интересными произведениями немецкого прикладного декоративного искусства. Подобно остальным произведениям в коллекции Оружейной палаты, они представляют художественную ценность, которая неотделима от их исторической значимости.

РЕЦЕНЗИИ

in slav

С. А. ФЕИГИНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ
В НАЧАЛЕ XVIII в.
В ОСВЕЩЕНИИ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО
ИСТОРИКА ВИТТРАМА

Wittram Reinhard. Peter I Czar und Kaiser. Peter der Grosse in seiner Zeit, Bd. I, II. Göttingen, [1964]

Капитальное двухтомное исследование немецкого ученого Р. Виттрама о Петре Первом и его времени заслуживает внимания советских историков. Автор рецензируемой работы не впервые выступает с исследованиями по истории начала XVIII в. в России. Можно назвать его статьи о Паткуле и его роли в начале Северной войны, о реформационном движении в России и др.; наконец, в 1954 г. он уже выпустил книгу о Петре Первом, но не такого объема и охвата событий, как обсуждаемая сейчас книга.

В богато документированной новой работе Р. Виттрама критически освоена громадная литература, в том числе и почти вся советская по истории петровского времени. Книга Р. Виттрама особенно интересна обширным комментарием, сопровождающим текст. Серьезная трактовка многочисленных советских исследований по внутренней и внешней политике времени Петра Великого заставляет нас остановиться на этом труде.

В настоящей рецензии мы не будем касаться вопросов экономики и внутренней политики, а остановимся на вопросах культуры и внешней политики Петра. Автор книги уделяет особое внимание вопросам взаимодействия русской внешней и военной политики с общеевропейской политической ситуацией, слабо разработанным как в дореволюционной русской, так и в советской литературе.

Автор книги считает бездоказательным распространенное в литературе утверждение, что шведские прибалтийские провинции экономически запирали русский «хинтерланд». Он указывает, что, например, русский хлеб облагался таможенными та-

рифами в Эстляндии, Лифляндии и Ингерманландии не как в Финляндии, по высоким ввозным ставкам, а по тарифу, действовавшему для собственного хлебного производства. Но если усматривать в Остзейских провинциях не только таможенный барьер, а преграду для России в более широком смысле, то автор напоминает о заинтересованности самой церковно-православной Москвы в ограничении общения с заграницей и о высоких ограждениях, воздвигнутых ею от сближения с Западом (стр. 193—194)¹. Он как будто забывает тут о сказанном им в вводной главе относительно европеизации России и упускает из виду сложность и многоликость исторического процесса.

Интересны его страницы, посвященные шведской стратегии под Полтавой. В работе шведского генерального штаба, III том которой вышел в 1919 г.², говорится о том, что Карл XII мог с ходу взять плохо укрепленный город, и утверждается, что недостаточно энергичные, неконцентрированные наступательные действия шведов объясняются не их слабостью, а их стратегическими целями: угроза медленно подготавливавшегося, но неизбежного падения крепости казалась им надежным средством для принуждения царя к концентрации его сил и принятию решительного боя.

Если интерпретация планов Карла XII шведскими исследователями правильна, то значит в расчетах шведского короля крылась решающая ошибка; он не учитывал того, что независимо от судьбы Полтавы, Петр Великий понимал неизбежность генерального сражения и готовился к нему. По-видимому, если правы шведские историки, пишет Р. Виттрам, то Карл XII сделал из русской тактики до Полтавы ошибочное заключение, будто царь и русские полководцы действуют под давлением сознания шведского превосходства. Между тем за последние годы перед Полтавой в этом вопросе произошла решительная перемена. В письме к генералу Гольцу от 9 апреля царь говорил о неизбежности генерального сражения³, а 7 и 8 июня сообщал о своем решении всеми силами атаковать неприятеля (стр. 308—309).

Автор книги считает малопонятным подчеркивание в советской исторической литературе моральных основ русской воинской организации. Лозунги долга и чести выдвигались, как он пишет, и в других армиях, в частности в прусской армии Фридриха — Вильгельма I (II, стр. 509, прим. 15)⁴.

Остановимся на остром во время Северной войны вопросе

¹ Обозначения страниц без указания тома относятся к I тому.

² «Karl XII på slagfältet». Stockholm, 1919.

³ «Письма и бумаги Петра Великого», т. IX, вып. 1. М.—Л., 1950, стр. 144.

⁴ Римская цифра перед обозначением страниц показывает, что ссылка относится ко II тому рецензируемой книги.

о переходе Лифляндии к России или к Августу II. Р. Виттрам напоминает, что во время блокады Риги дипломаты и доверенные лица Августа II развили интенсивную деятельность для обеспечения выполнения статьи Торуньского договора 1709 г. о возвращении Лифляндии Речи Посполитой. Здесь Р. Виттрам видит ключ для понимания осторожности в лифляндском вопросе, проявленной Петром. Саксонские правительственные круги были обеспокоены сведениями о претензиях Речи Посполитой на Лифляндию; Р. Виттрам высказывает не лишенные убедительности предположения о закулисных действиях русской дипломатии, противопоставлявшей польские притязания саксонским. Август II пытался добиться участия в осаде Риги, не отклоненного прямо Петром Великим, но оставшегося не реализованным (стр. 335—336). Острый вопрос о судьбе Лифляндии, которого коснулся автор книги, остался, по-видимому, не решенным до конца войны; он решился фактически окончательно (хотя юридически временно) присоединением ее к России по мирному договору. Август II ни разу не получил прямого отказа от Петра Великого, впрочем, никогда не собиравшегося уступить ему «хлебную корзинку» Швеции.

Когда в Мариенбурге, где тогда находился Август II, стало в августе 1710 г. известно, что дворянство, магистрат и горожане Риги по приказу Б. П. Шереметева принесли присягу царю, Август II в присутствии голландского посла заявил с величайшим негодованием, что предпочел бы видеть Ригу в руках шведов, чем русских. Но какова бы ни была реакция Августа II, Лифляндию ни Саксония не приобрела, ни Речь Посполитая не вернула. Русские войска шли в Прибалтику не ради своих союзников.

Задаваясь вопросом о соображениях, которыми руководствовался Петр Великий в своей, как говорит Р. Виттрам, великодушной политике в отношении населения Лифляндии, в первую очередь ее дворянства, автор выдвигает ряд мотивов (стр. 348). Основным, конечно, была необходимость прочно инкорпорировать вновь завоеванную провинцию в состав русского государства, заставить ее привилегированные слои примириться с их новой участью и сделать их верноподданными русских царей, что преемникам Петра Великого в значительной степени удавалось в течение ближайших двух столетий. Другое дело местное крестьянство, жестоко ущемляемое в социальном и национальном плане. Но этого Р. Виттрам не касается. Он ссылается на указание Я. Зутиса о том, что по своей хозяйственной структуре Прибалтика была связана с западноевропейской торговлей⁵, и считает, что это должен был учиты-

⁵ Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, стр. 72. «Можно с уверенностью сказать, что вся экономическая структура Прибалтики все-

вать Петр, который стремился к политическому и экономическому сближению с европейскими государствами (II, стр. 480, прим. 51). Права, предоставленные привилегированным сословиям завоеванных провинций, были средством привязать их к России. В Лифляндии это был вместе с тем козырь в дипломатической игре против Августа II, пишет Р. Виттрам. Тут, как и в Эстляндии, привилегии дворянства и горожан были гаранцией против шведских планов реванша. Консолидация правовых условий в прибалтийских портах должна была служить предпосылкой того, что морские державы, заинтересованные в балтийской торговле, примирятся с переходом их к России (стр. 353). Эти суждения Р. Виттрама следуют признать вполне убедительными.

Вместе с тем он хорошо показывает, как местные ландраты превратились из представителей рыцарства в чиновников, выполнивших поручения губернаторов (II, стр. 136). Русские ландраты, пишет он, не имели уже ничего общего с одноименными представителями самоуправления Остзейских провинций; этим он показывает бюрократизацию, проявившуюся в Лифляндии и в Эстляндии.

Приведя данные о численности встретившихся на Проне в 1711 г. русской и турецкой армий, автор книги останавливается на вопросе об их составе, поскольку в этом вопросе у историков нет единодушного мнения. Р. Виттрам решительно отвергает утверждение о пятикратном превосходстве турецкотатарского войска над русским, еще в 1962 г. высказанное в литературе⁶. Не убедительным представляется ему и сообщение Петра Сенату от 15 июля 1711 г. о том, что неприятельская армия имела на 100 тыс. человек больше русской⁷. Дело в том, что Юсту Юлю⁸ царь говорил о «более 100 тыс.» турок, которым противостояло только 36 тыс. русских (II, стр. 487, прим. 10). Н. И. Казаков односторонне охарактеризовал, по словам Р. Виттрама, положение на Проне, объяснив русское поражение непредвиденными осложнениями и ненадежностью иностранных офицеров, деятельность которых носила якобы предательский характер⁹. В этих суждениях недооценивается, по мнению автора рецензируемой книги, трудность снабжения армии при тогдашних транспортных условиях,— трудность, до-

ми своими нитями была связана с западноевропейским торговым миром и всякое нарушение этой связи болезненно отзывалось не только в Ливонии, но также в Амстердаме, Гамбурге, Лондоне,— пишет Я. Зутис.

⁶ «Письма и бумаги Петра Великого», т. XI, вып. I. М., 1962, стр. 568—569.

⁷ «Полное собрание законов Российской империи», IV, стр. 716 и др.

⁸ «Записки Юста Юля». М., 1899, стр. 371.

⁹ «Очерки истории СССР». Период феодализма. Россия в первой четверти VIII в. М., 1954, стр. 537.

бавим от себя, еще долго дававшая себя знать при попытках русских продвинуться в южные степи. Но как раз об этом Н. И. Казаков говорит неоднократно.

Касаясь Прутского похода, Р. Виттрам правильно, на наш взгляд, указывает на главную выгоду, приобретенную турками: обеспечение их тыла для активной политики в другом направлении — на Венецию и Морею; тут сказывается его широкий исследовательский горизонт и охват при оценке ситуации всей международной обстановки. Не отрицая личной заинтересованности высших турецких чиновников в заключении мира с Россией, Р. Виттрам справедливо считает, однако, что это не было главным фактором «благополучного» выхода России из войны, как полагали некоторые наблюдатели, в частности секретарь австрийского посольства Флейшман (стр. 390—391).

Нас интересует оценка Виттрамом сомнительного, но фигурирующего в литературе с легкой руки Штелина письма Петра Великого, якобы посланного им в Сенат, о том, чтобы его приказы, даже собственноручные, в случае его пленения не исполнялись и чтобы в случае его смерти ему выбрали в преемники достойнейшего из сенаторов¹⁰. Письмо это является апокрифом, как справедливо его оценивает автор книги, который помимо несообразностей (отправка его в Петербург, хотя Сенат находился в Москве, доставка его с Прута в 9 дней), видит в нем и другие противоречия с известными нам фактами. Р. Виттрам не допускает, чтобы до исчезновения всех шансов на сохранение свободы Петр Великий принял такие далеко идущие решения, какие содержатся в пресловутом письме. Устный рассказ, передаваемый из поколения в поколение, пишет Р. Виттрам, обрастает вымыслами, все более удаляющими его от первоисточника (стр. 382—385; II, стр. 448, прим. 12). Виттрам считает апокрифом и письмо Петра, написанное под Полтавой, и тоже попавшее в академическое издание (II, стр. 105—107)¹¹.

Между прочим, автор книги прав в своем замечании, что историки до наших дней в поразительной степени не свободны в своих оценках от предрассудков современников событий (стр. 394); очевидно, это дань зависимости от источников при недостатке критического отношения к ним.

Преобразовательные тенденции и воля к переменам приняли в России с конца XVII в. такой темп, такой размах и такие

¹⁰ Этот апокриф опубликован среди подлинных писем Петра Великого в т. XI, вып. 1 «Писем и бумаг Петра Великого», стр. 314.

¹¹ «Письма и бумаги Петра Великого», т. IX, вып. 1, стр. 226. Об этом апокрифе, по недоразумению попавшем в название издание, я в свое время писала. См.: «Известия АН СССР». Серия истории и философии, т. 9, 1952, № 3, стр. 304—307.

яркие формы, что приходится говорить о всемирно-исторических событиях. Но когда ищешь этому объяснения, то оказываешься перед совпадением многих факторов, продолжает Р. Виттрам (II, стр. 5—6). Он ставит вопрос, не употребил ли Петр Великий с его страстью к кораблестроению и мореплаванию больше человеческих сил и средств, чем требовалось бы при более трезвом расчете. В своей заносчивой и часто ошибочной критике русских условий секретарь прусского посольства Фокеродт пришел через 13 лет после смерти Петра к заключению, что корабельный флот был чрезмерно увеличен: для оборонных целей он слишком вырос, а для наступательных был непригоден, так как прусские и шведские берега по своей конфигурации не давали доступа большим кораблям (II, стр. 17—18). Автор книги не согласен с точкой зрения Фокеродта. Заморская торговля большого масштаба была невозможна без флота, а захваченные порты были в безопасности только когда флот обеспечивал их оборону.

Автор правильно отмечает влияние военных потребностей и задач на все мероприятия эпохи. На всем, говорит он, скаживались прямо или косвенно, непосредственно или более отдаленно, всепоглощающие потребности войны. Но вместе с тем он считает неправомерным признание войны матерью петровских реформ. Все практические задачи находились в тесной связи с потребностями времени, с переменами, распространявшимися на все стороны жизни, вообще с исторической эволюцией. Он считает бесспорной заслугой марксистской науки то, что понимание взаимозависимости экономической, социальной, политической и духовной эволюции эпохи уже никогда не будет вычеркнуто из ее трактовки (II, стр. 99). Это признание заслуг советской школы исторического исследования знаменательно.

Обращаясь к книге Е. И. Порфириева «Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота» (1952 г.), Р. Виттрам отмечает ясную, но несколько упрощенную, по его словам, картину состояния русских вооруженных сил до реформы Петра, какую дает Порфириев (II, стр. 408, прим. 23). Подчеркивая с полным основанием своеобычность русской военной организации и ее развитие, соответствовавшее изменившимся потребностям, он делает ту ошибку, пишет Р. Виттрам, что, категорически отрицая какое-либо заимствование Петром из западноевропейского военного искусства, утверждает, будто реформы Петра ни в какой мере не использовали опыта западных государств. Р. Виттрам не согласен с утверждением Порфириева, что введение новой прогрессивной системы комплектования армии — обязательной военной службы — опередило Европу почти на 100 лет, хотя автор рецензируемой книги и пишет, что после реформ Петра русская

армия в некоторых отношениях принадлежала к числу самых передовых в Европе (II, стр. 507, прим. 3).

Переходя к тому этапу Северной войны, когда военные действия были перенесены в Северную Германию, автор книги напоминает, что единственной исходной базой для Швеции служило ее северогерманское предмостное укрепление, т. е. Передняя Померания, в которой стоял сильный шведский корпус генерала Крассау. При этих условиях Карл XII должен был сохранить для своих войск свободу передвижения в Северной Германии и потому он безоговорочно отклонил нейтралитацию германских владений Швеции. Мы останавливаемся на этом потому, что в нашей литературе акт 31 марта 1710 г. о нейтралитете германских владений Швеции нередко tolкуется как направленный против русских интересов, хотя Россия не была заинтересована в перенесении туда военных действий, произошедшем вследствие отказа Карла XII признать названный акт. Можно поставить вопрос, пишет Р. Виттрам, имела ли шансы на успех попытка воспрепятствовать распространению войны на Германию. В ее удаче были заинтересованы в первую очередь морские державы и император, опасавшиеся, что необходимые им в войне с Францией немецкие и датские вспомогательные войска будут отзваны, если война между Россией и Швецией распространится на европейский Север. Русская политика уже в 1709 г. придерживалась принципа неприкосновенности Северной Германии: в Торуньском договоре с Августом II и Мариенвердерском договоре с прусским королем Фридрихом Петр Великий признавал, что на шведские провинции в Германии не должны распространяться военные действия, если оттуда не последует нападения на союзников. Россия признала Акт о нейтралитете, и ее готовность не переносить войну в пределы Империи и не совершать нападения на Померанию была подтверждена в конвенции с Ганновером, заключенной Куракиным в июле 1710 г. Не без давления русского представителя в Гаге в августе 1710 г. была заключена вторая конвенция с участием императора, Англии, Голландии и Пруссии, обязавшихся организовать нейтральный обсервационный корпус (II, стр. 221—223).

Когда Карлу XII удалось подвинуть Турцию на объявление войны России, он, не колеблясь, отверг Акт о нейтралитете и объявил своими противниками всех, кто стремится помешать ему в преследовании его врагов всюду, где он их найдет. Это относилось к гарантам северного нейтралитета и было прежде всего вызовом против морских держав, враждебность которых Карл XII обеспечил Швеции как этим шагом, так и объявлением в 1710 г. блокады занятых Россией балтийских портов (II, стр. 224). Картина ясная, и думается, что пора отказаться от кем-то высказанной впервые, а затем неоднократно повторяв-

шнейся ошибочной мысли о том, что Акт 1710 г. был направлен против русских интересов¹².

Важно замечание автора книги, что со временем появления русских войск в Померании и Гольштинии характер войны резко изменился: Карл XII стоял перед невозможностью добиться завершения войны на основе русских уступок, но и Петру Великому не удавалось быстро заключить мир (II, стр. 239—240). Тут Р. Виттрам снова напоминает о международных связях России и включении ее в систему внешнеполитических отношений Европы. Так Англия с трудом мирилась с консолидацией русской власти на Балтике, с одной стороны, а с другой, шведский отказ признать Акт о нейтралитете и блокада русских портов на Балтийском море вызывали в Лондоне враждебность к Швеции, что обусловливала противоречивость английской политики в северном вопросе с 1710 г., как пишет Р. Виттрам (II, стр. 247).

Говоря о том, что более 80 лет тому назад Ширрен, лучший знаток в то время истории Северной войны, считал 1716 г. кульминационным или поворотным пунктом в политике Петра, а С. М. Соловьев, когда писал о событиях этого года, изображал царя попавшим в паутину интриг, Р. Виттрам высоко оценивает опытность Петра, но он характеризует мекленбургскую политику с династическим браком царской племянницы и мекленбургского герцога как ошибку, приведшую к трещинам в антишведской коалиции, в дальнейшем все расширявшимся. В феврале месяце этого года Куракин предупреждал из Гааги, что свадьба Карла-Леопольда и уступка ему Висмаря «противны» английскому двору, но Р. Виттрам считает, что Петр едва ли отказался бы от задуманного, если бы даже мог предвидеть последствия затеянных шагов: все его усилия были направлены на подготовку вторжения в Швецию, для чего требовался мекленбургский плацдарм. Р. Виттрам безусловно прав, когда пишет, что не может видеть в Петре безудержного захватчика, а его проникновение в Мекленбург считает вызванным стремлением к победоносному миру (II, стр. 573, прим. 39). Но не вдаваясь в гадания, не подобающие историкам, мы должны признать, что информация о настроении и планах иностранных дипломатических кругов не всегда была в то время в Посольской канцелярии удовлетворительна, а умение оценить ее нередко изменяло Петру, откуда и происходили многочисленные осложнения русской внешней политики в конце Северной войны, вернее после 1716 г. О том, насколько высоко оценивались Петром Великим русские позиции в Мекленбурге, видно из условий, которые он выдвигал перед английской

¹² «Очерки истории СССР». Указ. том, стр. 520.

дипломатией для вывода оттуда своих войск: он требовал участия Георга I в войне против Швеции в качестве английского короля, а не только ганноверского курфюрста, что было нереально, высылки английской эскадры в Балтийское море и гарантии русских завоеваний. Это правильно отмечается Р. Виттрамом (II, стр. 298), но напомним, что русские войска были выведены из Мекленбурга после парижского визита царя.

При всем уме и пропицательности Петра известные ошибки в его внешней политике, не столько в постановке целей, сколько в методах решения поставленных задач, отрицать нельзя.

Р. Виттрам очень правильно оценивает так называемое «Рассуждение» Шафирова, опубликованное в это время как пропагандистский документ; введение к нему он называет «мастерским произведением политической пропаганды» (II, стр. 297). Напоминаем об этом потому, что у нас нередко рассматривают «Рассуждение» как источник, обеспечивающий вполне надежные выводы по истории русской внешней политики времени Северной войны.

Автор рецензируемой книги готов признать, что после заграничной поездки 1716—1717 гг. Петр Великий изменил свою оценку возможностей, которые представляла для России международная ситуация того времени. Петру могло представляться, что приобретение твердой позиции в Северной Германии даст России выгоды, независимые от непосредственных военных целей, что оно стимулирует русскую внешнюю торговлю и позволит России влиять на конstellацию держав. Когда же выяснилось, что наступление на Швецию через Мекленбург и Данию завязло в гуще политического недоверия держав, это предмостное укрепление потеряло для него свое значение (II, стр. 327).

Тут Р. Виттрам впадает в некоторое противоречие с самим собой, усматривая за русско-мекленбургским союзом и вводом русских войск в Мекленбург не просто стратегическую задачу с целью нанести поражение Швеции, а гораздо более широкие политические тенденции, правда, не реализованные. Они представляются нам иллюзорными ввиду целеустремленной политики Петра в то время и отказа его от далеко идущих, но не реальных планов, грозивших сильно осложнить решение задач, стоявших перед Россией.

Правильно, на наш взгляд, и в согласии с высказанной нами ранее точкой зрения на характер аландских переговоров, оценивает их тайные пружины Р. Виттрам. Он усматривает в планах, выдвинутых Герцом, попытку, изолировав Россию, сохранить за Швецией возможность возвращения утраченного в ходе войны (II, стр. 388). Отсюда план русско-шведского союза и обеспечения Швеции эквивалента за счет союзников России вместо приобретенных последней территорий; этот проект уси-

ленно выдвигался Герцом и обсуждался русскими уполномоченными только с целью отсрочить разрыв переговоров. Между тем некоторые историки считают возможность заключения договора на таких основаниях вполне реальной¹³. В данном случае прав Р. Виттрам, но он противоречит самому себе, утверждая, что эти условия, обсуждавшиеся в августе 1718 г., не легли в основание договора только вследствие противодействия, встреченного Герцом в Швеции, где все еще надеялись на заключение мира без территориальных жертв, требуемых Россией (II, стр. 341). Оценка проекта Герца, данная самим Р. Виттрамом, казалось, исключает принятие его Петром, если только не допустить, что ему полностью изменило умение оценивать ситуацию.

Не будем подробно останавливаться на трагическом конфликте царя с сыном — ничего нового по этому вопросу автор книги не сообщает. Он пишет, что вспышки отцовского гнева не были воспитательным приемом и что отец не мог быть нравственным образцом для сына, но недовольство Петра царевичем Алексеем нередко имело основания. Сын был как бы обратным изображением отца: недостаток дисциплины был присущ им обоим с той разницей, что отец действовал под влиянием импульсов силы, а сын поддавался соблазнам слабости и от страха перед отцовским гневом постоянно лицемерил (II, стр. 354, 360—361). На вопрос о том, не рассчитывал ли наследник на иностранную поддержку, Р. Виттрам отвечает с достаточным основанием отрицательно: между царевичем и Швецией не возникло никаких связей и ничего не было сделано для их создания. Царь не остановился перед тем, чтобы сделать общезвестной связь сына с его любовницей; автор книги спрашивает, чем эти отношения отличались от любовных связей Петра. Государственный смысл требовал, по-видимому, морального уничтожения наследника. Его бегство, жалобы в Вене, ставшие известными всей Европе, очень повредили репутации Петра, и это усилило раздражение царя против сына. Но все это вопросы психологического порядка, социальную же характеристику группы лиц, пострадавших за царевича, автор дать не решается (II, стр. 384—386, 390). Расхождение было не социального порядка, а культурно-психологического, и без анализа глубоких личных противоречий здесь не обойтись. На основании материалов Венского архива Р. Виттрам утверждает, что любовница Алексея в своих показаниях во многом должна оговорила его. Письменные жалобы, якобы направленные им императору, не существовали. В царском манифесте от 3 февраля 1718 г. содержатся показания царевича о том, что импера-

¹³ «Очерки истории СССР. Указ. том, стр. 579.

тор обещал ему не только защиту, но и вооруженную поддержку для получения русского трона. Р. Виттрам считает, что общее политическое положение венского двора совершенно исключало такие далеко идущие обязательства. С 1716 г. Австрия воевала с Турцией, и эта война сковывала ее силы. В то же время началось испанское наступление на имперскую Сардинию, вынудившее венское правительство перестроиться для защиты своих итальянских позиций. Автор книги считает совершенно неправдоподобным, чтобы в период между ноябрем 1716 г. и октябрём 1717 г., между прибытием и отъездом царевича, в Вене могли думать об его насильственном воцарении и могли давать ему какие-либо обещания, хотя не исключается, что на него возлагались какие-то надежды (II, стр. 394). Это объяснение, осторожное и не выходящее за пределы наличной источниковедческой базы, можно разделить. Но вот оценка автором книги позиции высшего духовенства, к которому Петру обратился с предложением определить меру наказания наследнику, кажется нам неубедительной. Ответ, подписанный 14 высшими представителями духовенства во главе со Стефаном Яворским и Феофаном Прокоповичем, умалчивая о наказании, говорил о том, что подписавшие не могут выносить судебных приговоров, и заканчивался призывом к милосердию: «Сердце царево в руце Божией». Этот коллективный ответ говорит больше об испуге, неуверенности в царском решении и вообще о чиновной осторожности, чем о тех моральных качествах, которые находит в нем Р. Виттрам. Он считает ответ иерархов русской церкви «поразительно умным и достойным показателем церковной независимости, свободы от искальства и оппортунизма» (II, стр. 397). В условиях той зависимости церкви от государственной власти, которая была закреплена при Петре созданием Синода, о всех этих качествах иерархов русской православной церкви говорить не приходится. Вся дальнейшая ее история не подтверждает мысли автора книги. В данном случае ему, очевидно, импонировала форма, в которую была облечена пугливая мысль русского высшего духовенства.

Правильно, на наш взгляд, характеризует Р. Виттрам англо-русские отношения, когда отмечает, что выход эскадры адмирала Норриса в Балтийское море в 1720 г. был причиной отзыва русских галер, с которых совершались десанты на шведское побережье: столкновение с английской эскадрой было опасно для русского галерного флота и сопровождавших его кораблей (II, стр. 439). Одновременно для Швеции стало ясно, что демонстрация английского флота недостаточна для успешного выступления против сильных русских позиций в завоеванных областях и что на энергичное военное выступление Англии рассчитывать не приходится (II, стр. 440): Автор книги верно оценил общую международную ситуацию.

Он останавливается на специальном вопросе о различии, которое делалось русской дипломатией во время аландских переговоров между Ингрией и Карелией, с одной стороны, Лифляндией и Эстляндией, с другой, при определении их дальнейшего статуса. Думается, что автор преувеличивает, полагая, что русская власть учитывала исторические, этнические и правовые различия между некогда русскими вассально-воссоединенными землями и вновь завоеванными балтийскими провинциями. Вопрос заключается тут, вероятно, в чисто практических удобствах инкорпорации новых владений в состав Русского государства; едва ли правительство и сам Петр задавались вопросами теоретического плана, этническими или правовыми. Автор книги касается и гольштинского вопроса, получившего в последнее время отражение и в нашей литературе¹⁴. Он прав, считая, что династические притязания гольштинского герцога служили для русских дипломатов средством давления на шведов во время переговоров на Ништадтском конгрессе. Следует признать, что лишь после смерти Петра гольштинский вопрос приобрел в русской политике самостоятельное значение, осложняя решение ее насущных задач и ставя перед ней нереальные цели. Но сравнение дипломатической тактики царя с шахматной игрой, которое делает Р. Виттрам, представляется нам произвольным домыслом. Будто бы в трактовке политических фигур царь обнаруживал «увлечение и страсть хорошего игрока»; тут уже излишне увлекся сам автор книги, потому что холодный расчет и отчетливая целеустановка, как видно из его же работы, были именно свойством политики Петра, не свободной от ошибок, но далекой от увлечений азартного игрока (II, стр. 456).

Переходя к церковной и школьной политике Петра, автор книги говорит о всешутейшем соборе и других пародиях на церковные установления и обряды как о своеобразной форме раннего просветительства. Не отрицая сказанного им, надо, однако, признать, что грубые формы пародийной трактовки церковных обрядов, любимые Петром, невозможно объяснить иначе, как взаимным воздействием тенденций времени и неуемной, не сдерживаемой нравственными мотивами личности.

Р. Виттрам признает, что ни византийское влияние, ни протестантская теология не лежали в основе церковной политики Петра; ее определяла вся сила государственных задач, для решения которых он мог найти в протестантском мире наиболее удобные для него церковнополитические образцы (II, стр. 191).

Подробно излагает автор книги историю светской школы при Петре, общеобразовательной и специальной,— область, в ко-

¹⁴ См.: Г. А. Некрасов. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964.

торой, по его словам, как нигде, чувствовался разрыв со старым, внесенным секуляризацией. Признавая неудачу ряда мероприятий в этой области, Р. Виттрам говорит, что в последние годы жизни Петр сильнее почувствовал границы достижимого, чем в годы неутомимой преобразовательной деятельности и беззаботной импровизации. Это видно, отмечает автор, и в этом он прав, в осторожности, с какой было обставлено основание Академии наук (II, стр. 194—207). Отрыв университетских функций Академии от теологии соответствовал, по его словам, тенденциям времени, но в России он вытекал из истории и существа ее церкви. Этот разрыв не случаен, он сохранялся и впредь: когда в 1755 г. в Москве был открыт первый русский университет, в нем не оказалось богословского факультета (II, стр. 210). Это замечание автора книги интересно: лежащие в основе отмеченного явления факты говорят о слабости просветительной миссии русской церковной иерархии и об ее организационной и организующей слабости. На всем протяжении истории России с XVIII в. церкви принадлежала, как известно, в культурной сфере совершенно ничтожная роль, а возглавлявшему ее Синоду и того меньше. Самодержавие все больше оставалось наедине с тем же созданными институтами и учреждениями.

Утверждение связи между реформами и просветительской деятельностью Петра, с одной стороны, и европейским Просвещением с его верой в силу разума — с другой, заключает в себе зерно истины, но в том виде, как его преподносит автор, оно представляется нам преувеличенным. Сам автор книги многократно говорил о практических задачах, о государственном практицизме, направлявших деятельность Петра. Элементы Просвещения проникали, конечно, и в Россию, но определяющее их воздействие здесь трудно признать.

В полном согласии с сильнейшими импульсами начинающегося века Просвещения, пишет Р. Виттрам, Петр начал борьбу с суевериями, колдовством, верой в чудеса; на его собственных наблюдениях и впечатлениях утверждалось настойчивое стремление Петра очистить церковное вероучение от суеверных представлений и обмана. Вся законодательная деятельность Петра была проникнута желанием возвуждить сознательное сочувствие и сделать разум руководящей силой, считает Р. Виттрам (II, стр. 213—214).

Р. Виттрам касается интереса Петра к Востоку. Прикаспийские земли интересовали Петра, пишет он, как кратчайший путь в Бухару. Будто бы на персидской почве царь встретился с традицией Александра Великого: Христиан Вольф, посвятивший в 1723 г. Петру, «непобедимому императору», свою книгу «Разумные мысли о влиянии природы», почтил его напоминанием об Александре Великом (II, стр. 489—490). Но это уже

тенденции не Петра, а льстецов, ученых и неученых, которые всегда следуют за успехом.

Р. Виттрам прав только в том отношении, что мысль Петра (или, как он пишет, его «чувство пространства») простиралась от Балтийского моря до Тихого океана, прощупывая весь земной шар. После заключения мира с Персией он задумывал уже посылку эскадры на Мадагаскар¹⁵ для создания там станции на путях в Индию. Р. Виттрам ссылается при этом на К.-Э. Бэра, зоолога и путешественника, который в 40-х годах XIX в. в работе о «Заслугах Петра Великого в расширении географических знаний» писал о том, что устремление на Мадагаскар было гораздо менее авантюрным, чем решение ни в каком случае не отказываться от устья Невы, принятое за 20 лет до того, когда у России еще не было ни одного корабля на Балтийском море (II, стр. 491—492). Тут Р. Виттрам, однако, увлекается, потому что устье Невы было тесно связано с Россией и доступнее ей, чем Мадагаскар в 1723 г. Задаваясь вопросом, не перешел ли «великий император» в своей потребности в деятельности и своей нервной активности границы возможного, Р. Виттрам отказывается дать на это утвердительный ответ; он возражает немецкому автору Медигеру¹⁶, который считал, что Петр был слеп в отношении возможностей своего народа (II, стр. 615, прим. 38). Но тут мы уже выходим за пределы чисто исторических вопросов в область психологии и историософии, впрочем, тоже заслуживающих внимания историка.

В самом конце Р. Виттрам коснулся и очень интересной стороны деятельности Петра Великого, тех географических экспедиций, инициатива которых исходила лично от него и которые, будучи лишены всякой практической цели, носили чисто познавательный, научный характер. Это экспедиции Мессершмидта в Сибирь и Евреинова с Луизином на Камчатку и, наконец, знаменитый указ, данный царем незадолго до смерти в декабре 1724 г. Витусу Берингу, который привел к открытию пролива между Америкой и Азией (II, стр. 493).

Завершая работу, Р. Виттрам пишет уже несколько высокопарно о том, что с всемирно-исторической точки зрения, доступной современникам двух мировых войн и переворотов, можно сказать: Петр Великий принадлежит, конечно, столько же своему народу, как и миру (II, стр. 503).

Эти слова, видимо, объясняют тему исследования, выбранную

¹⁵ А. Заозерский. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом. В кн.: «Россия и Запад», т. I. Пг., 1923, стр. 91—102.

¹⁶ W. Mediger. Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrich des Grossen. Braunschweig. 1952.

трудолюбивым немецким историком, который успешно с ней справился.

Нам хотелось бы еще затронуть вопрос, может быть второстепенный, но вызвавший к жизни немалую литературу. Это — так называемое Завещание Петра.

Трезвый научный ум автора книги распознал фальшивку и в этом случае, как и в названных нами выше апокрифах — письме из-под Полтавы и послании Сенату с Прута. Надо сказать, что, как это свойственно твердым, несгибаемым представителям абсолютной власти, Петр Великий не обеспечил преемственности и соблюдения после его смерти политической традиции, сложившейся в России за первую четверть XVIII в. В русской истории это не последний, но и не первый случай ломки правительственной системы за смертью носителя верховной власти.

A. A. ИЛЮШИН

ПО ПОВОДУ КНИГИ
О НЕМЕЦКОЙ И ЧЕШСКОЙ ЖИВОПИСИ XV в.

Книга «Немецкая и чешская станковая живопись XV века», написанная венгерским ученым Яношем Вегом, доступна нашему читателю благодаря переводу на русский язык Андрея Копанева, опубликованному в издательстве Корвина (Будапешт, 1967). Прекрасно выполненные иллюстрации отражают богатство и ценность собраний средневековой алтарной живописи в будапештском Музее изобразительных искусств и эстергомском Христианском музее. Как иллюстрации, так и некоторые наблюдения автора, высказанные им в комментариях и во вступительном очерке, заставляют задуматься о характере немецко-чешских и шире — германо-западнославянских связей в области художественной культуры XV столетия. Предлагаемые нами замечания ни в какой мере не являются рецензией на названную книгу, достойную безусловного одобрения: скорее это «мысли по поводу».

Как правило, любители и поклонники древнерусской живописи сочувственно относятся к искусству южных славян, но настороженно и недоверчиво — к тем произведениям славян западных, близость которых к немецкой школе очевидна. «Немецкая икона»! В ней таится словно насмешка над великими византийскими традициями, оплодотворившими искусство древней Руси, Италии, кавказских и балканских народов. С традициями Византии связана целая художественная система. Характеризуя ее, мы говорим о духе возвышенной созерцательности, философской глубине, благородстве и изяществе пропорций, о символике в хорошем смысле этого слова. Достаточно, например, посмотреть на одну из лучших русских или сербских икон, — и эти (и многие другие, подобные им) определения сами собой всплынут в памяти.

И совсем другой мир открывается, когда всматриваешься в картину раннего Дюрера, в иконы XV в. в Музее польского

народного искусства в Кракове или перелистываешь иллюстрированные страницы книги Я. Вега. Велик соблазн резко противопоставить этот мир византийскому: вместо продуманной условности — «натурализм», вместо благородной символики — замысловатая, «хитроумная аллегоричность», вместо строгого единства, гармонической цельности — напряженная, болезненная фантастика, соединение несоединимого. И очень мало «святости»: трудно молиться на эти иконы, пребывать, глядя на них, в сфере чистого, отвлеченного созерцания, потому что они бьют по нервам, их натуралистическая достоверность снижает самую, казалось бы, высокую идею, а безудержность фантасмагорий, свидетельствующих об изощренном воображении художников, кажется мрачной и пугающей. В некоторых композициях подозревается даже что-то кощунственное, временами — страшное издевательское веселье. Все это относится не только к немецким иконам, но и ко многим западнославянским средневековым произведениям живописи на религиозные сюжеты.

А. Грищенко¹ считал отдельные проявления воздействия «немецких куншт» на наших мастеров неблаготворными для последних, и вообще о немецкой живописи отзывался неуважительно: «Немцы, совсем не способные в области живописи, построившие свое искусство либо на «веселом шуточном жанре», либо на рассудочных символах и представлениях...». Современные исследователи стремятся быть более объективными, но мнение о превосходстве византийской школы над немецкой манерой, пожалуй, не пересматривается. Интересно сопоставление, сделанное М. В. Аллатовым, двух произведений живописи конца XV в.— гравюры Дюрера «Иоанн проглатывает книгу» (сюжет Апокалипсиса) и фрагмента кремлевской иконы «Апокалипсис» с тем же Иоанном и книгой, которую держит ангел. «Дюрер слово в слово воспроизвел текст «Видений Иоанна». Ангел внушает ужас своим призрачным обликом, тело его одето в облако, ноги подменены мощными столбами. Иоанн действительно пытается проглотить книгу — все это придает этой сцене характер болезненной галлюцинации. Кремлевский мастер понимает текст в символическом смысле, как видение человеку неземной красоты. Стройный, женственно изящный ангел является Иоанну на фоне круглого ореола. Действие выражено через контраст между одной фигурой, которая гармонически вписывается в круг, и другой, которая пытается в него войти»².

Мы позволили себе столь длинную выписку, потому что такой метод сопоставления немецкой манеры и византийской (за-

¹ А. Грищенко Вопросы живописи. Русская икона как искусство живописи, вып. 4. М., 1917, стр. 242, 246.

² М. В. Аллатов. Этюды по истории русского искусства, т. I. М., 1967, стр. 178, см. также иллюстрации 124 и 128.

висимость кремлевского мастера от византийской школы не подлежит сомнению) весьма типичен. Несколько забегая вперед, заметим: если уж противопоставлять первоисток первоистоку, следует скорее говорить не о Византии и Германии, а о Византии и Нидерландах. Именно старонидерландская школа живописи, давшая истории мирового искусства таких гениальных мастеров, как Иероним Босх и позже, в XVI в.—Питер Брейгель старший, выработала художественную систему, резко противоположную византийской. В этом смысле немцы и западные славяне примерно так же зависят от Нидерландов, как Древняя Русь и южные славяне—от Византии.

Почему же именно Византия — Нидерланды? Ведь в средневековой Европе было столько смелых исканий, брожений, дерзаний в искусстве, великих художественных открытий, часть которых принадлежит французской, испанской, итальянской школам. Представителям этих школ удавалось создать такие новаторские композиции, которые никак не восходят к византийским основам, и в ряде случаев вообще с ними не соотносимы. И все-таки нет оснований считать эти новации «другим полюсом» по отношению к византийскому искусству.

Известно, что средневековая живопись была насыщена религиозными сюжетами. Поэтому на характер изобразительного искусства в значительной мере влияло то или иное прочтение «Священного писания». Для художника византийской школы характерно временами радостное и просветленное, временами же — серьезно-трагическое восприятие книг Нового Завета. Жизнеописание Христа, подвиги святых, скорбь Богородицы — все это можно толковать как грандиозную трагедию с катарсисом Христова воскресения. Собственно говоря, католическая Европа официально не предлагала иного восприятия Нового Завета: трагическое начало вполне ощутимо в архитектуре костелов, в поэтике обрядов. Но религиозная живопись на Западе представляла собой особый жанр, приближающийся к светскому. Порою трудно определить, является ли то или иное произведение иконой, или же это просто жанровая картина. В старонидерландской, немецкой, чешской, польской живописи картина-икона особенно подверглась светским влияниям, среди которых нужно выделить воздействие так называемого «народнокарнавального мироощущения».

Проблема карнавала, карнавального фольклора и насыщенного его мотивами индивидуального искусства блестяще исследуется на материале «Гаргантюа и Пантагрюэля» в книге М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле» (М., 1965). Естественно, что автор, анализирующий карнавальную литературу, не уделяет специального внимания карнавальной живописи; но вскользь он говорит и о ней, называя в этой связи нидерландцев Босха и Брейгеля (напомним, что Босху случалось писать

картины на религиозные сюжеты: например, «Испытание св. Антония»).

В какой мере и на каких основаниях можно говорить о «карнавальном» восприятии Евангелия,— восприятии, которое противостоит серьезно-трагическому пониманию? Для того, чтобы уяснить это, надо представить себе Христа в виде увенчанного-развенчиваемого карнавального короля, которому воздаются зловеще-шутовские лжепочести (терновый венец, земные поклоны перед ним, как перед «Царем Иудейским»), сочетающиеся с откровенными издевательствами (удары, плевки в лицо), и в таком ключе— с большей или меньшей убедительностью — истолковать все жизнеописание Христа. Живописец, которому открыт хотя бы малый уголок этой кощунственной концепции, уже не сможет творить ни в однозначно-трагическом, ни в просветленном духе.

И недаром сцены шествия на Голгофу, издевательства над Христом — то есть сцены наиболее карнавальные — увлекали именно художников старонидерландской школы, действовали особенно сильно на их фантазию. В московском Музее изобразительных искусств, в зале нидерландской живописи, есть картина М. Ситтова «Шествие на Голгофу». Согнувшись под тяжестью креста Христос, сопровождаемый веселыми и, кажется, нетрезвыми стражниками, идет на казнь. В руках одного из сопровождающих труба. Он играет на ней, и, кажется, вся композиция пронизана музыкальным ритмом: процессия идет в такт предполагаемым трубным звукам, чуть ли не приплясывая, а у Христа плечи и колени согнуты таким образом, что будто бы и он захвачен этим ритмом. Дух карнавала здесь весьма ощущим.

Для карнавального искусства характерна так называемая «гротескная концепция тела» (термин М. М. Бахтина). Она включает в себя целую систему образов разъятого тела, чудовищно-фантастического тела и т. д. В этом плане художникам дают благодатный материал фигуры дьяволов и в равной мере — фигуры мучимых святых. В книге Я. Вега интересна продукция картины Пахера «Сошествие во ад»: изображение дьявола, на чреве которого выросло еще одно отвратительное лицо — образ явно гротескный. Он варьируется и в польской живописи: аналогичные изображения черта, у которого из нижней пасти высывается омерзительный язык, равно напоминающий змею-искусительницу и фалл³.

По существу, гротескны и фигуры страдальцев-святых, с которых палачи сдирают кожу. Таков, например, св. Варфоломей (из собрания краковского музея): его кожа, с чертами лица

³ См. «Krakowska legenda Jana Jałmużnika». Napisał M. Walicki. Warszawa, 1966 (иллюстрации 17, 18).

и бородой на переднем плане, намотана на палку, а красное ободранное тело, с безбородым лицом и ореолом вокруг него, стоит на коленях, молитвенно сложив руки — через секунду оно будет обезглавлено. Такова, отчасти, св. Юлита на иллюстрации в книге Я. Вега. Кстати, эта иллюстрация дает основание уточнить название книги: картина «мученичество св. Юлиты» создана не немецким и не чешским мастером; это — краковская традиция, круг Яна Поллака.

Гротеск в таких произведениях сочетается с тщательной выписанностью деталей, с натуралистической точностью изображения. Фантастические существа вроде краковских чертей или ангела в облаке (упоминавшаяся гравюра Дюрера), у которого вместо ног — колонны, раздаивающиеся святые, невероятно искалеченный распятый разбойник, из тела которого вылезает прямо в когти черту лиллипутик-душа («Распятие» баварского мастера в книге Я. Вега, илл. 34) — все они словно списаны с натуры, причем живописцы будто бы старались запечатлеть все в мельчайших подробностях. Им, живописцам, уже не до «философии», не до высоких материй, не до символики: они выступают как «очевидцы» и как бы без всяких условностей показывают то, что «видели». Художнической техникой они владеют в совершенстве, и нет сомнений в том, что у них изображение полностью адекватно воображению. Вся система приемов служит утверждению достоверности невероятного.

Высшего, ни с чем не сравнимого мастерства в такого рода композициях достиг нидерландец Босх, использовавший как религиозные, так и светские сюжеты.

А. Грищенко высказывал мысль (несостоятельность которой теперь очевидна), что искусство французских импрессионистов нового времени в каком-то отношении продолжает традиции древнерусской иконописи. Если же искать в нашем веке последователей старонидерландской гротескной традиции, оплодотворившей в свое время искусство немцев и западных славян, то их мы скорее всего найдем среди сюрреалистов. В их натуралистических фантасмагориях (осознают они это сами или не осознают) чувствуется старонидерландская закваска, какая-то родственность с Боском, Дюрером, чешской и польской иконой. И не случайно, на наш взгляд, некоторые произведения таких связанных с сюрреализмом художников, как Сальвадор Дали и Марк Шагал, в сюжетном или функциональном отношении имеют религиозный смысл: достаточно вспомнить «Тайную вечерю» Дали, витражи в парижской синагоге работы Шагала.

Кроме старонидерландской, ни одна из средневековых школ живописи не дала таких образцов «сюрреализма», хотя отдельные начинания и попытки имели место. Выразителен в этом отношении, например, Люцифер Ботичелли. Но насколько же

этот Люцифер страшнее, гротескнее, выразительнее в «Божественной комедии» Данте, которую Ботичелли иллюстрировал! Образы гротескного тела, созданные писателями Италии, Франции, Испании, далеко не всегда удавались их соотечественникам-живописцам, в то время как средневековые Нидерланды выработали замечательную школу гротескной живописи.

Я. Вег неоднократно — и во вступительном очерке, и в примечаниях к иллюстрациям, подчеркивает близость немецких и чешских художников к живописи Нидерландов. Исследуемые им позы персонажей, «атрибуты страстей» наподобие натюрморта, отдельные специфические детали, по мнению автора, наглядно об этой близости свидетельствуют. При этом нидерландское направление охарактеризовано автором как натуралистическое.

Польский ученый М. Валицкий⁴ ассоциировал манеру краковского художника Хабершрака с манерой Босха, но, к сожалению, не разбил и не аргументировал свое наблюдение о сходстве этих мастеров.

По-видимому, проблема нидерландского влияния на средневековую живопись Германии и западных славян заслуживает специального, углубленного исследования. Мы не можем заранее предсказать выводы такого исследования, но нам кажется, что в свете этих выводов славяно-германские художественные связи должны будут рассматриваться с обязательным учетом старонидерландских традиций как важнейшего фактора.

⁴ M. Walicki. Malarstwo polskie XV wieku. Warszawa, 1935, str. 115.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и сообщения

<i>B. M. Турок</i>	
Проблема дуализма в русской дореволюционной историографии	7
<i>B. K. Волков</i>	
К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм»	25
<i>H. A. Соболева</i>	
Обращение пражского гроша в Центральной Европе	70
<i>M. H. Кузьмин</i>	
Школа и образование в Словакии и Закарпатской Украине в XIX—начале XX в.	88
<i>H. D. Ратнер</i>	
Отношение Пангерманского союза к борьбе вокруг указов о языках в Австрии в 1897—1899 гг.	116
<i>Ф. В. Недзельский</i>	
Динамизм Канта и научная мысль России в первой половине XIX в.	140
<i>B. D. Королюк</i>	
Классики немецкой литературы в московской ксилографии (Гете, Шиллер, Гейне)	160
<i>Ю. П. Муравьев</i>	
Советско-германские связи в области литературы и искусства в годы Веймарской республики	177
<i>Я. Д. Исаевич</i>	
Г. Ф. В. Юнкер и его описание Украины	201
<i>A. Ф. Носкова</i>	
Подпольное обучение в Польше в годы гитлеровской оккупации	209
<i>Г. Э. Санчук</i>	
Видукинд как идеолог восточной экспансии раннефеодального Немецкого государства	231
<i>M. H. Черных</i>	
Вклад Ю. Мархлевского и Р. Люксембург в развитие немецко-русских и немецко-польских литературных связей	246
<i>I. Франгеш (СФРЮ)</i>	
О некоторых особенностях романа М. Крлеки «Возвращение Филиппа Латиновича»	26
<i>L. H. Титова</i>	
Австрийские драматурги на сцене пражского Сословного театра в первой половине XIX столетия (Ф. Раймунд, И. Н. Нестрой)	278
<i>H. И. Хренова</i>	
Герцен о Гофмане	285
<i>A. B. Русакова</i>	
Т. Манн и русская литература (в поисках «нового гуманизма»)	295

Публикации и обзоры

A. И. Рогов

- «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны 313

Е. И. Смирнова

- Новые данные о поступлении в XVII в. немецкого художественного серебра в Кремлевскую сокровищницу 328

Г. А. Маркова

- Памятники дипломатических сношений России и Австрии в Оружейной палате Московского Кремля 338

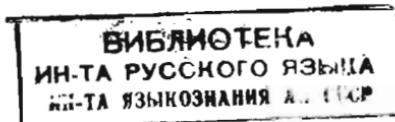
Рецензии

С. А. Фейгина

- Политическая и культурная жизнь России в начале XVIII в. в освещении западногерманского историка Виттрама 345

А. А. Илюшин

- По поводу книги о немецкой и чешской живописи XV в. 360

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
И ОТНОШЕНИЯ

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР*

*Редактор Т. Г. Иванова
Художник В. А. Назаров
Технический редактор Т. В. Алексеева*

Сдано в набор 6/V 1969 г. Подписано к печати 15/IX 1969 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 2. Физ. п. л. 23+13 вкл. Уч.-изд. л. 24,4.
Тираж 1400 экз. Т-13809. Тип. зак. 2235
Цена 1 р. 70 к.

*Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10*

1 р. 70-г.

МИНИСТЕРСТВО СОЛДАТ

1969

СЛАВЯНО-ТЕРМАНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ